

А.А. КЕРСНОВСКИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

МОСКВА «ГОЛОС» 1994

Сканировал и создал книгу - vtaankov

А.А.КЕРСНОВСКИЙ

**ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
АРМИИ**

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
1915–1917 гг.

МОСКВА «ГОЛОС» 1994

Редакционный совет:

АЛЕШКИН П. Ф. — председатель,
ТИМОФЕЕВ В. В., КОНОВКО А. В., КОПЦОВА В. В.,
МЕНЬКОВ А. Т., САВЧЕНКО В. В.,
ФОМИН И. Р., ФОМИНА Л. Р.

Публикация В. Хлодовского
Комментарии С. Нелиповича
Рисунки О. Пархаева
Оформление Н. Илларионовой

**Четырехтомник включен в Федеральную
целевую программу книгоиздания России**

К 4702010000—13
М 800(03)—94 подписное

ISBN 5-7117-0014-6
ISBN 5-7117-0059-6

© Оформление. Издательство «Голос», 1994

МИРОВАЯ ВОЙНА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

НАЧАЛО ВТОРОЙ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ

бескровленная, изможденная пятнадцатью месяцами необычайно тяжелой и неудачно сложившейся войны, русская армия заняла в октябре 1915 года линию сплошного фронта от Балтийского моря до румынской границы.

Начертание этого фронта было чисто случайное — войска зарылись в землю там, где остановились. А остановились они не там, где это было нам выгодно, — для этого Ставке еще весной не хватило стратегического чутья, — а где того пожелал неприятель.

Северный фронт пошел от моря по Двине, образуя на ее левом берегу плацдармы в Рижском районе у Икскюля, затем у Якобштадта и против Двинска. Затем он под прямым углом сворачивал к югу, в озерный район Восточной Литвы, где по широте Свенцяи сливался с Западным фронтом. Рижский район занимала 12-я армия, Якобштадтский — 1-я и Двинский — 5-я. 10 октября неприятель неожиданным

наступлением захватил Иллукст. Наш XIX армейский корпус понес в этом деле жестокие потери (до 10 000 человек, но ни одного орудия). 1-я стрелковая дивизия задержала дальнейшее распространение неприятеля.

Западный фронт пролегал по Минскому Полесью от Нарочи до Припяти. На свенцянском направлении находилась 2-я армия, на сморгонском — 4-я, на кревском — 10-я и на барановичском — 3-я армия.

От Припяти до Румынии тянулся Юго-Западный фронт. 8-я армия занимала Волынское Полесье, 11-я — Восточную Галицию, 9-я — Днестровско-Прутский район.

Наши важнейшие рокадные линии были перерезаны неприятелем, захватившим в конце августа и начале сентября главные железнодорожные узлы театра военных действий и оттолкнувшим многострадальные армии Западного фронта в совершенно бездорожный район. Утрачена была вся наша созданная с таким трудом стратегическая сеть железных дорог. Для стратегических перебросок приходилось пользоваться значительно более слабой и непригодной «экономической сетью» внутренней России и Московским железнодорожным узлом. Это печальное обстоятельство подсекало крылья стратегическому маневру, делало наши армии малоподвижными, а все их развертывание на новом и непредвиденном фронте — до крайности негнким.

* * *

В 137 пехотных и 35 конных дивизиях тысячеверстного фронта насчитывалось после отступления, как мы видели, всего 870 000 бойцов — еле третья часть штатного состава. Неприятель имел 113 пехотных и 21 кавалерийскую дивизии, тоже понесших большие потери. Во Франции оставалось 93 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. На Итальянском фронте действовало 22 дивизии, и, наконец, на Сербию навалились 24 пехотные и 1 кавалерийская дивизии. Россия приняла одна на себя удар половины сил коалиции Центральных держав, дав возможность Франции устроить артиллерию неслыханной мощи, а Англии — создать вообще свою сухопутную вооруженную силу.

В течение зимних месяцев в армию были влиты пополнения, и состав ее, несмотря на ежедневные потери позиционной войны, был к февралю 1916 года доведен до 1 800 000 строевых. Зимой влился срок 1916 года, а к весне и срок 1917 года, оживившие войска и повысившие

их качество. Считая с нестроевыми, этапами и прочими в Действующей армии на 1 февраля 1916 года считалось 80 633 офицера, 12 104 врача, 22 487 чиновников и 4 587 145 нижних чинов. В запасных частях состояло 1 545 000 человек. Сведений об офицерском составе запасных частей нет. Судя по всему, он показан в общем числе офицеров. В течение года должно было призвать примерно 1 600 000 человек (срок 1918 года, старшие сроки ополчения, переосвидетельствованные «белобилетчики»), после чего людской запас империи от 19 до 43 лет надлежало считать исчерпанным до призыва 800 000 новобранцев срока 1919 года в возрасте 18 лет.

Всю эту массу призванных нечем было вооружить, а главное — некому было обучить. Прибывшие пополнения оказывались совершенно непригодными к постановке в окопы после шестинедельного обучения, вернее «пребывания на довольствии» в запасных полках и батальонах. Позиционная война давала возможность обучать их в ближайшем тылу средствами самих же частей в сверхштатных «учебных» батальонах и командах.

За 20 месяцев войны Ставка, сосредоточившая в себе всю инспекторскую часть, не выпустила ни одного наставления, не проработала и частицы богатейшего опыта двух кампаний. При мобилизации в Барановичи, а оттуда в Могилев, попали чины Главного управления Генерального штаба — центральной нашей военной канцелярии, целыми десятилетиями не соприкасавшиеся с войсками, люди, собственно, даже не имевшие права считаться военными (например, Янушкевич). В вопросах боевой подготовки войск они были такими же невеждами и беспомощными младенцами, как и в стратегии. В марте месяце 1916 года — на двадцатом месяце войны — генерал-квартирмейстер Ставки Пустовойтенко был чрезвычайно удивлен «открытием», что авиационные снимки могут передаваться в виде планов.

Предоставленные самим себе, войска выработали собственные приемы обучения, подобно тому, как ценою крови и страданий выработали собственные навыки ведения боя. В разных дивизиях обучали по-разному, но, в общем, зимнюю выучку наших войск 1915—1916 годов следует считать отличной.

В строй вошли все дивизии 3-й очереди: 100-я по 113-ю, 115-я по 117-ю, 120-я, 121-я, 123-я по 125-ю пехотные и 4-я Кавказская стрелковая. Начаты формированием 126-я и 127-я пехотные дивизии.

Еще в конце лета на Западном фронте из пеших пограничных частей была сформирована Пограничная пехотная дивизия. Сформирована 7-я Туркестанская стрелковая дивизия на Западном фронте, и приступлено к формированию 8-й и 9-й Туркестанских стрелковых бригад для Кавказской армии. В то же время 6-я Туркестанская стрелковая бригада была расформирована, влившись частью (2 полка) в 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию, частью (1 полк) во 2-ю Заамурскую пехотную дивизию. К концу зимы на Юго-Западном фронте была сформирована 3-я Заамурская пехотная дивизия, составившая с 74-й пехотной дивизией новый ХLI армейский корпус в 9-й армии. На Северном фронте сформированы отдельный ХLII армейский корпус в Финляндии (106-я и 107-я пехотные дивизии) и ХLIII корпус в 12-й армии (109-я и 110-я пехотные дивизии), а на Западном — ХLIV корпус (1-я и 5-я стрелковые дивизии) в 10-й армии. Наконец в январе 1916 года был полностью воссоздан ХIII армейский корпус, направленный в 1-ю армию под Фридрихштадт. ХIII армейский корпус был развернут в значительной степени за счет XXXVII, при котором все время состояла 1-я бригада 1-й пехотной дивизии, восстановленная уже в январе 1915 года.

В коннице образованы были новые дивизии — 3-я Гвардейская (из Варшавской и казачьей бригад), Сводная кавалерийская (1-я бывшая Отдельная кавалерийская бригада и 1-я Заамурская кавалерийская бригада), Заамурская (3-й по 6-й Заамурские конные полки) и 6-я Донская казачья, а на Кавказском фронте — 4-я, 5-я Кавказские казачьи и 2-я Сводно-Кубанская. Сводная кавалерийская дивизия была образована еще в апреле 1915 года при III конном корпусе, Заамурская — летом 1915 года. Отметим, что 2-й Донской казачьей дивизии не существовало, а была 2-я Сводно-казачья.

На Кавказском фронте сформированы отдельные бригады: 3-я и 4-я Кубанские пластунские, Донская пешая, 1-я и 2-я Закавказские стрелковые бригады, 2-я и 3-я Забайкальские казачьи бригады.

Отдельный корпус Пограничной стражи почти что целиком включился в Действующую армию. Помимо Пограничной пехотной дивизии, на Юго-Западном фронте было сформировано 2 пограничных пехотных полка, а на Северном и Западном, при отходе из Царства Польского, 8 пограничных конных полков (носивших номера и наименования соответствовавших пограничных бригад и слу-

живших корпусной конницей). На Кавказе было сформировано 4 пехотных и 4 (затем 7) конных Кавказских пограничных полков.

1-я Петроградская Императора Александра III бригада сформировала 4 конных Петроградских дивизиона, 2-я Ревельская и 4-я Рижская — по 6 отдельных конных сотен, 5-я Горджинская, 6-я Таурогенская, 7-я Вержболовская, 9-я Ломжинская, 10-я Рыпинская — по одноименному конному полку, 12-я, 13-я и 14-я — образовали Калишский конный полк, 15-я и 16-я — Сандомирский, 17-я, 18-я, 19-я и 20-я — Томаповский конный, Проскуровский и Хотинский пешие, 26-я Карская, 27-я Эриванская, 28-я Елисаветпольская и 29-я Бакинская — по пешему и конному каждая. Остальные бригады формирований не производили.

Весной 1916 года на Северном фронте сформировано 6 Прибалтийских конных полков, на Кавказе — 4 конных Черноморских, а в крепостях — Свеаборге, Ревеле и Карсе — по два крепостных пехотных полка.

К марту месяцу в Действовавшей армии считалось 1 732 000 бойцов: 466 000 — на Северном фронте, 754 000 — на Западном и 512 000 — на Юго-Западном фронте. Распределение корпусов по армиям в зимнюю кампанию 1915—1916 годов (до мартовского наступления) было следующее:

Северный фронт генерала Рузского, Плеве и Куропаткина — XLII отдельный корпус генерала Гулевича, 12-я армия генерала Горбатовского — XLIII армия, VI Сибирский, XXXVII армейский корпуса и VII Сибирский в резерве; 1-я армия генерала Литвинова — XIII, XXVIII армейский, VI конный и II Сибирский в резерве; 5-я армия генерала Гурко — XIX, XXIX, III, XXI, IV, XIV армейские, I конный корпуса, 1-я и 2-я кавалерийские дивизии; резерв фронта — V Сибирский корпус.

Западный фронт генерала Эверта — 2-я армия генерала Смирнова — XXVII, XXXIV, XV армейские, I Сибирский, XXXVI армейские корпуса и в резерве V армейский и VII конный; 4-я армия генерала Рагозы — XX, XXVI армейские, III Сибирский, II Кавказский, XXXV армейский корпуса; 10-я армия генерала Радкевича — XXIV армейский, III Кавказский, I Туркестанский, XXXVIII, I армейские корпуса и в резерве XLIV; 3-я армия генерала Леша — XXV, Гренадерский, IX, X, XXXI армейские корпуса; резерв фронта — IV Сибирский корпус и резерв Ставки — I Гвардейский, II Гвардейский и Гвардейский конный

корпуса — держались на стыке Северного и Западного фронтов, за правым флангом 2-й армии.

Юго-Западный фронт генерала Иванова — 8-я армия генерала Брусилова — IV и V конные корпуса, XXX, XXXIX, XL и XXXII армейские корпуса и VIII корпус в резерве; 11-я армия генерала Сахарова — XVII, VII, VI, XVIII армейские корпуса; 7-я армия генерала Щербачева — XXII, XVI, II армейские корпуса, V Кавказский и II конный в резерве; 9-я армия генерала Лечицкого — XXXIII, XLI, XI армейский, III конный корпуса и XII армейский корпус в резерве. В резерве Юго-Западного фронта — ничего.

Силы неприятеля Ставка оценивала в 1 061 000 человек. Это корпение над проблематичным подсчитыванием неприятельских сил с точностью до десяти штыков и сабель представляет очевидный абсурд и чрезвычайно характерно для творчества могилевской Ставки и мелочно-кропотливой натуры генерала Алексеева. В военное время подобный подсчет «штыков и сабель» противника просто немислим: грубые ошибки неизбежны. Алексеев на основании каких-то ему одному известных теоретических выкладок определял австро-германские силы против нашего Юго-Западного фронта в марте месяце в «556 810 штыков и сабель». Из описания австрийского Генерального штаба мы видим, что их было до 750 000 (ошибка в 200 000, или 40 процентов) и только после массивной отправки в Италию — в мае — численность их понизилась до 650 000 (на 100 000 больше алексеевского расписания). До генерала Алексеева Янушкевич и Ю. Данилов вели подсчет на корпуса, что было хоть и примитивно, но все же более разумно. Единственно целесообразный способ — это вести подсчет на дивизии. А еще лучше — не считать врага, а бить его.

* * *

Артиллерия насчитывала примерно то же количество орудий, что в августе 1914 года — около 6600 легких и горных пушек и легких гаубиц. Тяжелая артиллерия учетверилась, будучи доведена с 240 до 960 орудий, но значительная часть ее (до двух третей к январю 1916 года, по данным Ставки) находилась в неисправном состоянии. Количество легкой полевой артиллерии не возросло, несмотря на формирование новых бригад и отдельных дивизионов при дивизиях 3-й очереди. Оно скорее даже несколько убавилось благодаря потерям, отдаче в ремонт и

переходу на 6-орудийный состав батарей. Количество полевых 48-линейных гаубиц оставалось примерно прежним.

Мортирные дивизионы корпусов вместо двух 6-орудийных батарей с октября 1915 года насчитывали три 4-орудийные. Формирование мортирных дивизионов XXXI по XLIV армейских корпусов шло чрезвычайно туго и было закончено лишь весной 1916 года.

3-дюймовые пушки образца 1900 года нашли себе применение в качестве противосамолетной артиллерии (специальной зенитной артиллерии у нас не было до самого конца войны) либо, укороченные, послужили «противоштурмовыми» — обычно 1—2 батареи на участок дивизии.

С ноября—декабря 1915 года у нас появилась траншейная артиллерия, и в течение зимы в каждом пехотном полку была сформирована бомбометная команда в 4, а затем в 6—8 легких бомбометов. Одновременно стали формироваться и минометные команды, существовавшие вначале не во всех дивизиях. К 1916 году у нас имелось в Действовавшей армии до 2000 бомбометов и 1200 минометов — втрое меньше австро-германских и впятеро меньше англо-французских норм.

На вооружении артиллерии Действовавшей армии состояло 59 различных образцов.

Снарядный голод миновал уже в августе 1915 года — с окончанием мобилизации местных парков. Переоборудование казенных заводов и увеличение их числа с 20 до 40 утроили к весне 1916 года нормы производства снарядов. За пять месяцев войны 1914 года ежемесячно выпускалось 123 000 снарядов к 3-дюймовым орудиям и 33 000 к 48-линейным гаубицам. За первое полугодие 1915 года ежемесячно по 548 000 3-дюймовых и 83 000 гаубичных снарядов, за второе полугодие — по 1 013 000 — 3-дюймовых и 134 000 гаубичных, и в 1916 году месячное производство составило по 1 602 000 легких и 317 000 гаубичных снарядов.

Руководимые академиками-артиллеристами — лучшими знатоками артиллерийского дела в мире — наши казенные заводы быстро и сноровисто делали огромное дело, удовлетворив на 70 процентов потребности Действовавшей армии в боевом снаряжении.

Полной противоположностью этой плодотворной деятельности казенных заводов была бестолковая шумиха и крикливая самореклама самозванных «помощников» Военного ведомства — Военно-промышленного комитета и Земско-городского союза, навязанных оппозиционной

общественностью растерявшемуся правительству. Эти организации поставляли всего 18 процентов общего количества снаряжения, но, располагая в России всей печатью и всеми ораторскими трибунами, убедили страну в том, что только они и работают на оборону, помимо правительства, а то и вопреки правительству. Этим создавалось в стране революционное настроение, что было главной целью этих «военно-промышленников» и «земгусар». Другой целью была нажива: ставки Военно-промышленного комитета в полтора, а то и в два раза превышали таковые же казенных заводов. 3-дюймовая шрапнель казенного производства обходилась в 10 рублей, а Военно-промышленного комитета — 15 рублей 32 копейки. 3-дюймовая граната соответственно — 9 рублей и 12 рублей 13 копеек. 48-линейная гаубичная шрапнель — 15 рублей и 35 рублей (133 процента наживы «общественности»!). 48-линейная граната — 30 рублей и 45 рублей. 6-дюймовая шрапнель — 36 рублей и 60 рублей. 6-дюймовая бомба — 42 рубля и 70 рублей. «Общественная поддержка» обошлась России дорого. Попутно достигалась и третья цель — уклонение от долга защиты Родины: свыше 150 000 молодых, здоровых, интеллигентных людей надежно и крепко окопалось в глубоком тылу.

Наконец, 12 процентов всей потребности Действовавшей армии удовлетворялось заказами из-за границы. Эти заграничные заказы поглотили несчетные миллиарды русских денег. Результаты совершенно не оправдали неосновательных надежд: союзники обслуживали в первую очередь свои армии, а промышленность нейтральных стран требовала продолжительных сроков приспособления. В условиях же почти герметической блокады России доставка снаряжения могла производиться через Полярный круг, Белое море (замерзающее на пять-шесть месяцев в году) и дальше от Архангельска по однокорейной линии. Оставался еще Владивосток, но пробег одного лишь поезда от Владивостока до Двинска требовал обслуживания 120 парами паровозов!

На русские деньги Англия и Америка смогли произвести без помех и заблаговременно всю мобилизацию своей гигантской промышленности. Русская армия никогда не увидела тех тысяч орудий и десятков тысяч пулеметов, за которые деньги были полностью внесены вперед — вместе с жертвенной русской кровью за общесоюзное дело... Эти тысячи орудий, оплаченных русским золотом и русской

кровью, гремели затем в строю англо-франко-американских армий в кампанию 1918 года...

* * *

Как бы то ни было, с артиллерийским снабжением дело обстояло сравнительно благополучно. Значительно хуже было с пехотным оружием.

Расход винтовок во много раз превзошел все предположения. Оружие убитых и раненых оставлялось на поле сражения, где и пропадало, оружие пленных доставалось неприятелю. Можно сказать, что пропадало столько винтовок, сколько убывало из строя солдат. В частях войск уход за оружием был небрежен, что влекло за собой частую порчу и поломки. Испорченное оружие в первые месяцы войны бросалось с легким сердцем: полагали, что раз винтовка — вещь казенная, то взамен сломанной должны прислать новую.

Изготовление винтовок подвигалось вперед медленно и не могло возместить и третьей части всего расхода. В мобилизованной армии 1914 года каждый из 4 600 000 призванных (кадровых и запасных) имел по винтовке, но склады и цейхгаузы были опустошены без остатка. В дальнейшем можно было рассчитывать только на 30 000 винтовок в месяц вплоть до переоборудования заводов, когда эта норма должна была сперва удвоиться, а затем утроиться, и на закупки за границей — главным образом в Японии — партии старых ружей.

С августа 1914 года по декабрь 1915 года было призвано 6 290 000 человек. На них оказалось 1 547 000 винтовок — по одной винтовке на четыре человека. Брошенные в 1915 году на фронт массы безоружных пополнений лишь снизили боеспособность армии, безмерно увеличив кровавые ее потери и неприятельские трофеи.

Осенью 1915 года в тыловых частях одна винтовка приходилась на десять солдат, а на фронте — на двоих. Особенно плохо обстояло дело на Северном и Западном фронтах, как понесших наиболее тяжелые потери при отступлении. В IX армейском корпусе 3-й армии, например, винтовки имели только первые батальоны полков. В январе 1916 года, по сведениям Ставки, в армиях Западного фронта из 754 000 строевых 268 000 — свыше трети всех бойцов — были безоружны. Можно смело считать, что из общего числа 1 732 000 бойцов лишь около 1 200 000 были вооружены. А так как каждый из сосчитанных генералом

Алексеевым 1 061 000 австро-германцев имел винтовку либо карабин, то следует допустить, что количество «штыков» в пехоте у нас и у противника было одинаково, при двойном перевесе неприятелей в легкой и четверном — в тяжелой артиллерии.

Было положено иметь по 16 пулеметов на полк (сформировав добавочные пулеметные команды Кольта) взамен 8, с которыми выступили на войну. Однако вследствие потерь, понесенных при отступлении, в армиях Северного и Западного фронтов наблюдался чрезвычайный некомплект этого главного вида пехотного оружия. В конце октября генерал Рузский донес в Ставку, что на 105 пехотных полков Северного фронта приходится только 503 пулемета. Полки 3-й очереди по формированию имели только по 4 пулемета или не имели их вовсе. Выручали австрийские Шварцлозе, переделанные под русский патрон, и, не в такой, правда, степени, германские Максимы (немцы были далеко не столь исправными поставщиками, как их союзники). В каждом нашем полку, помимо штатной пулеметной команды, имелась еще и сверхштатная, а то и две. На Юго-Западном фронте к весне 1916 года имелось в среднем около 30 пулеметов на полк. К северу от Полесья эту норму следует считать уменьшенной в два раза.

Зимой 1915/16 годов были сформированы в коннице полковые пулеметные команды — вначале по 4 пулемета вместо прежних дивизионных пулеметных команд по 8 пулеметов.

Всего в русской армии на второй год войны насчитывалось 35 различных систем ружей и карабинов. Были полки и даже роты, где на вооружении состояло два, три, а то и четыре различных образца.

С сентября месяца началось перевооружение пехоты Северного фронта японскими винтовками, затянувшееся до весны 1916 года (освобождавшиеся трехлинейные передавались Западному фронту). Наспех изданное наставление для стрельбы из японских винтовок допустило грубейшие погрешности, с исправлением которых Ставка ничуть не торопилась. Прицелы этих винтовок были нарезаны в японских мерах и японскими цифрами. Поправки к небрежному наставлению, своевременно составленные, были в Ставке положены «под сукно». Всю зиму 1915/16 годов наш Северный фронт стрелял в воздух, поверх голов неприятеля...

Очень плохо обстояли дела с материальной частью авиации, где Россия целиком зависела от заграницы. Союзники

Офицеры (1),
рядовой (3)
и унтер-офицер (4)
гвардейской
пехоты.

2. Рядовой
гвардейских
уланских полков.
5. Рядовой
Лейб-Гвардии

саперного
батальона.

присылали нам свои отбросы — хлам, на котором больше не желали летать их летчики. Их у нас называли не аппараты, а «препараты». Нужны были героизм, сноровка и высокая квалификация русских летчиков, чтобы оказать и на этих «препаратах» услуги родной армии.

При мобилизации 18 июля 1914 года были развернуты полки 2-й очереди:

53-я пехотная дивизия — 209-й Богородский, 210-й Бронницкий, 211-й Никольский, 212-й Романовский;
54-я — 213-й Устюжский, 214-й Кремлевский, 215-й Сухарецкий, 216-й Осташковский;
55-я — 217-й Ковровский, 218-й Горбатовский, 219-й Котельничский, 220-й Скопинский;
56-я — 221-й Рославльский, 222-й Красненский, 223-й Одоевский, 224-й Юхновский;
57-я — 225-й Ливенский, 226-й Землянский, 227-й Епифанский, 228-й Задонский;
58-я — 229-й Сквирский, 230-й Новоград-Волынский, 231-й Дрогичинский, 232-й Радомысльский;
59-я — 233-й Старобельский, 234-й Богучарский, 235-й Белебеевский, 236-й Борисоглебский;
60-я — 237-й Грайворонский, 238-й Ветлужский, 239-й Константиноградский, 240-й Ваврский;
61-я — 241-й Седлецкий, 242-й Луковский, 243-й Холмский, 244-й Красноставский;
62-я — 245-й Бердянский, 246-й Бахчисарайский, 247-й Мариупольский, 248-й Славяносербский;
63-я — 249-й Дунайский, 250-й Балтинский, 251-й Ставучанский, 252-й Хотинский;
64-я — 253-й Перекопский, 254-й Николаевский, 255-й Аккерманский, 256-й Елисаветградский;
65-я — 257-й Евпаторийский, 258-й Кишиневский, 259-й Ольгопольский, 260-й Брацлавский;
66-я — 261-й Ахульгинский, 262-й Грозненский, 263-й Гунибский, 264-й Георгиевский;
67-я — 265-й Вышневолоцкий, 266-й Пореченский, 267-й Духовщинский, 268-й Пошехонский;
68-я — 269-й Новоржевский, 270-й Гатчинский, 271-й Красносельский, 272-й Гдовский;
69-я — 273-й Богодуховский, 274-й Изюмский, 275-й Лебедянский, 276-й Купянский;
70-я — 277-й Переяславский, 278-й Кромский, 279-й Лохвицкий, 280-й Сурский;
71-я — 281-й Новомосковский, 282-й Александрийский, 283-й Павлоградский, 284-й Венгровский;
72-я — 285-й Мценский, 286-й Кирсановский, 287-й Тарусский, 288-й Куликовский;

73-я — 289-й Коротоякский, 290-й Валуийский, 291-й Трубчевский, 292-й Малоархангельский;
 74-я — 293-й Ижорский, 294-й Березинский, 295-й Свирский, 296-й Грязовецкий;
 75-я — 297-й Ковельский, 298-й Мстиславский, 299-й Дубневский, 300-й Заславский;
 76-я — 301-й Бобруйский, 302-й Суражский, 303-й Сенненский, 304-й Новгород-Северский;
 77-я — 305-й Ланшевский, 306-й Мокшанский, 307-й Спасский, 308-й Чебоксарский;
 78-я — 309-й Овручский, 310-й Шацкий, 311-й Кременецкий, 312-й Васильковский;
 79-я — 313-й Балашовский, 314-й Новооскольский, 315-й Глуховский, 316-й Хвалынский;
 80-я — 317-й Дрисский, 318-й Черноярский, 319-й Бугульминский, 320-й Чембарский;
 81-я — 321-й Окский, 322-й Солигалицкий, 323-й Юрьеvecкий, 324-й Клязьминский;
 82-я — 325-й Царевский, 326-й Белгорайский, 327-й Корсунский, 328-й Новоузенский;
 83-я — 329-й Бузулукский, 330-й Златоустовский, 331-й Орский, 332-й Обоянский;
 84-я — 333-й Глазовский, 334-й Ирбитский, 335-й Челябинский, 336-й Анапский.

Полк Офицерской стрелковой школы (2-батальонного состава).

Сибирские стрелковые полки:

12-я Сибирская стрелковая дивизия — 45-й, 46-й, 47-й, 48-й;

13-я Сибирская стрелковая дивизия — 49-й, 50-й, 51-й, 52-й;

14-я Сибирская стрелковая дивизия — 53-й, 54-й, 55-й, 56-й.

Полк Офицерской кавалерийской школы.

Кавказские туземные конные полки:

2-й Дагестанский, Кабардинский, Татарский, Чеченский, Черкесский, Ингушский (в 4 эскадрона).

Текинский конный полк (из Туркменского дивизиона — в 4 эскадрона).

Донские казачьи полки (2-й очереди):

18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й, 37-й, 38-й.

3-й очереди: 39-й, 40-й, 41-й, 42-й, 43-й, 44-й, 45-й, 46-й, 47-й, 48-й, 49-й, 50-й, 51-й, 52-й, 53-й, 54-й, 55-й, 56-й, 57-й и 58-й.

Кубанские казачьи полки:

2-й и 3-й Кубанские, 2-й и 3-й Таманские, 2-й и 3-й Екатеринодарские, 2-й и 3-й Полтавские, 2-й и 3-й Хоперские, 2-й и 3-й Запорожские, 2-й и 3-й Лабинские,

2-й и 3-й Уманские, 2-й и 3-й Кавказские, 2-й и 3-й Линейные.

Терские казачьи полки:

2-й и 3-й Кизляро-Гребенские, 2-й и 3-й Горско-Моздокские, 2-й и 3-й Сунженско-Владикавказские, 2-й и 3-й Волгские.

Астраханские казачьи полки: 2-й и 3-й.

Уральские казачьи полки: 4-й, 5-й, 6-й.

Оренбургские казачьи полки: 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й.

Сибирские казачьи полки: 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й.

Забайкальские казачьи полки: 2-й и 3-й Верхнеудинские, 2-й и 3-й Читинские, 2-й и 3-й Нерчинские, 2-й и 3-й Аргунские.

Уссурийский казачий полк (из дивизиона).

Кубанские пластунские батальоны: 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й.

Терские пластунские батальоны: 1-й и 2-й.

Артиллерийские бригады:

53-я, 54-я, 55-я, 56-я, 57-я, 58-я, 59-я, 60-я, 61-я, 62-я, 63-я, 64-я, 65-я, 66-я, 67-я, 68-я, 69-я, 70-я, 71-я, 72-я, 73-я, 74-я, 75-я, 76-я, 77-я, 78-я, 79-я, 80-я, 81-я, 82-я, 83-я, 84-я;

Сибирские артиллерийские бригады: 12-я, 13-я, 14-я;

Заамурские артиллерийские бригады: 1-я и 2-я;

Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион (из дивизиона 50-й артиллерийской бригады);

Отдельные тяжелые дивизионы: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й;

Донские казачьи батареи: 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я;

Кубанские казачьи батареи: 3-я, 4-я, 5-я, 6-я;

Терские казачьи батареи: 3-я, 4-я;

Оренбургские казачьи батареи: 3-я, 4-я, 5-я, 6-я;

Забайкальские казачьи батареи: 3-я и 4-я.

6-й Сибирский саперный батальон;

Железнодорожные батальоны: 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й;

Сибирские железнодорожные батальоны: 4-й и 5-й.

В конце 1914 года были сформированы: 3-я Кавказская стрелковая дивизия — 9-й, 10-й, 11-й и 12-й Кавказские стрелковые полки, 23-й Туркменский стрелковый полк, 3-й Кавказский стрелковый артиллерийский дивизион, 6-й Сибирский мортирный дивизион, Кубанские пластунские батальоны — 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й.

Весной 1915 года начато было формирование дивизий 3-й очереди, длившееся очень долго. 114-я, 118-я и 119-я, раньше всех готовые, погибли уже в августе 1915 года в Новогеоргиевске, так и не закончив своего

формирования. А 122-я была развернута только осенью 1916 года — уже после выступления Румынии — значительно позже всех.

Пехота (полки):

100-я пехотная дивизия — 397-й Запорожский, 398-й Нижне-Днепровский, 399-й Никопольский, 400-й Хортицкий;

101-я — 401-й Карачевский, 402-й Усть-Медведицкий, 403-й Вольский, 404-й Камышинский;

102-я — 405-й Львовский, 406-й Щигровский, 407-й Сарайский, 408-й Кузнецкий;

103-я — 409-й Новохоперский, 410-й Усманский, 411-й Сумской, 412-й Славянский;

104-я — 413-й Порховский, 414-й Торопецкий, 415-й Бахмутский, 416-й Верхне-Днепровский;

105-я — 417-й Луганский, 418-й Александровский, 419-й Аткарский, 420-й Сердобский;

106-я — 421-й Царскосельский, 422-й Колпинский, 423-й Лужский, 424-й Чудской;

107-я — 425-й Каргопольский, 426-й Поневежский, 427-й Пудожский, 428-й Лодейнопольский;

108-я — 429-й Рижский, 430-й Валкский, 431-й Тихвинский, 432-й Валдайский;

109-я — 433-й Новгородский, 434-й Череповецкий, 435-й Ямбургский, 436-й Новолодожский;

110-я — 437-й Сестрорецкий, 438-й Охтенский, 439-й Илецкий, 440-й Бугурусланский;

111-я — 441-й Тверской, 442-й Кашинский, 443-й Соснинский, 444-й Дмитровский;

112-я — 445-й Темниковский, 446-й Цнинский, 447-й Белгородский, 448-й Фатежский;

113-я — 449-й Харьковский, 450-й Змиевский, 451-й Пирятинский, 452-й Кровелецкий;

114-я — 453-й, 454-й, 455-й и 456-й пехотные полки, не успев получить наименований, погибли в Новогеоргиевске.

115-я — 457-й Корочанский, 458-й Суджанский, 459-й Миропольский, 460-й Тимский;

116-я — 461-й Зубцовский, 462-й Старицкий, 463-й Краснохолмский, 464-й Селигерский;

117-я — 465-й Уржумский, 466-й Малмыжский, 467-й Кинбурнский, 468-й Нарымский;

118-я — 469-й Арзамасский, 470-й Данковский, 471-й Козельский, 472-й Масальский;

119-я — полки получили свои наименования Высочайшим приказом от 21 августа 1915 года — через 15 дней после своей гибели: 473-й Бирючский, 474-й Иртышский, 475-й Касимовский, 476-й Змеиногорский; 120-я — 477-й Калязинский, 478-й Торжокский, 479-й Кадниковский, 480-й Даниловский;

121-я — 481-й Мещовский, 482-й Жиздринский, 483-й Обдорский, 484-й Бирский;
122-я — 485-й Еланский, 486-й Верхнемедведицкий, 487-й Дубровский, 488-й Острогжский;
123-я — 489-й Рыбинский, 490-й Ржевский, 491-й Варнавинский, 492-й Барнаульский;
124-я — 493-й Клинский, 494-й Верейский, 495-й Ковенский, 496-й Вилькомирский;
125-я — 497-й Белецкий, 498-й Оргеевский, 499-й Ольвиопольский, 500-й Ингульский (и при нем чехословацкая дружина).
126-я — 501-й Сарапульский, 502-й Чистопольский, 503-й Чигиринский, 504-й Верхне-Уральский;
127-я — 505-й Старокопстантиновский, 506-й Почаевский, 507-й Режицкий, 508-й Черкасский.
На формирование одной дивизии 3-й очереди шло обычно две бригады государственного ополчения. Кроме того, сформированы: пограничные пехотные полки: 1-й Рыпинский, 2-й Калишский, 3-й Рижский, 4-й Неманский и без номера Проскуровский и Хотинский.
Заамурские пехотные полки: 7-й, 8-й, 9-й, 10-й (3-я Заамурская пехотная дивизия).
Туркестанские стрелковые полки:
7-я Туркестанская стрелковая дивизия — 24-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й;
8-я Туркестанская стрелковая бригада — 29-й, 30-й, 31-й, 32-й (полки в 2 батальона);
9-я Туркестанская стрелковая бригада — 33-й, 34-й, 35-й, 36-й (полки в 2 батальона).
Кубанское казачье войско Сводной Кубанской дивизии пехотные полки: Екатеринославский, Ставропольский и Адагумо-Азовский (четвертому полку было присвоено имя Уруцкого либо Ейского).
Кавказские стрелковые полки:
4-я Кавказская стрелковая дивизия — 13-й, 14-й, 15-й, 16-й;
5-я Кавказская стрелковая дивизия — 17-й, 18-й, 19-й, 20-й;
6-я Кавказская стрелковая дивизия — 21-й, 22-й, 23-й, 24-й.
Закавказские стрелковые полки: — 1-й, 2-й, 3-й, 4-й.
Кавказские пограничные пехотные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й.
Крепостные пехотные полки: 1-й и 2-й Свеаборгские, 1-й и 2-й Ревельские, 1-й и 2-й Карские.
Конница:
Пограничные конные полки — 5-й Горджинский, 6-й Таурогенский, 7-й Вержболовский, 9-й Ломжинский, 10-й Рыпинский и без номера — Калишский, Сандомирский, Томашевский.

Кавказские пограничные конные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й.

Маньчжурский конный дивизион (бывший на Кавказском фронте).

Пограничные конные Петроградские Императора Александра III дивизионы: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й.

Прибалтийские конные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й.

Черноморские конные полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й.

Артиллерийские бригады: 100-я, 101-я, 102-я, 104-я, 105-я, 108-я, 109-я, 110-я, 111-я, 113-я, 115-я, 124-я, 125-я, 126-я, 127-я.

Пограничные: 3-я Заамурская, 4-я и 5-я Кавказские, 7-я Туркменская.

Отдельные артиллерийские дивизионы: 103-й, 106-й, 107-й, 112-й, 114-й, 116-й, 117-й, 118-й, 119-й, 120-й, 121-й, 122-й, 123-й;

Кавказский конно-горный пограничный дивизион;

Конно-горные артиллерийские дивизионы: 1-й и 2-й;

Конные батареи: 24-я и 25-я;

Тяжелые артиллерийские бригады: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я;

Отдельные mortarные дивизионы: Лейб-Гвардии 2-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й, 37-й, 38-й, 39-й и 40-й.

Саперные батальоны: 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й и 35-й.

СТРЫПА И НАРОЧЬ

В октябре, когда выяснилось катастрофическое положение Сербии, в районе Одессы была собрана 7-я армия в составе II, XVI и V Кавказских корпусов. Ее командующим (вместо генерала Никитина) был назначен генерал Щербачев, передавший 11-ю армию командиру XI армейского корпуса генералу Сахарову и пригласивший к себе начальником штаба генерала Головина — свою правую руку по академии.

7-ю армию полагали двинуть в Сербию походом. Был проект послать 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию из Архангельска в Салоники морем. Однако нейтральная Румыния воспрепятствовала ее проходу через свою территорию.

Тогда у Ставки возник план высадки на болгарском побережье. Но Щербачев не верил в десантные операции и отговорил Ставку от этого проекта. Государь пожелал

тогда направить 7-ю армию для овладения Константинополем, бывшим почти что без защиты. Но и этот проект встретил упорное противодействие генерала Щербачева.

Войска 7-й армии простояли в Бессарабии и на Херсонщине два месяца без всякой пользы. А между тем они могли решить участь всей войны и спасти не только Сербию от завоевания, но и саму Россию от наметившегося удешевления. Вторично Царьград и проливы ускользали от России — на этот раз по вине командования 7-й армии... Войска Щербачева решено было использовать в Галиции и наступлением Юго-Западного фронта облегчить положение сербов.

В Галиции со второй половины октября установилось затишье, царившее и на остальных театрах войны за исключением Балканского. Поздней осенью в армиях, расположенных в Полесье — 3-й и 8-й, — было приступлено к формированию партизанских отрядов из охотников кавалерии, артиллерии и казаков. Отсутствие сплошного фронта в этих лесистых и болотистых дебрях, тысячелетняя преданность России волинского населения сделали возможной партизанскую работу, чрезвычайно досадившую совершенно неопытным в этом деле немцам. Особенную славу стяжал здесь капитан Леонтьев — офицер той же 14-й артиллерийской бригады, что и Фигнер — воскресивший в волинских лесах подвиги Двенадцатого года. К сожалению, за свой самый блестящий успех — при Невеле — он заплатил жизнью.

31 октября капитан Леонтьев с тремя отрядами Оренбургской казачьей и 11-й кавалерийской дивизий общей силой в 450 человек, нагрянул на деревню Кухотскую Волю, где стояли на ночлеге 271-й резервный пехотный и 8-й резервный драгунский германские полки. Не успевший стать в ружье неприятель был вырезан без всякой пощады — в плен никого не брали. Нами взято и испорчено 2 орудия. Немцы похоронили до 2000 своих трупов, тогда как у нас было только 10 раненых. В ночь на 15 ноября с летучим отрядом в 800 шапек — казаков оренбуржцев, кубанцев, заамурцев 1-го и 2-го конных полков и всадников 11-й кавалерийской дивизии — Леонтьев нагрянул на Невель, где расположился штаб 82-й германской дивизии. Один германский генерал был зарублен, два (в том числе начальник 82-й дивизии) взяты в плен. Взято и испорчено 4 орудия, зарублено (по немецким же источникам) 600 немцев. У нас убито 2 казака, ранено 4 человека

и смертельно — капитан Леонтьев, получивший от Государя посмертно орден святого Георгия 3-й степени.

* * *

В последних числах ноября 7-я армия была выдвинута в расположение 11-й армии на Серете, включив в свой состав левофланговый ее XXII армейский корпус.

Наступление должна была начать 9-я армия генерала Лечицкого демонстративной атакой на Пруте, в Новоселицком районе. 7-й армии надлежало затем отбросить за Стрыпу Южную германскую, нанеся главный удар от Трембовли II армейским корпусом. Для развития прорыва с Северного фронта на Подолию была переброшена гвардия (I корпус, новообразованный II Гвардейский пехотный и Гвардейский конный корпуса), ставшая в резерве фронта у Волочиска.

Между штабами 7-й армии и Юго-Западного фронта сразу возникли серьезные трения. Щербачев и Головин давали чувствовать невежественному Иванову свое превосходство, а тот, в свою очередь, не пропускал случая показать «профессорам», что главнокомандующий — он. Технические средства, отпущенные фронтом на прорыв, были мизерные. У нас стреляло 428 орудий. На артиллерийскую подготовку, длившуюся целых десять дней, было отпущено всего 34 000 снарядов — слишком мало для сколько-нибудь серьезных разрушений, но достаточно для того, чтобы этой учащенной стрельбой привлечь внимание противника. Наша норма артиллерийской подготовки — 1 тяжелый снаряд на 3 сажени фронта, немецкая — 130. Своеобразное же понятие генералом Ивановым элемента «внезапности» (запрещение разведки) привело к тому, что войскам пришлось атаковать вслепую... Наступление, назначенное на 6 декабря, все откладывалось.

14 декабря атаковала 9-я армия, завязав 19-й и 32-й пехотными дивизиями упорные шестидневные бои в проволочных лабиринтах у Раранчи. Особенно отличились здесь полки 73-й Крымский, 76-й Кубанский и 126-й Рыльский, преодолевшие по 20—25 рядов заграждений. В делах у Раранчи нами взято 1850 пленных и 3 пулемета. Урон 9-й армии составил 21 975 человек.

15 декабря 7-я армия начала сближение с неприятелем, продвигаясь с Серета на Стрыпу. 16-го начались ее атаки — тяжелые бои в ненастную погоду и без шансов на успех. Слишком узкий фронт главной атаки II армейского корпуса

насквозь простреливался косым огнем противника. Штаб 7-й армии вводил в бой войска пачками, нисколько не согласуя их усилий. V Кавказский и II армейский корпуса атаковали без всякой связи. Растрепав зря эти два корпуса, генерал Щербачев бросил в атаку 3-ю Туркестанскую стрелковую бригаду, но мимолетный успех ее 26 декабря у Бобулинцев не был поддержан и развит. Операция была прекращена. Десять дней бессвязных и бессистемных атак не увенчались успехом. Войска сделали что могли, и, если крестный путь Сербии не облегчился, вина не тех русских воинов, что тысячами повисали окровавленными клочьями на оледенелой проволоке врага в те декабрьские дни на Стрыпе!

Сближение 15 декабря обошлось в 5000 человек, причем особенно пострадал V Кавказский корпус, бывший в эту операцию в составе 2-й и 4-й Финляндских стрелковых дивизий. Атаки 16-го по 19 декабря велись II армейским корпусом, причем V Кавказский топтался на месте. 26 декабря атаковала 3-я Туркестанская стрелковая бригада, захватившая 1500 пленных и 8 орудий (20-м полком), но не бывшая в состоянии развить успеха. Потери 7-й армии составили 24 828 человек, а всему Юго-Западному фронту декабрьская попытка наступать обошлась в 47 000 человек.

После этого неудачного наступления Ставка взяла назад войска гвардии. Из 8-й армии еще раньше был отправлен на север — в 10-ю армию — XXIV армейский корпус (замененный XXXII корпусом 9-й армии), а из 7-й армии — V Кавказский. Повинуясь настояниям западных союзников, Ставка обратила все свое внимание на север от Полесья. Юго-Западный фронт окончательно был признан второстепенным.

Январь и февраль прошли на всем театре войны спокойно. Единственным выдающимся событием здесь был исключительно смелый налет капитана Щепетильникова с колыванцами 27 февраля по уже вскрывавшемуся льду озера Нарочь. Ввиду начавшейся оттепели поставленные немцами на льду поперек озера Нарочь проволочные заграждения упали. Поверх льда проступила вода. Капитан Щепетильников взял с собой все команды 40-го пехотного Колыванского полка, коими он заведовал: 600 штыков при 16 пулеметах Кольта и 8 ружейных пулеметов. Выступили в темноте и, нагрянув на немцев врасплох, захватили четыре их батареи, приведя в полную негодность 14 орудий и взяв в плен 9 штаб- и обер-офицеров и

163 нижних чинов. Назад отошли под огнем, переходя по доскам через трещины во льду. Результаты могли быть еще значительнее, но начальник штаба 10-й пехотной дивизии сплеховал и не поддержал вовремя капитана Щепетильникова екатеринбургцами, как то было условлено. Наши потери составили около четверти всего отряда. Это дело надо поставить наравне с ледяным походом Багратиона на Аланд и с атакой Шелефтео 3 мая 1809 года по вскрывавшемуся льду Ботнического залива. Переход Нарочского озера в оба конца — туда в темноте, назад под огнем — велся по колено в воде, с постоянным риском провалиться в полыньи и трещины.

* * *

Давление союзников сказывалось все сильнее. Минотавры Согласия требовали все больших жертв. Когда императорское правительство в декабре 1915 года попыталось было возразить, что человеческие ресурсы России, на Западе казавшиеся «неисчерпаемыми», на самом деле подходят к концу, союзные правительства весьма недвусмысленно пригрозили приостановить снабжение нас военными материалами (за которые мы между тем платили вперед золотой валютой и по необычайно высокой расценке). Приходилось тянуться изо всех сил и призвать срок 1918 года, в то время, как во Франции призывался еще срок 1916 года.

Союзники не видели — и не желали видеть — разницы в хозяйственной структуре России и западноевропейских стран, где человека «на производстве» заменяла машина. У нас же призыв очередного срока новобранцев, очередной категории ополченцев вызывал незаживающую рану — истощал соки, которыми питалась страна.

В том же декабре Россию посетила французская миссия сенатора Думера. Речь шла не больше и не меньше, как об отправке во Францию 300 000 русских солдат — в смысле «20 000 тонн человеческого мяса» — без офицеров и вне всякого организационного кадра. Они должны были, подобно марокканцам, сенегальцам или ананамитам, составить особые ударные роты французских пехотных полков под командой французских офицеров. Автором этого остроумного предложения был какой-то Шерадам — публицист. При всей нашей дряблости и уступчивости этот чудовищный проект был отвергнут. Но французы все-таки настояли на отправке на их фронт русских войск (правда, в гораздо меньшем количестве и

с русскими же начальниками). Человек бюрократической складки, генерал Алексеев вместо отправки уже существовавших и сплоченных частей задумал формирование каких-то «особых стрелковых полков», целиком импровизированных либо надерганных из отдельных рот. В январе—феврале было сформировано и отправлено на Западный театр войны 3 «особые бригады» и намечено формирование в продолжение 1916 года еще 5.

1-я Особая бригада генерала Лохвицкого, отправленная через Сибирь, Маньчжурию, Индийский океан и Суэцкий канал, высадилась в Марселе в первых числах мая. 2-я бригада генерала Дитерихса отправлена была через Архангельск, Ледовитый и Атлантический океаны и высадилась в Шербуре. Из Франции она была отправлена на Салоникский фронт. 3-я бригада генерала Марушевского, высадившись в Шербуре, составила с 1-й дивизию под общим начальством генерала Лохвицкого.

Как бы то ни было, отношения между союзниками заметно ухудшились. Ничтожество Сазонова и явная несостоятельность назначенного нашим военным представителем на междусоюзных военных конференциях генерала Жилинского привели к тому, что интересы России стали игнорироваться. Первым военным авторитетом Согласия был победитель на Марне генерал Жоффри. Однако Жоффри совершенно не доставало тех качеств, которые нашлись у Фоша: желания понять союзников и широты кругозора, позволявших бы ему разобраться в сложной обстановке совокупности всех фронтов Мировой войны. Генерал Алексеев отводил душу в lamentациях, недостойных настоящего полководца.

Вот образец одной из таких lamentаций. В январе 1916 года генерал Алексеев писал генералу Жилинскому по поводу угроз Франции прекратить нам снабжение. «Заключение, что Франция, имеющая 2 200 000 бойцов, должна быть пассивной, а Англия, Италия и Россия должны «истощать» Германию, тенденциозно и не вяжется с грубым мнением Жоффра, что одна Франция ведет войну. Думаю, что спокойная, внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и стратегические нелепости безусловно необходима. Хуже того, что есть в отношениях, не будет. Но мы им очень нужны; на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимают с нас последнюю рубашку. Это ведь не условие, а очень выгодная сделка, но выгоды должны быть хоть немного обоюдны,

а не односторонни...» Посылая эти мудрые советы, безвольный Алексеев не отдавал себе отчета в том, что «внутренняя отповедь» союзникам — его дело, как ответственного главнокомандующего, а отнюдь не дело генерала Жилинского — инстанции подчиненной.

В высшем командовании произошло много перемен. С декабря по февраль Северным фронтом командовал генерал Плеве, заменивший болевшего генерала Рузского. Его 12-ю армию принял командир XIX армейского корпуса генерал Горбатовский, передавший свой корпус генералу Долгову. В марте 1916 года генерал Плеве скончался.

Еще осенью вместо отрешенного генерала Мрозовского командиром Гренадерского корпуса был назначен генерал Куропаткин, тщетно с самого начала войны добивавшийся какого-нибудь назначения и не получивший его при великом князе, неприязненно к нему относившемся. На посту командира корпуса генерал Куропаткин проявил совершенное непонимание большой европейской войны. Заботливый и деликатный Куропаткин был полной противоположностью грубому и черствому Мрозовскому. Со всем этим следует признать, что и в Мировую войну, как и в Японскую, он руководился тактическими масштабами туркестанских походов. Он задумал прорвать фронт противника без артиллерийской подготовки, ослепив немцев сильными прожекторами. В ночь на 10 января генерал Куропаткин приказал Киевскому и Таврическому гренадерским полкам, одетым в белые балахоны, ползти к проволочным заграждениям, а прожекторам «ослепить» сидевших в окопах напротив немцев. Кокандцы и бухарцы, пожалуй, были бы поражены такими «чудесами техники», но немцам прожектора были не в диковинку, и у них имелась артиллерия, что Куропаткин совершенно упустил из виду. Несколькими очередями немцы погасили наши прожекторы (осветившие заодно и наших гренадер на проволоке) и затем сильным огнем заставили нас отойти в исходное положение. Нелепая затея привела к бессмысленным потерям. В другой раз, наметив прорыв неприятельского фронта на участке 1-й гренадерской дивизии, он назначил для всей операции один батальон Несвижского полка... А в феврале месяце, когда генерал Плеве вынужден был покинуть Действующую армию по расстроенному вконец здоровью, генерал Куропаткин был призван — непосредственно из корпусных командиров — на должность главнокомандующего Северного фронта. Трудно сказать, чем руководствовался Император Николай Александрович,

призвав на ответственный пост заведомо непригодного деятеля. Во всяком случае, убитый под Мукденем Куропаткин скоро доказал, что его не стоило воскрешать.

В марте был отчислен главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов, столь неудачно распорядившийся декабрьским наступлением на Стрыпе. На его место был назначен генерал Брусилов, сдавший 8-ю армию командирю XII армейского корпуса генералу Каледину. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Саввич и командир XVI корпуса генерал Клембовский поменялись постами еще раньше.

* * *

1 февраля 1916 года в Шантильи, во французской Главной Квартире, состоялся междусоюзный военный совет, на котором было постановлено начать общее наступление на Восточном театре 2 (15) июня, нанося главный удар на Вильну, а на Западном — 18 июня (1 июля), нанося главный удар на Сомме. Фантастический проект генерала Алексеева о нанесении главного удара на Балканском театре был отвергнут генералом Жоффром, вообще недооценивавшим значение Балкан. Генерал Алексеев предлагал двинуть на Балканы не больше и не меньше как 16 корпусов — примерно треть нашей вооруженной силы. Союзники должны были тоже довести силы своего Салоникского фронта до 10 корпусов. Каким образом могли попасть на Балканы 16 русских корпусов, этот забавный проект не объяснял. Румыния еще в минувшем декабре отказалась пропустить через свою территорию русские войска, а к десанту сам генерал Алексеев относился враждебно. Оставалось перевезти эти 16 корпусов на аэропланах. Подобный стратегический лепет отнюдь не увеличивал престижа русской Ставки в глазах французского командования.

Принятое в Шантильи за четыре месяца вперед решение напоминало знаменитый аустерлицкий план Вейротера, по словам Наполеона, хороший в случае, если неприятель будет оставаться «неподвижным, как верстовые столбы». Противник, с которым пришлось в Мировую войну иметь дело союзникам, меньше всего походил на неподвижные веки. Уже 8 февраля немцы ринулись на Верден, положив начало восьмимесячной титанической войны.

Междусоюзный план кампании пошел прахом уже через неделю по его принятии. Помощь Франции потребовалась немедленно. 11 февраля в Ставке состоялось экстренное

совещание по этому вопросу. 21-го же числа представитель Франции генерал По — как Палеолог в августе 1914 года — передал настойчивую просьбу генерала Жоффра о помощи.

Ренненкампф и Самсонов именовались теперь Куропаткиным и Эвертом. В последних числах февраля был принят план комбинированного удара. На Северном фронте, где 1-я и 5-я армии поменялись местами, 5-й армии надлежало наступать от Якобштадта на Поневеж, а 1-й непосредственно содействовать своим левым флангом Западному фронту. 12-я армия не могла быть привлечена к наступлению ввиду полной ее непригодности. 12-я армия еще не закончила перевооружения японскими винтовками. Кроме того, почти что накануне (за три дня) предполагавшегося наступления выяснилось, что войска не имеют ножиц для резки проволоки.

На Западном фронте ударной армией была назначена правофланговая 2-я, которой было указано атаковать на Свенцяны—Вильно. Состав 2-й армии был доведен до 10 корпусов, и командовать ею было поручено командующему 4-й армией генералу Рагозе (командовавший 2-й армией генерал Смирнов эвакуировался).

Генерал Рагоза ввел в управление армией хаос импровизации. Он разделил совершенно ему незнакомые войска на три «группы», создав три совершенно ненужных промежуточных организма. На правом фланге образована была группа генерала Плешкова (I Сибирский корпус его самого, I армейский корпус генерала Душкевича и XXVII армейский корпус генерала Баланина). В центре — группа генерала Сирелиуса (IV Сибирский корпус самого Сирелиуса и XXXIV армейский корпус генерала Вебеля — генерал Скоропадский принял корпус только в конце 1916 года). На левом фланге — группа генерала Балуюева (III Сибирский корпус генерала Трофимова, V армейский корпус самого Балуюева и XXXV армейский корпус генерала Парчевского). В резерве: III Кавказский корпус генерала Ирмана, XV армейский корпус генерала Торклуса и XXXVI армейский корпус генерала Короткевича.

Генерал Рагоза разделял один из софизмов лееровской школы, в силу которого невозможно будто бы управлять более чем пятью единицами одновременно. Сентенция эта приписывалась Наполеону. Возникал вопрос, раз во 2-й армии количество «единиц» превышало сакраментальное число, не проще ли было бы перевести под Нарочь еще одно армейское управление.

Пришлось атаковать за три месяца до срока, бросить в бой еще необученные, неготовые войска, расстреливать еще ненакопившийся запас снарядов, наступать в озерно-болотистом районе, в весеннюю распутицу, когда пехота проваливалась выше колен в воду, а артиллерия при выстреле осаживала по ступицу колес!

5 марта началось десятидневное побоище, известное под именем «Нарочского наступления». Корпус за корпусом шел на германскую проволоку и повисал на ней, сгорал в адском огне германской артиллерии. Наша слишком малочисленная и слабая калибром артиллерия, вдобавок чрезвычайно неудачно сгруппированная, оказалась беспомощной против бетонных сооружений, войска увязали в бездонной топи. Полки Плешкова и Сирелиуса были расстреляны у проволоки и на проволоке. I Сибирский корпус прорвал было железной грудью мощные позиции 21-го германского корпуса, но, не поддержанный, захлебнулся в своей крови... Небольшой успех был только в группе генерала Балугева, где 8 марта V корпус выбил немцев из Постав. Беспросветная бойня шла во 2-й армии до 15 марта, пока, наконец, Ставка не приказала прекратить ее.

16 атаковавших у Нарочи русских дивизий 2-й армии лишились 90 000 человек (20 000 убитых, 65 000 раненых, 5000 без вести пропавших). В I армейском корпусе 22-я пехотная дивизия лишилась 8900 человек, в I Сибирском корпусе 1-я Сибирская стрелковая дивизия потеряла 7612 человек. Урон десяти дивизий X германской армии составил 10 000, в 9 раз меньше нашего. Распоряжение Ставки прекратить наступление спасло от избиения III Кавказский и XV армейский корпуса. Нашими трофеями 8 марта у Постав были 33 офицера, 1850 нижних чинов, 1 орудие, 35 минометов и бомбометов и 18 пулеметов. Для характеристики полководчества генерала Рагозы и его «групп» упомянем, что ежедневно в штаб 2-й армии поступало до 3000 (трех тысяч) всякого рода «входящих»!..

На Северном фронте генерал Куропаткин произвел 8 марта ряд безрезультатных наступлений. В 12-й армии дело ограничилось атакой VI Сибирским корпусом Куртенгофа. Войска 5-й армии — 5 дивизий из состава XIII, XXVIII корпусов и XXXVII армейского корпуса — безуспешно наступали 8-го по 12 марта от Якобштадта. По примеру генерала Рагозы генерал Гурко образовал здесь «группы» (генералов Гандурина и Слюсаренко) — и с тем же результатом. В 1-й же армии левобережный XIV корпус генерала Войшин-Жилинского, атакуя со 2-й армией, раз-

делил печальную участь войск Плешкова. Северный фронт лишился 60 000 человек — 10 000 в 12-й армии, 38 000 в 5-й армии и 12 000 в XIV корпусе 1-й армии (этот последний был усилен 40-й пехотной дивизией IV армейского корпуса).

Ни один германский батальон не был перевезен из России под Верден. Русским армиям это обошлось в полтораста тысяч человек — больше, чем к тому времени пало под Верденом французов... В своем обстоятельном труде «Верден», вышедшем 13 лет спустя, маршал Франции Петен не нашел ни одного слова памяти этих 150 000 русских офицеров и солдат. Более того. Поместив в 1929 году в известном еженедельнике «Иллюстрация» очерк Верденского сражения, маршал Петен и здесь игнорировал кровавую русскую жертву и подчеркнул, что французская армия первую помощь получила только три месяца спустя после начала Верденского сражения, в мае, и что эта помощь пришла... «от доблестного сопротивления итальянских войск австрийским атакам в Тироле». Почему именно от итальянских войск в Тироле, а не от японских пожарных или португальских бойскаутов — маршал не указывает.

* * *

Мартовская неудача катастрофически повлияла на обоих главнокомандующих — Куропаткина и Эверта. Они совершенно пали духом, и всякое наступление стало им казаться немыслимым. 1 апреля в Ставке состоялось под Высочайшим председательством совещание главнокомандующих фронтами относительно дальнейших действий в открывающуюся кампанию 1916 года. Генерал Куропаткин и генерал Эверт высказались за полную пассивность. При нашей технической нищете наступление должно было, по их мнению, закончиться неизбежной неудачей. Это мнение всецело разделил и приглашенный на совещание генерал Иванов.

Но тут заговорил новый главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Государь и Алексеев услышали мужественную речь солдата и полководца. Генерал Брусилов верил в русские войска и требовал для своего «пассивного» фронта наступательной задачи, ручаясь за победу. Он увлек за собой нерешительную Ставку и робких своих коллег, зажег верой (хоть и не надолго) уже потухшие их сердца.

После совещания Куропаткин подошел к Брусилову: «Охота была вам, Алексей Алексеевич, напрашиваться! Вас только что назначили главнокомандующим, и вам притом выпало счастье в наступление не переходить, а следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергаться неприятностям? Вы можете быть сменены с должности и потерять тот военный ореол, который вам удалось заслужить в настоящее время. Я бы на вашем месте всеми силами отрешивался от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении могут вам лишь сломать шею, а личной пользы вам не принесут». Куропаткин весь вылился в этих словах. Что можно сказать о таких военачальниках и можно было ли быть спокойным за будущее страны, участь которой вверялась в такие руки?

Решено было наступать 18-го (31 мая). Западные союзники, оставив для себя прежний срок 1 июля нового стиля, требовали в то же время от нас возможно скорейших действий — срок 15 июня нового стиля, указанный нам Жоффром в Шантильи, их больше не удовлетворял.

Юго-Западному фронту надлежало открыть кампанию демонстрацией из Ровненского района. Решительное же наступление должно было состояться к северу от Полесья. Западному фронту — нанести главный удар из Молодеченского района на Ошмяны и Вильну, Северному фронту — вспомогательный из Двинского района на Свенцяны. Эверту надлежало бить, Куропаткину — помогать, Брусилову — демонстрировать.

ЧЕТВЕРТАЯ ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА (БРУСИЛОВСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ)

Апрель и большая часть мая прошли в подготовке к решающему удару. Сборы Северного фронта были мешкотны. Куропаткин колебался, сомневался, теряя дух. Во всех его распоряжениях чувствовался ничем не обоснованный страх перед высадкой германского десанта в Лифляндии — в тыл Северного фронта. Прося все время усилить свои армии, генерал Куропаткин отправлял все посылаемые ему подкрепления (в общей сложности 6 пехотных и 2 кавалерийские дивизии) на охрану Балтийского побережья, ослабляя этим свою маневренную группу. Совершенно так же он накануне Мукденского сражения ослабил Маньч-

журскую армию на целый корпус, опасаясь несуществовавших «хунхузских полчищ» в Монголии. Видно было, что на широкую наступательную операцию главнокомандующий Северным фронтом так никогда и не решится.

Для психологии старших русских военачальников эпохи Японской и Мировой войн чрезвычайно характерны скептицизм к собственным десантным операциям и одновременно панический страх перед возможностью десанта противника. Составитель плана войны Ю. Данилов оставил целую 6-ю армию на финском побережье. Первая Ставка не желала слышать о десанте на Царьград, а в то же время выход немецких кораблей в море повергал ее в трепет. То же можно сказать про генерала Рузского и Куропаткина.

Сходно обстояли дела и на Западном фронте. Никогда ни один военачальник не работал столько, сколько работал генерал Эверт. Заваленный отчетами, таблицами, ведомостями, он в свою очередь засыпал войска бесчисленным количеством приказов, указаний, наставлений, стремясь обязательно все предусмотреть до последней мелочи. Генерал Эверт и начальник его штаба генерал Квецинский не умели мыслить иначе, чем по трафарету Французского фронта, стремясь с совершенно негодными средствами воспроизвести и так невысокие образцы Шампанской битвы сентября 1915 года. После неудачи мартовского наступления ими овладело отчаяние. Они видели, что то, что они делали, не годилось. Создать же свое, новое, найти выход из стратегического тупика, куда завела русские войска чужая мысль, они были не в состоянии. За суетливой работой штаба Западного фронта чувствовалась большая нервность, неуверенность в себе и в войсках. Сосредоточенных для удара на Вильну в Молодеченском районе 12 корпусов 2-й и 4-й армий — 480 000 бойцов против 80 000 неприятеля — уже казалось генералу Эверту недостаточным — он желал иметь по корпусу на версту фронта атаки! Чем ближе надвигался решительный срок 18 мая, тем более падал духом незадачливый главнокомандующий Западным фронтом. В последнюю минуту, когда все уже было готово, он вдруг переменял весь свой план и вместо удара на Вильну избрал почему-то удар на Барановичи, переводя на это направление штаб 4-й армии. Для переработки планов он просил две недели отсрочки — с 18 мая на 31-е и, едва лишь получив их, попросил новую отсрочку до 4 июня, опасаясь... неудачи в Троицын день! На этот раз рассердился даже покладистый Алексеев. Эверту приказано было наступать, не справляясь со святыми.

Совсем иное дело было на юго-западе. Сдавая фронт, генерал Иванов характеризовал свои армии «небоеспособными», а наступление в Галиции и на Волыни — «безнадежным». Генералу Брусилову удалось преодолеть инертность своих подчиненных (проникшихся было подобными взглядами бывшего своего начальника) и заставить их энергично приняться за дело. Каледин и Сахаров не ждали от наступления ничего хорошего. У более мужественных начальников — Щербачева и Лечицкого — проскальзывал скептицизм. Заминков, однако, не было никаких.

Идея, положенная генералом Брусиловым в основу плана наступления, была совершенно новой и казалась парадоксальной. Учтя полностью опыт неудавшихся наступлений и попыток прорыва сплошного фронта на Французском и Русском театрах войны, он отказался от сосредоточения в одном месте «кулака», всегда заранее обнаруживаемого неприятелем, и потребовал подготовки наступления по всему фронту, дабы держать в заблуждении противника. По той же причине он решил сократить затяжную артиллерийскую подготовку и дать больше места суворовской внезапности. Каждый командующий должен был атаковать в направлении, которое сам выберет. Эти смелые идеи, порывавшие со всеми принятыми доселе шаблонами, смутили было лишнего творческой интуиции генерала Алексеева. Он пытался было возражать — по своему обыкновению слабо — против этой «разброски сил», но, получив отпор подчиненного, смирился — тоже по своему обыкновению.

Главную роль генерал Брусилов отвел своему правому флангу — 8-й армии — как смежной с Западным фронтом, который должен был нанести врагу главный удар. Он все время помнил, что роль Юго-Западного фронта — второстепенная, и все свои стратегические расчеты подчинял выработанному в Ставке плану, сознательно принося в жертву главное направление своего фронта — Львовское, на котором стояла 11-я армия. Эту дисциплину стратегической мысли надо поставить ему в большую заслугу. В 8-ю армию он направил треть пехоты (13 дивизий из 38½) и половину тяжелой артиллерии (19 батарей из 39) всего фронта и указал ей направление на Ковель—Брест (указание смелое, если принять во внимание, что до Бреста было 200 верст, а в резерве армии и вместе с тем всего фронта — всего одна дивизия). Командовавший армией генерал Каледин решил нанести главный удар своим левым флангом в

лудком направлении превосходными войсками XI и VIII армейских корпусов.

В 11-й армии генерал Сахаров наметил прорыв от Тарнополя на участке своего левофлангового VI корпуса, командиру которого энергичному генералу Гутору он больше всего доверял. 7-я армия, против которой находился наиболее крепкий участок австро-германского фронта, была самой слабой, насчитывая всего 7 пехотных дивизий. Генерал Щербачев решил прорвать фронт врага там, где тактически это было легче всего осуществимо — на участке левофлангового II армейского корпуса у Язловца. Наконец, генерал Лечицкий положил сперва разделаться с неприятелем в Буковине, нанеся удар своим левым флангом (усиленный XI армейский корпус) в юго-западном направлении — к Карпатам, — а затем, обеспечив себя здесь, перенести удар на правый фланг, в Заднестровье.

Таким образом, Юго-Западный фронт намечал четыре отдельных сражения. Каждый командовавший армией выбрал направление для своего удара, ничуть не считаясь с задачей соседа. Все четыре армии наносили удар своими левыми флангами. Особенно досадно должен был сказаться разноречивостью в действиях 8-й и 11-й армий. Эта последняя должна была бы обратить все свое внимание на свой правый фланг, действовавший в соседстве с главным ударом 8-й армии на Луцк. Вместо этого генерал Сахаров все свои усилия направил на левое крыло, а своему правофланговому XVII корпусу приказал только демонстрировать.

Штаб Юго-Западного фронта не задавался целью связать воедино действия своих четырех армий. Генеральное сражение на юго-западе совершенно не входило в расчеты Ставки: оно должно было разыграться к северу от Припяти. Генералу Брусилову было указано «демонстрировать» — и только. Венцом и конечной целью этой своей «стратегической демонстрации» Брусилов наметил прорыв неприятельского фронта в четырех местах, рассчитывая этим в достаточной степени сковать неприятеля. Развития этих прорывов не должно было предвидеться, кроме разве Луцкого в 8-й армии — и то в зависимости от успеха главного наступления Западного фронта. Для Эверта «прорыв» был только средством к нанесению решительного удара. Для Брусилова он был целью, за которую его усилия не должны были идти.

Подготовка к прорыву была проведена юго-западными армиями выше всякой похвалы. Следует отметить как четкую организацию «огневого кулака» штабом 8-й армии,

так и поразительную тщательность к подготовке пехотного приступа, его «ювелирную отделку» штабом «профессорской» 7-й армии. Летчики нашей 7-й армии сфотографировали неприятельские позиции на всем протяжении фронта Южной германской армии. По этим снимкам были составлены подробнейшие планы, на которых были занесены все ходы сообщения и пулеметные гнезда. В тылу нашей 7-й армии были сооружены учебные городки, точно воспроизводившие намеченные для штурма участки неприятельской позиции. Войска учились на них заранее, чтобы затем быть в неприятельских окопах, как у себя дома. Штаб 7-й армии даже перестарался. Он утомлял войска поистине циклопическими и в значительной степени бессмысленными земляными работами по «инженерному наступлению». Один II армейский корпус открыл, например, на удивление потомству 12 000 кубических метров земли.

* * *

В ночь на 15 апреля X германская армия коротким ударом выбила из района Постов наш V армейский корпус, восстановив этим свое положение до нашего Нарочского наступления. Немцы отравили наши войска фосгеном, от которого маски старого образца не защищали. В этом неудачном деле мы лишились 130 офицеров, 10 697 нижних чинов, 6 орудий, 72 пулеметов. Артиллерия корпуса спасена от захвата штыками витебцев и колыванцев. Через двенадцать дней, 27-го числа, немцы атаковали XIV корпус на стыке 1-й и 2-й армий, но были отбиты.

В мае месяце две новоформированные дивизии — 123-я и 127-я — были с управлением V Кавказского корпуса отправлены на усиление Кавказского фронта, а одна — 126-я — дана Юго-Западному фронту, где составила со 2-й Финляндской XLV армейский корпус — единственный резерв генерала Брусилова. В то же время не входившая в состав корпусов 77-я и 100-я пехотные дивизии в Полесье были сведены в XLVI армейский корпус на крайнем правом фланге 8-й армии и Юго-Западного фронта.

Общая картина нашей вооруженной силы представлялась в следующем виде:

Северный фронт — генерал Куропаткин, начальник штаба генерал Сиверс, XLII отдельный корпус генерала Гулевича — в Финляндии, I, III армейские и усиленный V Сибирский корпуса — на лифляндском побережье в

резерве фронта. 12-я армия генерала Радко Дмитриева, начальник штаба генерал Беляев — XLIII армейский, VI Сибирский, XXXVII армейский корпуса и VII Сибирский корпус (в резерве) — в районе Риги. 5-я армия генерала Гурко, начальник штаба генерал Миллер — XIII, XXXVIII, XIX армейские корпуса и II Сибирский корпус (в резерве) — в районе Якобштадта. 1-я армия генерала Литвинова, начальник штаба генерал Одишелидзе — XXIX, XXI, IV, XIV армейские и I конный корпуса — в районе Двинска.

Западный фронт — генерал Эверт, начальник штаба генерал Квезинский. 2-я армия генерала Смирнова, начальник штаба генерал Соковнин — XXVII, XXXIV, XV армейские, I Сибирский, XXXVI армейский корпуса и V армейский корпус (в резерве) — в районе Нарочи. 4-я армия генерала Рагозы, начальник штаба генерал Юнаков — XX, XXIV армейские, III Сибирский, II Кавказский, XXXV армейские корпуса — в районе Сморгони. Обе армии нацелены на Вильну. За ними во второй линии XXIII армейский корпус в резерве фронта, I Гвардейский, II Гвардейский, IV Сибирский и Гвардейский конный корпуса в резерве Ставки. Левее 4-й армии — 10-я армия генерала Горбатовского, начальник штаба генерал Попов — XXIV армейский, III Кавказский, I Туркестанский, XXXVIII, XLIV армейский, VII конный корпуса — в направлении на Крево. 3-я армия генерала Леша, начальник штаба генерал Баиов — XXV, Гренадерский, IX, XXXI армейский и VI конный корпуса — в направлении на Барановичи.

Юго-Западный фронт — генерал Брусилов, начальник штаба генерал Клембовский, 8-я армия генерала Каледина, начальник штаба генерал Сухомлин, после генерал Стогов — IV конный, XLVI армейский, V конный, XXX и XXXIX армейский корпуса — на ковельском направлении; XL, VIII и XXXII армейские корпуса — на лудком направлении. XLV армейский корпус в резерве фронта. 11-я армия генерала Сахарова, начальник штаба генерал Шишкевич — XVII, VII, XVIII, VI армейские корпуса — в направлении на Дубно — Броды — Злочев (и дальше на Раву Русскую — Львов). 7-я армия генерала Щербачева, начальник штаба генерал Головин — XXII, XVI, II армейские корпуса — вдоль Стрыпы, II конный корпус (в резерве). 9-я армия генерала Лечицкого, начальник штаба генерал Санников — XXXIII, XLI, XII, XI армейские, III конный корпуса от Днестра до румынской границы.

Неприятельские силы располагались следующим образом:

Вдоль Двины сильная VIII армия Отто фон Белова против 12-й и 5-й армий. На двинском направлении — армейская группа Шольца против 1-й армии. На виленском направлении — X армия Эйхгорна — против 2-й и 4-й армий, XII армия Галльвица — против 10-й армии. Все эти силы составляли «группу войск Гинденбурга». Против нашей 3-й армии у Барановичей находилась «группа войск Леопольда Баварского» в составе IX армии самого принца и армейской группы Войерша. В Полесье — «группа войск Линзингена»: армейская группа Гронау против 3-й армии на Припяти, а все остальные силы против нашей 8-й армии — австро-венгерский конный корпус Гауэра, отдельный сводный австро-венгерский корпус Фата и IV австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда. В Галиции — «группа войск Бем Ермолли» — I австро-венгерская армия генерала Пухалло и II самого Бем Ермолли — против нашей 11-й армии, Южная германская графа Ботмера — против нашей 7-й армии и VII австро-венгерская армия Пфланцер Балтина — против нашей 9-й армии.

«Группа войск Леопольда Баварского» была подчинена Гинденбургу, имевшему титул «главнокомандующего на Востоке». Войска же Линзингена и Бем Ермолли, действовавшие против нашего Юго-Западного фронта, подчинялись австро-венгерской Главной Квартире (эрцгерцог Фридрих, фельдмаршал Конрад).

Всего к северу от Припяти мы собрали для решительного удара 106 пехотных и 26 конных дивизий против 49 пехотных и 8 кавалерийских дивизий неприятеля, а к югу — в армиях генерала Брусилова — состояло 39 пехотных и 13 конных дивизий для демонстративных наступлений на равносильного противника, имевшего 38 очень сильных пехотных и 11 кавалерийских дивизий.

15 мая австро-венгры (снявшие ранней весной 9 дивизий с русского фронта) перешли в энергичное наступление в Италии, нанеся в Тироле итальянцам сильное поражение. Итальянский главнокомандующий генерал Кадорна обратился за помощью к генералу Алексеву, король Виктор Эммануил телеграфно умолял Императора Всероссийского. Зная вассальную зависимость русской Ставки от западных союзников, Кадорна обратился к генералу Жоффру, прося его подействовать на генерала Алексева для ускорения русского наступления. Генерал Жоффр отнесся к этому несочувственно — дело непосредственно не касалось Фран-

ции, значит, можно было позволить русским действовать так, как того могли требовать русские интересы. Кроме того — и это было главное, — скороспелое русское наступление не могло облегчить положение Французского фронта в такой степени, как наступление, хорошо подготовленное.

Генералу Брусилову было поэтому предписано ускорить переход в наступление, не дожидаясь подхода в 8-ю армию V Сибирского корпуса с Северного фронта. Русская карета скорой помощи опять понеслась на спасение очередного союзника.

* * *

На рассвете 22 мая гром двух тысяч орудий от Припяти до Прута возвестил славу русского оружия.

В это утро атаковали наши 11-я армия генерала Сахарова и 9-я армия генерала Лечицкого. 23 мая перешла в наступление 8-я армия генерала Каледина, а 24-го и 7-я армия генерала Щербачева, дольше других ведшая артиллерийскую подготовку.

Успех сразу же превзошел все ожидания, и 25 мая армии Юго-Западного фронта подарили России победу, какой в Мировую войну мы еще не одерживали.

Правофланговая 8-я армия атаковала 23 мая. Генерал Каледин ввел в бой 12 пехотных и 7 кавалерийских дивизий — 170 000 бойцов с 582 орудиями против 12 пехотных и 4 кавалерийских дивизий — 160 000 бойцов и 766 орудий («группы войск Линзингена» — отдельных корпусов Гауэра, Фата и IV австро-венгерской армии).

Тяжелая местность — сплошные болота — чрезвычайно затрудняла бои и делала невозможным использование сосредоточенной в ковельском направлении конной массы в 5 дивизий — 15 000 пик и пашек IV конного корпуса генерала Гилленшмидта и V конного корпуса генерала Вельяшева. Генерал Брусилов имел в виду стремительным наскоком IV конного корпуса по воде, трясинам и колючей проволоке захватить Ковель — важнейший узел сообщения в тылу врага. Невозможные местные условия и наличие в Полесье сильнейших групп Гауэра и Фата совершенно не принимались им в расчет. Генерал Гилленшмидт — начальник храбрый без опрометчивости — видел на месте всю невыполнимость этого плана. 23-го, 24-го и 26 мая он пробовал наступать совместно с войсками XLVI корпуса генерала Истомина, в боях у Рафаловки и Костюхновки не добился особенного успеха и

имел мужество не исполнить категорические, но неосновательные требования штаба фронта.

В корпусе Гауэра — Польский легион (3 пехотные бригады) и 3 кавалерийские дивизии — 17 000 бойцов с 85 орудиями. В корпусе Фата — 2 пехотные дивизии — 27 000 бойцов и 105 орудий. В боях у Костюхновки были разбиты поляки. У Рафаловки отличилась 16-я кавалерийская дивизия генерала Володченко (черниговские гусары взяли батарею лишь месяц спустя, 23 июня у Волчецка).

В направлении на Ковель атаковали XXX армейский корпус генерала Зайончковского и XXXIX корпус генерала Стельницкого. Упорными трехдневными боями им удалось отбросить за Стырь левый фланг армии эрцгерцога — 2-й австро-венгерский корпус. В боях 23 мая в XXXIX корпусе особенно отличился 407-й пехотный Саранский полк, взявший 3300 пленных (в том числе 1000 германцев) и 8 пулеметов.

Если в ковельском направлении нами был одержан только тактический успех, то в луцком — на путях главного удара — нас ждала полная победа.

Блистательным прорывом XL корпус генерала Кошталевского растерзал в боях 23-го и 24 мая у Жорнища и Олыки центр IV австро-венгерской армии — 10-й армейский корпус, тогда как VIII армейский корпус (где генерала Вл. Драгомирова временно замещал генерал Булатов) нанес полное поражение правофланговому сводному корпусу генерала Шурмая. Во 2-й стрелковой дивизии генерала Белозора особенный успех имели 5-й и 6-й полки, открывшие XL корпусу путь на Олыку и Луцк. В 4-й стрелковой дивизии генерала Деникина первым прорвал все шесть линий неприятельских позиций 3-й батальон 13-го стрелкового полка капитана Тимановского, будущего начальника Марковской дивизии.

8-го стрелкового полка прапорщик Егоров с десятью разведчиками, скрытно пробравшись в тыл противнику, заставил положить оружие упорно дравшийся венгерский батальон и сам 11-й взял в плен 23 офицера, 804 нижних чина и 4 пулемета, отразив еще при этом конную атаку неприятельского эскадрона.

Эрцгерцог отвел свою разбитую армию на Стырь, и здесь 25 мая она была окончательно разгромлена. В этот день наша 14-я пехотная дивизия форсировала Стырь у Круп, а Железные стрелки генерала Деникина ворвались в Луцк. 56-й пехотный Житомирский полк, на которого

был возложен штурм Круп, вначале не мог одолеть могучее предместное укрепление. Штаб VIII корпуса распорядился прислать подкрепление. Услыша об их подходе, офицеры и солдаты отказались от поддержки: «Нас будут выручать? Житомирцы сами постоят за себя!» Дружным ударом взяли они оплот врага, захватив при этом 67 офицеров, 2000 нижних чинов и 13 пулеметов. Луцк взял 16-й стрелковый полк.

В то же время левофланговый корпус 8-й армии — XXXII генерала Федотова — имел многотрудные бои с цепко державшимся на реке Икве левым флангом 1-й австро-венгерской армии. Генерал Каледин подкрепил его своим единственным резервом — XIV армейским корпусом генерала Лайминга. 25 мая войска 105-й пехотной и 2-й Финляндской дивизий форсировали Икву в боях у Дорогостая и Торговицы. 23 мая в 101-й пехотной дивизии полки 401-й Корневский и 402-й Усть-Медведицкий потеряли одними только убитыми 35 офицеров. 24 мая эти же полки захватили 2000 пленных. В 105-й пехотной дивизии отличился у Дорогостая 420-й пехотный Сердобский полк, взявший 4 орудия, а 6-й Финляндский полк Свечина форсировал Икву у Торговицы по горящему мосту, повторив бессмертное дело павловских гренадер под Клястицами и взяв 2000 пленных. Штаб 8-й армии плохо разбирался в обстановке, иначе он подкрепил бы не свой левый фланг, а свой центр — XL корпус, имевший наибольший успех и наибольшие возможности.

В Луцком сражении 23-го по 25 мая войсками 8-й армии было взято 45 000 пленных, но только 66 орудий. Трофеи 8-й армии в Луцком сражении составили пленные 922 офицера, 43 628 нижних чинов, 66 орудий, 71 миномет и бомбомет и 150 пулеметов. Львиная доля добычи — половина пленных и две трети орудий — приходится стрелкам XL корпуса. Неприятель показал свой урон в 82 200 человек — 51 процент всего состава войск Ливзингена (10-й корпус потерял свыше 80 процентов). Наш урон в 8-й армии составил: 417 офицеров и 32 957 нижних чинов убитыми и ранеными — 20 процентов общей численности. А между тем большая часть неприятельской артиллерии — без малого 300 пушек и мортир — и все штабы, начиная со штаба IV армии — давились нам в руки, оставшись без прикрытия за гибелью либо бегством пехоты. Но вся наша конница оказалась где-то в ковельских болотах, и некому было пожать плоды победы... На луцком направлении оставалась одна 12-я кавалерийская

дивизия, но генерал Каледин запретил ей преследовать разбитого врага. Генерал Каледин держал 12-ю кавалерийскую дивизию за VIII армейским корпусом, тогда как главный успех и возможность конного наскока представлялись в XI корпусе. Став высшими начальниками, Брусилов и Каледин перестали быть кавалеристами.

Начальник 12-й кавалерийской дивизии барон Маннергейм просил разрешения преследовать разгромленного и бежавшего неприятеля, потерял время и получил отказ. Будь на его месте граф Келлер, он без всякого спросу давно был бы во Владимире Волынском, а эрцгерцог Иосиф Фердинанд — в штабе Каледина!

Штаб Юго-Западного фронта совершенно не отдавал себе отчета в размерах и значении лудской победы. Ставка смотрела не на Брусилова, а на Эверта. И связанный ее директивами генерал Брусилов смотрел не на Лудку, а на Ковель — не на Деникина, а на Гилленшмидта. Командовавший же 8-й армией генерал Каледин не чувствовал пульса боя. Он придерживал рвавшиеся вперед, чуввшие скорую и полную победу войска, подравнивал их, не смел преследовать, все время оглядывался на штаб фронта и неумело израсходовал резервы.

Корпусные командиры не были на высоте своих войск. Старик Кашталинский в XI корпусе сказал себе «ныне отпускаеши». Он получил победу, большего не желал и, видно, страшился дальнейших успехов и ответственных решений, так и оставшись, несмотря на лудскую победу, побежденным при Тюренчене. В VIII корпусе сказывалось отсутствие энергичного и талантливого Б. М. Драгомирова. Его заместитель генерал Булатов получил на несколько дней совершенно незнакомые ему войска, сам будучи уже назначен командиром I армейского корпуса на Западном фронте, и при таких условиях не мог сделать много. Командир же корпуса XXXII генерал Федоров разменялся на мелочи, терял время, шел ощупью и упустил возможность ударить в открытый левый фланг 1-й австро-венгерской армии...

26 мая генерал Брусилов предписал Каледину придерживаться победоносные центральные корпуса 8-й армии — XI и VIII — и подравнять по ним отставшие флаги. Штаб Юго-Западного фронта отказывался от использования Лудского прорыва: это использование не входило в его расчеты. Внимание генерала Брусилова было поглощено ковельским направлением, как того требовал план Ставки, наметивший почему-то главный удар на Западном фронте.

Свечин полагает — и, по-видимому, с большой долей вероятности, — что Брусилов заранее страшился возможности неприятельского удара от Ковеля во фланг атаковавшей от Луцка 8-й армии, помня, как уже однажды — в сентябре 1915 года — подобное наступление группы Герока сорвало первую Луцкую операцию. Брусилов не желал поэтому зарываться за меридиан Луцка — на Владимир Волынский и дальше на Раву Русскую, не разделившись предварительно с Ковелем. Это предположение вполне приемлемо, особенно если не упускать из вида, что Юго-Западному фронту надлежало только содействовать Западному.

В боях 26-го и 27 мая правофланговые корпуса 8-й армии имели тактические успехи в ковельском направлении. В XLVI корпусе они были невелики, зато XXX корпус форсировал Стырь, а XXXIX взял Рожище. Центральные — XL и VIII — были «придержаны» после своей блестящей победы.

На левом крыле войска XLV и XXXII армейских корпусов прорвали фронт I австро-венгерской армии в дубненском направлении. Дружным ударом 2-й Финляндской и 101-й пехотной дивизий был истреблен 18-й австро-венгерский корпус и 28 мая взят Дубно. При взятии Дубна особенно отличился 401-й пехотный Корневский полк. Трофеи наши в боях 28 мая составили 110 офицеров и 5000 нижних чинов пленными. Чрезвычайно посредственное руководство генерала Федотова не использовало всех блестящих возможностей стремительного прорыва наших войск и полной разрухи неприятеля. Оба эти левофланговые корпуса были вслед за взятием Дубна переданы в 11-ю армию.

Остается пожалеть, что генерал Брусилов не перенес в эти решительные дни свой командный пост ближе к полю сражения — в штаб 8-й армии либо даже в непосредственный тыл главной ударной группы своего фронта — XL и VIII корпусов. На месте он лучше отдал бы себе отчет в размерах победы и степени разгрома неприятеля. Тогда бы он принял, быть может, то полководческое решение, что дало бы нам выигрыш кампании, а быть может, и войны. Система «командных постов», широко принятая в армиях французской и германской, позволяла командующему армией (либо группой армий) быть в личном контакте с исполнителями на местах, сохраняя в то же время постоянную связь с высшей инстанцией — штабом группы (либо Главной Квартирой). Наши уставы и положения этой системы не предусматривали. Подкрепив

победоносный XL корпус резервным XLV, переведя сюда быстро V конный и бросив его с 12-й кавалерийской дивизией на Владимир Волынский, он окончательно стер бы с лица земли IV армию врага и вслед за тем вывел бы из строя Австро-Венгрию...

* * *

Командовавший 11-й армией генерал Сахаров перешел в наступление уже 22 мая после 8-часовой артиллерийской подготовки — самой кратковременной на всем фронте. 11-я армия развернула 8½ пехотные и 1 конную дивизии — 15 400 бойцов и 382 орудия — против превосходного в силах неприятеля — 157 000 бойцов и 614 орудий — I, II австро-венгерской армии и левого фланга Южной германской армии, насчитывавших 9 сильных пехотных и 2½ кавалерийских дивизий.

Удар VI армейского корпуса генерала Гутора пришелся по самому сильному месту неприятельского фронта — левофланговому 9-му корпусу Южной армии, усиленному германцами. В упорных боях 22-го по 27 мая у Воробьевки он понес большие потери и не имел успеха.

На правом фланге 11-й армии нашему XVII корпусу противостояли: правый фланг 18-го австро-венгерского корпуса I армии, группа генерала Козака и 5-й австро-венгерский корпус II армии (этот последний, правда, слабого состава) — 3½ пехотных дивизий против двух наших. В центре нашему VII корпусу противостоял 4-й австро-венгерский корпус. На левом фланге против VI корпуса — усиленный 9-й австро-венгерский корпус, имевший 253 орудия против 120 наших. Нашему XVIII армейскому корпусу противостояла 48-я германская дивизия с почти равной по силе артиллерией (74 орудия против наших 84). Командир VI корпуса генерал Гутор руководил боями, раненный незадолго до наступления. Корпус потерял половину своего состава — 198 офицеров и 14 711 нижних чинов убитыми и ранеными. Особенно пострадала 16-я пехотная дивизия, где Казанский полк лишился всех своих офицеров на высоте «369». В 4-й пехотной дивизии заслуживает внимания отличная работа наших и бельгийских броневых автомобилей. Трофеи были невелики, составив около 1300 пленных, 3 орудия, 25 минометов и бомбометов и 15 пулеметов. Весь урон свой при Воробьевке австрийцы показали в 54 офицера и 2875 нижних чинов — в пять раз меньше нашего.

Зато на правом фланге армии, в демонстрировавшем XVII корпусе, 3-я пехотная дивизия генерала Шольпа имела блестящий успех у Сопанова, овладев 22-го по 23 мая сильнейшими позициями и прорвав фронт на стыке I и II австро-венгерских армий. 25-го было сокрушено бешеное наступление двух дивизий левого фланга Бем Ермолли, и только бездарность командира XVII корпуса генерала Яковлева, упустившего момент ввести в дело приданную его корпусу Заамурскую конную дивизию, помешала нам овладеть всей неприятельской артиллерией.

Вся I австро-венгерская армия состояла из 18-го армейского корпуса, усиленного 7-й австро-венгерской кавалерийской дивизией и бригадой ландштурма — 61 000 бойцов и 232 орудия, по большей части ввязавшихся в бой с XXXII корпусом. Во II австро-венгерской армии слева направо (от нашего правого фланга к левому) были развернуты: группа генерала Козака, 5-й и 4-й армейские корпуса — 82 000 бойцов и 308 орудий. Удар 3-й пехотной дивизии пришелся по стыку этих двух армий — в правый фланг 18-го австро-венгерского корпуса. Обращает на себя внимание исключительно красивая наша группировка. 3-я пехотная дивизия занимала фронт в 20 верст. Генерал Шольп собрал все силы в кулак у Сопанова на фронте в 2 версты, а на остальном фронте — 18 верст — оставил одни дозоры. До Сопановского дела такая четкая группировка была за двести лет применена только один раз — князем Михаилом Голицыным 14 февраля 1714 года у Лаппо, когда из 8000 человек 7500 были направлены в обход шведской армии графа Армфельдта.

В боях 22-го по 23 мая особенно отличились полки 10-й Новоингерманландский и 12-й Великолуцкий. Трофеями 22-го и 23 мая были 190 офицеров, 7600 нижних чинов, 5 орудий, 58 минометов и бомбометов и 38 пулеметов. В тяжелом бою 25 мая наш 9-й пехотный Ингерманландский полк полковника Сапфирского схватился с пятью австро-венгерскими полками и отразил их. Неприятельская артиллерия — 80 орудий — взяла на передки и бежала врассыпную, преследуемая надрывным криком победителей: «Кавалерию сюда! Кавалерия, вперед!...» Но генерал Яковлев еще накануне 24-го увел заамурских конников куда-то в глубокий резерв, считая, что в образовавшееся «окно» конница не сможет проскочить. Урон неприятеля в сопановских боях составил, по самому осторожному подсчету, 17 000 человек. У нас

убыло 6000 человек (за прорыв 22—23 мая только 1500, остальные при отражении врага 25-го).

Видя неудачу своего главного удара и удачу демонстрации, генерал Сахаров решил развить Сопановский прорыв и обратил, наконец, внимание на свое правое крыло.

29 мая в состав 11-й армии, как мы видели, были включены XLV и XXXII армейские корпуса, только что разгромившие I австро-венгерскую армию на Икве и взявшие Дубно. Генерал Сахаров начал с того, что «придержал» их, не доходя до следующего за Иквой рубежа — реки Пляшевки, чтобы «дать возможность подравняться» XVII корпусу... В действиях штаба 11-й армии в эти дни — в делах у Воробьевки, Сопанова и за Дубном — чувствовалась какая-то растерянность и неуверенность. Генерал Сахаров больше всего занимался «подравниванием». Подобно своему соседу Каледину и начальнику Брусилову, он не отдавал себе отчета в размерах одержанной его войсками победы, нервничал и жаловался на «слишком быстрое продвижение» 8-й армии. Левофланговые корпуса этой последней и были приданы ему вследствие этих жалоб, и, получив их, Сахаров остановил великолепный прорыв дубненских победителей, подобно Каледину, задержавшему победителей лущих...

* * *

7-я армия генерала Щербачева перешла в наступление 24 мая после 45-часовой артиллерийской подготовки — позже всех. Ей предстояло сокрушить самый крепкий участок неприятельского фронта при наличии у противника более чем двойного превосходства в артиллерии. Генерал Щербачев развернул 7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии — 143 000 бойцов при 326 орудиях — против 9 пехотных и 1 кавалерийской дивизий — 138 000 человек и 710 орудий Южной германской армии. Против нашего правофлангового XXII корпуса — корпус генерала Гофмана (не «брест-литовского», а австрийского), против центрального XVI корпуса — 6-й австро-венгерский корпус и против левофлангового «ударного» II корпуса — 13-й. Оба последних переданы графу Ботмеру из VII армии Пфланцера.

Язловецкое сражение было разыграно Щербачевым и Головиным как по нотам. Прорыв II армейского корпуса генерала Флуга удался блестяще. Позиции у Язловца, считавшиеся германцами неприступными (и модель которых была выставлена в Берлине и Вене), были сокрушены

туркестанскими стрелками 3-й дивизии, поддержанными справа 26-й, слева 43-й дивизиями. 13-й австро-венгерский корпус был сброшен в Стрыпу. В 3-ю Туркестанскую дивизию переданы 20-й и 21-й полки расформированной 6-й дивизии (3-й и последний полк которой — 22-й — включен во 2-ю Заамурскую пехотную дивизию). Туркестанцами под Язловцом взято за 24-е и 25 мая в плен 235 офицеров и 9700 нижних чинов.

25-го атаковал центральный XVI корпус генерала Савича, опрокинув 6-й неприятельский, а 27-го — и XXII корпус барона Бринкена, где финляндские стрелки разделились с корпусом Гофмана. 7-я армия форсировала Стрыпу всеми своими тремя корпусами. Преследовать разбитого врага был брошен II конный корпус — и тут 9-я кавалерийская дивизия прославилась геройской атакой укрепленной неприятельской позиции у Порхова. Эта атака — на мощную позицию и 15 рядов колючей проволоки — завершила разгром 13-го корпуса. 2-я австро-венгерская кавалерийская дивизия, дравшаяся в пешем строю, была изрублена не изменившей коню русской кавалерией. Киевские гусары захватили 2 орудия. За Порховское дело командир 9-го уланского Бутского полка полковник Савельев награжден орденом святого Георгия 3-й степени, а командир 9-го драгунского Казанского полка полковник Лосьев помимо ордена святого Георгия 4-й степени получил еще небывалую для штаб-офицера награду — французскую военную медаль, которой по статуту награждаются только командующие армиями.

С 28 мая противник, воспользовавшись выдвинутым положением XVI армейского корпуса, повел сильные атаки на открытый его правый фланг у Бучача. 41-я пехотная дивизия повесила большие потери и отошла. В последовавших боях это встречное наступление графа Ботмера было генералом Щербачевым отражено. Правофланговый XXII армейский корпус, продвинувшись за Стрыпу, атаковал 3-й Финляндской стрелковой дивизией прорывавшегося неприятеля во фланг, тогда как 47-я пехотная дивизия XVI корпуса опрокинула его встречными ударами у Гниловод и Бобулинцев. К 4 июня положение в 7-й армии было полностью восстановлено, но генерал Щербачев прекратил дальнейшее продвижение, не желая зарываться с недостаточными силами. Австро-германцы очень искусно выбрали момент своей контратаки, используя оплошность штаба XVI корпуса. Вся артиллерия этого корпуса меняла позиции, и стрелять могли только три пушки из общего

числа 103. В боях 2-го по 4 июня у Гниловод и Бобулинцев прославился 4-й полк 9-й кавалерийской дивизии — 1-й Уральский казачий полк полковника Бородина, блестящей конной атакой у Гниловод 2 июня захвативший 24 офицера и 1600 нижних чинов (в том числе 400 германских егерей), 3 орудия и 2 пулемета. Полковник Черноярский со 185-м пехотным Башкадыкларским полком взял 126 офицеров, 4423 нижних чинов, 4 орудия, 2 миномета и 30 пулеметов, а 188-й пехотный Карский полк полковника Петрова — 80 офицеров, 4500 нижних чинов, 3 орудия и 6 пулеметов. В XXII корпусе отличились 9-й и 10-й Финляндские стрелковые полки. Всего за всю операцию генералом Щербачевым с 24 мая по 4 июня взято 900 офицеров, 37 000 нижних чинов, 41 орудие, 25 минометов и 180 пулеметов.

* * *

В 9-й армии генерал Лечидский влил XII корпус, не имевший пока командира, в XI корпус графа Баранцева, доведя его состав до 4 дивизий. Усиленный XI корпус на левом фланге армии должен был нанести главный удар в черновицком направлении, XLI корпусу генерала Бельковича в центре надлежало способствовать ему энергичной демонстрацией на Онут, а правофланговый XXXIII корпус генерала Крылова в долине Днестра оставлялся пассивным. Всего в 10 пехотных и 4 кавалерийских дивизиях 9-й армии насчитывалось до 180 000 бойцов при 489 орудиях.

Защищавшая Буковину VII австро-венгерская армия генерала Пфланцер Балтина насчитывала 7 пехотных и 4½ кавалерийских дивизий — в общей сложности до 130 000 строевых и 548 орудий. Нашему XXXIII корпусу противостояла группа генерала Ходфи (1 пехотная и 1 кавалерийская дивизии), XLI корпусу в центре — группа генерала Бенигги (3 пехотные и 3 кавалерийские дивизии), а против нашего XI корпуса был 11-й же австро-венгерский корпус генерала Корда (3 пехотные и ½ кавалерийские дивизии).

22 мая 9-я армия перешла в наступление. XLI корпус имел большой тактический успех при Онуте, а XI корпус — при Черном Потоке. Но в боях 23-го и 24-го наступление захлебнулось: высота «458» — ключ Буковины — осталась в руках неприятеля. В боях 22-го и 23 мая особенно отличилась 3-я Заамурская дивизия, взявшая Онут и Окню, а в XI корпусе 11-я и 32-я пехотные дивизии у Баламутовки

и Ржавенцев. Было взято 12 800 пленных (из них 7000 заамурцами), 14 орудий и 18 пулеметов. Неприятель лишился до 25 000 человек, но и наш урон составил 98 офицеров и 12 300 нижних чинов убитыми и ранеными. Приостановив наступление и произведя перегруппировку, Лечицкий рванул неприятеля 28 мая, введя в дело и XXXIII корпус.

В этот день — в Доброноуцком сражении (что для австрийцев «Окненский прорыв») — он растерзал Пфланцер Балтина, разорвав его армию пополам и отбросив группу Корда на юг, к Пруту, а Ходфи и Бенигни — на запад, в Заднепровье. Главный удар на высоту «458» повела 32-я пехотная дивизия генерала Лукомского. Саму высоту и Доброноуц взял 126-й пехотный Рыльский полк полковника Рафальского. Краткая реляция на статутные награды рисует нам картины боев в этот славный день 28 мая. Раненые офицеры 9-го и 10-го Заамурских пехотных полков приказывали нести себя впереди атаковавших цепей и испускали дух на неприятельских орудиях. В 11-й пехотной дивизии полковник Батрапец с Охотским полком кинулся на два венгерских полка, разметал их и взял одним ударом 100 офицеров и 3800 нижних чинов в плен. Впереди Камчатского полка шел начальник 11-й пехотной дивизии генерал Бачинский. В 12-й пехотной дивизии раненые офицеры Днепровского полка отказывались от перевязок «до победы», иные, получив по три и четыре раны, продолжали идти вперед. Командир Одесского пехотного полка полковник Корольков повел свой полк на проволоку на коне. Одесцы захватили 26-й австро-венгерский полк. Огнем 500 орудий, подготовивших решительную атаку 28 мая, руководил полковник Кирей. Всего в Доброноуцком сражении 28-го по 31 мая нами взяты 1 генерал, 3 полковых командира, 754 офицера, 37 852 нижних чина, 49 орудий, 32 миномета и бомбомета и 120 пулеметов. Урон неприятеля дошел до 70 000 человек — наш составил около 14 000 человек.

Холмы Буковины стали свидетелями бессмертного подвига капитана Насонова, с горстью конноартиллеристов атаковавшего и захватившего батарею врага при Заставне и повторившего подвиг Никитина под Красным и Арнольди при Денневице. Видя уходившую батарею неприятеля, командир 2-й батареи 1-го конно-горного дивизиона полковник Ширинкин посадил всю прислугу и ездовых своей батареи на коней и кинулся преследовать неприятеля. Сам он с 60 конноартиллеристами изрубил остатки неприятельского батальона, пытавшегося спасти свою батарею, а его

старший офицер капитан Насонов с 20 остальными взял наперерез, догнал неприятеля, изрубил и перестрелял сопротивлявшихся и взял всех остальных — 3 офицеров, 83 нижних чина, 4 орудия и 6 зарядных ящиков с заприжками. Это была 3-я батарея 5-го австро-венгерского артиллерийского полка. Что бы тут сделала кавалерия, да еще с таким вождем, как граф Келлер!.. Но генерал Лечицкий упустил драгоценную возможность использовать стратегически свою конницу и дал III конному корпусу пассивную задачу обеспечивать левый фланг армии и всего Юго-Западного фронта. Энергичный граф Келлер пытался на свой риск форсировать Прут и взять сильно укрепленную неприятельскую позицию. Однако предприятие это не увенчалось успехом и стоило напрасных потерь. Один лишь Текинский полк кинулся в пашки у Юркоуц. Текинцами взято 822 пленных. Их водил в атаки ротмистр Ураз-сердар — сын знаменитого Тыкма-сердара, воевавшего со Скобелевым. Командир полка полковник Зыков за эту атаку получил святого Георгия 3-й степени.

В боях 29-го, 30-го и 31 мая довершился разгром южной группы армии Пфланцера. В наших руках осталось 39 000 пленных и полсотни пушек.

* * *

Штаб Юго-Западного фронта, как мы видели, сразу не мог дать себе отчета ни в размерах одержанной его армией победы, ни в степени разгрома неприятеля. Количество пленных, захваченных четырьмя армиями генерала Брусилова, составило в конце первых суток — 24 мая — 41 000 человек. 26 мая их уже было 72 000, к 28 числу — уже 108 000 и к 30 — 115 000, с тем чтобы вечером 1 июня перевалить за 150 000!

IV австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда на Волыни и VII армия генерала Пфланцер Балтина в Буковине были совершенно истреблены. I, II и Южная германская — сильно потрясены. Никакой Макензен не смел бы и мечтать о подобных результатах за одну всего неделю!

Луцкий прорыв обещал полную и близкую победу. Его надлежало немедленно развить — искрошить и сокрушить надломленные неприятельские армии и молниеносным ударом 8-й и 11-й армий от Луцка и Сопанова на Раву Русскую — во фланг и в тыл всему неприятельскому расположению — вывести из строя потрясенную и заколебавшуюся

Австро-Венгрии! Наступил полководческий момент. Но полководца в Ставке не было!

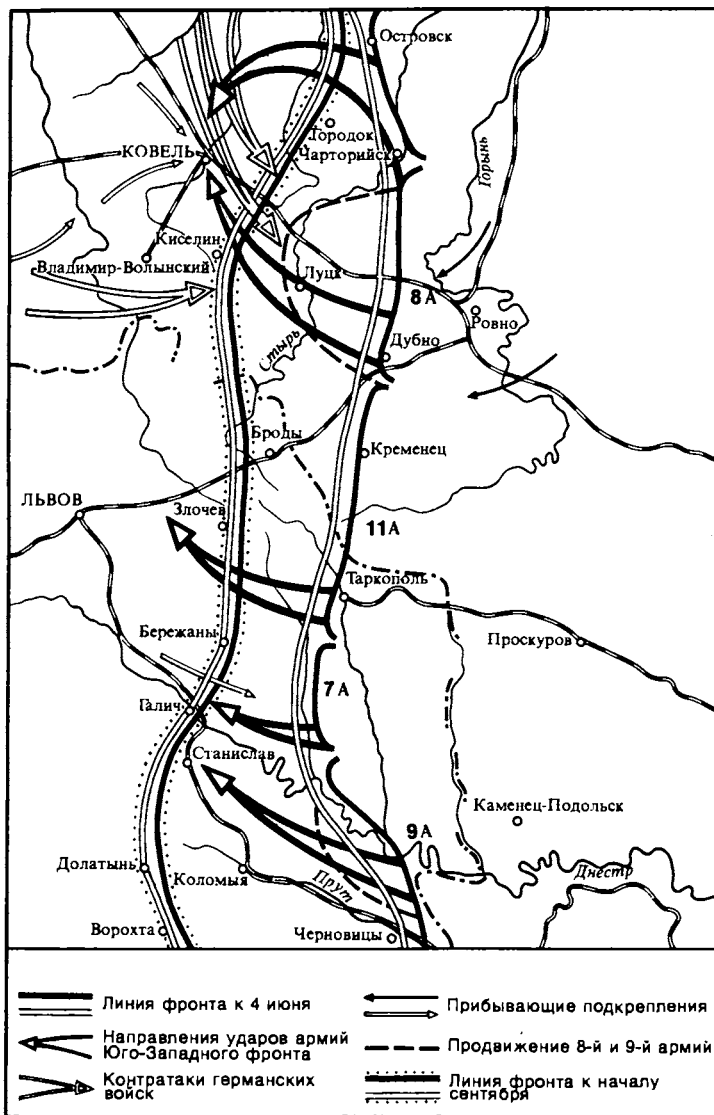
30 мая генерал Алексеев отдал, правда, директиву, в которой указывал армиям Юго-Западного фронта наносить удар на Раву Русскую — в тыл Львовскому району. Сделал он это в своей излюбленной форме советов, уговоров, намеков и недомолвок (что Суворов так образно называл «нихтбештимтсагерством»). Брусилов и Клембовский могли такую директиву только принять «к сведению», отнюдь не «к исполнению».

Для того чтоб требовать от армий Юго-Западного фронта производства широких стратегических операций, надо было прежде всего развязать этим армиям руки. Этого Алексеев как раз и не догадался сделать. Директива 30 мая отнюдь не отменяла предыдущие. Главный удар, очевидно, оставлялся за армиями Западного фронта, и в этом случае Юго-Западному фронту невозможно было задаваться самостоятельной широкой операцией, для которой к тому же не было предоставлено необходимых средств. Раз по-прежнему во главу угла ставился удар Эверта на Вильну либо Барановичи, то Брусилову оставалось лишь вести вспомогательный удар на Ковель.

Повторилось то же, что за два года до того в Галиции — при наступлении на Львов. И тогда, как и теперь, изменившаяся стратегическая обстановка требовала полководческого решения. И тогда и теперь генерал Алексеев, нащупывая и чувствуя это решение, не сумел провести его в жизнь — не смог ясно, четко и чеканно его сформулировать, отменив первоначальные, оказавшиеся нежизнеспособными директивы. И Рузский продолжал ломить на лишенный значения Львов, и Брусилов продолжал долбить потерявший ценность Ковель. И оба раза Австро-Венгрия спасла свою вооруженную силу. Русской армии не хватало головы.

* * *

К 1 июня по всему Юго-Западному фронту шли упорные и успешные для нас бои. Генерал Брусилов рассчитывал добиться решительных результатов в 8-й армии и направил в ее центр подошедший с Северного фронта V Сибирский корпус генерала Воронова, на смену выведенному в резерв XI корпусу. Однако удобный момент на Волыни был уже пропущен — неиспользованные возможности Лудкой победы мстили за себя.

**Прорыв
Юго-Западного
фронта летом
1916 года.**

Противник усиливался здесь с каждым часом. С необычайной быстротой из Пикардии на Волынь был перебросен 10-й германский армейский корпус генерала Лютвица, ставший ядром неприятельского сопротивления. Словно из-под земли выросли: группа генерала фон Бернгарди, подкрепившая в ковельском направлении левый фланг IV австро-венгерской армии, группа фон дер Марвица, подкрепившая центр ее, и группа генерала Фалькенгайна 2-го, подкрепившая правый фланг IV армии и левый фланг I армии. 8 германских дивизий уже стояло перед фронтом Каледина, 8 других ожидалось в скором будущем, и, наконец, 8 австро-венгерских дивизий было вызвано с Итальянского фронта в Галицию.

2 июня Бернгарди отразил V Сибирский корпус от Припечки, и, начиная со следующего дня, 8-й армии пришлось отбиваться от яростных контратак 18 австро-германских дивизий, по большей части свежих. Началось восьмидневное жестокое оборонительное сражение у Киселина нашей 8-й армии генерала Каледина с «группой войск Линзингена».

На нашем правом фланге атаки Гауэра, Фата и 2-го австро-венгерского корпуса (выделенного из IV армии) были отражены XLVI и XXX армейскими корпусами. В центре — на реке Стоходе — V Сибирский и XXXIX армейский корпуса сдержали яростный натиск Бернгарди и фон дер Марвица, а выдвинутый в боевую линию XL корпус отразил IV австро-венгерскую армию (корпуса 10-й и Шурмая), которой вместо отрешенного после Лудка эрцгерцога Иосифа Фердинанда командовал «карпатский мясник» генерал Терстянский. Ставкой отмечена лихая конная атака белорусских гусар 3 июня, изрубивших 1-й и 11-й полки венгерского гонведа. Самый напряженный характер бои приняли на стыке 8-й и 11-й армий, где левофланговый VIII корпус Каледина и правофланговый XLV корпус Сахарова с трудом сдерживали бешено рвавшуюся группу Фалькенгайна. Генерал Каледин «пал духом». Ему мерещилась катастрофа, он видел себя опрокинутым, отрезанным от тыла. Генералу Брусилову приходилось все время его подбадривать.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом направил в 8-ю армию только что подошедший XXIII корпус, восстановивший положение в ее центре, в XXXIX корпусе, тогда как подходивший I армейский корпус должен был сменить на Стоходе истощенный отражением Бернгарди V Сибирский. К 10 июня положение в 8-й армии

могло считаться совершенно окрепшим. Потери 8-й армии в оборонительном сражении у Киселина должны превышать 40 000 человек. По сообщениям австро-германцев, неприятелем с 3-го по 13 июня у нас взято пленными 75 офицеров, 11 512 нижних чинов, 2 орудия и 20 пулеметов, что очень немного, принимая во внимание размер и ярость боев. За тот же период мы взяли 150 офицеров, 6600 нижних чинов, 2 орудия и 32 пулемета. Потери неприятеля должны составлять около 35 000 человек.

* * *

В то время как армия Каледина отражала в Киселинском сражении натиск группы войск Линзингена, три другие армии Юго-Западного фронта продолжали наступление. В 11-й армии генерал Сахаров нанес сильный удар армиям Пухалло и Бем Ермолли, ударив своим центром в их стык.

2 июня XXXII армейский корпус в героическом бою форсировал Пляшевку, овладев Берестечком, а брошенная преследовать врага Заамурская конная дивизия на плечах его расстроенного 18-го корпуса ворвалась в Радзивиллов. Тем временем XVII корпус овладел Почаевом и Почаевской Лаврой, оттеснив левый фланг II австро-венгерской армии за линию границы и завершив тем самым славное для нашего оружия сражение под Берестечком.

Удар нанесла 101-я пехотная дивизия генерала Гильчевского. 404-й пехотный Камышинский полк под ураганным огнем бросился в Пляшевку и перешел ее по горло в воде. 6-я рота его, попав в глубокое место, вся утонула. Командир полка, ветеран Шипки полковник Татаров был сражен пулей в сердце, успев крикнуть: «Умираю! Камышинцы, вперед!» Бешеным ударом Камышинский полк опрокинул три полка неприятеля, взял на штыках Берестечко и захватил в плен 75 офицеров, 3164 нижних чина, 3 орудия и 8 пулеметов. Трофеями Заамурской конной дивизии генерала Розалион-Сошальского было 10 офицеров, 800 нижних чинов и батарея в 4 пушки. XVII корпус в почаевских боях захватил 6000 пленных и 4 орудия. Всего в сражении под Берестечком нами захвачено до 12 000 пленных и 11 орудий.

В последовавшие дни левифланговый VII армейский корпус овладел Черным лесом, тогда как на правом фланге XLV корпус ввязался в тяжелые бои 8-й армии у Киселина. 7-я армия, к которой отошел левый фланг 11-й армии —

XVIII и VI армейские корпуса — отразила, как мы уже видели, своими ставшими центральными XXII и XVI корпусами яростное наступление графа Ботмера и рядом коротких ударов нанесла Южной германской армии чувствительное поражение у Гниловод и Бобуляпцев.

Наконец, 9-я армия развивала свой блестящий успех у Доброноуц, громя расстроенные войска Пфландера. 5 июня XI корпус занял Черновицы. Генерал Лечицкий остановил свою ударную группу (войска XLI, XII и XI корпусов) на линии Прута, готовясь к перемене операционного направления на восток — на Коломею и Станиславов. Преследовать бежавшую южную группу VII австро-венгерской армии (11-й корпус и отряд Паппа) был отправлен только Сводный корпус генерала Промтова (82-я и 103-я пехотные дивизии) и III конный корпус графа Келлера. 10 июня генерал Промтов занял Сучаву, а граф Келлер — Кымполунг. При занятии Черновicz захвачено 1500 пленных и 10 орудий, 6 июня у Кучур Маре — еще 600 пленных и 2 пушки. Трофеями 10 июня у Кымполунга было 60 офицеров, 3500 нижних чинов и 11 пулеметов. У Сучавы взято 27 офицеров, 1235 нижних чинов и 27 пулеметов. 15 июня терцы взяли в пешем строю 2 пушки.

Преждевременная остановка ударной группы на Пруте, слабость Сводного корпуса и запоздалое использование штабом 9-й армии конницы графа Келлера привели к тому, что разбитого противника, вместо того чтобы отрезать от Карпат, только оттеснили к горам, где он и закрепился, сопротивляясь из последних сил.

* * *

Между штабами Западного и Юго-Западного фронтов и Ставкой велись напряженные разговоры. Генерал Эверт все не решался наступать, прося отсрочку за отсрочкой: с 31 мая на 4 июня, с 4-го на 20-е... Генерал Брусилов жаловался на бездействие генерала Эверта, прося Ставку ускорить его наступление. Несчастный Алексеев соглашался то с одним, то с другим — в зависимости от того, с кем в данную минуту говорил. Упращивая Эверта торопиться, подчеркивая, что «счет времени сейчас надо вести на минуты!», он вслед за тем дарил ему восемнадцать драгоценных дней!

Директивы генерала Алексеева были столь расплывчаты и неясны, что целая армия — 3-я генерала Леша —

оказалась «вне пространства» и на нее претендовали одновременно и Западный и Юго-Западный фронты. По духу директив Ставки (навязывание Брусилову Пинского района) она должна была войти в рамки Юго-Западного фронта — по букве их оставалась в составе Западного. Оба главнокомандовавших обратились с запросом в Ставку. Алексеев сперва согласился с генералом Эвертом, а затем с генералом Брусиловым, которому в конце концов 10 июня и передал 3-ю армию. Однако генерал Эверт успел отобрать себе четыре корпуса из пяти, так что в распоряжение генерала Брусилова поступил только штаб армии и один XXXI армейский корпус. Генерал Брусилов передал в 3-ю армию крайний правый фланг 8-й армии — IV конный и XLVI армейский корпуса, намереваясь развить удар по обоим берегам Припяти.

В бездонных трясинах Полесья без всякой пользы завязло семь превосходных кавалерийских дивизий. Их присутствие здесь вопияло к небу, но кавалерист Брусилов этого не замечал. V конный корпус оставлен был 8-й армии. В Полесье остался IV кавалерийский корпус генерала Гилленшмидта — 16-я кавалерийская, 2-я Сводно-казацья и 3-я Кавказская казацья дивизии. В 3-й армии, кроме того, находилось четыре конных дивизии — 3-я Кавказская, 5-я Донская, 1-я Кубанская и Забайкальская казацья.

В распоряжении Юго-Западного фронта Ставка направила, помимо уже прибывших I и XXIII армейских корпусов, еще V армейский и I Туркестанский. Генерал Брусилов рассчитывал произвести перегруппировку на Волини и ударить 3-й и 8-й армиями на Ковель, а пока что прекратить наступательные операции по всему фронту за исключением 9-й армии, которой указано было наступать на Станиславов—Галич. На этом наступлении 9-й армии особенно настаивала Ставка — не столько потому, что здесь угадывалось слабое место неприятельского фронта, сколько потому, что ей импонировало внушительное число захваченных генералом Лечицким трофеев.

К 12 июня — за двадцать дней победоносного наступления — армии Юго-Западного фронта захватили в плен 4013 офицеров, 194 041 нижний чин, 219 орудий, 196 минометов и бомбометов, 644 пулемета. Количество пулеметов надо считать гораздо большим, так как части задерживали захваченные пулеметы у себя, переделывали их затем под русский патрон. Сдавали только неисправные, либо захваченные действующими, в случае если их лично взял

офицер (за что полагалась статутная награда). Можно сказать, что войска объявляли только половину взятых ими пулеметов. Потери неприятеля превысили 400 000 человек, но и наши составили уже 4020 офицеров, 285 298 нижних чинов. А именно — убито 739 офицеров, 40 659 нижних чинов, ранено 3118 офицеров и 212 904 нижних чина, без вести пропало 163 офицера и 31 715 нижних чинов. В строю Юго-Западного фронта с подошедшими подкреплениями считалось 711 000 бойцов против 600 000 неприятелей, имевших, однако, более чем полуторное превосходство в артиллерии.

* * *

В середине июня неприятель произвел широкую перегруппировку своих сил к югу от Припяти.

Ведение контрнаступления на 8-ю нашу армию было поручено «главнокомандующему на востоке» фельдмаршалу Гинденбургу, которому была подчинена группа войск Линзингена: Гауэр, Фат, Бернгарди, IV австро-венгерская армия Терстянского и переведенный на правое крыло фон дер Марвиц — 23½ пехотные (8 германских) и 7 кавалерийских дивизий. Бем Ермолли с I и II австро-венгерскими армиями должен был удерживаться против нашей 11-й армии.

Наконец Южная германская и VII австро-венгерская армии образовали группу войск престолонаследника эрцгерцога Карла, к которому был приставлен опытный ментор — генерал фон Зеект. Группу эрцгерцога Карла в приказах условно обозначали «XII армия», чтобы ввести русское командование в заблуждение относительно ее состава. Хитрость удалась вполне. Сюда были направлены из Франции 3 германские дивизии: одна в Южную армию, а две в VII, где они должны были составить на ее левом фланге группу генерала Кревеля.

Немедленно по прибытии войск Кревеля VII армия должна была перейти в наступление. В то время как Линзинген ударял в правое крыло Юго-Западного фронта — по 8-й армии, эрцгерцог Карл должен был ударить в левое крыло — по 9-й армии. Получался двухсторонний охват — излюбленные германской доктриной «Канны». Наступление Линзингена было назначено на 17 июня, эрцгерцог Карл должен был атаковать с подходом Кревеля 20-го числа. Так полагали Гинденбург и Конрад. Но не так рассудил генерал Лечицкий.

Заслонившись от южной группы Пфланцера в Карпатах Сводным и III конными корпусами, доброоудкий победитель обратился на северную группу неприятеля, развернув между Днестром и Прутом XXXIII, XLI и XII армейские корпуса для удара на Коломею. XI корпус должен был содействовать операции в горах за Прутом. 15 июня он перешел в стремительное наступление, разгромив группы Ходфи и Снярича яростными ударами заамурцев у Снятыня и кулачковцев. 16-го пал Обертынь, а 17-го, преследуя разбитую группу Бенигни, полки XII корпуса ворвались в Коломею.

Генерал Лечицкий хотел было остановить свою армию на меридиане Коломеи и выждать обещанные Ставкой подкрепления. Однако, узнав, что на выручку армии Пфланцера идут немцы, этот решительный военачальник положил не дожидаться ни немцев, ни подкреплений. 18 июня он нанес крепкий удар своим центром — XII корпусом — в долине Прута у Печенежина, еще раз прорвав центр VII австро-венгерской армии — группу Бенигни (названную 8-м корпусом). Но в это время подоспел Кревель и 19 июня бросился с группой Ходфи на наш правый фланг — XXXIII армейский корпус — от Тлумача на Ходимерж.

Этот удар не смутил Лечицкого. Осадив XXXIII и XLI корпусами несколько назад, он контратаковал своим центром и левым флангом, XII и XI корпусами на Пруте и за Прутом. Получив этот новый удар по больному месту, Пфланцер придержал Кревеля и Ходфи, а Лечицкий, развивая свой успех, занял 24 июня Делятынь, победно закончив девятидневное сражение при Коломее. Наши трофеи в Коломейском сражении — 764 офицера, 30 875 нижних чинов пленными, 18 орудий и 130 пулеметов. Свой урон за первые только три дня — с 15 по 17 июня до падения Коломеи — австрийцы показали в 40 000 человек. Их урон за все сражение можно определить довольно точно в 60 000 человек, наш — в 25 000. Из славных дел обращает на себя внимание взятие гаубичной батареи 15 июня под Снятынем. Командир 1-го батальона 5-го пехотного Заамурского полка, старый солдат, поручик Гусак послал в атаку на батарею, бившую картечью, роту своего сына — прапорщика Гусака. Обертынь брала 2-я Заамурская дивизия. 19 июня под Печенежином удар нанесла 19-я пехотная дивизия, причем отличился 73-й пехотный Крымский полк.

Соседняя 7-я армия генерала Щербачева содействовала 9-й армии ведением вспомогательной операции с 22 по

24 число II и XVI корпусами на реке Коропце. Генерал Щербачев упустил драгоценную возможность ударить в обнажившийся правый фланг Южной армии. Еще 17 июня командир II кавалерийского корпуса князь Туманов (заменивший назначенного генеральным инспектором конницы великого князя Михаила Александровича), воспользовавшись обнажением правого фланга Ботмера вследствие отхода VII армии, бросил под Олешвой в атаку лавы 6-й Донской дивизии. Геройская дивизия была расстреляна. 22 июня войсками II корпуса захвачено у Суходолек 5000 пленных и 11 пулеметов. 24 июня у Грегорова XVI корпус захватил еще 1000 пленных.

А 11-я и 8-я армии в дни Коломейского сражения отразили натиск неслыханной еще силы.

* * *

17 июня началось наступление войск Линзингена на 8-ю армию. Русским удалось сорвать «Канны» на Днестре — тем крепче должен был быть удар на Волыни!

Фронт нашей 8-й армии описывал широкую дугу по трем рекам — Стоходу, Безымянной и Липе. Линзинген решил ее срезать ударами группы Бернгарди на Стоходе с севера на юг и группы фон дер Марвица на Безымянной с юго-запада на северо-восток — в разрез между 8-й и 11-й армиями. Между этими двумя охватывающими группами IV австро-венгерская армия, усиленная 10-м германским корпусом, должна была прорвать центр 8-й армии фронтальным ударом. Наступление группы Бернгарди на Стоходе было отражено V Сибирским и XXXIX армейским корпусами. 19 июня Бернгарди повторил удар, воспользовавшись сменой V Сибирского корпуса (сильно пострадавшего в июньских боях) I армейским. Ему удалось было прорвать наш фланг, но контратаками 24-й пехотной дивизии у Линевки положение было восстановлено. Здесь отличился 96-й пехотный полк Дашкевича-Горбатского.

IV австро-венгерская армия, усиленная германцами, набросилась на наш центр — XXXIII и XL армейские корпуса. Против 4 наших дивизий развернулось 9 неприятельских. Особенно жестокое побоище разыгралось у Затурцев, где 10-й германский корпус схватился в бешеном единоборстве с нашим XL и где брауншвейгская Стальная 20-я пехотная дивизия была сокрушена нашей Железной 4-й стрелковой дивизией генерала Деникина. С 17 по 21 июня 10-й германский корпус произвел 44 отчаянных

атаки. В его полках осталось 300—400 штыков. Изведав в первый день стойкость нашей Железной дивизии, брауншвейгцы Стальной дивизии вывесили плакат: «Ваше русское железо не хуже нашей германской стали, но мы его разобьем!» — и получили в ответ: «А ну, попробуй, немецкая колбаса!»

На левом фланге 8-й армии отчаянное сопротивление VIII корпуса генерала Вл. Драгомирова сломило порыв корпусов Шурмая и Фалькенгайна, но XLV корпус — правофланговый 11-й армии — не смог сдержать напора главных сил Марвица. Наша 126-я дивизия была прорвана — и дорога на Луцк, в тыл 8-й армии, неприятелю была открыта... 17 июня 22-й германский корпус Фалькенгайна прорвал было VIII корпус (15-ю дивизию) у деревни Ватин. Выручила беззаветная атака 2-го батальона модлинцев на пять германских батальонов, уже заходивших в тыл 15-й пехотной дивизии. Геройский батальон гнал ошеломленную германскую бригаду до Корытницкого леса. Командир его, подполковник Русов, вел атаку верхом и пал смертью храбрых. Это дело было отмечено Ставкой.

Тогда начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Клембовский по своей инициативе (Брусилов отсутствовал) бросил туда — под Ниву Золочевскую, Дубовые Корчмы и Перемель — два полка подходившего V армейского корпуса на автомобилях, 12-ю и Сводную кавалерийскую дивизию, 7-ю и 10-ю артиллерийские бригады на рысях. Дружным и неожиданным ударом силы эти пригвоздили к месту прорвавшихся гессенцев фон дер Марвица, приняв их, по роду оружия, на штыки, в пашки и на картечь. В пятидневных боях атаковавшие дивизии были почти совершенно уничтожены и 21 июня отброшены в исходное положение.

27-й пехотный Витебский полк вылетел на автомобилях прямо на германские цепи и, соскочив, «толпою в образе колонны», кинулся на немцев в штыки и опрокинул. Ахтырские гусары и самаро-уфимцы 3-го Оренбургского казачьего полка атаковали в конном строю. 19 июня неприятель снова сбил ополченцев 126-й пехотной дивизии, но геройская конная атака архангелогородских драгун и заамурцев 1-го конного полка у Нивы Золочевской спасла положение. 2-й Заамурский конный полк атаковал в конном строю укрепленную позицию у Кшаки, и за это дело его командир полковник Карницкий получил святого Георгия 3-й степени. К 21 июня подоспела 6-я Сибирская стрелковая дивизия, и кризис был окончательно преодолен.

Обращает на себя внимание согласованная и дружная работа всех наших частей, а также робость трех неприятельских кавалерийских дивизий, не посмевших использовать полученный прорыв. Генерал Брусилов лестной телеграммой в самый критический момент операции чрезвычайно подбодрил генерала Сахарова, показав себя искусным психологом (только сравнить с поведением Жилинского в отношении Самсонова!). При отражении Марвица нами взято 2400 пленных германцев и 12 пулеметов. Это жестокое оборонительное сражение мы назовем «сражением на трех реках».

Крушение задуманных «Канн» — поражение Линзингена и разгром Пфланцера — ошеломило австро-германское верховное командование. Из Литвы и Франции спешно были затребованы новые германские дивизии. С Итальянского фронта было переведено управление III армии генерала Кевеша, в которую были включены все войска VII армии между Днестром и Прутом. Пфланцеру был оставлен Карпатский фронт. Наши враги не успели произвести перегруппировку, как их ждал новый удар.

* * *

22 июня — на следующий же день по отражению Линзингена — генерал Брусилов сам перешел в энергичное наступление своими армиями правого крыла — 3-й и 8-й — на Ковель. 21 пехотная и 10 кавалерийских дивизий Леша и Каледина ударили по 26½ пехотным и 7 кавалерийским дивизиям Линзингена.

В 3-й армии генерала Леша правофланговый XXXI корпус генерала Мищенко слегка потеснил германскую группу Гронау на Огинском канале. Южнее Припяти IV конный корпус генерала Гилленшмидта, Сводный генерала Булатова и XLVI корпус генерала Истомина наголову разбили группу Гауэра в делах у Галузии, Волчецка и Маневичей. Победа 3-й армии осталась неиспользованной по вине генерала Леша, не чувствовавшего пульса боя, генерала Гилленшмидта, совершенно не сумевшего распорядиться своей конницей, а особенно генерала Булатова, не использовавшего успех Сводного корпуса (нанесшего главный удар) и придержавшего рвавшуюся вперед 78-ю пехотную дивизию, чем была дана возможность неприятелю удержаться на Стоходе.

8-я армия развернула справа налево V конный, I Туркестанский, XXX, I и XXXIX армейские корпуса. XXIII,

XL, VIII и переведенный на левый фланг V Сибирский оставались на месте, наблюдая отраженную IV австро-венгерскую армию и разбитого Марвица. 11-я армия оставалась на месте, развернув XLV (смененный затем подошедшим V корпусом), XXXII, XVII и VII армейские корпуса. Левофланговые VI и XVIII корпуса отошли к 7-й армии.

Наибольший успех в армии Каледина имели правофланговые корпуса: I Туркестанский генерала Шейдемана, разгромивший у Тумана и Разиничей группу генерала Фата, и XXX армейский корпус генерала Зайончковского, сбросивший в Стоход 2-й австро-венгерский корпус в боях у Грузятина. 25 июня Линзинген отвел разбитые свои войска за Стоход, и 26-го река эта была с боем форсирована туркестанцами и XXX корпусом. По словам Людендорфа, это был «один из самых серьезных кризисов на Восточном фронте».

При Волчепке 16-й уланский Новоархангельский полк взял 13 орудий (уступив из них 7 — 397-му пехотному Запорожскому полку), черняговские гусары взяли 3-орудийную тяжелую батарею. Одновременно Забайкальская казачья дивизия лихо атаковала вечером 23 июня Маневичи. Ее трофеями было: командир полка, 26 офицеров, 1399 нижних чинов, 2 орудия (взяты 1-м Верхнеудинским полком), 2 бомбомета, 9 пулеметов и 41 зарядный ящик. 16-я кавалерийская дивизия и Забайкальская составили конную группу генерала Володченко. Всего в сражении с 22-го по 26 июня на Стоходе войсками 3-й и 8-й армий захвачены 671 офицер, 21 145 нижних чинов, 55 орудий, 16 минометов и 93 пулемета. Из этого числа до 12 000 пленных и 8 орудий захватил I Туркестанский корпус, где 7-й и 8-й Туркестанские стрелковые полки вброд под убийственным огнем по грудь в воде форсировали семь болотистых рукавов Стохода. В XXX корпусе геройский подвиг совершил полковник Канцеров, первый во главе своего 283-го пехотного Павлоградского полка перебежавший на левый берег Стохода по пылавшему мосту. Это дело было отмечено Ставкой. Урон австро-германцев превысил 40 000 человек. Корпус Фата, особенно пострадавший, лишился 18 400 человек из 34 400.

Победы у Волчепка, Разиничей и Грузятина на Стоходе, к сожалению, не были развиты и использованы. Генерал Брусиллов не имел свободных резервов, будучи вынужден держать значительные силы на левом фланге 8-й армии, где и после отражения прорыва Марвица положение про-

должало оставаться напряженным, и не смог закрепить свой успех на Стоходе.

Неприятель же напряг все усилия к удержанию Ковеля. Группы Фата и Беригарди были усилены германскими войсками, и уже 27-го и 28 июня Линзинген яростными контратаками заставил туркестанцев и XXX корпус отойти на правый берег Стохода. Наши попытки 29-го и 30 июня вторично форсировать реку оказались безуспешными, но и неприятель не имел успеха в своих дальнейших наступательных попытках.

Блестящие возможности остались неиспользованными. У генерала Брусилова не было войск. Подкрепления подходили пачками и с большим опозданием по недостатку рокадных линий. Нагромоздив силы и средства на Западном фронте, Ставка никак не решалась направить сразу значительные силы генералу Брусилову. Лишь директивой 26 июня, увидя, что Эверт так никогда и не решится на серьезную наступательную операцию, она передала Юго-Западному фронту главный удар. Опоздание получилось на целый месяц — и это в то время, как генерал Алексеев сам признавал, что счет надо вести «на минуты!». Раньше середины июля генерал Брусилов не смог возобновить своего наступления.

Неприятелю было подарено три недели, драгоценных три недели, за которые он накопил силы, устроил войска, подтянул резервы и превратил долину Стохода и Ковельский район — и так трудно проходимый от природы — в неприступную крепость.

* * *

Сорвавшимся наступлением Каледина за Стоход и победой Лечицкого при Коломее кончается Четвертая Галицийская битва — славное Брусиловское наступление. В последних числах мая были разгромлены австро-венгерские армии — в двадцатых числах июня на полях Волыни были сокрушены отборные дивизии кайзера.

За Луцком, Сапановом, Язловцем и Доброноудом следовали Киселин, Затурцы и Коломыя. За тридцать семь дней боя в наших руках осталось 272 000 пленных и 312 пушек.

Каковы бы ни были его последовавшие заблуждения, вольные или невольные, Россия никогда этого не забудет Алексею Алексеевичу Брусилову. Когда после несчастий пятнадцатого года самые мужественные пали духом, он один сохранил твердую веру в русского офицера и русского

солдата, в славные русские войска. И войска отблагодарили полководца, навеки связав его имя с величайшей из своих побед.

КОЛЕБАНИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА. БАРАНОВИЧИ

Победы генерала Брусилова побудили в малодушном генерале Эверте надежду, что его избавят от наступления. Однако надежды эти не сбылись.

Ставка настояла на переходе в наступление 31 мая, несмотря на Троицын день, которого так боялся главнокомандующий Западным фронтом. Генерал Эверт поставился тогда свести операцию до минимальных размеров, введя в дело всего один корпус из вверенных ему 26. Этот не имевший никакого смысла частичный удар он предписал произвести левофланговой 3-й армии генерала Леша, бывшей еще в составе пяти корпусов (XXV, Гренадерский, IX, XXXVI).

Генерал Леш назначил для удара Гренадерский корпус генерала Парского, указав ему общее направление на Столовичи.

Утром 31 мая гренадеры дружно бросились вперед, ошеломили внезапным наскоком неприятеля и овладели его позициями. Но генерал Леш не дал подкреплений, а соседние командиры корпусов (XXV — Юрий Данилов и IV — Абрам Драгомиров) отказались поддержать гренадер в их неравном бою. Не поддержанный ни соседями, ни резервами, контратакованный превосходными силами, Гренадерский корпус вынужден был отойти в исходное положение, совершенно зря повеся жестокие потери. Из состава Гренадерского корпуса были взяты 81-я пехотная дивизия и польский легион (бригада). Атаковали только 1-я и 2-я Гренадерские дивизии. Наш урон в этой бессмысленной операции — 8000 убито и ранено.

После этого между Ставкой и штабом Западного фронта вновь возобновились переговоры: с одной стороны — упрямство, с другой — отговорки. Эверту ни под каким видом не хотелось наступать. Получив отсрочку общего наступления до 4 июня, он заявил Ставке, что коренным образом меняет свои планы и вместо Вильны будет наступать на Барановичи. Для переработки планов он просил 15 дней отсрочки. Ставка имела дряблость согласиться на эту перемену — и генерал Эверт получил эту новую отсрочку до 20 июня, в тайной надежде, что к тому времени

Брусилову как-нибудь так удастся победить врага, что его, Эверта, помощи совершенно не потребуется.

10 июня 3-я армия перешла в состав Юго-Западного фронта, т. е., вернее, перешел один левофланговый ее XXXI корпус с армейским управлением. Все же остальные корпуса прежней 3-й армии составили новую 4-ю армию, которой, по новому плану генерала Эверта, надлежало нанести главный удар на Барановичи. Для руководства этим наступлением генерал Эверт назначил генерала Рагозу, уже доказавшего разительным образом в Нарочское наступление свою неспособность командовать армией. В 4-ю армию, помимо корпусов прежней 3-й, были назначены XXXV армейский, III Сибирский и III Кавказский корпуса, ставшие в резерве. Генерал Эверт решил окончательно наступать на Барановичи. Приняв это скороспелое решение, штаб Западного фронта не отдавал себе отчета в том, что злополучное дело 31 мая — бессмысленное наступление Гренадерского корпуса в одиночку — открыло глаза врагу и заставило его держаться под Барановичами на чеку. Наступление гренадер на Столовичи, открывшее неприятелю наши намерения, сыграло такую же роль, как дело авангарда Засса под Вайценом в Венгерском походе и поиск Липранди на Балаклаву в Крымскую кампанию.

Генералу Рагозе это новое направление главного удара — на Барановичи — не казалось выгодным после того, как все силы и средства фронта в продолжение трех месяцев затрачивались на подготовку наступления на Вильну. Командовавший 4-й армией взглянул на атаку Барановичей как на отбывание номера.

Прорыв неприятельского фронта был намечен на участке длинного лесного массива, прозванного войсками и штабами Фердинандовым Носом. Существовал еще другой Фердинандов Нос у Илукста — самое гиблое место Северного фронта — памятник самоотверженной стойкости полков 17-й и 38-й дивизий, бившихся там изо дня в день в продолжение двадцати месяцев. Самое название Фердинандов Нос получил под влиянием карикатур на царя болгарского.

Правый фланг 4-й армии — XXV армейский корпус — должен был демонстрировать в обход Носа с севера, тогда как остальные силы — IX, Гренадерский и X корпуса — атаковали в лоб, а XXXV, III Сибирский и III Кавказский корпуса готовились их поддержать. Так как число корпусов армии превысило сакраментальную норму «пять», то генерал Рагоза снова применил злосчастную систему «групп»

и объединил три атаковавших в лоб корпуса под начальством командира IX армейского корпуса генерала А. Драгомира. Против 4-й армии находилась армейская группа Вейерша в составе 12-го австро-венгерского корпуса (на фронте XXV и отчасти IX наших корпусов) и 2-го прусского ландверного двойного состава (на фронте остальных). Нашим 8 атаковавшим дивизиям противостояло 6 неприятельских на чрезвычайно сильной позиции.

Ни генерал Эверт, ни генерал Рагоза не оказались способными на самостоятельное творчество. Подготовку наступления они мыслили не иначе, как рабски копируя неудавшиеся французские шаблоны Арраса и Шампани: трехдневную артиллерийскую долбежку, указывавшую неприятелю сроки наступления и заблаговременное сооружение исходного плацдарма, выдававшее место, куда будет нанесен удар. Нелепые и в условиях технически оборудованного Французского фронта (где лунный пейзаж хоть отчасти маскировал плацдарм), эти бездарные методы в условиях Русского театра войны были преступными.

Генерал Ю. Данилов советовал, и вполне основательно, нанести главный удар в слабое место врага — в обход Фердинандова Носа и по австрийцам. Но генерал Рагоза не дорос до уразумения даже таких простых истин. Он решил идти по линии наибольшего сопротивления и штурмовать сильнейшие германские позиции фронтально.

* * *

К утру 19 июня артиллерийская подготовка была доведена до степени ураганного огня, и на рассвете 20-го войска 4-й армии с мужеством двинулись на штурм. На правом фланге, в XXV корпусе, Юрий Данилов распорядился своими силами так: 4 полка на пассивном правом участке, 2 — в резерве за правым флангом пассивного этого участка и 2 — на главном, ударном, левофланговом участке. За такую ордер де баталию в сколько-нибудь благоустроенной армии командир корпуса был бы отрешен в ближайшие полчаса.

Геройский порыв и блестящий успех остроленцев и пултуссцев захлебнулся в крови. Удар Данилов кулаком, а не мизинцем, 12-й австрийский корпус был бы уничтожен... Но кулак получил пассивное назначение. Направь сюда Рагоза свои резервные корпуса — он получил бы победу, равную лудкой... Но все внимание командовавшего

4-й армией было обращено на фронтальное побоище в ударной группе Драгомирова.

В IX корпусе храбрая 5-я дивизия генерала Галкина и доблестнейшая 42-я дивизия генерала Ельшина истекли кровью у Скробова, заплатив жестокой ценой за небольшой тактический успех. Южнее гренадеры, которым не везло с самого начала войны, были расстреляны на проволоке, а X корпус генерала Ник. Данилова был лишь немногим счастливее... Рагоза и Абрам Драгомиров воспроизвели у Фердинандова Носа буквально Третью Плевну, бросая в бой войска пачками, без связи и ориентировки. Уже вечером 20-го пришлось подкрепить обескровленный IX корпус XXXV и частями III Кавказского.

Весь день 21 июня шла артиллерийская подготовка — и вечером войска IX, XXXV и III Кавказского корпусов вновь истекли кровью у Скробова и Дробышева. Стремительным ударом 181-й Остроленский и 183-й Пултусский пехотные полки захватили 1 генерала, 60 офицеров и 2700 нижних чинов пленными при 11 орудиях, взяв 31-ю австро-венгерскую дивизию во фланг и тыл. Но резервы Юрий Данилов держал в самом отдаленном от прорыва пункте... В 5-й пехотной дивизии архангелогородцы (полковник Буйвид) овладели Фердинандовым Носом, вологодцы и галичане — Дальним и Горным Скробовом. В этих делах частями 5-й и 67-й пехотных дивизий (XXXV корпуса) взято около 1000 пленных и 4 орудия. Самый трудный участок неприятельской позиции выпал на долю 42-й пехотной дивизии, потерявшей всех четырех командиров полков. Командир 166-го пехотного Ровненского полка полковник Сыртланов со знаменем в руке впереди всех первым вскочил на бруствер неприятельского окопа, где пал смертью героя. Чтобы видеть, в каких условиях велся Скробовский штурм, достаточно указать, что 3-му батальону миргородцев полковника Савищева пришлось преодолеть 50 рядов назлектризованной проволоки. Трофеями 4-й армии было 4000 пленных и 15 орудий, не окупивших огромных наших потерь. За 20—25 июня мы потеряли 80 000 убитыми и ранеными. Неприятель лишился 13 000 (из них 5500 германцев). Особенно пострадали Гренадерский и IX армейский корпуса.

Видя неудачу, штаб Западного фронта распорядился отложить дальнейшее наступление — и даже подготовку к нему — до 24 июня, а затем до 25-го. В этот день III Сибирский корпус, сменив XXV, пытался было развить первоначальный его успех (с опозданием на пять дней), но неудачно. После этой попытки генерал Эверт

распорядился отложить наступление «примерно до 1 июля». Скажем сразу, что оно никогда не возобновилось.

Скоровское сражение стоило России крови 80 000 ее офицеров и солдат. Положение 4-й армии после этого наступления тактически ухудшилось: занявшие неприятельские позиции войска стали сильно терпеть от немецкого огня, а наша артиллерия осталась на прежних позициях, и ее по местным условиям нельзя было продвинуть вперед. Реки крови пролились зря.

26 июня Ставка предписала Западному фронту «удерживать врага», поручив ведение главного удара генералу Брусилову. С этой задачей «удерживания» генерал Эверт справился, в общем, если не блестяще, то, во всяком случае, удовлетворительно. Кулак Западного фронта, все время занесенный, сделал свое дело. Германское командование сняло с этого фронта только 3 дивизии, направив против генерала Брусилова 16 дивизий из Франции.

Июль месяц прошел на Западном фронте вяло. 20 июля XII германская армия произвела внезапную газовую атаку на позиции нашей 10-й армии у Сморгони, на стыке II Кавказского и XXIV армейского корпусов, понесших большие потери. В Кавказской гренадерской и 48-й пехотной дивизиях погибло свыше 8000 человек. Здесь героической смертью погибли офицеры грузинских и мингрельских гренадер, по почину полковника Отхмезури снявшие в газовых волнах свои маски, чтобы солдатам лучше слышались слова команды и одобрения. Геройски погибла, сняв маски, и 1-я батарея второочередной 84-й артиллерийской бригады поручика Кованько.

* * *

Северный фронт бездействовал весь май и июнь. Принявший 12-ю армию генерал Радко Дмитриев проектировал широкую наступательную операцию на Туккум с участием в ней Балтийского флота и высадкой немцам в тыл их VIII армии у Роена десанта под командой генерала Геруа 1-го. Генерал Геруа 1-й командовал 38-й пехотной дивизией в 5-й армии, откуда его вызвали. В десант были назначены 3-я стрелковая, 116-я пехотная дивизии, 4-я отдельная кавалерийская бригада (20-й драгунский Финляндский и Офицерский кавалерийской школы полки) и моряки. В строй Балтийского флота уже вступили четыре «Гангута», и против 24 11-дюймовых орудий старых германских

броненосцев мы имели 64 12-дюймовых, бивших через горизонт при превосходстве в эскадренной скорости. Генерал Куропаткин, подобно всем рутинерам русской военной мысли того времени, скептически относился к десантным операциям, но мало-помалу склонился на доводы лозенградского победителя. Момент для этого был самый подходящий: весь германский флот чинился после Ютландской битвы и мы временно владели Балтийским морем.

Операция была, однако, скомкана. Ставка директивной от 26 июня потребовала наступления Северного фронта и все время торопила его началом. Во исполнение этих требований 12-я армия атаковала 9 июля VI Сибирским корпусом на Бауск. Шестидневные бои окончились без иных результатов, кроме бесполезных потерь. Эта бессмысленная операция обошлась 3-й и 14-й Сибирским стрелковым дивизиям VI Сибирского корпуса в 15 000 человек.

Окончание этих боев совпало со сменой главнокомандующих фронтом. Генерал Куропаткин был спешно отозван в Туркестан. Там он блестяще и без всякого кровопролития усмирил серьезное брожение среди туземного населения, лишняя раз доказав свои выдающиеся административные способности. Вместо него во Пскове тускло замаячила зловещая фигура генерала Рузского, по телеграфу отменившего начавший было уже садиться на корабли десант. Приготовления к наступлению совершенно заглохли.

КОВЕЛЬСКАЯ ВОЙНА

26 июня Ставка, как мы знаем, отдала директиву, в которой предписывала Северному фронту перейти в наступление, Западному — удерживать врага, а Юго-Западному фронту овладеть Ковелем и зайти в тыл Пинской группе неприятеля. Совершенно непонятно то значение, которое Ставка в многочисленных своих директивах придавала Пинскому району и Пинской группе генерала Гронау. Таким образом, роли фронтов менялись. Эверту надлежало только продемонстрировать, Брусилову — нанести главный удар.

Этот главный удар генерал Алексеев указал нанести в самое крепкое место неприятельского фронта — в ковельском направлении, сплошь занятом отборными германскими дивизиями и почти непроходимом от природы.

Когда в конце мая и начале июня генерал Брусилов требовал от 8-й армии наступления на Ковель, он имел в виду оказать помощь Западному фронту. Ковельское

направление было важно только вследствие своего соседства с главным Западным фронтом. Теперь, когда Западному фронту отводилась второстепенная роль, направление на Ковель сразу теряло всякую стратегическую ценность. Переменив идею плана кампании, генерал Алексеев оставил прежние формы. Благодаря этой чудовищной аберрации, Ковель, бывший для Брусилова лишь средством, стал для Алексеева самоцелью.

Для развития операции на Ковель — и дальше на Брест—Пружаны — Юго-Западному фронту был передан резерв Ставки — Гвардейский отряд генерала Безобразова в составе I и II Гвардейских пехотных и Гвардейских конных корпусов, представлявшие как бы зародыш армии, и IV Сибирский корпус. Превосходные войска гвардии возглавлялись старшими начальниками, подобранными по придворной протекции и совершенно негодными в боевом отношении. Генерал Брусилов в своих воспоминаниях дает им уничтожающие характеристики. Одновременно с Северного фронта передавался III армейский корпус. Эти войска должны были подойти в первых числах июля. В то же время левофланговая 7-я и 9-я армии были усилены 3 пехотными дивизиями и конницей. В 7-ю армию — 108-я и 113-я пехотные дивизии, в 9-ю армию — 79-я пехотная дивизия и Уссурийская конная.

С 27 по 30 июня, как мы видели, в 3-й и 8-й армиях шли жаркие бои за овладение Стоходом. Нам не удалось форсировать реки, но и неприятельские попытки наступать были отражены. Генерал Брусилов предполагал первоначально возобновить наступление уже 1 июля, атакуя 3-й армией на Камень Каширский, в обход Ковеля с севера, а 8-й армией — на Ковель фронтально и в обход с юга.

Одновременно 11-я армия должна была наступать на Броды, связывая руки неприятелю. Операцию пришлось, однако, отложить для 3-й и 8-й армий до прибытия обещанных Ставкой подкреплений.

6 июля была произведена перегруппировка правофланговых армий Юго-Западного фронта. Группа Безобразова вдвинута между 3-й и 8-й армиями, и ей переданы правофланговые корпуса этой последней. Генерал Брусилов предписал 3-й армии атаковать Ковель с севера и востока, овладеть переправами через Стоход и затем действовать в тыл Пинской группе немцев, как то требовала Ставка. Группа Безобразова должна была форсировать Стоход и охватить Ковель с юга. 8-я армия нацеливалась на Владимир Волынский, 11-я армия — на Броды—Львов, 7-й ар-

мии указывалось сковать противника, а 9-й армии наступать в общем направлении на Галич.

Положение фронта в начале июля было следующее.

Трем нацеленным на Ковель нашим армиям — 3-й, Безобразова и 8-й — противостояла группа войск Линзингена: Гронау, Гауэр, усиленный Фатом и Лютвицем Бернгарди и IV австро-венгерская армия. Всего против наших 29 пехотных и 12 кавалерийских дивизий неприятель сосредоточил на подступах к Ковелю 25½ пехотных и 7 кавалерийских дивизий.

В центре, на львовском направлении, нашей 11-й армии — 14½ пехотным и 2 кавалерийским дивизиям — противостояли подчиненная Линзингену группа Марвица и группа войск Бем Ермолли — I и II австро-венгерские армии — всего 13 пехотных и 2½ кавалерийских дивизий, а 7-й армии с 10 пехотными и 2 кавалерийскими дивизиями — Южная германская — 11 пехотных и 1 кавалерийская дивизии.

Наконец, на левом фланге генерал Лечицкий со своей 9-й армией — 11 пехотных и 5 кавалерийских дивизий — имел дело с двумя неприятельскими: III армией в Закарпатье и VII армией в Карпатах — всего 14½ пехотных и 4 кавалерийские дивизии. Южная германская, III и VII австро-венгерская армии составляли группу войск эрцгерцога Карла.

63½ пехотным и 21 кавалерийским дивизиям русской армии, развернутым от Припяти до Румынии, надлежало разбить 63½ пехотных и 14½ кавалерийских дивизий неприятеля, мощно укрепившихся и располагавших почти вдвое сильнейшей артиллерией. Задача была тяжелой даже для великолепных войск Брусилова.

Общее наступление было назначено на 15 июля, но этот срок не касался 11-й армии, для которой оставлена была в силе прежняя директива. Ей надлежало атаковать безотлагательно, выполняя демонстрацию относительно главного удара на Ковель. В состав 11-й армии был на короткое время передан VIII армейский корпус. Генерал Сахаров положил нанести врагу ряд коротких, но мощных ударов, развернув справа налево VIII, V армейский, V Сибирский, XXXII, XVII, VII и VI армейские корпуса (XLV корпус был выведен в резерв).

В сражении на Стыри 3 и 4 июля он отбросил группу Марвица за эту реку стремительным натиском V армейского и V Сибирского корпусов, причем 6-я Сибирская стрелковая дивизия рассчиталась с немцами за Брезины у Вильгельмина. Одновременно центральный XXXII корпус, сильно

нажав на I армию Пухалло, «подравнял» ее по Марвицу. В сражении 3—4 июля на Стыри 11-я армия взяла 317 офицеров, 12 637 нижних чинов, 30 орудий (из коих 23 взяты сибиряками 6-й дивизии, а остальные — колыванцами), 36 минометов и бомбометов и 49 пулеметов. 10-я пехотная дивизия V армейского корпуса разгромила 61-ю австро-венгерскую дивизию при Звиняче, а 6-я Сибирская дивизия разбила 108-ю германскую дивизию у Вильгельминово. 21-й Сибирский стрелковый полк полковника Сергеева силой всего в 1600 штыков взял в плен 2 командиров германских полков, 58 офицеров, 1050 нижних чинов, 13 орудий и гнал немцев 6 верст. У Звиняче 40-й пехотный Колыванский полк захватил 8-дюймовую гаубичную батарею, немедленно обратив ее в сторону немцев.

Затем Сахаров нанес врагу второе, еще более жестокое поражение своими четырьмя правофланговыми корпусами (VIII, V армейским, V Сибирским и XXXII армейским). 7 июля он форсировал Стырь, а 8-го отбросил Марвица и Пухалло за Липу. Сражение на Липе 7-го и 8 июля австрийцы называют «сражением под Берестечком». Нами взят 1 генерал, 370 офицеров, 13 700 нижних чинов, 10 орудий и огромная добыча. Пушки взяты 10-й пехотной дивизией — могилевцами и колыванцами. 40-й пехотный Колыванский полк (полковник Головин) взял 17 офицеров, 3000 нижних чинов и 5 орудий в боях у Перемели. Наша 101-я пехотная дивизия XXXII корпуса совершенно разбила 46-ю австро-венгерскую дивизию, выведя у нее из строя до 10 000 человек. После этого сражения на Липе VIII корпус был снова направлен в 8-ю армию и вместо него введен XLV (вдвинутый между V армейским и V Сибирским корпусами).

12 июля 11-я армия атаковала вновь правофланговыми XLV и V Сибирским и центральными XXXII и XVII корпусами. Была форсирована Слоновка, и этим началось упорное трехдневное сражение за Броды.

* * *

15 июля юго-западные армии перешли в наступление по всему фронту от Припяти до Прута. Это был день начала первого Ковельского сражения в армиях Леша и Безобразова, день Кошевской победы в армии Каледина, завершения сражения под Бродами в армии Сахарова и начала Заднепровского сражения армии Лечицкого — самый кровопролитный, но и самый яркий день Мировой войны...

В 3-й армии правофланговый IV Сибирский корпус генерала Сирелиуса потерпел неудачу на Огинском канале. Центральные III, XXXI и Сводный корпуса имели с 15-го по 18 июля ряд успешных дел на Припяти и Нижнем Стоходе. На левом фланге XLVI армейский корпус имел небольшой успех у Заречья, а I Туркестанский — у Гулевичей. Неприятель (группа Гронау) перешел 19—20 июля в сильные контратаки и потеснил наш правый фланг IV Сибирского и III армейского корпусов. Наступление на Камень Каширский, в обход Ковеля с севера, захлебнулось. Трофеями 3-й армии в этих делах было около 3000 пленных и 4 орудия.

Группа генерала Безобразова имела блестящие тактические успехи.

На правом фланге XXX армейский корпус генерала Зайончковского форсировал Стоход и глубоко вклинился в неприятельское расположение. В центре I армейский корпус генерала Душкевича не имел успеха, а I Гвардейский великого князя Павла Александровича захлебнулся у Райместа и Немера, понеся жестокие потери. Зато на левом фланге II Гвардейский корпус генерала Рауха разметал группу Лютвица (10-й германский корпус и австрийцы) блестящими ударами стрелков у Трестеня и 3-й Гвардейской пехотной дивизии у Ворончина. Были захвачены в плен либо подняты на штыки германские генералы. 56 орудий осталось в руках литовцев, кексгольмцев, царскосельских и императорских стрелков. Почин в этом славном деле принадлежал Лейб-Гвардии Кексгольмскому полку барона Штакельберга, первым прорвавшему фронт врага и взявшему 12 орудий. Развившие этот успех литовцы захватили 13 орудий и штаб 19-й германской дивизии. Лейб-Гвардии 2-й стрелковый Царскосельский полк взял 12 орудий, 4-й Императорской Фамилии полк — 13 орудий, а 3-й взял пушку, двух германских генералов и одного поднял на штыки. В XXX армейском корпусе взято 5 орудий, причем особенно отличился 319-й пехотный Бугульминский полк, взявший целиком 31-й венгерский полк. Всего группой Безобразова в этот день взято 2 генерала, 400 офицеров, 20 000 нижних чина, 56 орудий и огромная добыча.

Но командование армией в сложившейся под Ковелем очень трудной обстановке слишком превышало способности генерала Безобразова. Он остановил сулившее крупную победу продвижение XXX корпуса за Стоход, равняясь по отстающим, и не сумел использовать уже одержанную

победу под Трестенем. Полководческий момент был генералом Безобразовым упущен. В последовавшие дни XXX корпус уже не смог одолеть оправившегося противника у Кухар, а II Гвардейский корпус — у Витонежа. I Гвардейский корпус занял, правда, Райместо, но генерал фон Бернгарди крепким ударом по нашему I армейскому корпусу (между XXX армейским и I Гвардейским корпусами) воспрепятствовал дальнейшим нашим успехам.

21 июля левофланговый I Туркестанский корпус 3-й армии по собственному почину пытался взять Рудку Миринскую, но, не поддерживаемый XXX корпусом соседней армии Безобразова, успеха не имел. В этот день закончилось первое Ковельское сражение, тактически — в нашу пользу, стратегически — вничью.

* * *

8-й армии генерала Каледина надлежало наступать на Владимир Волинский. Правофланговые XXXIX и XXIII армейские корпуса, атаковавшие позиции Бернгарди, не имели особенного успеха в боях с 15-го по 19 июля у Киселина и Пустомыт. Трофеями этих боев были 2300 пленных и 12 пулеметов.

Левофланговые же — XL и VIII — совершенно разгромили IV австро-венгерскую армию генерала Терстянского в сражении 15 июля при Кошеве. Честь Кошевской победы принадлежит командиру VIII корпуса генералу В. М. Драгомирову, богатырской 14-й дивизии и оренбургским казакам, подхватившим лихим наскоком в пашки сокрушительный удар подольцев и житомирцев на обе дивизии корпуса Шурмая! Их почин немедленно же был поддержан стрелками стального XL корпуса, истребившими другой корпус неприятельской армии — 10-й.

До рассвета подольцы полковника Зеленецкого и житомирцы полковника Желтенко внезапным ударом овладели Шельвовским лесом. Подольский полк опрокинул 11-ю австро-венгерскую пехотную дивизию, а Житомирский в рукопашном побоище совершенно истребил 70-ю дивизию, захватив 1 генерала, 89 офицеров, 1937 нижних чинов и 7 орудий. Части 10-го и 11-го Оренбургских казачьих полков захватили в конной атаке 10 офицеров, 821 нижнего чина и 16 бывших картечью в упор орудий. К сожалению, остальные 6 полков V конного корпуса не были введены в дело, «хотя жатва могла быть огромной» (вспоминал генерал Драгомиров). В XL армейском корпусе

2-я стрелковая дивизия испепелила 37-ю австро-венгерскую дивизию, а 4-я растерзала 2-ю и 13-ю дивизии. Особенно удачно действовал 15-й стрелковый полк (полковник Софонов), захвативший у Воли Садовской 78 офицеров, 1170 нижних чинов и 9 орудий, а 16-й стрелковый полк взял 1 генерала, 2 командиров полков, 49 офицеров, 993 нижних чина, причем генерал и оба полковых командира взяты 3-й ротой прапорщика Битко. Всего в коротком и ослепительном Кошевском сражении нами захвачено 2 генерала, 320 офицеров, 9000 нижних чинов, 46 орудий и 90 пулеметов. Австрийский Генеральный штаб дает следующие сведения о составе IV армии после Кошева: 10-й корпус, 13-я стрелковая дивизия с частью 2-й — 1300 штыков, 37-я гонведная дивизия — 600 штыков, бригада 2-й дивизии (меньше других пострадавшая) — 1850 штыков. Корпус Шурмая (истребленный двумя полками нашей 14-й дивизии) — бригада 11-й дивизии — 600 штыков, вся 70-я — 940 штыков (причем три превосходных гонведных полка 312-й, 314-й и 315-й все вместе дали только 170 бойцов!). Во всей армии из 38 000 бойцов (25 000 штыков) осталось 17 000 (6000 штыков). За три часа боя IV австро-венгерская армия лишилась двух третей своего состава...

Конрад был поражен неожиданной катастрофой. И в полдень, когда подольцы и житомирцы еще добивали гонвед в Шельвовском лесу, фельдмаршал Гинденбург уже высылал из Литвы победителя Ковны генерала Липмана для ободрения, а то и замещения потерявшего голову генерала Терстянского. Из германских дивизий в Галиции прямо из боя выдвигались полки и даже батальоны и бросались на автомобилях под Кошев, в агонизировавшую IV армию. Продолжи Каледин наступление XI и VIII корпусов, брось он в прорыв весь V конный корпус, а не только два полка — и к вечеру 15 июля рухнул бы весь фронт Линзингена.

Но штаб Каледина, как и все высшие штабы упадочной эпохи русской армии, был слишком далеко от войск. О своей победе командующий 8-й армией узнал гораздо позже, чем Гинденбург (не говоря уже о Конраде и Терстянском) узнал о своем поражении. И, узнав, не принял решения полководца, а подсек своей победе крылья, совершенно как под Лупком. Только 17-го возобновилось наступление, но тут дорогу победителям на Владимир Волынский уже заступила молниеносно собранная мозаика 40-го германского корпуса, подпершего и спявшего

обломки IV армии. Ядро 40-го корпуса генерала Липмана составила 108-я германская дивизия. Остальные войска — отдельные батальоны, сведенные затем в резервные полки.

Кошевское дело составило эпоху в истории военного искусства. Здесь в первый раз отказались от длительной и даже ускоренной артиллерийской подготовки. Огневой шквал длился всего 15 минут, и атака была для неприятеля полной неожиданностью. Генерал В. М. Драгомиров вывел военное искусство из тупика позиционного застоя, но его почин руководителями русской армии не был оценен, ни даже осознан. Им зато воспользовался германский противник, широко применивший эти русские методы весной 1918 года во Франции.

* * *

На правом фланге 11-й армии командир V армейского корпуса генерал Балуев отказался по чисто бюрократическим соображениям поддержать атаку смежного VIII корпуса «чужой армии» и остался безучастным зрителем Кошевской победы. Генерал Брусилов все время подчеркивал своим подчиненным не считаться с «разграничительными линиями» и поддерживать соседей, пусть и «чужой» армии. Но эти приказы были не для Балуевых. Вскоре после своей Кошевской победы генерал В. М. Драгомиров был отрешен от командования корпусом, а фаворит Ставки генерал Балуев получил Особую армию. А в центре XVII корпус, поддержанный XXXII, овладел Бродами, завершив этим четырехдневное сражение.

В сражении под Бродами 11-й армией взято 216 офицеров, 13 569 нижних чинов, 9 орудий и 40 пулеметов. Орудия взяты 3-й пехотной дивизией. В строю 18-го корпуса и группы Козака считалось 43 000 бойцов при 214 орудиях. Урон противника — не меньше 20 000—22 000 человек (половина состава). Броды взял 11-й пехотный Псковский полк, командир которого полковник Радцевич-Плотницкий принял от магистрата ключи города. I армия генерала Пухалло и левый фланг II — группа генерала Козака — были растерзаны «страшной битвой» с 11-го по 15 июля, и фельдмаршал Гинденбург бросил для спасения Львова новые 3 дивизии с Французского фронта, составившие 1-й армейский корпус генерала фон Эбена.

В день падения Брод войска I австро-венгерской армии (усиленный 18-й корпус) были присоединены ко II. Управление же армии было переведено в Трансильванию, и во

главе ее вместо отрешенного генерала Пухалло поставлен генерал фон Арц.

7-я армия все эти дни вела местные бои, развивавшиеся довольно туго. На реке Коропец взято было около 1000 пленных. Позиции Южной германской армии были слишком сильны, и генерал Щербачев выжидал, чтобы успехи соседей — Сахарова справа, Лечицкого слева — поколебали фланги Ботмера.

* * *

На левом крыле нашего расположения в 9-й армии генерал Лечицкий развернул для удара те же силы, что и в Коломейском сражении: XXXIII корпус — против германской группы Кревеля, XLI корпус — против Ходфи, XII и XI корпуса — против 1-го и 8-го австро-венгерских корпусов.

15 июля стало днем славы заамурской пехоты. Прорвавшись у Трояна на стыке Ходфи и Кревеля, XLI корпус взял германскую группу во фланг и в тыл, XXXIII корпус отшвырнул ее могучим ударом у Хопимержа. И в тот день и час, когда оренбургские казаки рубили австрийскую артиллерию под Кошевом, кабардинцы Туземной дивизии ворвались на германские батареи в Езерянах! Одновременно с этими делами правого фланговых корпусов центральный XII прорвал в долине Прута у Хлебичина центр III австро-венгерской армии на стыке Ходфи и 1-го корпуса. В ночь на 16-е Кевеш отступил по всему фронту.

Под Хопимержем 1-я пехотная Заамурская дивизия опрокинула 105-ю германскую дивизию, а 2-я — 119-ю германскую дивизию. Особенно отличился 1-й пехотный Заамурский полк, взявший штыковым ударом 19 офицеров, 996 нижних чинов германцев, 7 орудий, 3 миномета и 9 пулеметов. Ингуши под Езерянами захватили 6 пушек. Под Трояном удар нанесла 74-я пехотная дивизия, причем отличился 295-й пехотный Свирский полк. У Хлебичина фронт неприятеля был прорван 19-й пехотной дивизией (особое отличие оказали севастопольцы). Всего в боях 15 июля войсками 9-й армии было взято 8000 пленных, 21 орудие и 85 пулеметов.

Генерал Лечицкий не использовал этой своей красивой победы. Отбросив 16 июля врага по всему фронту, он прекратил наступление, озабоченный накоплением противника в Карпатах против своего слабого левого фланга и

растяжением своей армии в двух направлениях — на Галичи и в Трансильванию.

20 июля эрцгерцог Карл перешел в наступление VII армией Пфланпера, усиленной 3 (затем 4) германскими дивизиями из Франции, и потеснил наш буковинский заслон — 82-ю, 103-ю пехотные дивизии и III конный корпус у Гринявы. Затяжные бои с более чем вдвое превосходящим неприятелем шли здесь шесть дней, и прорыв германского Карпатского корпуса был сломен. Карпатский корпус генерала Конта состоял из превосходных егерских дивизий — 199-й и 200-й, прибывших из Франции. На подкрепление ему из Франции прибыли 117-я и 1-я пехотные дивизии. VII австро-венгерская армия развернула слева группу Брудермана против левого фланга XI корпуса, в центре — Карпатский корпус против Сводного корпуса и на правом фланге 11-й австро-венгерский корпус против графа Келлера. В делах у Гринявы мы лишились 2 орудий.

Генерал Лечицкий требовал подкреплений, указывая на трудность своей задачи — наступать в Галиции и защищать Буковину, имея против себя две сильные неприятельские армии. Ставка предписала «пассивной» 7-й армии усилить 9-ю, и генерал Щербачев отправил Лечицкому 37-ю пехотную дивизию с управлением корпуса XVIII. Прибытие этой закаленной дивизии на левый фланг 9-й армии в Лесистые Карпаты укрепило наше положение и позволило Лечицкому вновь обратиться на Кевеша.

* * *

Первое Ковельское сражение, казалось, должно было выявить всю неосновательность стремлений найти ключ к победе в гиблых болотах Стохода. Вместо стратегически неинтересного и тактически безнадежного ковельского направления следовало искать полководческого решения на других, истинно стратегических путях. Можно было развить победу Сахарова под Бродами, добить надломленные войска Марвица и Козака и прорваться на Львов — в тыл армии Ботмера. Можно и должно было развить победу Лечицкого под Хощимержем и Трояном, добить армию Кевеша, произведя широкую перегруппировку армий фронта в предвидении неизбежного выступления Румынии на нашей стороне.

Ничего этого не было сделано. Вседело во власти «ковельского миража», генерал Алексеев ничего не видел и

ничего не предвидел. Он решил вновь долбить Ковель — теми же силами и с теми же средствами. И не успели полесские трясины засосать убитых в боях 15 июля, как Ставка воздвигла новые гати из человеческого мяса...

На 23 июля было назначено наступление южной группы фронта — 11-й, 7-й и 9-й армий, а 25-го должен был состояться вторичный удар трех северных армий на Ковель. Группа Безобразова была наименована «Особой армией» (во избежание очередного 13-го номера). В кампанию 1915 года у нас уже была 13-я армия (генерала Горбатовского), и никакого несчастья с ней не случилось. Если XIII армейский корпус и погиб в Пруссии, то 13-я пехотная дивизия, например, всегда вела удачные бои, и ни один из пеших либо конных полков, носивших 13-й номер, не мог на него пожаловаться. Любопытно, что и немцы разделяли это суеверие. У них было 12 армий (не считая многочисленных армейских групп), когда в октябре 1917 года понадобилось образовать новую для Итальянского фронта, она была названа XIV.

В основу наступления трех южных армий была положена идея удара 11-й и 9-й армиями во фланги неприятелю, занимавшему чрезвычайно крепкие позиции перед 7-й армией. Сахарову и Лечицкому надлежало «выжимать» врага перед фронтом Щербачева.

11-я армия перешла в наступление в ночь на 23 июля. Генерал Сахаров ввел в дело свой левый фланг — VII армейский корпус генерала Экка, указав ему атаковать в общем направлении на Заложиче. 13-я пехотная дивизия имела лихое дело на реке Грабарке у Маркополя, а 34-я дивизия — под Тростянцом. Прорыв полков VII корпуса был назван потом в австрийской «Истории войны» «неотразимым». Мадыарский 4-й армейский корпус был совершенно уничтожен в жарких шестидневных боях, и лишь прибытие из Франции 1-го германского корпуса воспрепятствовало крушению II австро-венгерской армии, а быть может, и падению Львова. Сражение при Заложиче было нами выиграно. В 13-й пехотной дивизии 49-й пехотный Брестский полк атаковал Маркополь в ночь на 23 июля через реку Грабарку по грудь в воде. В 34-й дивизии отличились у Белоглавы феодосийцы. Наступление этой дивизии привело к очищению австрийцами сильнейшей их позиции у Воробьевки, о которую разбилось наше майское наступление VI корпуса. Трофеями шестидневного сражения у Заложиче были 268 офицеров и 14 000 нижних чинов при 6 орудиях, 15 бомбометов и 30 пулеметов. Оно

могло бы превратиться в победоносное сражение под Львовом, подкрепи Сахаров VII корпус и поддержи его Щербачев. Но генерал Сахаров выполнял только то, что от него требовал штаб фронта — вспомогательную операцию, не преследующую широких целей. А генерал Щербачев считал, что не он должен поддерживать соседа, а соседи должны помогать ему.

25 июля, в полдень, после короткой, но могучей артиллерийской подготовки, зеленые полки заамурцев XXXIII и XLI корпусов, подкрепленные XII корпусом на Пруте, рванули армию Кевеша. Главный удар генерал Лечицкий нанес своим правофланговым XXXIII корпусом по германскому противнику — группе Кревеля, тогда как XLI корпус расправлялся с группой Ходфи, а XII корпус — с австро-венгерским 1-м корпусом. Так началось сражение под Станиславом. Вечером XXXIII корпус захватил Тлумач — оплот врага в Закарпатье. III австро-венгерская армия осадилась назад по всему фронту.

Осыпаемые бешеными ударами «зеленых чертей», германцы Кревеля отдавали позицию за позицией. Круто пришлось и группе Ходфи и 1-му корпусу, фронт коего был прорван 26-го нашим XII корпусом у Вороны. Кревель доносил Кевешу, что не может больше сдерживать такой натиск, и командовавший III австро-венгерской армией, страшась за свой левый фланг, отводил, равняясь по немцам, остальные свои корпуса. 27-го Кревель снова отскочил, и Кевешу стало ясно, что Станислава его армии не удержать. 28-го он предписал общее отступление за Быстрицу, и в этот день XXII армейский корпус занял Станислав. Германцы здесь сорвали фронт австрийцам...

25 июля — в первый день наступления — 9-й армией было взято 7500 пленных. Трофеи всего сражения под Станиславом составили 250 офицеров, 19 400 нижних чинов, 18 орудий, 11 бомбометов и 157 пулеметов. Кевеш намеревался было контратаковать, но германское командование через генерала фон Зеекта приказывало отступать, чтобы как можно скорее оторвать германские войска Кревеля от закарпатских штыков.

Нанося главными силами 9-й армии удар Кевешу, генерал Лечицкий отражал в то же время в Карпатах атаки Пфланцера, к которому все время подходили подкрепления из Италии и Франции. Задача Лечицкого была самой трудной на всем фронте — и он эту трудную задачу решил лучше всех. Двойной удар (Сахарова по Бем Ермолли — на Заложиде и Лечицкого по Кевешу — на Станиславов)

обнажил фланги армии Ботмера и чрезвычайно облегчил наступление генералу Щербачеву.

25 июля 7-я армия перешла в наступление. Наш XXII армейский корпус сбил Гофмана и овладел совместно с XVI корпусом знаменитым Бурканувским лесом — последним участком майского фронта от Припяти до Румынии, оставшимся еще в руках неприятеля. Затем генерал Щербачев произвел перегруппировку, переведя XXII корпус на левый фланг своей армии. 31 июля он нанес Ботмеру крепкий удар, отбросив его на Золотую Липу, причем II армейский корпус форсировал эту реку и овладел Збаражем, а XXII корпус занял Тустобабы. С 1-го по 3 августа VI армейский корпус на правом фланге сбил неприятеля на реке Ценювке, подравниваясь по остальным. Трофеями наступления 7-й армии — сражение под Збаражем — было 166 офицеров, 8415 нижних чинов, 4 орудия, 11 бомбометов и 19 пулеметов. Здесь отличилась 108-я пехотная дивизия, бывшая в составе XXII корпуса (пушки взяты 430-м пехотным Валкским полком).

Наступление трех левофланговых армий — победы Сахарова у Заложиче, Щербачева — под Збаражем и Лечицкого — под Станиславовом — дало нам в последние июльские дни до 50 000 пленных и крупные местные выгоды. Однако развить эти успехи не было возможным: все силы и средства фронта пошли на ковельскую мясорубку.

* * *

Наступление на Ковель 3-й, Особой и 8-й армий, назначенное на 25 июля, было отложено на сутки: Особая армия не успела изготовиться, а 3-й самой пришлось выдержать сильный германский натиск у Заречья.

26 июля началось Второе Ковельское сражение. 3-я армия в этот день еще заканчивала подготовку. В ее состав был включен подошедший с Западного фронта I Сибирский корпус. В Особой армии генерал Безобразов затеял чрезвычайно сложную перегруппировку, заходя правым плечом. XXX корпус атаковал вяло, без прежнего подъема. I армейский корпус был отброшен в исходное положение сильными контратаками, что заставило отойти и гвардию, зря истекшую кровью у Кухарского леса. Урон I армейского корпуса 26 июля составил около 4000 человек. XXX армейский корпус, отбывавший номер, потерял за всю операцию 1300 человек, I Гвардейский корпус — 5500 человек

(2-я Гвардейская дивизия лишилась в Кухарском лесу 4000 человек). Следует отметить, что храбро наступавшие, но неумело дравшиеся гвардейские части всегда несли большие потери, чем более искусные и сноровистые армейцы. За 8-месячное пребывание в резерве гвардию учили только прохождению александровскими колоннами, как будто войны не существовало. Британский генерал Нокс отмечает это с удивлением, Брусилов — с горечью.

На следующий день, 27-го, начала наступление 3-я армия, развернувшая IV Сибирский, III армейский, I Сибирский, XXXI, XLVI и I Туркестанские корпуса. Успех имел один III корпус. В Особой армии II Гвардейский корпус тщетно атаковал Витонеж. 8-я армия оба дня, 26-го и 27-го, вела безрезультатные бои у Киселина.

Генерал Брусилов пытался оживить явно сорвавшуюся операцию, однако новое наступление 3-й армии на Любашев, а гвардии на Витонеж повлекло только новые потери. Неудача концентрического наступления тремя армиями на Ковель стала ясна — и 29-го атаки были прекращены.

* * *

30 июля 3-я и Особая армии были переданы Западному фронту. Ставка решила покончить с растягиванием усилий Юго-Западного фронта в двух направлениях — ковельском и галицийском. Кроме того, генерал Алексеев надеялся, что передача Западному фронту ковельского направления «выведет из апатии» генерала Эверта. Как видно, он еще недостаточно знал этого военачальника.

6 августа генерал Селивачев по собственному почину форсировал Стоход со своей 4-й Финляндской стрелковой дивизией и захватил у Тополы Червищенский плацдарм, что приобрел затем такую печальную известность, погубив один за другим два занимавших его корпуса. Финляндские стрелки взяли у Тополы и Червище 16 офицеров, 1130 нижних чинов, 1 орудие, 4 миномета и 18 пулеметов. 2-я Сводно-казацкая дивизия генерала Краснова пыталась было преследовать неприятеля, но была приведена в расстройство атакой шести немецких самолетов. За 25 месяцев войны не удосужилась Ставка издать ни одного наставления о борьбе с воздушным врагом, как будто у неприятеля не существовало авиации!

3 августа генерал Эверт отдал директиву, в которой назначил наступление 3-й и Особой армии на 15-е число.

Однако уже через несколько дней незадачливый главнокомандующий Западным фронтом отложил удар на 23-е, а затем на 24-е. Когда же 22 августа уже проведена была артиллерийская подготовка, генерал Эверт отменил всю операцию и донес Ставке, что «за наступлением осеннего времени» шансов на удачу не предвидит...

А через пять дней, 27 августа, неожиданно для Ставки и для соседа — Брусилова, а быть может, и для самого себя, он произвел в 3-й армии бестолковое наступление III и XXVI корпусами на Червищенском плацдарме и, конечно, не имел успеха. Это было последнее проявление полководческого таланта генерала Эверта.

* * *

К 1 августа на Северном фронте в трех армиях генерала Рузского сидело в окопах 39 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. На Западном фронте в пяти армиях генерала Эверта собиралось наступать 62½ пехотных и 15 кавалерийских дивизий. На Юго-Западном фронте в четырех армиях генерала Брусилова дралось с неприятелем 48½ пехотных и 12 кавалерийских дивизий — третья часть нашей Действовавшей армии.

Во всей Действовавшей армии австро-германского фронта к этому времени считалось 150 пехотных и 35 конных дивизий. В пехоте — 4 Гвардейские, 4 Гренадерские, 51 пехотная 1-й очереди (одна на Кавказе), 31 пехотная 2-й очереди (одна на Кавказе, 3 расформированы), 23 пехотные 3-й очереди (2 на Кавказе и 3 расформированы), 5 стрелковых, 14 Сибирских, 4 Финляндские, 2 Кавказские (и 5 на Кавказе), 4 Туркестанские (3 на Кавказе и 1 расформирована), 3 Заамурские пехотные, 1 пограничная (1 на Кавказе). Кроме того, Балтийская матросская дивизия, Югославянская дивизия, 2 бригады латышей и 2 Закаспийские стрелковые бригады на Кавказском фронте. Не засчитаны формирующиеся 128-я, 130-я пехотные дивизии, 8-я и 10-я Туркестанские стрелковые, а также Чехословацкая бригада и Польский легион. Ополчение — 1 бригада в 11-й армии и 4 на Кавказском фронте. Кроме того, на Французском фронте — 3 «особых» бригады и 3 формирующиеся в России. Кавказских дивизий: 3 Гвардейские, 18 армейских, Заамурская, Сводная, Уссурийская, Кавказская, Туземная, Кавказская пограничная, 18 казачьих (1-я и с 3-й по 6-ю Донские, 2-я Сводно-казачья, 2-я Кубанская, Терская, Уральская, Оренбургская,

Закаспийская, Туркестанская, с 1-й по 5-ю Кавказские, Забайкальская). На Кавказском фронте еще бригады — Сибирская, 2-я и 3-я Забайкальские, Донская пешая и 4 пластунские. Всего с Кавказской армией (14½ пехотных и 9 конных дивизий) наши силы простирались до 166 пехотных (с «особыми» бригадами) и 44 конных дивизий. Нашим 150 пехотным и 35 конным дивизиям австро-германского фронта противостояло 117 пехотных и 23 кавалерийские дивизии неприятеля. 14½ пехотных и 9 конных дивизий Кавказского фронта имели против себя 25 пехотных и 4 кавалерийских турецких дивизий. Расформированные дивизии: в 1914 году — 72-я пехотная, в 1915 году — погибли в Новогеоргиевске: 58-я, 63-я, 114-я, 118-я и 119-я, а 6-я Туркестанская стрелковая соединена с 3-й.

4 августа генерал Брусилов указал своим армиям наступать 16-го числа. 8-й армии надлежало атаковать на Владимир Волинский, 11-й армии — на Бржезаны, 7-й армии — способствовать соседям, а 9-й армии — наступать по двум расходящимся направлениям — на Галич и на Мармарош—Сигет. Генералу Брусилову случалось отдавать более удачные директивы.

В последовавшие дни план этот подвергся изменению. Ввиду протеста генерала Лечицкого галицкое направление было передано вместе с нацеленными на него XXXIII и XLI корпусами в 7-ю армию. Вместе с тем 8-я армия усилена была IV Сибирским корпусом, а все наступление было отложено на два дня по просьбе штаба 7-й армии, производившей перегруппировку ввиду нового своего задания — наступать на Галич. Генерал Щербачев перевел XXXIII корпус на левый берег Днестра для уплотнения своей ударной группы (XLI корпус в Заднестровье был растянут в ниточку).

9 августа совершенно неожиданно атаковал генерал Сахаров своими центральными XXXII и XVII армейскими корпусами на Пеняки—Баткув, но успеха не имел. Начальник штаба фронта генерал Клембовский советовал оборвать это бесполезное наступление 11-й армии, но генерал Брусилов не захотел «угашать наступательный дух» своих подчиненных. Соображения вряд ли целесообразные.

18 августа армии Юго-Западного фронта перешли в общее наступление. 8-я армия, развернувшая справа налево XXXIX, XL, IV Сибирский, VIII и V армейский корпуса, атаковала своим центром — стрелковыми XL и IV Сибирскими корпусами. Успех — у Шельвова, Бубнова и Корытницы — был мимолетный и сведен был на нет германскими

контратаками, 21 августа генерал Каледин повторил удар, но с тем же результатом. Это Третье Ковельское сражение особенно дорого обошлось сибирякам.

В 11-й армии (XLV, V Сибирский, XXXII, XVII, VII и вновь переданный VI армейский корпуса) генерал Сахаров атаковал тремя левофланговыми корпусами, причем VII армейский корпус имел тактический успех у Зборова. К 22-му числу наступление здесь замерло. Особенно отличалась Саратовская ополченская бригада, где 486-й пехотный Верхнемедведицкий полк взял 15 офицеров, 800 нижних чинов и 4-орудийную батарею. Имея около 7000 штыков, бригада в летних боях взяла 5000 пленных и к сентябрю потеряла половину состава.

Честь всей августовской операции фронта принадлежала 7-й армии. 18 августа пополудни генерал Щербачев, развернувший XVI, II, XXII, XXXIII и XLI корпуса, после 8-часовой артиллерийской подготовки рванул армию Ботмера своим центром — могучим кулаком II, XXII и XXXIII корпусов на Золотой Липе, в общем направлении на Галич. II армейский корпус сбил германо-турок на Нараевке, XXII корпус разбил 6-й австро-венгерский корпус у Тустобабы, а XXXIII, налетев у Городенки на 13-й австро-венгерский корпус, совершенно истребил его. 20-го вступил в бой и правофланговый XVI корпус на реке Ценьювке. Спешно переброшенная из-за Днестра германская группа Кревеля отчаянными контратаками 22-го пыталась было задержать наше продвижение, но 23 августа могучим ударом финляндских стрелков и заамурцев в долине Нараевки Южная германская армия вновь была прорвана, откатившись за Гнилую Липу, и 25 августа XXXIII армейский корпус форсировал эту реку у Скоморохов.

Повелением императора Вильгельма 4 германские дивизии, следовавшие в Румынию, были брошены на Щербачева. Остатки 6-го, 13-го австро-венгерских корпусов и группы Кревеля были сведены в 24-й германский корпус генерала фон Герока, а подкрепления — в 10-й резервный германский корпус.

Начав «сражение на двух Липах» с австрийцами, 7-я армия кончала его с германцами. Слабость огневых средств и недостаток тяжелой артиллерии не дали возможности преодолеть мощных укрепленных полос врага — и Заамурские полки XXXIII корпуса замерли на подступах к Галичу, не дойдя полуверсты до железнодорожной станции.

В «сражении на двух Липах» 10 пехотных дивизий генерала Щербачева разгромили 14½ неприятельских

(7 германских, 5½ австро-венгерских, 2 турецких). 13-й австро-венгерский армейский корпус, насчитывавший утром 18 августа в своих 15-й и 36-й пехотных дивизиях 19 000 штыков, к утру следующего дня имел только 1600, и дивизии его сведены были каждая в батальон. Артиллерийской подготовкой атаки ударной группы (300 орудий) руководил инспектор артиллерийского XXXIII корпуса князь Масальский. В составе XXXIII корпуса кроме замурцев с отличием действовала 108-я пехотная дивизия. Было взято 29 000 пленных (8500 германцев), 25 орудий, 30 минометов, 200 пулеметов и огромная добыча. Первым ударом 18 августа было взято 289 офицеров, 15 500 нижних чинов (2400 германских), 6 орудий, 7 минометов и 58 пулеметов. Под Галич были двинуты кайзером 3-я гвардейская, 208-я пехотная, 1-я резервная, 10-я пехотная дивизии.

В 9-й армии генерал Лечицкий, заслонившись от разбитой под Станиславом III австро-венгерской армии в долине Прута XII армейским корпусом, приступил к организации горного похода в Трансильванию войсками XI, XVIII армейских корпусов и III конного корпуса.

Пфланцер Балтин предупредил его, перейдя 9 августа в энергичное наступление и потеснив левый фланг XI корпуса в Лесистых Карпатах. 17 августа, накануне дня начала нашего наступления, VII австро-венгерская армия атаковала на стыке XI и XVIII корпусов, захватив горный массив Кукуль. Но уже на следующий день генерал Лечицкий перешел в наступление по всему фронту. XVIII армейский корпус сбил Карпатский корпус немцев с только что захваченного Кукуля. С 18 по 29 августа, все время отражая яростные контратаки неприятеля, 9-я армия неуклонно продвигалась вперед, многотрудными боями преодолевая вершину за вершиной, перевал за перевалом. В неудачном деле у Кукуля 9 августа мы лишились 5000 человек, 2 орудий, 1 миномета и 7 пулеметов. 26 августа паричынцами взята высота «1582» и 4 орудия Карпатского корпуса немцев, 29 августа взята гора Капул, где захвачено 13 офицеров, 900 нижних чинов и 9 минометов и бомбометов. Наша 9-я армия в начале августа была усилена 64-й и 197-й пехотными дивизиями.

После этого августовского наступления Юго-Западный фронт был значительно усилен. В 8-ю армию из Особой армии была передана вся гвардия. В 11-ю армию из резерва Западного фронта был назначен III Кавказский корпус, в 7-ю армию из резерва Северного фронта — VII Сибирский

1. Рядовой
армейской
кавалерии.

2. Трубач
армейской
кавалерии
в шинели.

3. Гусарский
офицер в бекеше
и папихе.

4. Вольноопределя-
ющийся армейской

кавалерии.
5. Подпрапорщик
гвардейской
кавалерии
в шинели
и папихе.

корпус и, наконец, в 9-ю — XXXIII корпус из Особой армии.

Выделив из состава Особой армии три корпуса на усиление Юго-Западного фронта, генерал Эверт направил в нее из 2-й армии XXXIV армейский корпус генерала Скоропадского, из 10-й армии — XXVI генерала Миллера, а из 4-й армии — XXV армейский корпус, которым вместо назначенного начальником штаба Северного фронта генерала Ю. Данилова командовал герой Карпат, только что бежавший из австрийского плена генерал Корнилов.

Выступление Румынии (14 августа) давало нам огромные преимущества. Действуя из северной Молдавии совместно с Северной румынской армией, во фланг и в тыл неприятельского расположения, мы могли бы добиться падения всего неприятельского фронта. Но наша Ставка не подозревала о существовании обходных движений в стратегии...

* * *

1 сентября генерал Брусилов предписал своим армиям вновь перейти в наступление: 8-й армии — на Владимир Волынский, в обход Ковеля с юга, 11-й и 7-й армиям — на Львов, 9-й армии — на Мармарош—Сигет.

3 сентября это широко задуманное наступление состоялось. В 8-й армии генерал Каледин ударил центром — XL армейским, II Гвардейским, I Гвардейским и VIII армейскими корпусами. Фланговые корпуса — XXXIX справа, V слева — остались на местах. Наступление наше было отражено по всему фронту у тех же Шельвова, Бубнова и Кoryтницы. 7 сентября Каледин повторил атаку. VIII армейский корпус овладел Кoryтницей, а I Гвардейский корпус — Свиныхами, но скромный этот успех стоил громадных потерь. Кровавопрлитнейшее Четвертое Ковельское сражение окончилось безрезультатно.

Наши потери были огромны и за всю операцию дошли до 30 000 человек. Особенно пострадала 3-я Гвардейская пехотная дивизия: из 180 офицеров ее четырех полков в строю осталось только 26. В бою 3 сентября одни лишь модлинцы удержались в захваченных окопах. 7 сентября у Свиных преображенцы и измайловцы захватили 900 пленных, 2 орудия, 3 миномета и 7 пулеметов. У Кoryтницы взято 6 офицеров и 687 нижних чинов. Неприятель показал свой урон в делах 3 сентября во всей IV австро-венгерской армии и германской группе Бекмана

в 2874 человека и претендует, что «русскими было оставлено 12 000 трупов». 7 сентября их урон был значительно больше и за все Четвертое Ковельское сражение должен составлять около 7000.

11-я армия, развернув XLV, XXXII армейский, V Сибирский, XVII, VII и VI армейские корпуса, атаковала левым флангом (XVII и VII корпуса). Небольшой тактический успех был на следующий же день, 4-го, сведен на нет контратаками врага. 10 сентября генерал Сахаров пытался атаковать центром — V Сибирским и XVII армейскими корпусами — и снова был отражен.

В 7-й армии XVI и II корпуса на правом фланге, соседние с 11-й армией, остались на месте (а между тем по духу директивы фронта эти две армии должны были атаковать в тесной связи между собой). Остался на месте и левофланговый XLV корпус. Генерал Щербачев ударил центром — XXII и XXXIII армейскими корпусами — по 10-му резервному и 24-му германскому корпусам армии Ботмера. Сражение при Нараевке не принесло нам больших выгод, но сильно потрясло неприятеля «чудовищной силой удара» железных полков XXXIII корпуса. Памятна осталась атака Свистельной рощи пешими заамурцами 3-го и 4-го полков, воскресившая образы Бородина и Горохова и отмеченная Ставкой конная атака крымских татар.

1-я Заамурская пехотная дивизия атаковала 1-ю резервную германскую дивизию. Командир 3-го полка полковник Циглер повел свой полк на германскую проволоку верхом, по-скобелевски, под ураганным огнем. Участники атаки навсегда запомнили своего командира, старика, с развевавшимися бакенбардами, ехавшего впереди цепей и кричавшего: «Помните, заамурцы, что георгиевские кресты висят на германских пушках, а не на пулеметах!» Увлеченные солдаты дорвались до бившей в упор батареи и взяли 14 офицеров, 1695 нижних чинов германцев, 2 орудия и 10 пулеметов. Приданный XXXIII армейскому корпусу Крымский конный полк стремительно атаковал по лесной чаще тяжелую батарею и захватил 3 пушки. Всего 7-й армией в наступление 3 сентября взято 48 офицеров и 5000 пленных (из них 36 офицеров и 3000 нижних чинов германцев), 5 орудий, 6 бомбометов и 20 пулеметов. 1-я резервная германская дивизия на следующий же день была снята с фронта и отправлена в Литву на отдых и пополнение.

Наконец, 9-я армия вела в Лесистых Карпатах бои, которые иначе чем героическими история не назовет.

С 4 сентября войскам пришлось драться в глубоком снегу. Армия Лечицкокого билась на фронте в 240 верст, в горах и облаках. Наш XII армейский корпус держал крепкой хваткой III австро-венгерскую армию на Быстрице, тогда как поредевшие цепи XI, XVIII и образованного затем между ними XXIII армейских корпусов отчаянно бились с VII армией, тесня ее на Дорна-Ватру. 4 сентября XXIII корпус сбил Карпатский — центральный корпус армии Пфланцера, а 5-го XI корпус ударом по 25-му германскому корпусу заставил отступить и левый фланг VII армии врага. 32-я пехотная дивизия нашего XI корпуса разбила 117-ю германскую дивизию. В Карпатском корпусе особенно пострадала 1-я пехотная дивизия. В этих делах нами взято 43 офицера, 2596 нижних чинов, 4 орудия, 3 миномета и 13 пулеметов. Историки восточнопрусских полков только что прибывшей сюда из-под Вердена 1-й германской пехотной дивизии свидетельствуют об этих боях у Дорна-Ватры, Якобен и Кирлибабы как о самых тяжелых за всю войну. Последняя августовская неделя у Кирлибабы обошлась этой дивизии дорожее, чем два месяца у Морторма и на высоте «304». О верденских боях знает весь мир — о буковинских не знает никто. Русская армия презирала рекламу.

* * *

10 сентября в состав Юго-Западного фронта была включена Особая армия (I Туркестанский, XXX, I, XXVI, XXXIV и XXV армейские корпуса), которой вместо ушедшего генерала Безобразова командовал энергичный Гурко.

Ставка разочаровалась в Ковельском направлении, и генерал Алексеев под свежим впечатлением августовской победы Щербачева на «двух Липах» «советовал» Брусилову перенести центр тяжести на юг — в 7-ю и 9-ю армии, тем более что того требовала и создававшаяся после выступления Румынии политическая и стратегическая обстановка. Как в августе 1914 года под Львовом и в мае 1916 года после Луцкой победы, Алексеев ходил вокруг и около правильного решения, нащупывал его, но оказался неспособным принять его и даже четко формулировать.

Но генерал Брусилов пренебрег «советами». Ставки, твердо решив долбить Ковель. Неудачи лишь распаляли его упорство. Отправив по настоянию Ставки один корпус — XXVI — в Буковину к Лечицкому, он в пятый раз решил повторить наступление, не удавшееся четыре раза.

Особой армии были переданы правофланговые XXXIX и XL армейские корпуса 8-й армии и IV Сибирский корпус резерва фронта. Ей были указаны активная оборона линии Стохода («короткими ударами») и решительное наступление на Владимир Волынский левым флангом в обход Ковеля с юга. 8-й армии предписывалось содействовать генералу Гурко наступлением на Грубешов, 11-й армии — по-прежнему бить на Львов, 7-й армии — на Галич (причем она была усилена за счет 11-й III Кавказским корпусом), в 9-й армии — на Дорна-Ватру. Общее наступление всего фронта было назначено на 17 сентября.

Однако уже 14 сентября неприятель спутал наши расчеты. Группа Марвица нанесла крепкий удар в стык Особой и 8-й армий — по IV Сибирскому корпусу, понесшему большие потери под Свинюхами. Весь удар 20 батальонов (три дивизии) и 57 батарей пришелся по 10-й Сибирской дивизии, понесшей тяжкие потери — 100 офицеров, 6000 стрелков (3000 пленных), 2 орудия и 48 пулеметов. Положение здесь было спасено 3-й Гвардейской пехотной дивизией («дивизия скорой помощи»), для которой выручка соседей, близких и дальних, всю войну была делом привычным.

Одновременно и Южная германская армия Ботмера выбила 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию нашей 7-й армии из Свистельников. Неприятель вернул утраченное им 3 сентября, воспроизводя в то же время кошевские образцы Драгомирова. Первый короткий удар по ковешскому образцу был произведен 6 сентября корпусом Фата на Стоходе у Заречья. Наша 77-я пехотная дивизия (XLVI армейского корпуса 3-й армии) была отброшена на правый берег Стохода, оставив в руках неприятеля 31 офицера, до 2500 нижних чинов пленными и 17 пулеметов. Австро-германцы, располагавшие подавляющей по силе артиллерией, показали свой урон только в 200 человек.

Эти короткие удары стратегических целей не преследовали, но поражение IV Сибирского корпуса заставило генерала Брусилова отложить наступление Особой и 8-й армий на два дня. 11-я и 7-я армии атаковали 17 сентября. Левый фланг генерала Сахарова — VI армейский корпус — имел небольшой успех у Красне — этим исчерпалась вся наступательная операция 11-й армии. Трофеями боев у Красне было 59 офицеров и 1928 нижних чинов пленными.

Штаб 7-й армии сомневался в успешности наступления в долине Днестра в галицком направлении, где противник чрезвычайно сильно укрепился. Генерал Щербачев решил

нанести удар не левым крылом на Галич, а правым — на Львов, совместно с соседней 11-й армией. Для наступления он назначил только часть XVI армейского корпуса и подошедший III Кавказский корпус — 3, а затем 4 дивизии из общего числа 15.

Удар пришелся по галлиполийскому 15-му турецкому корпусу, стоявшему на левом фланге Ботмера. В неистовом побоище 17 сентября под Диким Ланом кавказские полки 21-й и 52-й дивизий поддержали славу Суходола, Ивангорода и Сенявы, а турки — славу Дарданелл. 18 и 19 сентября XVI корпус форсировал Нараевку и Ценювку, отбросив корпус Гофмана. 22-го генерал Щербачев нанес крепкий, но безрезультатный удар правофланговыми XVI, III Кавказским, частями VII Сибирского и II армейского корпусов, введя в дело 7 дивизий — и этим закончилась попытка 7-й армии наступать на Львов.

Весь бой под Диким Ланом велся на штыках — пощадить не просили и не принимали. Турки (19-я и 20-я пехотные дивизии) оказали бешеное сопротивление. Поле сражения осталось поделенным перпендикулярно исходному положению — как некогда при Цорндорфе. Наши трофеи составили 112 офицеров, 2268 нижних чинов — почти сплошь австро-германцев, так как турки не сдавались. Ночью 15-й турецкий корпус был отведен в резерв и сменил германскими 119-й и 216-й пехотными дивизиями. В боях 18 и 19 сентября на Ценювке было взято еще 2600 пленных, а 22 сентября у Млынова — еще 15 офицеров и 822 нижних чина.

Щербачев и Головин, так хорошо проводившие прежние наступления, на этот раз действовали очень посредственно. Колеблясь в выборе направления, изменив его в последнюю минуту, назначив для удара едва четвертую часть всех сил, вводя эти недостаточные силы в бой к тому же по частям, они воспроизвели здесь худшую из своих операций — декабрьское наступление на Стрыпе.

19 сентября перешли в наступление Гурко и Каледин, начав Пятое Ковельское сражение. Особая армия атаковала левым крылом, развернув XXXIX, XXV, XXXIV и XL армейские корпуса (XXX и I были на Стоходе, а I Туркестанский и IV Сибирский корпуса выведены в резерв). Слабость технических средств не могла возместиться доблестью войск. Решительный Гурко продолжал непрерывно наносить удары, пока 22 сентября не истощил своих войск (у нашей артиллерии, к счастью, не хватило снарядов, и пехотную бойню пришлось остановить).

Неукротимой энергии и полководческому творчеству генерала Гурко невозможно было развернуться в условиях осадной войны — на подступах к обращенному в гигантскую крепость Ковелю. Командуй он здесь в начале Брусиловского наступления вместо слабого и нерешительного Каледина, Владимир Волынский и Ковель были бы захвачены с налета, лудкая, а затем и кошевская победы были бы использованы полностью. Сейчас — в сентябре—октябре — полководцу под Ковелем делать было уже нечего: тут хватило бы и Эверта для спокойного отсиживания в окопах. Энергия и напористость генерала Гурко шли только во вред, умножая без всякой нужды и без того громадные потери.

8-я армия нанесла удар тремя правофланговыми корпусами — I Гвардейским, II Гвардейским и VIII (левофланговый V армейский корпус остался на месте). Атака Квадратного леса закончилась неудачей, и огромный урон соответствовал огромному мужеству атаковавших. Всего в Пятом Ковельском сражении 14 наших дивизий атаковали 12 неприятельских (германская группа Бекмана, 6-й германский корпус Марвица и IV австро-венгерская армия), занимавших оборудованные по-крепостному позиции и располагавших вдвое сильнейшей артиллерией. Гвардия атаковала 17 раз. В Особой армии неприятель отметил «особенный пыл» XXXIV корпуса (56-я и 104-я пехотные дивизии), штурмовавшего 12 раз позиции 10-го австро-венгерского корпуса.

После этого сражения Государь и Алексеев воспротивились дальнейшей бойне на Ковельском направлении, требуя перенесения тяжести Юго-Западного фронта на Буковину и Лесистые Карпаты. Туда было переведено управление 8-й армии, а все войска этой последней включены в Особую армию, доведенную до состава 12 пехотных и 2 кавалерийских корпусов — 27 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Однако у Ставки не хватило твердости настоять на своем решении прекратить ковельскую операцию перед более волевыми подчиненными инстанциями. Брусилов и Гурко настояли на продолжении этого безумного самоистребления.

Генерал Гурко разделил свою ставшую слишком громоздкой армию на две группы — северную и южную (соответствовавшие, в общем, прежней Особой и 8-й армиям), приняв лично руководство ударными корпусами. Он решил напрячь всю энергию войск, все время сближаться с врагом, непрерывно ведя инженерное наступление, нанося ему безостановочно крепкие короткие удары —

давить неприятеля горами земли, дерева и человеческого мяса.

Систему непрерывно нажимать на мощно укрепившегося неприятеля принял было в самом начале позиционной войны на Западе генерал Жоффр. «Я их грызу!» («Je les grignote!») — говорил он. Эта «грызня» зимой 1914/15 годов и весной 1915 года стоила Франции 500 000 убитых и раненых и совершенно не принесла ущерба немцам. Генерал Гурко не отдавал себе отчета в том, что при нашей технической бедности у нас не может получиться лучшего.

Последняя сентябрьская неделя и первые октябрьские дни были, пожалуй, самым тяжелым временем ковельской страды. От войск, чередовавших тяжелые инженерные работы с кровопролитными и малоуспешными штурмами, требовалось страшное напряжение. 25 сентября вел упорнейший бой XXV армейский корпус генерала Корнилова, поддержанный XXXIX корпусом. 1 и 2 октября гвардейские стрелки истекли кровью в Квадратном лесу. 3 сентября расстреляны на проволоке стрелки I Туркестанского корпуса и снова XXV армейский корпус. Эти трехдневные жестокие и кровопролитные бои мы можем назвать Шестым (и, к счастью, последним) Ковельским сражением.

Тяжелое положение Румынии побудило нашу Ставку принять меры к облегчению незадачливых союзников. По мере того как румыны переводили свои силы из Молдавских Карпат в угрожаемую Валахию, место их занимали войска нашей 9-й армии, протягивавшей все больше свой левый фланг к югу. Чрезмерное (к середине сентября до 300 верст) растяжение фронта, кровавые потери в непрерывных боях, необходимость выделить значительное количество людей на сообщения в этой дикой горной местности, для эвакуации раненых и заболевших, подноса боевых припасов по трудно проходимым, заваленным снегом тропам, — все это еще более затрудняло и без того нелегкую задачу генерала Лечицкого, державшего за горло III и VII австро-венгерские армии. Но он и вверенные ему войска с честью вышли из этого положения.

Переведенное в Буковину управление 8-й армии объединило XII, XI, XXIII и XVIII армейские корпуса в Закарпатье и Карпатах. Генералу Лечицкому было оставлено дорна-ватренское направление, против которого были развернуты III конный и XXVI армейские корпуса — правый фланг новой 9-й армии. Южнее их строили фронт в Молдавских Карпатах постепенно прибывавшие с севера корпуса. За октябрь это были II армейский корпус из

7-й армии, XXXVI и XXIV армейские корпуса — оба с Западного фронта.

Генерал Лечицкий видел всю выгоду трансильванского направления, выведившего долиной Мароша в обход всего неприятельского расположения, и предлагал наступать на Чик-Середу. Но Ставка, пораженная стратегической слепотой, не желала замечать этой выгоды, считая трансильванское направление «опасным». Она предписывала Лечицкому долбить на Дорна-Ватру и Кирлибабу, где неприятель тем временем устроил нам второй Ковель.

Октябрьские бои 1916 года нашей 9-й армии приковали к Молдавским Карпатам VII австро-венгерскую армию с многочисленными германскими подкреплениями и половину I армии, на целый месяц отсрочив падение Бухареста. Склоны гор у Кирлибабы превратились в обширные русские кладбища.

В конце октября действовавшая против Румынии IX германская армия генерала Фалькенгайна, получив сильные подкрепления с Французского фронта, нанесла румынам решительный удар. Генерал Лечицкий направил все свои усилия и с 15 ноября перешел в наступление по всему своему фронту. Правым своим флангом — XXXVI и II армейскими корпусами — он ударил на Дорна-Ватру, а левым — XXXVI и XXIV корпусами, к которым присоединился вскоре XL, — пытался прорваться на Чик-Середу.

Весь ноябрь шли тут героические бои в облаках и за облаками — сражение у Кирлибабы. История их когда-нибудь будет написана. Трофеи наши в этой горной войне были значительны, потери — огромны, героизм — беспримечен. К сожалению, все сроки были уже пропущены. XII австро-венгерская армия прочно занимала карпатские проходы своими 11 дивизиями, располагавшими гораздо более сильной артиллерией, нежели 8, затем 10 дивизий генерала Лечицкого. Что можно было легко совершить в конце августа, когда фланг противника в трансильванском направлении буквально висел в воздухе, становилось уже невыполнимым два месяца спустя, в ноябре, когда неприятель укрепился в превосходных силах на горных позициях, оказавшихся неприступными благодаря своему положению, инженерному искусству, снегу и морозу наступившей третьей и самой суровой зимы Мировой войны.

* * *

Героическим побоищем у Кирлибабы закончилась наступательная кампания 1916 года на русском фронте.

Тактические результаты ее были внушительны. Завоевана была Буковина, захвачено 420 000 пленных (из них германцев 80 000), 600 орудий, столько же минометов и бомбометов, 2500 пулеметов и огромная добыча. Велико было и политическое значение Брусиловского наступления. Итальянская армия была спасена от разгрома (Капоретто отсрочено на полтора года), Французский фронт получил большое облегчение в критический момент июньского кризиса под Верденом: кронпринц приостановил свое наступление на Маасе, и его резервы отправились на Волынь. Наконец, буковинская победа Лечицкого побудила к выступлению Румынии.

Стратегического решения это политически выгодное и тактически удавшееся наступление не принесло. Сперва его не требовали, а затем его не сумели добиться. Для России и русской армии вся эта грандиозная наступательная операция в конечном счете оказалась вредной.

Победы мая—июня были утоплены в крови июля—октября. Было перебито 750 000 офицеров и солдат — как раз самых лучших. Превосходный личный состав юго-западных армий был выбит целиком. Болота Стохода поглотили восстановленные с таким трудом полки гвардии, с которыми лег и остальной цвет императорской пехоты — богатыри VIII корпуса, железные полки XL, заамурцы, туркестанские стрелки... Заменить их было нечем.

Ставка ждала от Юго-Западного фронта прорыва — и Юго-Западный фронт дал ей этот прорыв, и даже целых четыре сразу. Россия ждала от Ставки победы, и Ставка ей этой победы дать не сумела.

Была упущена последняя возможность окончить войну выводом из строя Австро-Венгрии, предупредив этим близившиеся великие внутренние потрясения. Враг содрогнулся от полученного страшного удара. Ему дали время оправиться, а затем стали наносить удары в самые крепкие его места, вместо того чтобы бить в самые слабые. И лавры Луцка сменились терновым венцом Ковеля...

Во всю эту злополучную кампанию русского стратега — если только злосчастного генерала Алексеева можно назвать стратегом — преследовало какое-то непонятное ослепление — стремление во что бы то ни стало идти по линии наибольшего сопротивления.

Решение Ставки нанести главный удар Западным фронтом в самое крепкое место неприятельского расположения — и это несмотря на неудачу Нарочского наступления — было едва ли не самым большим стратегическим абсурдом Мировой войны. И то, что это решение было

навязано союзниками, лишь отягчает вину русской Ставки перед Россией и русской армией. А когда не поддержанное Ставкой наступление Юго-Западного фронта уже успело захлебнуться, Ставка решила его развить и указала для главного удара опять-таки самое крепкое, единственно крепкое место вражеского расположения — Ковель!

«У русских было много войск, но они тратили их слишком беспорядочно», — вспоминал Фалькенгайн про июльские наши наступления на Стоходе. Сил наших было тогда достаточно для полного разгрома неприятеля — не было только разумного их применения.

Владимиров день — 15 июля — был решающим днем кампании. Он должен был показать всю бессмысленность ковельских сражений — вбивание лбом гвоздя в стенку. Будь тогда в Ставке полководец, он отказался бы от бессмысленного и кровавого ковельского миража и, учтя полностью создавшуюся политическую и стратегическую обстановку, произвел бы единственно возможную перегруппировку сил для нанесения сокрушительного удара из Молдавских Карпат во фланг и в тыл неприятельского расположения. Враг страшился этого удара, самой природой начертанного на карте. Его военачальники не скрывали своей тревоги в напряженные дни августа—сентября. И рев нашей артиллерии, тщетно надрывавшейся под Ковелем, должен был им казаться райской музыкой, показывая, что русские заняты совершенно иным, чем следовало бы.

Генерал Алексеев считал «главным» то направление, на котором в данный момент было захвачено наибольшее количество пленных, орудий и пулеметов. В первые дни Брусиловского наступления, после Лудского прорыва, это было направление 8-й армии. После Доброноуцкой победы внимание Ставки перенеслось в 9-ю армию в Буковину, а затем по очереди — в 11-ю армию (после Брод) и в 7-ю армию (после августовского сражения на «двух Липах»). Вместо того чтобы управлять событиями, Ставка сама следовала за ними. Верховного руководства российской вооруженной силы не существовало.

Волевого военачальника генерала Брусилова следует поставить гораздо выше генерала Алексеева. Он громил неприятельские армии, одерживал блестящие победы, которыми генерал Алексеев совершенно не умел пользоваться. Его одновременный прорыв в четырех местах, отказ от шаблонной подготовки удара «кулаком» в одном направлении указывает на самостоятельное стратегическое творчество. Единственный из всех старших наших военачальников он

оказался способным на него. Алексеев не умел мыслить иначе, чем по раз навсегда с академии еще усвоенному шаблону. О других и говорить нечего.

Генералу Брусилову удалось то, что до сих пор не удавалось ни одному вождю союзных армий — прорыв неприятельского фронта в стратегическом масштабе. Брусилова обвиняют в том, что, произведя прорыв, он не сумел его использовать. Обвинение это ни на чем не основано. Исползовать прорыв было делом не главнокомандующего Юго-Западным фронтом (которому было указано только демонстрировать), а Ставки. Ставка же оказалась совершенно неспособной принять полководческое решение и упустила все представлявшиеся возможности.

Упрек генералу Брусилову может бросить не стратег, а тактик. Этот кавалерист не нашел кавалерии... Превосходная конница Юго-Западного фронта осталась неиспользованной. Из 13 дивизий была использована лишь одна (9-я у Порхова) — и как раз на труднейшем участке. В какой триумф превратилась бы наша победа, кинься IV и V конные корпуса — 20 тысяч шашек (и каких шашек!) — преследовать наголову разбитого врага под Луцком. И уцелел бы из разгромленной армии Пфланцера хоть один человек, если бы вместо одного Текинского полка ее стал бы рубить весь III конный корпус графа Келлера?

Семь кавалерийских дивизий на правом крыле фронта сидели по брюхо коня в болоте, три на левом крыле двинуты были в горы... А за уходившими неприятельскими батареями гналась горсточка наших конноартиллеристов!

Нашей победе не хватило крыльев.

* * *

Из командовавших армиями на первое место следует поставить генерала Гурко. К сожалению, он явился на Волынь слишком поздно. Волевой, энергичный и умный начальник, он много требовал от войск и командиров, но много и давал им взамен. Его приказы и наставления — краткие, ясные, проникнутые наступательным духом, ставили войска в наилучшее положение при сложившейся исключительно тяжелой и невыгодной для наступления обстановке. Возглавь Гурко Луцкий прорыв, трудно сказать, где остановились бы победоносные полки 8-й армии, и остановились бы они вообще.

Командование армией явно превысило способности генерала Безобразова, сорвавшего своей «методикой» Первое Ковельское сражение. Немногим лучше был генерал Каледин, как-то неуверенно чувствовавший себя во главе армии, сомневавшийся в своих силах, не веривший в победу, нуждавшийся в постоянном подбадривании.

В действиях генерала Сахарова в начале наступления сказывалась нервность и плохое понимание стратегической обстановки. Однако в последовавший период он выровнялся и действовал отлично. Вполне на своем месте был генерал Щербачев, армия которого между тем была поставлена в самые невыгодные стратегические и тактические условия. И превосходил был железный Лечицкий, давший нам Буковину, истребивший австрийцев и заставивший германского противника пожалеть о верденском пекле.

РАЗГРОМ РУМЫНИИ

Победы армий генерала Брусилова имели последствием выступление на стороне Соглаasia Румынии, решившей, что настал час поспешить на помощь победителю. Раньше, чем объявить войну, бухарестское правительство запрдало Центральным державам все запасы хлеба и нефти в стране по весьма дорогой цене, рассчитывая все получить затем даром от России.

Эта коммерческая операция по «реализации урожая 1916 года» потребовала времени, и Румыния объявила войну Австро-Венгрии лишь 14 августа, когда Брусиловское наступление уже закончилось. Выступи она на шесть недель раньше, — в момент лущкой победы Каледина и доброноуцкогo триумфа Лечицкого — положение австро-германских армий из критического стало бы катастрофическим, и при умелом использовании румынских возможностей нам удалось бы вывести из строя Австро-Венгрию. Но удобный момент был безвозвратно пропущен, и выступление Румынии в августе совершенно не имело того эффекта, который оно могло бы иметь в конце мая — начале июня.

К выступлению Румынию особенно энергично побуждала Франция. Генералу Жоффри важно было оттянуть как можно больше германских дивизий с Западного театра. Россия относилась к румынскому вмешательству гораздо более сдержанно. Как это ни кажется невероятным, но руководители нашей стратегии в лице генерала Алексеева

совершенно не заметили огромного преимущества Румынского театра войны. Наступлением из Молдавии на северо-восток можно было поймать в мешок VII и III австро-венгерские армии, перехватив у них в тылу немногочисленные карпатские проходы и взяв во фланг все неприятельское расположение к югу от Припяти.

Этот полководческий маневр был начертан на карте. Его страшились Гинденбург и Конрад. Но его совершенно не замечал злополучный Алексеев. Никогда еще отсутствие у него творческой интуиции не сказалось с такой трагической очевидностью, как в августовские дни 1916 года! Сама судьба протягивала ему ключ к победе, и он его не взял — и даже не заметил.

Наша Ставка желала видеть одну лишь обратную сторону медали — неудобства и невыгоды выступления Румынии, выразившиеся, главным образом, в опасности растяжения до Черного моря и без того огромного фронта от Риги до Кирлибабы.

Видя, что его возражения совершенно не принимаются к сведению волевым полководцем Жоффром, генерал Алексеев занял странную, обиженно индифферентную позицию, словно подчеркивая, что раз с ним не желают считаться, то он, в свою очередь, не желает считаться с создавшейся вопреки его уговорам и представлениям обстановкой и попросту игнорирует навязанного ему союзника. Впрочем, вполне игнорировать румын не пришлось. Волей-неволей надо было определить с ними «*modus vivendi*» — заключить военную конвенцию. Это состоялось 4 августа — за 10 дней до выступления Румынии.

Поддерживаемая Францией Румыния вначале пожелала отправки 250-тысячной вспомогательной русской армии на Балканы. Алексеев, еще в феврале мечтавший о походе туда 16 корпусами, в августе категорически отвергнул это румынское «домогательство». Он обещал 50 тысяч, но затем пожалел и их и послал всего 30 тысяч. Жалуясь на нелояльность к нам наших союзников, генерал Алексеев в отношении новых союзников сам допустил нелояльность.

Конвенция 4 августа оставляла открытым самый важный вопрос: согласование действий союзных русско-румынских армий. Нам надо было сговориться с румынами относительно их главного операционного направления, которое нам надлежало указать в Молдавские Карпаты — в непосредственном соседстве с 9-й армией генерала Лечицкого и в обход правого фланга всего австро-германского расположения. Но наша Ставка отстранилась от всякого участия в

разработке этого вопроса капитальной важности. Она словно подчеркивала, что это ее не интересует и ее не касается.

* * *

Предоставленные собственным силам румыны распорядились ими как нельзя хуже. Они положили заслониться на юге от Болгарии, а наступать на севере в Трансильванию.

В их мобилизованной армии считалось 564 000 человек, составивших 23 пехотные и 2 кавалерийские дивизии. Они направили 5 дивизий на Дунай, образовав из них 3-ю армию генерала Аслана; 7 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию оставили внутри страны в качестве «стратегического резерва», а остальные 11 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию развернули в ниточку на огромном, почти тысячеверстном, фронте от Дорна-Ватры до Железных Ворот. Это были слева направо 1-я армия генерала Кульчера в Малой Валахии, 2-я армия генерала Крайничано, после генерала Авереско в Большой Валахии и 4-я армия, или Северная, генерала Презана в Молдавии. Между этими удаленными друг от друга в горах тремя армиями не существовало никакой связи.

Трансильванию занимала новообразованная I австро-венгерская армия генерала фон Арца в составе 4½ пехотных дивизий австрийских войск, но с управлениями германских резервных корпусов — 1-го (фон Морген) и 39-го (фон Штаабс). Это были австро-венгерские войска, совершенно истребленные Брусиловым у Лудка и Кошева, заново восстановленные в Трансильвании. Несмотря на подавляющее численное превосходство, румыны действовали вяло. Они заняли было Кронштадт и Германштадт, но на этом их успехи на севере замерли, тогда как на юге произошла Туртукайская катастрофа.

Помнившая 1913 год Болгария немедленно же объявила войну Румынии. III болгарская армия генерала Тошева, подкреплённая германцами, под общим начальством главнокомандовавшего на Балканах фельдмаршала Макензена стремительным наступлением вошла в Добруджу, разметав румынские авангарды. 23-го и 24 августа Макензен наголову разбил 3-ю румынскую армию при Туртукае. Яростным штурмом он взял этот «румынский Верден», сбросив его защитников в Дунай.

Командовавший 3-й румынской армией генерал Аслан на банкете союзным военным агентам заявил: «Турту-

кай — наш Вердек. Кто его тронет — уколется!» Сутки спустя Туртукай пал. Из 39 000 защитников 7000 спаслось на лодках и вплавь, 3570 было убито и ранено, а 28 500 сдалось со 162 орудиями и 40 пулеметами, бывшими на вооружении крепости. Все старшие начальники бежали первыми. Гарнизон оказал посильное сопротивление — из 25 000 германо-болгар убито и ранено было 7950 человек — 30 процентов, что для защитников неплохо.

Остатки 3-й румынской армии отступили в Среднюю Добруджу, где были спасены подошедшими русскими войсками. Это были 61-я пехотная дивизия генерала Симанского и Югославянская дивизия полковника Хаджича, сведенные в XLVII армейский корпус генерала Зайончковского и усиленные 3-й кавалерийской дивизией. Посылкой этих войск в Добруджу генерал Алексеев надеялся исчерпать свои союзнические операции.

Развернувшись на линии Разово—Кобадин—Тузла, впереди железной дороги Черноводы—Констанца, и вбрав в себя остатки 3-й румынской армии, войска генерала Зайончковского встречным ударом 1 сентября у Кокарджи остановили продвижение III болгарской армии, а 4-го числа отразили сильную контратаку германо-болгар. У Кокарджи полки 3-й кавалерийской дивизии лихо атаковали в конном строю. Югославянская дивизия взяла 8 орудий. Дивизия эта была сформирована из военнопленных, управление и часть кадров прибыли из сербской армии.

Весь сентябрь в Добрудже царило затишье. Наши войска здесь были в конце месяца усилены 30-й пехотной дивизией, составившей с 3-й кавалерийской дивизией VI конный корпус генерала Леонтовича на левом фланге русско-румынского расположения, а затем и 115-й пехотной дивизией.

* * *

Победа генерала Щербачева над армией Ботмера в сражении на «двух Липах» заставила германское командование направить под Галич все войска, предназначавшиеся для удара по румынским главным силам. Румыны могли благодаря этому оставаться целый месяц в Трансильвании. В первых числах сентября в Семиградье было переведено из Полесья управление IX германской армии во главе с Фалькенгайном и с войсками

(61/2 пехотных и 2 кавалерийские дивизии), снятыми, главным образом, с Французского фронта. Одновременно и I австро-венгерская армия была доведена до 6 дивизий придачей германских войск.

Генерал фон Арц сдержал наступление Северной румынской армии, дав ей отпор у Чик-Середы, тогда как Фалькенгайн крепким ударом с 14-го по 16 сентября при Германштадте отбросил 2-ю румынскую армию за линию границы, освободив этим сражением Трансильванию. 1-я румынская армия держалась все время пассивно, имея против себя в Банате сперва две бригады ландштурма, а затем две дивизии из состава IX германской армии. Октябрь прошел в Трансильвании спокойно. Фалькенгайн накапливал силы для решительного наступления. Зато Добруджский фронт пришел в движение.

Пользуясь вялостью союзной армии генерала Саррайля (ограничившейся демонстрациями на Флорину), Макензен совершенно оголил Македонский фронт, сосредоточив в Добрудже 14 дивизий против 4 русских и 4 румынских. 6 октября он прорвал расположение группы генерала Зайончковского у Кобадина, перерезал Черноводскую железную дорогу и 9-го числа занял Констанцу. Русско-румынские войска отступили на север — к Тульче и Бабадагу. Добруджа была потеряна.

Неудача эта встревожила нашу Ставку. В Добруджу были спешно направлены с Юго-Западного фронта IV Сибирский корпус, а с Северного фронта 3-я стрелковая и 8-я Кавказская дивизии. Вместе с XLVII армейским и VI конным корпусами силы эти составили Дунайскую армию. Командовать ею был призван генерал Сахаров, сдавший 11-ю армию генералу Клембовскому. Одновременно, как мы знаем, войска нашей 9-й армии в Западнорумынии и Буковине были переданы управлению 8-й армии, а управление 9-й армии объединило корпуса, перебрасывавшиеся в Молдавские Карпаты.

IX германская и I австро-венгерская армии были совместно с VII австро-венгерской армией (где Пфланцера заменил Кевеш) объединены в группу войск престолонаследника Карла, которому была предназначена выигрывающая роль завоевателя Румынии.

29 октября Фалькенгайн нанес Румынии сокрушительный удар, разгромив 1-ю румынскую армию в долине реки Жиу. Одновременно генерал фон Арц нанес поражение 2-й румынской армии у Кронштадта. Развивая свое наступле-

ние, IX германская армия стремительно двинулась долиной Ольты в Валахскую равнину. Румынское командование спешно сосредоточило на подступах к Бухаресту все оставшиеся еще у него войска. Молдавский фронт был передан не закончившей еще своего сосредоточения 9-й армии генерала Лечицкого, а Добруджа — Дунайской армии генерала Сахарова.

3 ноября в Молдавские Карпаты уже прибыли передовые корпуса 9-й армии — XXIV и XL. В Дунайскую армию с Северного фронта подошел IV армейский корпус, но он по просьбе румынского командования был вместо Добруджи направлен в самую Валахию — под Бухарест. IV армейский корпус был в составе 2-й и 40-й пехотных дивизий. 30-я пехотная дивизия находилась еще в Добрудже и не успела присоединиться к своему корпусу. Следом за IV корпусом в Валахии должны были сосредоточиться еще VII, VIII, XXIX и XXX армейские корпуса с управлением 4-й армии генерала Рагозы. В Молдавии ожидалась в 9-й армии XXVI и XXXVI корпуса. В дальнейшем решено было двинуть в Румынию еще I и XLIV армейские корпуса с Западного и XLV корпус с Юго-Западного фронтов.

Русской армии дорого приходилось расплачиваться за недалекость и узость взгляда генерала Алексева, пожалевшего отправить своевременно 5—6 корпусов, как о том в августе просили румыны. Теперь не то что пяти, а десяти корпусов было мало. Раньше начала декабря 4-я армия не могла сосредоточиться. Русская железнодорожная сеть работала все с большими перебоями. Одноколейные бессарабские дороги совершенно не были приспособлены к массовым перевозкам войск и их довольствия, румынские же были в полном расстройстве. От линии Прута войска приходилось вести в глубь Валахии походным порядком. Шедший таким образом 500 верст из Буковины к Бухаресту III конный корпус графа Келлера совершенно измотал лошадей.

12 ноября исторические Систовские высоты через сорок лет вновь сотрясались от грома пушек. Сыновья освобожденных солдатами Драгомирова болгар шли на сыновей своих освободителей... Новосформированная неприятельская Дунайская армия в составе 5 дивизий (1 германской, 2 турецких и 2 болгарских) под личным руководством фельдмаршала Макензена форсировала Дунай от Систова к Зимнице. Сосредоточившись у Зимницы и заняв Журжу, Макензен двинулся на Бухарест.

* * *

Румынские войска в Бухарестском районе под общим начальством генерала Презана состояли из 1-й армии и Дунайской группы, собранных на реке Арджеше для отражения Фалькенгайна и Макензена. 2-я армия прикрывала Валахию с севера против армии фон Арца.

Силы эти — совершенно недостаточные — охватывались неприятелем с трех сторон. С севера шли группы Моргена и Крафта, с запада теснили Кюне и Шметов, с юга надвигался Макензен... У румынского командования не хватило кутузовского глазомера для того, чтобы, пожертвовав столицей, спасти вооруженную силу. Сосредоточив на Арджеше 8½ полуразбитых, большей частью сводных дивизий (доведенных затем бессистемной посылкой пачками до 15½ пехотных и 3 кавалерийских дивизий), оно приняло бой с 15 победоносными, по большей части свежими дивизиями неприятеля.

И Бухарестское сражение с 14-го по 18 ноября окончилось тем, чем должно было закончиться — полным разгромом румынской вооруженной силы. От окончательной гибели румыны были спасены только войсками нашего IV армейского корпуса (40-я пехотная дивизия), остановившими под Команой армию Макензена и давшими возможность выйти из наметившегося окружения немногочисленным остаткам румынских войск. В Бухарестском сражении румынские войска показали себя выше своей репутации. Они дрались храбро и упорно, все время переходя в отчаянные контратаки. Но неравенство сил усугублялось плачевным руководством. Начальник ударной группы генерал Сочек в решительный момент контрнаступления 16 ноября «по слабости нервов» бежал в Бухарест, никого не предупредив. Старый гусар Макензен в сопровождении всего трех офицеров первым прискакал в Бухарест, занятый еще отступавшими румынскими войсками. Он опередил голову своего авангарда на 10 верст. Из 120 000 румын до 25 000 было перебито, 65 000 взято в плен и только 30 000 (остатки 15 дивизий) смогли отступить. Германо-болгаро-турки взяли 124 орудия и 115 пулеметов. Урон их остался неизвестным.

20 ноября Фалькенгайн вступил в Бухарест, а 23-го левофланговая его группа Моргена (1-й и 39-й резервные корпуса), прорвавшись на Плоешты, перехватила главный путь отступления румын и под Кокорештами взяла в плен левофланговую группу их 2-й армии.

Наша конная группа графа Келлера (III и подоспевший из Добруджи VI конные корпуса) и IV армейский корпус генерала Хана Алиева самоотверженно прикрыли румынский отход, отступательными боями сдерживая шаг за шагом армии Макензена и Фалькенгайна. В районе Аджуда спешно сосредоточивалась наша 4-я армия. Подошедший раньше других VIII армейский корпус генерала Деникина был двинут на широком фронте к Бузео навстречу отступавшим румынам с задачей «собрать и привести в порядок» все, что осталось от румынских армий.

В то же время в Молдавских Карпатах, как мы знаем, шли жестокие бои. 9-я армия генерала Лечицкого, развернув справа налево XXVI, II, XXXVI, XXIV и XL корпуса на фронте от Дорна-Ватры до Аджуда, атаками на Дорна-Ватру и Кирилибабу приковала VII австро-венгерскую армию, а наступательными боями в долине Тротуша оттянула на себя в конце концов и всю I армию, облегчив, как могла, положение румын и положив несчетные тысячи бойцов. 16 ноября туркестанцы 3-й стрелковой дивизии овладели высотой «1295» у Дорна-Ватры, где взяли 1300 пленных, 3 орудия, 4 миномета, 4 бомбомета и 4 пулемета. 20 ноября в XL корпусе Железные стрелки захватили еще 2 пушки. 19 ноября в XXIV корпусе частями 49-й пехотной дивизии взято 1 орудие и 8 минометов и бомбометов. Эти бои требовали гигантского напряжения.

24 ноября был образован новый Южный фронт, почти тотчас же переименованный в Румынский. Главнокомандующим считался номинально король Фердинанд. Ответственным главнокомандующим (в звании помощника и подчиненный Ставке) стал генерал Сахаров. Его Дунайскую армию принял штаб 6-й армии, переведенный из Петрограда, и командующим этой армией был назначен генерал Цуриков (одно время замещавший генерала Горбатовского в 10-й армии).

Румынский отход протекал в катастрофических условиях. В обильной земледельческой стране не оказалось хлеба: все запасы, как мы видели, были накануне объявления войны проданы австро-германцам. Страна и остатки армии погибали от голода и страшной эпидемии тифа. Русским войскам пришлось не только выручать румынскую армию, но и спасать население страны! Слабая боеспособность румынских войск, продажность администрации и развращенность общества чрезвычайно раздражали наших военачальников. Отношения между союзниками с самого начала установились крайне натянутыми.

* * *

Взятие Бухареста совпало с кончиной престарелого императора Франца Иосифа. Престолонаследник Карл стал императором Карлом I. Его группа войск была передана прибывшему с Итальянского фронта эрцгерцогу Иосифу в составе I и VII армий. IX германская, Дунайская и III болгарская армии образовали группу войск Макензена. IX армией командовал генерал фон Эбен (Фалькенгайн был назначен главнокомандующим турецкими армиями в Палестине), а Дунайскую армию от Макензена принял генерал Кош.

С 5-го по 8 декабря группы Моргена и Крафта IX армии вели яростные атаки на стык наших 9-й и 4-й армий в долине реки Путны. XL и VIII армейские корпуса понесли тяжелые потери, но встречным ударом XXIV армейского корпуса генерала Некрасова Лечицкий восстановил положение. В боях с 5-го по 8 декабря особенно пострадала 14-я пехотная дивизия (правофланговая 4-й армии), потерявшая половину своего состава. Пользуясь замечательным качеством войск славного XL корпуса, все время отбивавшего атаки Моргена, генерал Лечицкий растянул его в ниточку, выведя в маневренный резерв два полка 2-й стрелковой дивизии, которые бросил в стремительную контратаку долиной реки Чобанаша. Стрелками было захвачено 2 орудия, и немцы были отброшены в исходное положение.

Потерпев неудачу на Путне, Макензен решил нанести удар на Рымнике с целью прорвать фронт нашей 4-й армии. 11 декабря он ударил IX армией Фалькенгайна в направлении на Рымник—Сарат. Так началось упорнейшее четырехдневное сражение при Рымнике—Сарате, которое немцы называли «Рождественской битвой» («Weihnachtschlacht»). VII армейский корпус стойко выдержал удар группы Моргена, понеся огромные потери. Стойко бились и XXX корпус, и остатки румын. Все же 4-й армии пришлось осадить назад, и генерал Рагоза отвел ее 15-го с Рымника на молдавский Серет. Офицеры VII корпуса вспоминают это сражение при Рымнике—Сарате, как самое тяжелое за всю войну. Доблестная 34-я пехотная дивизия четыре дня отражала на высоте «417» четыре германские дивизии 1-го резервного корпуса Моргена. За всю Рождественскую битву (с 24-го по 28 декабря нового стиля) немцы захватили около 10 000 пленных, но нами не отдано ни одной пушки. Урон 4-й армии превысил 40 000 человек.

20 декабря Макензен нажал на нашу 6-ю армию, закончившую еще 14-го числа эвакуацию Добруджи. 24-го германо-болгаро-турки генерала Коша заняли Браилов, будучи, впрочем, потрепаны контратаками наших IV армейского и IV Сибирского корпусов 6-й армии.

К 25 декабря Румынский фронт застыл в снегах жестокой зимы. В его состав была включена и 9-я армия. Остатки румынских войск были сняты с боевой линии и отправлены в тыл, в Молдавию, где были полностью реорганизованы прибывшей из Франции миссией генерала Бертело. Румынские потери составили 73 000 убитых и раненых и 147 000 пленных при 359 орудиях и 346 пулеметах. Перепуганная Ставка отправила в Румынию столько войск, что расстроенные наши железные дороги оказались не в состоянии их всех довольствовать сколько-нибудь продолжительное время. С огромными трудностями стоявшие в резерве Румынского фронта XLIV и XLV корпуса были отправлены назад — на Юго-Западный фронт, а I армейский корпус — на Северный фронт. Полупарализованная наша железнодорожная сеть была подвергнута совершенно излишнему напряжению.

36 русских пехотных и 13 конных дивизий — до 500 000 бойцов — стояло от Буковины по Молдавским Карпатам, Серету и Дунаю до Черного моря, имея против себя 30 пехотных и 7 кавалерийских дивизий четырех неприятельских держав.

* * *

Разгром Румынии имел большое значение для Центральной коалиции. Кампания 1916 года складывалась для нее невыгодно. На Западе германская армия должна была признать себя побежденной под Верденом, и в первый раз за всю войну ее бойцы усомнились в своих силах в затяжном сражении на Соме, где оставили за три месяца в руках англо-французов 105 000 пленных и 900 орудий. На Востоке Австро-Венгрии еле удалось спасти от катастрофы, и если Жоффр на Марне «отрешил» Мольтке-младшего, то Брусилов своим наступлением заставил уйти Фалькенгайна.

Быстрая и сокрушительная победа над Румынией и завоевание этой страны с ее огромными нефтяными запасами вновь вселили бодрость в народы Центральной коалиции, подняли ее престиж в мировой политике и дали

твердую почву Германии для предложения уже в декабре 1916 года мирных условий тоном победительницы. Предложения эти были, само собою разумеется, отвергнуты союзными кабинетами.

В произошедшей катастрофе прежде всего виноваты сами румыны. Виновато, во-первых, их правительство, пропустившее удобный момент — июнь месяц — по совершенно недостойным меркантильным соображениям «реализации урожая 1916 года». В августе было уже слишком поздно: кризис неприятельского фронта миновал. Виновато и румынское командование. Два года войны пропало для него даром, оно не воспользовалось опытом ни Восточного, ни Западного театров, и стратегическое невежество шло об руку с исключительной безграмотностью. Румынские стратеги не справились с составлением плана кампании. Они не учли беспримерно невыгодного географического положения маленькой страны, имевшей соприкосновение с неприятелем на протяжении 2000 верст по Карпатам и Дунаю. Погнавшись за кинематографически дешевым эффектом похода в Трансильванию — обетованную землю румынского ирридентизма, они не отдавали себе отчета в том, что их армия слишком слаба для решения самостоятельных стратегических задач. Необходимым условием для их успеха было все время чувствовать локоть могучего русского союзника. Если гора не шла к Магомету, то Магомету надлежало пойти к горе. Если Россия отказывалась дать Румынии 250 000 штыков для похода за Дунай, то Румыния должна была предложить России 250 000 штыков для удара из Молдавии во фланг и в тыл всего австро-германского расположения на востоке. Иными словами, назначить в Северную армию, единственно имевшую стратегическое значение, не 3, а 10 дивизий, ограничившись на всем остальном фронте активной обороной, чрезвычайно удобной в горной стране. Удар сильной армии генерала Презана по висевшему в воздухе обнаженному флангу армии Пфланцера и всего австро-германского расположения мог бы иметь неисчислимы последствия. Надо было твердо помнить, что в условиях Мировой войны румынская вооруженная сила являлась по существу лишь 14-й русской армией. Бессмысленно было затевать авантюру где-то у Кронштадта—Германштадта, в 500 верстах на отлете от главных сил Восточного театра войны.

Огромна и вина русской Ставки. Она была поражена каким-то страшным ослеплением, не замечая выгоды

Румынского театра, позволявшего взять во фланг и в тыл все неприятельское расположение перед армиями Юго-Западного фронта. Предоставив румынам воевать где им вздумается и как им вздумается, генерал Алексеев совершил преступление перед русской армией. Его долгом было указать румынам то направление, в котором нам был желателен их главный удар — в обход Добры армией Презана, и сразу же оказать им здесь существенную помощь. Требования румын показались ему «чудовищными» и были с негодованием отвергнуты. А затем под давлением событий, которых Алексеев не хотел предвидеть, наша Ставка была вынуждена отправить в Румынию втрое больше войск, но уже без всякой пользы. 5—6 русских корпусов, двинутые в августе 1916 года в Молдавские Карпаты или в Добруджу, могли нам дать победу. 15 корпусов, ставшие в декабре от Буковины до Черного моря, не смогли воспрепятствовать поражению. Мы направили в Румынию четвертую часть нашей вооруженной силы, и притом лучшую по качеству, весьма ослабив сопротивляемость Западного и Юго-Западного фронтов наших армий. На войне, как и в жизни (а ведь война — сама жизнь), за нерасчетливость приходится переплачивать. Алексеев переплатил ровно втрое и переплатил за счет России и русской армии, которым дорого обошлось его недомыслие.

Наконец не следует забывать и ответственности французского командования. Франция, столь энергично побуждавшая Румынию к выступлению, не оказала ей ни малейшей поддержки. Весь август, сентябрь и октябрь армии генерала Саррайля провели в полном бездействии в то время, как наша 9-я армия генерала Лечицкого истекла кровью в Молдавских Карпатах, пытаясь облегчить румын. Только 6 ноября Салоникский фронт перешел в наступление русско-франко-сербскими войсками на Битоль. Но главная масса войск Саррайля не сдвинулась с места — и Болгария смогла направить свыше трети своих сил на Румынский фронт.

В общем, выступление Румынии оказалось неудачным для Соглашения. Оно прибавило лавров, правда, недорогих, к знаменам Центральных держав и чрезвычайно ослабило Россию, побудив растянуть наш фронт с 1200 до 1900 верст и направить туда огромные силы. Выгодным оно стало в конечном счете лишь для западных союзников — с французских плеч на русские переложено было бремя 9 хороших германских дивизий.

ТРЕТЬЯ ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ

В конце октября генерал Алексеев заболел на почве переутомления канцелярской работой. На все время лечения его заменил генерал Гурко, сдавший Особую армию командиру V армейского корпуса генералу Балуеву. Опасаясь потери своего влияния и все время подчеркивая свою «незаменимость», завистливый и не терпевший талантливых военачальников Алексеев приказал соединить клинику, где он лежал, прямым проводом со Ставкой.

Новый ответственный главнокомандующий был в противоположность генералу Алексееву волевым военачальником полководческой складки. Руководил генерал Гурко действиями Ставки весной и летом 1916 года, вся кампания сложилась бы совершенно иначе. Сейчас — в октябре — полководческий момент был безвозвратно пропущен. Наследство Алексеева было тяжелым. Разгром Румынии принимал с каждым днем все большие размеры. Туда по закупоренным и парализованным железным дорогам посылался корпус за корпусом. Весь Русский фронт обратился в источник пополнения новообразованного Румынского. С 1200 верст протяжение боевой линии увеличилось до 1900. При прежнем количестве войск фронт становился гораздо более разреженным.

Это обстоятельство чрезвычайно тревожило генерала Гурко. В ту упадочную пору русской стратегии силу фронта полагали в его насыщенности человеческим «мясом». Фронт прибавился — значит надо было спешно прибавить «мяса». Исходя из этих соображений, генерал Гурко решил увеличить без малого в полтора раза состав пехоты Действовавшей армии, приведя все армейские корпуса из 2-дивизионного состава в 3-дивизионный, и новые дивизии формировать средствами самих корпусов.

Для этого пехотные полки из 4-батальонного состава приводились в 3-батальонный. Освобождавшиеся четвертые батальоны сводились затем в полки с пятисотыми, шестисотыми и семисотыми номерами; к ним добавлялись новосформированные из маршевых рот батальоны, и получалась 12-батальонная дивизия 4-й очереди. Корпус состоял из трех 12-батальонных дивизий вместо прежних двух 16-батальонных. Дивизии эти формировались без артиллерии, и в этом заключался первый источник слабости реформы генерала Гурко. Артиллерия корпуса — прежняя сотня пушек — обслуживала уже не две дивизии, а три.

Огневая сила корпуса разжижалась наполовину, и вместе с тем уменьшалась вполовину его пробивная сила и наступательная способность.

Но самой отрицательной стороной этой крайне неудачной реформы было резкое понижение качества нашей пехоты. Над живыми, болезненно чувствительными организмами старых полков была произведена грубая вивисекция. Оторваны и ушли в небытие четвертые батальоны, как правило, самые бойкие. Последние уцелевшие кадровые подполковники и полковники — геройские командиры батальонов и заместители мимолетных «цензовых» полковых командиров — получали новосколоченные части, и с ними отлетала душа старых полков, отнюдь не вселяясь в новые покурные серые полчища.

Кадры старых полков, и без того совершенно ослабевшие, подверглись окончательному разгрому. На каждом фронте была устроена бескровная Горлица, в каждой из армий организован бескровный Танненберг. Новые полки, надерганные же с бору по сосенке наподобие куропаткинских отрядов, не обладали никакой спайкой и были боеспособностью значительно ниже ополченских дружин начала войны. Генерал Гурко провел эту свою злосчастную реформу с выдающейся энергией. Первые дивизии 4-й очереди появились к началу декабря 1916 года. Было сформировано 76 пехотных дивизий 4-й очереди: 5-я, 6-я и 2-я Кавказские гренадерские; 128-я—138-я, 151-я, 153-я—157-я, 159-я—194-я; 6-я—8-я стрелковые; 5-я и 6-я Финляндские стрелковые; 15-я—22-я и Сводная Сибирская стрелковая; 6-я и 7-я Кавказские стрелковые; 8-я—10-я Туркестанские стрелковые; 4-я и 5-я Заамурские пехотные.

Формирование длилось весь январь и к февралю было закончено... после чего новообразованные полчища спешно пришлось расформировывать. Возникает вопрос, отчего понадобилось убивать дух армии, раздробляя и калеча носителей этого духа — старые полки и создавая никому не нужные мертворожденные серии «шестисотых» и «семисотых».

Фронт растянулся. Требовались новые дивизии. Нельзя ли было их создать без разгрома вооруженной силы? Иными словами, не вырывать кровоточащие куски мяса из живых полковых организмов, убивая тем самым эти живые полки, а отделить безболезненно из состава дивизий четвертые полки со всеми их командами, обозами, управле-

ниями, командирами, офицерами, всем сложившимся укладом жизни? Составленные из живых организмов дивизии оказались бы живыми, тогда как сформированные генералом Гурко из груд ампутированных кусков мяса жить не могли и начали разлагаться.

Немцы уже зимой 1914/15 годов увеличили безболезненно число своих дивизий на треть, перейдя на трехполковую состав. Французы осенью 1916 года последовали их примеру. При переходе на трехполковое положение мы могли бы получить 58 вполне прочных новых дивизий, составленных уже из обстрелянных и спаянных полков, и притом без раажижения кадров, административного хаоса и понижения боеспособности всей армии. Это простое и целесообразное решение напрашивалось само собой. Оно, казалось, могло бы ускользнуть от нестроевого деятеля, незнакомого с природой войск, но никак не от выдающегося строевого и боевого начальника, каким был Василий Иосифович Гурко.

Рационализм и позитивизм отравил и лучших из военных деятелей той упадочной эпохи. Они предпочитали иметь 4 сборных полка в 3 батальона, чем 3 цельных в 4 батальона, наивно полагая, что если трижды четыре — двенадцать, то и четырежды три должны дать тоже двенадцать. За арифметикой проглядели душу, не учли того, что полк — это вовсе не три или четыре поставленных друг за другом по порядку номеров батальона... Не видели, что полки — хранители главного сокровища армии — ее духа и что, разбивая опрометчиво эти сосуды, они угашают дух. Дивизия же — чисто организационная инстанция. При дроблении старых полков и импровизации новых качество войск резко и бесповоротно снижалось, тогда как при реформировании дивизий из четырехполкового состава в трехполковой дух войск остался бы прежним. В соответственных ведомостях были проставлены соответственные цифры. На бумаге сила Действовавшей армии возросла в полтора раза. На деле — она вдвое уменьшилась.

* * *

Разгрому подверглась и кавалерия. Новые артиллерийские формирования влекли за собой увеличение конского состава Действовавшей армии. Угасавшие железные дороги совершенно не могли справиться с дополнительной доставкой фуража. Решено было пожертвовать конницей для

артиллерии. В декабре месяце кавалерийские полки из 6-эскадронного состава были сведены в 4-эскадронные. Спешенные эскадроны, растворившись в толпе необученного пополнения, образовали какие-то, никому не нужные «стрелковые кавалерийские полки» — по одному на дивизию. Идея этих «стрелковых кавалерийских полков» принадлежала генералу Алексееву, вряд ли понимавшему кавалерийское дело.

Одним росчерком пера конница — самый сохранившийся род оружия — теряла треть своего состава. И это в то время, когда все указывало на неизбежность серьезных внутренних потрясений... Этим сохранившимся родом оружия надо было особенно дорожить и в предвидении конца войны, когда офицерский и унтер-офицерский кадр кавалерии мог помочь воссоздать обескровленную пехоту. Ставка ничего этого не хотела сознавать... Особенно настаивал на спешивании 5-х и 6-х эскадронов великий князь Сергей Михайлович, желавший получить поскорее запряжки для формируемых батарей. Его энергично поддерживал генерал Брусилов.

После того как регулярные кавалерийские полки были сведены из 6-эскадронного состава в 4 эскадрона, хотели было приняться за казаков. Однако в начале февраля нами была перехвачена радиограмма Макензена, поздравлявшего командира конного корпуса графа Шметтова с саморазгромом русской кавалерии. Государь немедленно же повелел прекратить ампутацию — и казачьи полки остались в составе 6 сотен.

Артиллерийские формирования не могли угнаться за пехотными. Злополучные дивизии 4-й очереди были развернуты совершенно без артиллерии. В дивизиях 3-й очереди — 100-й—128-й — из отдельных дивизионов постепенно развертывались артиллерийские бригады. Усиленно формировались тяжелые части. Количество тяжелой артиллерии за год удвоилось, составив к весне 1917 года 1819 орудий (389 пушек, 1430 гаубиц), причем лишь 72 орудия были калибром свыше 6 дюймов — цифра совершенно ничтожная, если принять во внимание тысячи жерл французской, британской и германской «сверхтяжелой» артиллерии. Конная артиллерия получила новую пушку облегченного образца.

По настоянию великого князя Сергея «тяжелая артиллерия особого назначения» (сокращенно ТАОН) была сведена в отдельный XLVIII армейский корпус в составе 4 тяжелых артиллерийских бригад. Эта ТАОН должна бы-

ла образовать могучий огневой кулак будущего решительного наступления.

Инженерные войска получили совершенно нецелесообразную организацию. Саперные батальоны были развернуты в тяжеловесные и громоздкие полки.

Кавалерийские корпуса получили по батальону самокатчиков и по автоброневому дивизиону (8—12 машин). Эти последние составились из автоброневых взводов, придававшихся со второй половины 1915 года кавалерийским дивизиям. Развернуты: 17-я кавалерийская дивизия сборного состава, на Кавказском фронте — 3-я, 4-я и 5-я Кубанская и 2-я Туркестанская казаки. В феврале 1917 года наша конница состояла из 48 конных дивизий, 75 отдельных полков и 5 отдельных дивизионов (корпусная конница) и 274 отдельных конных сотен. Всего 1754 эскадрона и сотен. Дивизии: 1-я—3-я гвардейская, 1-я—17-я, Кавказская и Сводно-кавалерийская, Кавказская, Туземная, Заамурская и Уссурийская конные и казаки: 1-я и 3-я—6-я Донские, 2-я Сводная, 1-я—5-я Кубанские, 1-я—3-я Кавказские, 1-я и 2-я Туркестанские, Терская, Уральская, Оренбургская, Сибирская, 1-я и 2-я Забайкальские и Закаспийская.

В артиллерии были сформированы 7-е батареи артиллерийских бригад — по 4 гаубицы. Было образовано еще два новых корпусных управления XLIX на Юго-Западном фронте — в Особой армии и L на Западном фронте — в 3-й армии.

Продолжались национальные формирования. Югославянская дивизия с конца лета дралась в Румынии. На Юго-Западный фронт была отправлена 1-я Чехословацкая бригада, и две другие формировались генералом Ходоровичем в Киевском военном округе. Польский легион подлежал развертыванию в корпус. 8 латышских стрелковых батальонов развернуты в полки. Наконец, на Кавказе делались попытки создания армянских дружин.

Подводя итог организационным мероприятиям Ставки, можно сказать, что они нисколько не считались ни с боевым опытом, ни с природой войск, ни с требованиями простого здравого смысла.

* * *

Весь ноябрь, как мы знаем, шли жестокие и затяжные бои в 9-й армии на подступах к Дорна-Ватре и Кирлибабе.

К декабрю центр тяжести и событий переместился из Молдавских Карпат в Валахскую равнину — в собиравшуюся на марше 4-ю армию, выдержавшую жестокую Рождественскую битву на Рымнике.

На всем остальном фронте от Риги до Дорна-Ватры царил тишина. Войска пополняли убыль от ковельской бойни. В конце октября сильный разлив Стохода повлек катастрофу I Туркестанского корпуса, занимавшего Черевиченский плацдарм. Единственный мост у Черевиче был снесен наводнением. Болота и топи превратились в моря, в окопах вода стояла выше человеческого роста. Сотни стрелков утонули, тысячи стали жертвой простудных заболеваний, пробыв пять суток в ледяной воде. Корпус лишился половины состава и был отведен в резерв. Корпуса Юго-Западного фронта, отправленные в Румынию, в значительной степени были замещены в Галиции и на Волыни войсками Северного и Западного фронтов, как правило, плохо обученными, засидевшимися в окопах и пониженной боеспособности. Сгусток сил переместился с севера Припяти на юг, но он благодаря «прорве» Румынского фронта получился далеко не столь внушительным, как минувшей весной у генерала Эверта.

К 15 декабря на Северном фронте находилось 31 пехотная и 8 кавалерийских дивизий (против 16 пехотных и 2 кавалерийских дивизий германцев). На Западном фронте — 47½ пехотных и 12 кавалерийских дивизий (против 47½ же австро-германских пехотных и 7 кавалерийских дивизий). На Юго-Западном фронте — 38 пехотных и 7 кавалерийских дивизий (против 41 пехотной и 4 кавалерийских дивизий). На Румынском фронте — 37 пехотных и 8 кавалерийских дивизий (против 30 пехотных и 7 кавалерийских дивизий). Всего нашим — 153½ пехотным и 35 конным дивизиям противостояло 136½ пехотных и 20 кавалерийских дивизий неприятеля.

По армиям силы эти распределялись к 15 декабря так:

Северный фронт: охрана Балтийского побережья — 4 пехотные дивизии и 2 кавалерийские бригады; 12-я армия — 10 пехотных дивизий и 3 пехотные бригады, 1 кавалерийская дивизия и 2 конные бригады; 5-я армия — 7 пехотных и 5 кавалерийских дивизий; 1-я армия — 7 пехотных дивизий; резерв Ставки — 2 пехотные дивизии.

Западный фронт: 10-я армия — 9 пехотных и 1 кавалерийская дивизии; 2-я армия — 13 пехотных дивизий, 1 пехотная бригада и 4 кавалерийские дивизии; 3-я ар-

мия — 8 пехотных и 4 кавалерийские дивизии; Особая армия — 15 пехотных и 3 кавалерийские дивизии; резерв Ставки — 2 пехотные дивизии.

Юго-Западный фронт: 11-я армия — 10 пехотных дивизий и 4 кавалерийские дивизии; 7-я армия — 15 пехотных и 2 кавалерийские дивизии; 8-я армия — 9 пехотных и 1 кавалерийская дивизии; резерв Ставки — 2 пехотные дивизии; резерв фронта — 2 пехотные дивизии.

Румынский фронт: 9-я армия — 13 пехотных и 3 кавалерийские дивизии; 4-я армия — 8 пехотных и 2 кавалерийские дивизии; 6-я армия — 8 пехотных и 3 кавалерийские дивизии; резерв фронта — 10 пехотных дивизий.

На Западе 180 пехотным и 14 кавалерийским дивизиям союзников противостояло 129 пехотных германских. В Италии 68 итальянских пехотных и 3 кавалерийские дивизии сдерживались без особенного труда 34 пехотными австро-венгерскими. В Македонии 19½ пехотных и 1 кавалерийская дивизии генерала Саррайля оставались безучастными зрителями румынской катастрофы, имея перед собой 12½ неприятельских дивизий. В Месопотамии и Палестине 25 британских дивизий опасно наблюдали 14 турецких дивизий, а на Кавказском фронте 14 русских дивизий расправлялись с 25 турецкими.

Из 351 пехотной дивизии всей коалиции Центральных держав 161½ дивизий — 46 процентов всех сил — было схвачено за горло русской армией. Британская империя, Франция, Италия и остальные союзники удерживали другую половину.

* * *

В прифронтовой полосе шло формирование и усиление сколачивания полчищ 4-й очереди. В штабах готовились к будущему общему наступлению, относительно которого ничего определенного не было еще известно. Подготовка эта не выходила из рамок обычного «французского» трафарета: атаки после продолжительной артиллерийской подготовки. Собственным богатейшим опытом мы пренебрегли, не умея его разработать. Откровения искали в чужих и крайне невысоких образцах битвы на Сомме, заменивших шаблоны шампанского наступления.

Тем более чести было немногим, но сильным умам, шедшим вразрез с твердо укоренившейся рутинной, плывшим против течения, пытавшимся создать свою русскую

стратегию Русского театра войны и вывести русское военное искусство из позиционного лабиринта на широкую дорогу маневренного творчества. Методы этой новой стратегии стихийно, но не вполне сознательно, нащупывались весною генералом Брусиловым. Их применил в тактике и блестяще формулировал 15 июля под Кошевым генерал В. Драгомиров. Они заглохли в плелелах рутины, но их вновь пробудили к жизни на противоположном конце огромного фронта.

Заслуга этого самостоятельного творчества принадлежала командовавшему 12-й армией генералу Радко Дмитриеву. Проработав опыт только что минувшей кампании — кровавый и ценный опыт Нарочи, Лудка и Ковеля, — он, подобно В. М. Драгомирову, пришел к заключению, что «шаблонный» метод наступления, не дающий внезапности, заранее обречен на неудачу. В. Драгомиров свел затяжную артиллерийскую долбежку «на уничтожение» к молниеносному, парализующему неприятеля огневому шквалу. Радко Дмитриев пошел еще дальше и решил атаковать без всякой артиллерийской подготовки вообще.

С большим трудом ему удалось уговорить рутинера Рузского на производство наступления частью 12-й армии по этому новому методу. Генерал Рузский заранее снял с себя всякую ответственность, заявив командовавшему 12-й армией, что вся операция пойдет на личный его риск. Радко Дмитриев решил атаковать рождественскими праздниками для большей неожиданности. Удар должен был нанести центральный VI Сибирский корпус генерала Васильева, усиленный латышами из Бабитского озерного района, в общем направлении на Митаву.

Темной ночью на 23 декабря, в 20-градусный мороз, сибирские стрелки без выстрела, сняв затворы с винтовок, ринулись на совершенно не ожидавшего их врага. Успех был полный: был смят 60-й армейский корпус VIII германской армии, 106-я германская дивизия была совершенно разгромлена, потеряв свою артиллерию. Трофеями этого наскока было свыше 1000 пленных и 33 орудия (из коих 15 захватил особенно отличившийся 56-й Сибирский стрелковый полк полковника Шрамкова). Немцев переколото было без счета. Взято также 18 минометов и 40 пулеметов.

В дальнейшем, однако, наступление захлебнулось. Штаб 12-й армии не сумел его организовать. Атаковавшие не имели между собой связи, поддержка западала, совершенно не оказалось конницы для немедленного

преследования, артиллерия не получила указаний. Победа была разменена на мелочи. 25-го Радко Дмитриев повторил удар безрезультатно, поднажав своим правогофланговым XLIII армейским корпусом генерала Новикова; VI Сибирский корпус имел некоторый успех. 26-го были отражены сильные германские контратаки. На этом и закончилась операция, смело задуманная, но неудачно выполненная.

* * *

Еще в октябре Ставка стала принимать меры к подготовке плана кампании 1917 года и предписала главнокомандовавшим фронтами представить свои соображения. Сам Алексеев (в скором времени заболевший) не имел руководящей идеи и по свойствам своей нерешительной натуры обратился за советом к подчиненным.

Не успели, однако, русские военачальники сговориться по этому первостепенному и жизненному для русской армии вопросу, как союзники навязали русскому пушечному мясу свой план. На состоявшейся 2-го по 15 ноября междусоюзной конференции в Шантильи (в присутствии русского статиста Жилинского) было постановлено заручиться инициативой военных действий и для этого еще в феврале перейти к активным операциям, нанося неприятелю «короткие удары». Никаких стратегических целей эти «короткие удары» не должны были преследовать, будучи только «наступлением ради наступления», предпринятыми для того, чтобы не дать противнику возможности взять инициативу в свои руки. Жоффри не желал повторения стратегических неожиданностей вроде февральского удара немцев на Верден, сорвавшего все планы союзников на 1916 год. Операции стратегического характера должны были начаться впоследствии — точных сроков для них не было назначено. Особенное внимание должно было быть уделено Балканам. Предполагалось вывести Болгарию из строя вражеской коалиции и для этих операций привлечь в самой широкой мере русские войска.

Решение наносить «короткие удары» было нелепо. Его надо рассматривать как кульминационный пункт снижения военного искусства в Мировую войну. Эти «короткие удары» грозили зря истощить и обескровить войска, подорвав их силы до начала серьезных операций. При этом было ясно и бесспорно, что из всех союзных армий больше других этими «короткими ударами» будет измотана рус-

ская армия, как хуже всех снабженная техникой. Преподнесенная нам в форме, не допускавшей возражений, указка из Шантильи смутила Ставку и главнокомандующих фронтами. Русские военачальники сознавали ее губительность, но не смели протестовать, питая непреодолимую робость перед всемогущими союзниками. Заместивший Алексеева генерал Гурко не чувствовал себя достаточно авторитетным. Наш же представитель в Шантильи генерал Жилинский просто не понимал смысла тех протоколов, которые ему давали подписывать.

В течение ноября месяца в Ставку поступили сообщения и планы главнокомандовавших фронтами.

Генерал Рузский предложил в кампанию 1917 года нанести удар германским армиям наступлением на стыке Северного и Западного фронтов в районе Вильно—Сморгонь, то есть повторить Нарочскую операцию, столь блестяще уже проведенную однажды.

Генерал Эверт считал выгоднейшим направлением своего фронта — виленское. Удар он полагал нанести в одном месте — кулаком — на фронте всего 18 верст, имея здесь 23 дивизии. Операция требовала затраты 46 дивизий и дополнительно еще 25. Иными словами, половина российской вооруженной силы направилась бы на участок 18 верст. Февральский срок «коротких ударов» привел Эверта в знакомое уже нам настроение, и он с места же запрашивал отсрочки на май (чтобы потом добиться новых и в конечном счете не атаковать). Для окончательной характеристики этого удивительного полководца надо отметить его записку, где он высчитал, что для успеха операции надо будет выпустить 814 364 тяжелых снаряда. Ни больше, ни меньше.

Генерал Брусилов смотрел гораздо шире и дальше своих незадачливых коллег. Он считал, что решения войны надо искать на Балканах и у стен Царьграда. Что касается своего Юго-Западного фронта, то галицийским 11-й и 7-й армиям он назначил разгромить живую силу врага, а карпатским 8-й и 9-й армиям подкрепить этот маневр и содействовать Румынскому фронту.

Оставаясь в Ставке Алексеев, он стал бы искать компромисса между этими тремя планами, соглашаясь по очереди с тем из главнокомандующих, кто в данную минуту беседует с ним по Юзу. Но Гурко не был Алексеевым, как Лукомский не был Пустовойтенкой. Новые руководители Ставки доказали, что они способны на самостоятельное стратегическое творчество.

Ставка выступила со своим собственным планом (составленным генералом Лукомским). Учитывая опыт только что закончившейся кампании, она отказывалась от сколько-нибудь широких операций на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах и переносила стратегическое решение на Румынию и Балканы. В первый раз с начала войны стратегия поняла политику. Это было первое осмысленное решение Ставки за тридцать месяцев войны, в продолжение которых она не управляла событиями, а только подчинялась им. Рутинная оказалась, однако, сильнее.

17-го и 18 декабря в Ставке происходило совещание главнокомандующих фронтами. С планом Гурко—Лукомского согласился один Брусилов. Рузский и Эверт категорически воспротивились балканскому направлению, считая, что «наш главный враг не Болгария, а Германия». Проиграв по тридцать сражений, эти два военачальника все еще не научились воевать и не доросли до сознания той основной истины, что врага следует бить не в крепкое место, а туда, где он слабее. Оппозиция рутинеров оказалась слишком сильной, и вопрос о главном направлении остался открытым. Генерал Гурко находился в Ставке временно и не мог настоять на принятии своего плана.

В начале февраля генерал Алексеев, еще не оправившись от болезни, вернулся в Ставку. Ему в помощь был назначен генерал Клембовский (в звании «помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего»). Освободившуюся 11-ю армию получил — по линии старшинства — генерал Баланин, ничем не выдававшийся командир скромного XXVII армейского корпуса.

Четкая стратегическая мысль генерала Гурко пугала робкого генерала Алексеева. Эверт и Рузский, мыслявшие по общепринятому шаблону и раз навсегда установленному трафарету, были для него ближе и понятнее. План Гурко—Лукомского был отвергнут. Вместо него генералом Алексеевым был составлен и Государем утвержден новый, бывший по существу компромиссом представленных в Ставку планов главнокомандующих фронтами. Этот план кампании 1917 года предусматривал главный удар на Юго-Западном фронте и вспомогательные наступления на остальных. На Северном фронте ударной армией назначалась 5-я армия Абрама Драгомирова, доведенная до 14 дивизий, наделенная от Двинска на Свенцяны.

На Западном фронте должна была атаковать 10-я армия генерала Горбатовского. Ей указывались целью Вильна—

Молодечно, и она доводилась до 28 дивизий, из коих, правда, не все могли считаться полноценными, не имея артиллерии.

На Юго-Западном фронте вновь туда переданной Особой армии указано было сковать неприятеля. 11-я армия должна была бить на Львов в обход с севера (на Злочев), а 7-я армия — фронтально (на Бржезаны). 8-й армии указывалось содействовать наступлением на Днестре.

Наравне с Юго-Западным фронтом видную роль должен был играть и Румынский фронт. Генерал Алексеев упорно не желал замечать стратегических выгод Румынского театра и совершенно охладил к своему прошлогоднему плану похода на Балканы. В Румынии просто оказались сосредоточенными 36 пехотных дивизий, и надо было этим войскам дать какое-нибудь применение. Перевозить их обратно было невозможно из-за полной разрухи транспорта в России. 9-й армии указывалось демонстрировать в Карпатах, а 4-я и 6-я армии должны были двусторонним охватом взять в клещи неприятельские армии Макензена в районе Фокшан.

Румынские армии, полностью реорганизованные французской военной миссией, были доведены до 15 пехотных дивизий очень сильного состава (по 14—20 батальонов и 60 орудий). 2-я армия с февраля уже находилась на фронте между нашими 9-й и 4-й у Ойтузского перевала, а 1-я должна была к лету двинуться между 4-й и 6-й армиями на Нижнем Серете.

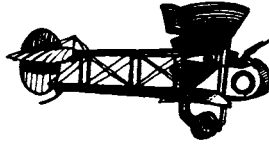
План кампании на 1917 год не обещал победы. Он предусматривал повторение прошлогодних безнадёжных боёв на Северном и Западном фронтах. На Юго-Западном и в Румынии мы имели все основания ждать крупных тактических успехов, если и не размеров Луцка и Добропоуц, то, во всяком случае, размера Брод и Станиславова. Взятие Львова можно было считать обеспеченным. Но все это не могло дать нам победы. Слишком очевидна была разброска сил, допущенная этим безыдейным планом, и слишком велика рутинная тактика в тактических методах.

Злополучный вопрос о «февральских коротких ударах» отпал сам собой. Английские армии оказались неготовыми до марта, а в марте условия русского фронта исключали сколько-нибудь успешные наступательные операции. Через посредство прибывшего в Россию генерала де Кастельно Алексеев условился с новым французским главнокомандующим генералом Нивеллем о производстве решительных

наступлений на Восточном и Западном театрах войны в апреле (до 1 мая нового стиля).

Государь лично настоял на производстве в начале апреля десантной операции для овладения Царьградом. Руководить ею должен был командовавший Черноморским флотом адмирал Колчак.

За два года до того — в апреле—мае 1915 года — этот поход на Константинополь дал бы России выигрыш войны и предотвратил бы надвигавшиеся на страну потрясения. Сейчас же все сроки были уже безвозвратно пропущены, и государственное преступление первой Ставки оказалось непоправимым.

БОРЬБА НА КАВКАЗЕ

В те дни, когда все внимание России было устремлено на поля Галиции и Польши и когда казалось, что судьбы нашего Отечества решаются на берегах Немана, Вислы и Сана, небольшая горсть русских воинов готовилась к встрече векового врага на далекой закавказской окраине.

Выступление Турции на стороне Центральных держав было предрешиено еще в первые дни мирового конфликта, когда 22 июля был заключен германо-турецкий оборонительно-наступательный договор. Султан Махмуд V был в ужасе от предстоящей войны («Воевать с Россией! Но ее труп одного достаточно, чтобы нас сокрушить!»). Однако старотурки и сам повелитель правоверных ничего уже не значили в Турции 1914 года. Власть султана существовала там лишь номинально, и в стране после переворота 1908 года безраздельно господствовала младотурецкая партия «Единство и прогресс», возглавляемая

пылким и честолюбивым Энвером — убежденным сторонником германской ориентации. Турецкая армия — единственная политическая сила в стране и опора младотурок — была в руках германских инструкторов во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. Начальником Генерального штаба был полковник Бронсар фон Шеллендорф. К началу конфликта Турция была бесповоротно втянута в орбиту германской политики, и союзный договор 22 июля явился венцом обдуманных и планомерных усилий берлинской дипломатии. Прибытие 28 июля в Золотой Рог «Гебена» и «Бреслау» и передача их кайзером Турции было первым результатом столь много обещавшего союза.

Все силы России были отвлечены тяжелой борьбой на Западе. Кавказ оставался почти что без защиты. Подобный случай не мог больше повториться. Им надлежало воспользоваться сейчас или никогда. Турции представлялась возможность вернуть все утерянное ею с Кучук-Кайнарджийского мира до Берлинского трактата. Энвер-паша не колебался. Опыяненный германскими «доктринами», окрыленный грандиозными политическими планами, он верил фанатически в свою звезду. И жребий был брошен: в ночь на 16 октября 1914 года германо-турецкие корабли атаковали наши черноморские порты, сумев возвратиться безнаказанно.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Для войны с Россией Османская империя располагала на Кавказе 12 пехотными и 6 конными (регулярными либо курдскими) дивизиями, составившими 3-ю армию Гассан-Изета-паши, начальником штаба которого был немецкий майор Гюзе. Турецкие дивизии были 3-полкового состава, насчитывая 9 батальонов и 6 батарей — 8000 бойцов и 24 орудия. В корпусе считалось 3 дивизии пехоты, 1 конный полк, дивизион гаубиц и батальон сапер — 25 000 бойцов при 84 орудиях. Турецкая дивизия равнялась примерно нашей бригаде, но турецкий корпус был значительно сильнее нашей дивизии. Реорганизованная в 1913 году после неудачной Балканской войны немцами турецкая армия первая применила «тройственную систему»: по 3 полка на дивизию. Всего Турция располагала 50 пехотными дивизиями, но главная масса войск держалась в Европе — в константинопольской 1-й и адрианопольской 2-й армиях.

1. Казачий офицер
в полушубке.
2. Офицер 17-го
Донского казачьего
генерала

Бакланова полка.
3. Уссурийский
казак.
4. Казак степовых
казачьих войск.

5. Офицер
гвардейских
казачьих полков.
6. Кубанский
казак.

В долине Евфрата — на правом фланге неприятельского расположения — сосредоточивался подходивший из Моссула 13-й корпус.

Две трети русских войск Кавказского округа были еще в августе отправлены на Запад. В Закавказье оставался один лишь 1-й Кавказский корпус генерала Берхмана (20-я и 39-я пехотные дивизии), усиленный единственной второочередной дивизией округа — 66-й пехотной. В Персии находилась 2-я Кавказская стрелковая бригада. К этим силам надо было прибавить 2 бригады пластунов, 3½ дивизии конницы и пограничные части. В сентябре на Кавказ был переведен малочисленный II Туркестанский корпус (4-я и 5-я Туркестанские стрелковые бригады), штаб которого с командиром корпуса генералом Лешем при мобилизации отправлен был на Юго-Западный фронт.

К началу военных действий — в середине октября — части нашей Кавказской армии образовали пять групп на 600-верстном фронте от Черного моря до Персии. С правого фланга к левому это были: 1) Приморский отряд генерала Ельшина (сборного состава), прикрывавший Батум; 2) Ольгинский отряд генерала Истомина (бригада I Кавказского корпуса), прикрывавший главные силы на кружных путях от Карса к Эрзеруму; 3) Главные силы или Сарыкамышский отряд генерала Берхмана (I Кавказский корпус) — на прямом пути от Сарыкамыша к Эрзеруму; 4) Эриванский отряд генерала Огановского (бригада 66-й дивизии), прикрывавший главные силы на баязетском направлении; 5) Азербайджанский отряд генерала Чернозубова (стрелки), поддерживающий порядок в Северной Персии и наблюдавший моссульское направление. В армейском резерве находились II Туркестанский корпус и гарнизон Карса (формировавшаяся 3-я Кавказская стрелковая бригада).

Главные силы 3-й турецкой армии — 9-й и 11-й корпуса — собирались в районе Эрзерума, куда подходил и 10-й корпус, предназначавшийся сперва для десантной операции в Новороссию. На десанте настаивали немцы, но осуществление его было возможно лишь при условии господства на море, чего германо-турки не могли, однако, добиться. Тем не менее настроение юга России до самой Сарыкамышской победы было паническое.

Номинальным главнокомандующим был наместник — престарелый граф Воронцов-Дашков. Фактически всем распоряжался помощник его по военной части генерал Мышлаевский (бывший начальник Главного управления

Генерального штаба). Начальником штаба армии был генерал Юденич.

План войны предусматривал активную оборону Кавказа от неприятельского нашествия. При численной слабости Кавказской армии думать о широких наступательных операциях не приходилось.

Существовало три варианта плана войны: 1) в случае войны только с Турцией в Кавказскую армию назначалось не только три Кавказских корпуса, но еще 4—5 европейских (Одесского и Казанского военного округа). Образ действия был широко наступательным; 2) в случае одновременного выступления Турции на стороне Германии и Австро-Венгрии на Кавказе оставались I и II Кавказские корпуса (III Кавказский корпус в этом случае все равно отправлялся на Запад). Кавказской армии указывалась стратегическая оборона; 3) в случае нейтралитета Турции — как то и случилось в июле 1914 года — на Кавказе временно оставлялся один I Кавказский корпус, который затем тоже отправлялся на Запад.

* * *

19 октября был отдан приказ о переходе государственной границы всеми отрядами, и 20-го наши главные силы (39-я пехотная дивизия) перевалили Зевинскую позицию и двинулись в Пассинскую долину. Продолжая наступление в эрзерумском направлении, генерал Берхман овладел 25 октября Кепри-Кейской позицией, и здесь полторы наши дивизии I Кавказского корпуса столкнулись с шестью турецкими дивизиями 9-го и 11-го корпусов.

В то же время Эриванский отряд, двинувшись за Чингильские высоты, овладел Баязетом и Каракилиссой и занял Алашкертскую долину, обеспечив левый фланг главных сил и притянув на себя 13-й турецкий корпус. Азербайджанский отряд оккупировал Северную Персию, заняв Тавриз и Урмию.

Командовавший III турецкой армией Гассан-Изет-паша перешел в энергичное контрнаступление против наших главных сил и отбросил их в упорном четырехдневном сражении при Кепри-Кее (с 26-го по 29 октября). Наши главные силы не смогли задержаться на Зевинской позиции, откуда были сбиты уже 30 октября и отступили в долину Аракса. На усиление I Кавказского корпуса были спешно двинуты части II Туркестанского корпуса, и

в первых числах ноября генералу Берхману удалось остановить турецкое наступление.

Наш урон в Кепри-Кейском сражении составил 10 000 убитых и раненых. Никаких трофеев врагу не оставлено. Турки лишились 7000 человек. На Араксе положение спасла 2-я пластунская бригада, перейдя в ночь на 7 ноября по грудь в воде ледяную реку и ударив во фланг турок.

Одновременно турки повели атаки на слабый числом наш Приморский отряд, разбросанный на непомерном фронте в дикой местности. Генерал Ельшин искусно ликвидировал прорыв у Лимана десантом в тыл туркам. Однако в тылу у нас восстало мусульманское население Чорохского края. Паника тыловых батумских властей перебросилась в Тифлис и создала в короткое время атмосферу катастрофы. Положение было окончательно восстановлено к половине ноября.

Приморский отряд — 264-й пехотный Георгиевский полк, несколько сотен пограничников и батальон пластун — имел дело с переброшенной из Константинополя 3-й турецкой пехотной дивизией и иррегулярными ополчениями. Его действия в сложившейся трудной обстановке можно считать образцовыми. Вопреки установившемуся мнению, здесь не было никаких сдач в плен. Направленный в Батум превосходный 19-й Туркестанский стрелковый полк остался всю войну в Приморском отряде, став его ядром.

Эриванский отряд имел ряд дел с турками в Алашкертской долине и был переименован в IV Кавказский корпус. В первых числах ноября турки потеснили нашу 2-ю Кавказскую дивизию у перевала Клыч Гядук, где нами потеряно 2 орудия. 14 ноября положение было восстановлено ахульгинцами, и мы взяли в свою очередь у турок 2 пушки.

В конце ноября в Эрзерум прибыли Энвер-паша и начальник турецкого Генерального штаба полковник Бронсар фон Шеллендорф. Турецкий вождь задумал грандиозный план. Пользуясь всем своим превосходством в силах, он решил уничтожить слабую Кавказскую армию, вторгнуться в пределы России и поднять на русских все мусульманское население Кавказа, Поволжья и Средней Азии. Это должно было привести к созданию великого «Туранского царства» — от Казани до Суэца и от Самарканда до Адрианополя под его, Энвера, главенством.

Это была заветная мечта его жизни. Заклятый враг России, Энвер решил воспользоваться русской смутой для

отторжения Туркестана и с этой целью весной 1922 года пробрался из Берлина (где он жил после разгрома 1918 года) в русскую Среднюю Азию, где поднял восстание. Химера эта оказалась для него роковой: при подавлении восстания Энвер был заколот в рукопашном бою.

Свой план Энвер стал проводить с большой решительностью, не смущаясь наступлением холодов. Гассан-Изет протестовал против наступления, видя в нем авантюру, и подал в отставку. Энвер сам стал во главе III армии. Приказав сильному 11-му корпусу сковать русских фронтальным ударом на Караурган, он двинулся с главными силами — 9-м и 10-м корпусами — в обход правого фланга русских главных сил — на Сарыкамыш.

Над Кавказом нависла туча, грознее собравшейся за сто лет до того, когда Наполеон стоял в Москве, а на защищавшую Кавказ горсть гренадер и егерей Котляревского двинулось полчище Аббаса-мирзы.

САРЫКАМЫШ

За несколько дней до разразившегося внезапно турецкого нашествия Кавказ посетил Император Николай Александрович. Поездка Государя (на виду турецких пикетов) была очень рискованной, но чрезвычайно подняла дух войск, которым суждено было через десять дней явить сверхчеловеческое напряжение.

8 декабря 10-й турецкий корпус обрушился на Ольтинский отряд (бригада), в трехдневных боях смял его и открыл этим себе дорогу на Сарыкамыш. В этих неудачных боях мы лишились 2 орудий.

11-го на фронт прибыли генералы Мышлаевский и Юденич, сразу отдавшие себе отчет в серьезности положения. Генерал Мышлаевский вступил в командование армией, а генерал Юденич принял II Туркестанский корпус, схватившийся на подступах к Сарыкамышу с двумя обходившими турецкими корпусами. 12 декабря к Сарыкамышу подошел 10-й турецкий корпус, остановленный геройским сопротивлением горсти защитников. Переоценив русские силы, турки замедлили темп наступления. 13-го и 14-го под Сарыкамышем и в самом Сарыкамыше шел отчаянный бой — туда навалился и 9-й турецкий корпус. Защитники Сарыкамыша (в общей сложности 2 сборных бригады против 5 дивизий врага) казались обреченными.

12 декабря в Сарыкамыше случайно оказалось несколько взводов выделенных для формирования 23-го Туркестанского стрелкового полка, 2 горных пушки, 100 только что прибывших из Тифлисского училища молодых подпоручиков и несколько случайных команд. В командование этим сборным отрядом вступил случайно проезжавший полковник Букретов (впоследствии кубанский атаман) и спас Сарыкамыш. 13 декабря подоспели кабардинцы и начали подходить отдельные батальоны пластунгов и туркестанских стрелков, вступавших в жаркий бой со всем 10-м турецким корпусом. 14 декабря к нам подошли елисаветпольцы и дербентцы, а к туркам — 9-й корпус. Энвер заявил: «Если русские отступят, они погибнут!» У нас дралось 15 батальонов против 51 турецкого. Мы лишем II «Туркестанский корпус» и «I Кавказский корпус» по руководившим у Сарыкамыша (Юденич) и Караургана (Берхман) штабам. В действительности части были перемешаны — туркестанские полки дрались и под Караурганом, тогда как кавказские в конце концов составили большинство под Сарыкамышем.

Генерал Мышлаевский пал духом. Считая II Туркестанский корпус все равно погибшим, он предписал всеобщее отступление, чтобы спасти хоть часть войск I Кавказского корпуса. Одновременно с этим он приказал отступать в глубь Кавказа даже не атакованным войскам — IV Кавказскому корпусу в Алашкертской долине и Азербайджанскому отряду в Персии. Отдав 15 декабря эти гибельные распоряжения, он бросил войска на произвол судьбы и поспешно выехал, никого не предупредив. Связь армии с Тифлисом была прервана...

Но тут погибавшая Кавказская армия была спасена. Железная воля и неукротимая энергия генерала Юденича повернули колесо судьбы.

Взятие Сарыкамыша для турок, удержание его для нас сделалось вопросом жизни и смерти для бойцов: отступление в дикие, занесенные снегом горы в 20-градусную стужу было равносильно гибели как для нас, так и для турок. Сверхчеловеческая выдержка защитников Сарыкамыша сломила ярость турецких атак. 16 декабря турки ворвались было в город, но были выбиты. И в то время, как в Тифлисе считали Кавказскую армию погибшей у Сарыкамыша, генерал Юденич сам решил нанести смертельный удар III турецкой армии. «Нам мало отбросить турок от Сарыкамыша, — сообщал генерал Юденич 17 декабря генералу Берхману,

ведущему упорный бой с 11-м турецким корпусом у Караургана. — Мы можем и должны их совершенно уничтожить. Настоящим случаем должно воспользоваться, другой раз он не повторится».

17 декабря наши войска перешли в наступление. 18-го была восстановлена связь с Тифлисом, а 19-го перехвачены пути отступления 9-го турецкого корпуса. К 19 декабря в наших руках уже было 40 офицеров, 5000 аскеров пленных и 6 орудий. В сокрушительных контратаках 20-го по 23 декабря нами взято 11 орудий (из них 10 — бакинцами). «Турки оказывали упорное сопротивление, — пишет генерал Масловский. — Полузамерзшие, с черными отмороженными ногами, они тем не менее принимали наш удар в штыки и выпускали последнюю пулю, когда наши части врывались в окопы».

20 декабря Энвер, оставив агонизировавшие у Сарыкамыша 9-й и 10-й корпуса, бросился под Караурган в 11-й корпус, пытаясь отчаянным усилием сломить сопротивление войск генерала Берхмана. Он лично вел в атаку войска — и весь храбрый 11-й корпус был расстрелян и переколот. Тут наша 39-я дивизия получила в Кавказской армии название «железной». Атакуя в снегу по брюхо коней, 1-й Уманский полк Кубанского войска взял 21 декабря 8 пушек. Преследуя бежавших турок, 14-я рота 154-го пехотного Дербентского полка капитана Вашакидзе захватила блестящей атакой в штыки 8 стрелявших орудий, взяв в плен командира 9-го турецкого корпуса Искана-пашу с его штабом, начальников 17-й, 28-й и 29-й дивизий с их штабами, 107 офицеров и 2000 аскеров. Окруженный неприятелем, капитан Вашакидзе, имевший при себе едва 40 солдат, не растерялся. Он выдал себя за парламентаря и так сумел запугать турок (сказав, что за лесом у нас три полка), что те после короткого колебания положили оружие. Храбрый и любимый войсками Искан-паша — турецкий Корнилов — бежал из русского плена в 1916 году через Афганистан и Персию и с отличием сражался вторую половину войны против англичан.

21 декабря Юденич атаковал 9-й и 10-й корпуса под Сарыкамышем — и 29 декабря 9-й корпус перестал существовать. Остатки 10-го корпуса, бежавшие в горы, попали под удар оправившегося Ольгинского отряда и были разгромлены 23-го числа под Ардаганом. Бой под Ардаганом был крещением только что сформированной 3-й Кавказской стрелковой дивизии, полки которой подержали старую славу кавказских гренадер. Князь

Цулукидзе с 10-м Кавказским стрелковым полком захватил начальника 30-й турецкой дивизии со штабом, было взято 4 орудия. Только что подошедшая из семи-реченских степей Сибирская казачья бригада генерала Калитина стремительно атаковала в конном строю по оледенелым кручам и захватила 2 пушки, а 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк взял знамя 8-го Константинопольского полка.

25 декабря генерал Юденич вступил в командование Кавказской армией и, обратившись на Караурган, доконал 11-й турецкий корпус, причем Зевинская позиция в тылу этого корпуса была взята пятидневным обходным движением в снегу выше человеческого роста. Этот подвиг совершен стрелками 18-го Туркестанского полка (полковник Довгирта). За пять суток они прошли 15 верст в снегу выше человеческого роста в 20-градусную стужу и не получая горячего. Под Караурганом захвачен начальник 34-й турецкой дивизии со штабом.

К 5 января 1915 года наши войска выдвинулись на 30—40 верст в неприятельскую территорию и здесь остановили свое преследование. Да и преследовать было некого: из 90-тысячной турецкой армии уцелела едва седьмая часть — 12 400 человек.

Так закончилось трехнедельное Сарыкамышское сражение — самое упорное дело, что за два с половиной столетия и одиннадцать войн русские имели с турками. За трехнедельную Сарыкамышскую операцию у нас из 63 000 бойцов 20 000 было убито и ранено, а 6000 обморожено. Убыль составила 42 процента. Турки лишились 78 000 человек, из коих 15 000 взято в плен, а остальные погибли. К весне в одном лишь Сарыкамышском районе похоронено было 28 000 турецких трупов. Германо-турецкие источники все подтверждают, что из 90 000 спаслось только 12 400. Нами взята вся артиллерия, бывшая у турок, — 65 орудий (наступая налегке, турки захватили с собой третью часть своей артиллерии).

КАМПАНИЯ 1915 года

Кавказ был надежно и надолго защищен от вражеского нашествия. Наша Кавказская армия смогла получить заслуженный отдых и приступить к своему устройству. Раньше всего надлежало восстановить положение на нашем левом фланге в Персии.

Когда в разгаре сарыкамышского кризиса потерявший голову генерал Мышлаевский (подобно Лорис-Меликову после зевинской осечки 1877 года) приказал отступить за линию границы даже не атакованным войскам Кавказского фронта, то командир IV Кавказского корпуса генерал Огановский отказался выполнить это малодушное приказание и сохранил свои позиции в Алашкертской долине. Но начальник Азербайджанского отряда генерал Чернозубов считал нужным повиноваться и эвакуировал всю Северную Персию, что подорвало престиж России и усилило германское влияние в этой стране.

Вступив в командование Кавказской армией, генерал Юденич предписал отряду немедленно возвратиться. 17 января вновь занят был Тавриз, и к концу месяца положение в Северной Персии было восстановлено. Азербайджанский отряд имел небольшие бои с мятежниками и арьергардами отступавшего 13-го турецкого корпуса. 17 января при занятии Тавриза взято 21 орудие.

В феврале—марте был очищен Чорохский край от турок и мятежных аджарцев. Взамен получившего назначение на австро-германский фронт генерала Ельшина Приморским отрядом командовал генерал Ляхов. В февральских боях 19-м Туркестанским полком полковника Литвинова взято знамя и 2 орудия, другими частями — еще 3 пушки. Вообще с объявления войны по половине февраля было взято в плен 4 паши (многие дивизии у турок велись полковниками), 337 офицеров и 17 675 нижних чинов. Следует подчеркнуть, что турки вообще предпочитали смерть плену. Сдавались очень немногие. Это следует иметь в виду, дабы не судить о размерах операций Кавказской армии по количеству трофеев и пленных, обычно очень небольшому. В апреле IV Кавказский корпус был выдвинут на одну линию с остальными и 18 апреля имел удачный бой у Дильмана.

Был образован новый V Кавказский корпус генерала Истомина, и сформированы 4-я Кавказская стрелковая, 4-я и 5-я Кавказские казачьи дивизии, а из Польши прибыла Кавказская кавалерийская дивизия. Благородный старик Воронцов оценил Юденича и не вмешивался в его распоряжения, взяв себе лишь административную часть. Так сто лет назад Ртищев предоставил полную свободу действий Котляревскому.

Турки заново восстановили свою III армию, вверенную сперва Хаки-паше, умершему от тифа, а затем Махмуду Киамилю.

Весной 1915 года державы Согласия положили нанести Турции решительный удар форсированием проливов. Этой операцией должно было восстановиться сообщение изолированной России с союзниками и могли быть привлечены Румыния, Греция, а быть может, и Болгария. Инициатива этого похода принадлежала Англии Черчилля, желавшей получить львиную долю турецкого наследства, отчасти и предупредить Россию у Константинополя. Франция, не заинтересованная здесь непосредственно, отнеслась к этому проекту сдержанно, ограничившись тем, что послала небольшой экспедиционный корпус.

Поведение же российского правительства и Ставки было совершенно необъяснимо. Вначале мы согласились на форсирование Босфора одновременно с атакой союзниками Дарданелл. Для Босфорской операции была назначена, как мы видели, собранная в Одессе и Крыму 7-я армия генерала Никитина, и в эту армию вытребованы с Кавказа V Кавказский корпус и 20-я пехотная дивизия.

Однако Ставка променяла Константинополь на гупульские халупы. Босфорская экспедиция не состоялась. Кавказские войска не вступили в Царьград, что знаменовало бы для России выигрыш войны, а были без толку загублены на Сане у какого-то Радымна... Был совершен жесточайший промах всей войны. Форсирование проливов целиком было возложено на союзников. Британское командование взялось за эту операцию чрезвычайно неумело, и высаженная в апреле армия генерала Яна Гамильтона была с первых же дней скована на Галлиполи V турецкой армией Лимана фон Сандерса, терпя от нее поражение за поражением.

В мае месяце от Тавриза на Урмию и Ван (вокруг Ванского озера) был предпринят конный рейд генерала Шарпантье, произведший большое впечатление на курдов и способствовавший поднятию престижа России в Персии. Конницей Шарпантье — 36 эскадронов и 22 орудия — было пройдено в общей сложности с 6-го по 20 мая 800 верст. В небольших делах на ванском направлении захвачено 3 орудия. В самом Ване взято 26 орудий.

* * *

В июне 1915 года вновь пополнившаяся III турецкая армия насчитывала до 150 000 бойцов и 360 орудий. Наша Кавказская армия насчитывала 133 000 штыков, 36 000 шашек и 356 орудий. Справа налево силы эти

составили: Приморский отряд, II Туркестанский, I Кавказский, IV Кавказский корпуса и Азербайджанский отряд.

Энергичный Махмуд Киамиль решил, сосредоточив на своем правом фланге сильный кулак (до 60 000 сабель и штыков), разгромить наш IV Кавказский корпус, сбив его, зайти во фланг и в тыл нашим главным силам и взять реванш за Сарыкамыш.

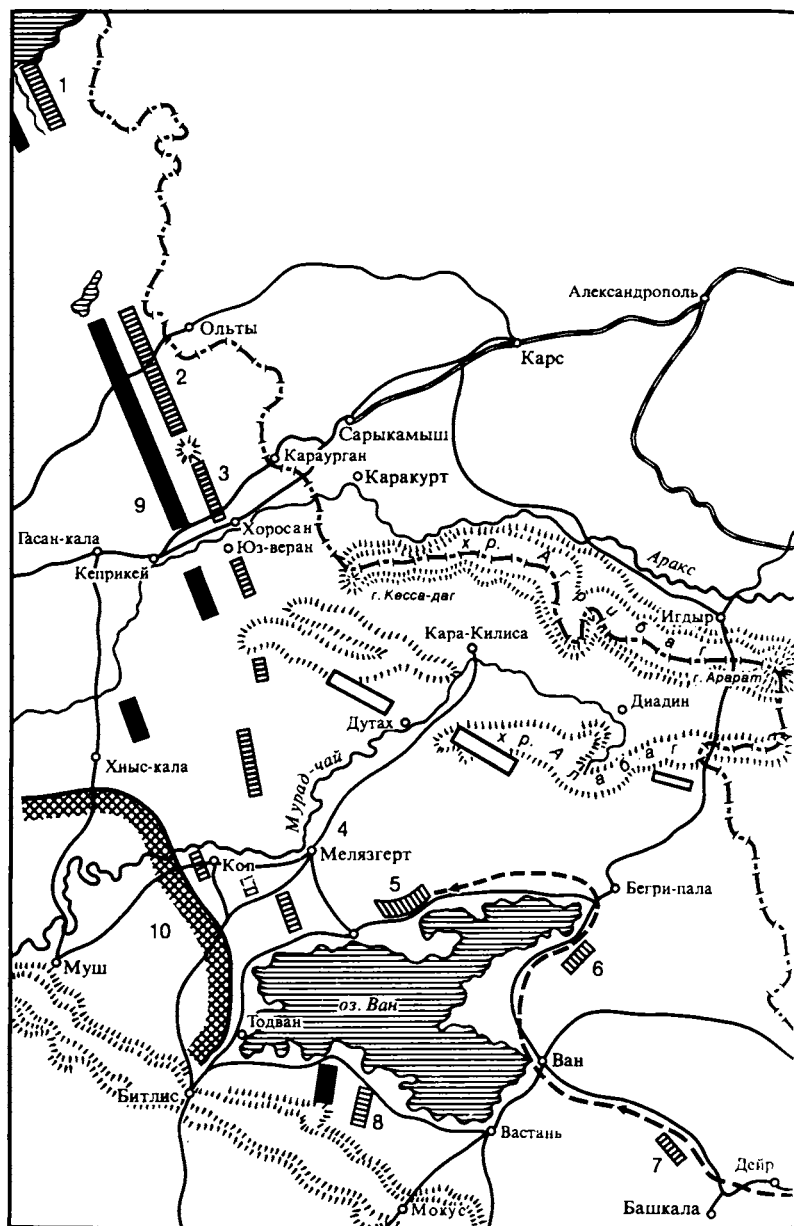
Узнав о сосредоточении крупных турецких сил против нашего левого фланга в долине Евфрата, генерал Юденич предписал IV Кавказскому корпусу разбить сосредоточившегося врага. 28 июня IV Кавказский корпус перешел в энергичное, но неумелое наступление. Генерал Огановский повел его по трем расходившимся направлениям и зря распылил всю массу конницы (115 эскадронов — почти 5 кавалерийских дивизий) по фронту.

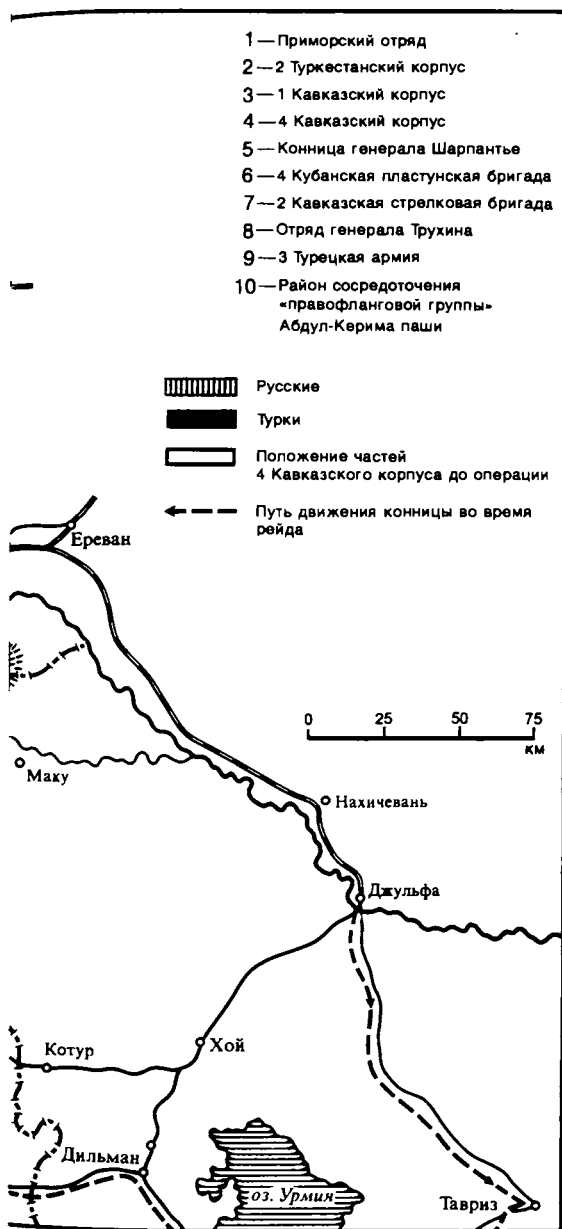
9 июля сосредоточившаяся турецкая группа Абдул Керима обрушилась на IV Кавказский корпус, попавший в критическое положение и совершенно не поддержанный соседним Азербайджанским отрядом. После тяжелых боев IV корпус начал 13 июля отступление на границу. 20 июля турки, энергично наступая, заняли Каракилису и стали взбираться на гребни Агридага. Весь левый фланг нашей армии оказался в критическом положении.

Генерал Юденич реагировал немедленно. Он решил дать туркам втянуться как можно глубже в горы, а затем молниеносным ударом им в тыл перехватить им пути отступления. Быстро и скрытно сосредоточил он у Даяра ударную группу генерала Баратова (4-я Кавказская стрелковая и 1-я Кавказская казачья дивизии), скрыв ее сосредоточение не только от неприятеля, но и от графа Воронцова и генерала Огановского. Генерал Баратов должен был перехватить пути отступления неприятеля, выйдя от Даяра на линию Евфрата.

22 июля Абдул Керим приостановил свое наступление, видя, что зарвался. Но Юденич не дал ему опомниться, и в ночь на 23 июля группа генерала Баратова молниеносным ударом вышла во фланг и в тыл турецкому «кулаку». Турки были разгромлены этим фланговым ударом и одновременным переходом в наступление IV Кавказского корпуса, и расстроенная их маневренная группа откатилась вниз по Евфрату.

Вялость нашего Азербайджанского отряда генерала Назарбекова воспрепятствовала полному уничтожению неприятеля. Генерал Шарпантье со своей конницей созерцал бегство турок на Евфрате столь же безучастно,

**Евфратская
 операция.
 Рейд конницы
 и положение
 IV Кавказского
 корпуса
 12 июня
 1915 года.**

как в свое время смотрел под Лодзью на бежавшую мимо его корпуса немецкую артиллерию и обозы. Из вверенных ему 10 тысяч острых пашек ни одна не вылетела из ножен...

31 июля победоносная Евфратская операция закончилась. Положение нашего левого фланга было не только восстановлено, но и улучшено: он был продвинут к Ванскому озеру, что обеспечивало его от обхода. Наши трофеи составили: 1 паша, 81 офицер, 5209 аскеров при 12 орудиях и 10 пулеметов. Кроме того, захвачено 300 только что произведенных подпоручиков, прибывших из Константинополя и не успевших еще прикоснуться к своим частям.

* * *

В начале сентября на Кавказ прибыл назначенный наместником великий князь Николай Николаевич, и в скором времени стала сказываться тенденция нового главнокомандующего подчинять более строгому контролю распоряжения командующего Кавказской армией.

Тем временем союзная армада — 550 000 человек и сильный флот — была разгромлена на Галлиполи вдвое слабейшей (250 000 бойцов) V турецкой армией. Пав духом, британское командование в октябре приступило к ликвидации Дарданелльского фронта, тем более что обстановка на Балканах в связи с выступлением Болгарии и нашествием Макензена на Сербию сложилась катастрофически для Согласия.

Престиж Англии на Востоке пал, и Персия заволновалась. Душой германских интриг был там граф Каниц, нашедший поддержку в организованной шведами-русофобами персидской жандармерии и всякого рода разбойных шайках. Усмотрев в этом угрозу Индии, Англия стала требовать от России ввода крупных сил в Персию для защиты британских интересов. Желания Англии были законом для Сазонова. Ни великий князь, ни генерал Юденич не сочувствовали растяжению фронта с 600 верст на 1000, тем более что ничего серьезного нам оттуда угрожать не могло. Тогда союзники показали свои волчьи зубы дерзким ультиматумом нашему посланнику, и перепуганный Сазонов настоял на производстве этой бесполезной для нас операции.

Экспедиция в Персию была поручена генералу Баратову с отрядом в 14 000 человек, главным образом конницы при 38 орудиях. В начале ноября отряд этот высадился на северном побережье Персии и в короткий срок навел

порядок во всей стране, занял Тегеран, ликвидировал все происки врага и к декабрю продвинулся до Хамадана. В состав отряда генерала Баратова вошли Кавказская кавалерийская и 1-я Кавказская казачья дивизии. Турко-персидские банды, так страшившие англичан, числились в 12 000 при 22 орудиях. Все они были рассеяны, пушки отобраны, и сам граф Каниц убит.

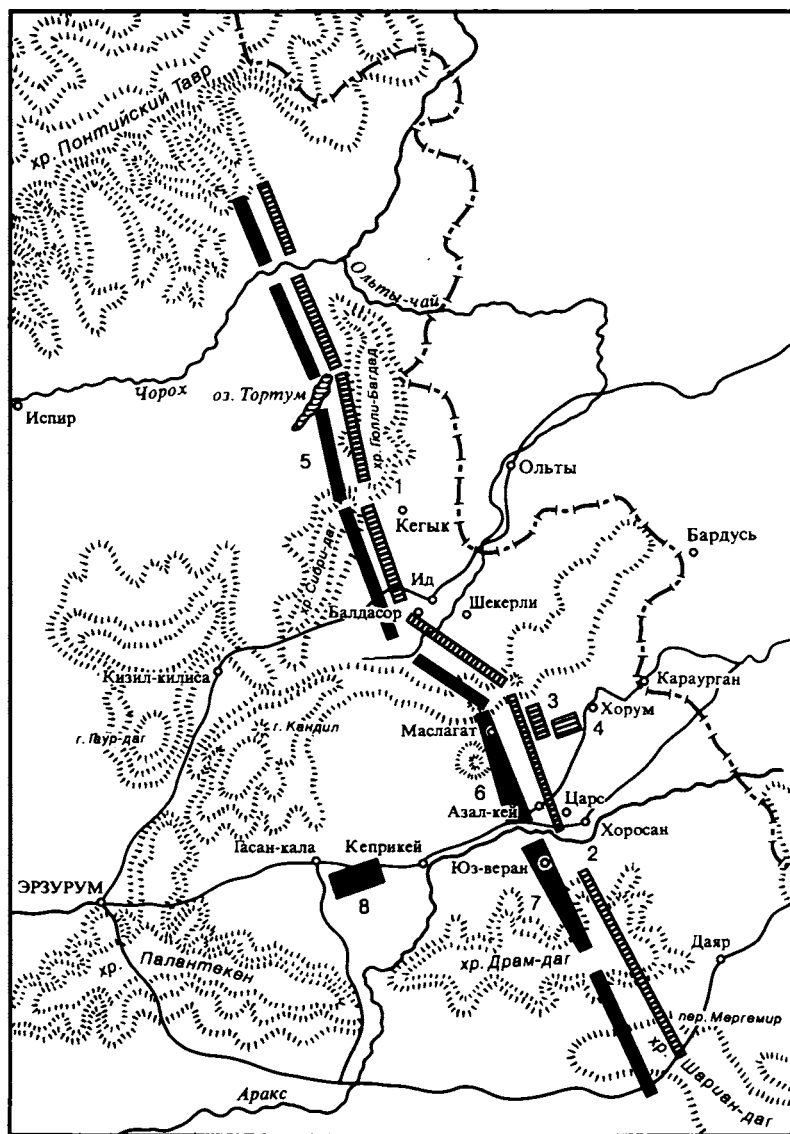
Пока генерал Баратов справлялся с Каницем, дела у англичан пошли совсем скверно. Наступавший в Месопотамии вверх по Тигру их экспедиционный корпус генерала Таунсенда был наголову разбит при Ктезифоне VI турецкой армией старика фон дер Гольца и укрылся в крепости Кут-эль-Амара, где и был блокирован слабейшим турецким отрядом.

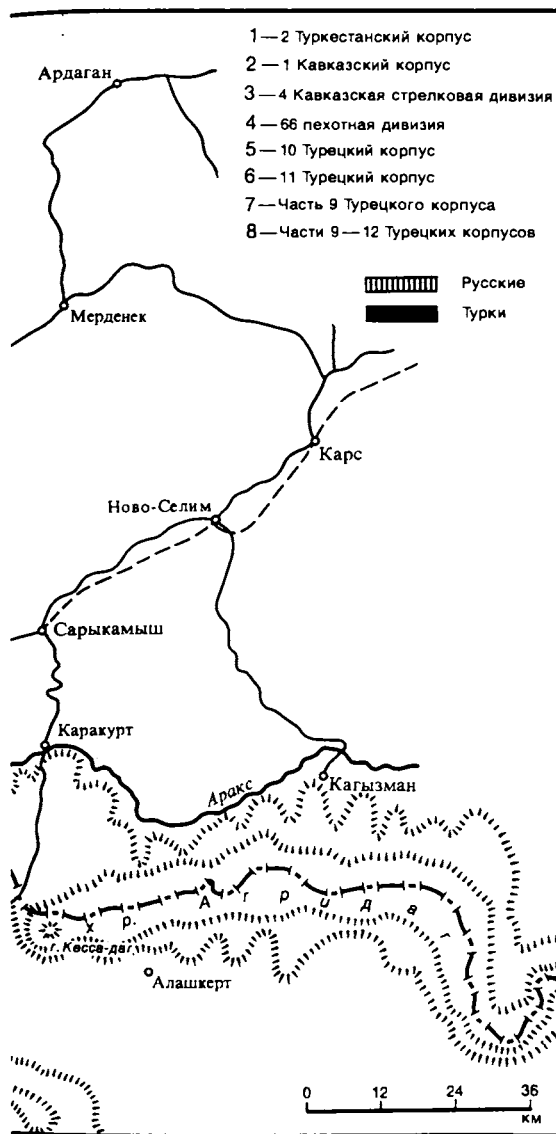
Общая обстановка на всех турецких фронтах складывалась чрезвычайно неблагоприятно для Кавказской армии, которой приходилось надеяться на свои лишь силы. Падчерица Ставки, она не смела рассчитывать ни на какие подкрепления из России. Наоборот, значительная часть ее скудных боевых припасов отправлялась в бездонное чрево австро-германского фронта. В то же время турецкая армия должна была к весне по меньшей мере удвоиться прибытием свежих и сильных галлиполийских корпусов, окрыленных только что одержанными блестящими победами над англо-французами.

Генерал Юденич принял решение полководца: перейти теперь же в энергичное наступление, несмотря на начавшиеся зимние холода и снегопад, уничтожить живую силу III турецкой армии до прибытия к ней подкреплений, не дать туркам времени и возможности собрать на Кавказе все свои силы. С помощью генерала Янушкевича ему удалось склонить на это колебавшегося великого князя. Наступление было назначено на рождественские праздники, когда германо-турки всего менее могли его ожидать.

АЗАП-КЕЙ И ЭРЗЕРУМ

Оба фланга III турецкой армии были надежно защищены: левый — диким хребтом Понтийского Тавра, правый — еще более неприступным массивом Драм-Дага. Ее приходилось рвать фронтальным ударом. Операция была возложена на II Туркестанский корпус генерала Пржевальского и I Кавказский корпус генерала Калитина, самый

**Азан-Кейское
 сражение.
 Положение
 сторон
 28 декабря
 1915 года.**

прорыв — на превосходную 4-ю Кавказскую стрелковую дивизию генерала Воробьева, молниеносно выдвигаемую из резерва. Подготовка велась в строжайшей тайне — не только войска, но и старшие начальники были извещены в последнюю минуту, причем каждому было секретно сообщено, что именно на него возложен главный удар — чрезвычайно важное психологическое мероприятие, благодаря которому всеми была развита предельная энергия.

Насколько германо-турки не ожидали нашего удара, видно по тому, что командовавший III турецкой армией Махмуд Киамиль и его начальник штаба полковник Гюзе оба уехали в отпуск. Введенные в заблуждение демонстративными передвижениями некоторых частей у Джульфы на нашем левом фланге, турки до последней минуты полагали, что в наступление перейдет наш IV Кавказский корпус на Битлис. Весь же район Ольты—Карс—Кагызман, где происходило сосредоточение нашей ударной группы, был изолирован от внешнего мира.

29 декабря перешел в наступление II Туркестанский корпус, а 30-го числа и I Кавказский. Наступление развивалось туго и с большими потерями: сильные турецкие позиции упорно оборонялись. Особенно жестокий бой шел 31 декабря за Азап-Кейскую позицию. В ночь на Новый год, во вьюгу и метель, 4-я Кавказская дивизия прорвала здесь неприятельский фронт. 1-го и 2 января наступление развивалось, а 3-го числа кавказские стрелки стремительным ударом спустились в Пассинскую долину и 4-го взяли Кепри-Кей. Ошеломленные турки 9-го и 11-го корпусов дрогнули и бежали. Предшествуемая неутомимой 4-й дивизией Кавказская армия взяла Гассан-Калу и подошла к массиву Деве-Бойну.

Наш урон в этом восьмидневном сражении составил 20 000 человек. 39-я пехотная дивизия потеряла до половины своего состава. 154-й пехотный Дербентский полк, потерявший своих штаб-офицеров, на штурм Азап-Кея повел полковой священник, протопоп Смирнов, лишившийся на штурме ноги. За всю операцию перебито до 25 000 турок, а 7000 взято в плен с 11 орудиями.

Разгром III турецкой армии был полный, и генерал Юденич, видя это и зная, что порыв не терпит перерыва, решил сейчас же приступить, пользуясь подъемом духа войск, к штурму Эрзерума — главного оплота турецкой армии.

Операция эта — штурм сильнейшей крепости в жестокую стужу, по грудь в снегу и без осадной артиллерии — требовала необычайной силы духа от полководца и

жертвенного героизма войск. «Сие дело подобно измаильскому», — сказал бы Суворов и, перекрестив Юденича, прибавил бы: «Атакуй с Богом!» Но великий князь не был Суворовым. Подобно Мольтке, не допускавшему и мысли о переходе Балкан зимою, он считал «совершенно невозможной» операцию, шедшую вразрез с незыблемыми положениями военного рационализма, убежденными последователями которого были он и ближайший его сотрудник генерал Палицын.

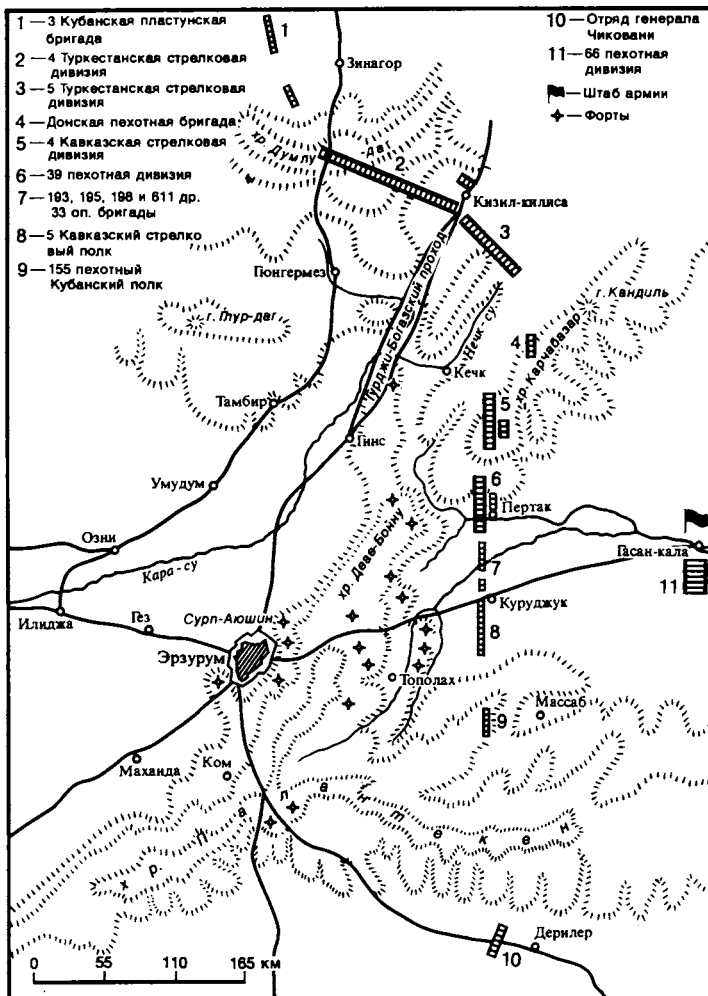
Ставя, подобно их идеалу Мольтке, материалистический принцип во главу стратегии и совершенно пренебрегая духовной стороной, они решительно воспротивились эрзерумской операции. Великий князь предписал отвести армию от Эрзерума и стать на зимние квартиры. Юденич настаивал, но получил повеление отходить в категорической форме. Ему ничего не оставалось, как скрепя сердце приготовиться к отходу. Для организации этого отхода он послал на фронт двух офицеров своего полевого штаба — полковника Масловского и подполковника Штейфона. Но эти офицеры, убедившись на месте в степени разгрома неприятеля и высоком духе азиатских победителей, доложили командовавшему армией о настоятельной необходимости продолжать наступление.

На этом примере мы видим разительное превосходство наших офицеров Генерального штаба послеманьчжурских выпусков над их германскими сверстниками Большого генерального штаба. Сравним поступок Масловского и Штейфона с таковым же пресловутого Генча, посланного Мольтке-младшим на фронт в критические дни битвы на Марне. Деморализованный штабом Бюлова, Генч, прибыв к фон Клуку, приказал ему именем главнокомандующего отступать. А между тем Клук в то утро 9 сентября стоял на пороге полной и окончательной победы над разбитой им уже 6-й (Парижской) армии французов.

Тогда генерал Юденич в последний раз решительно запросил по телефону Августейшего главнокомандующего, заявив, что всю ответственность он готов принять на себя. И Суворов победил Мольтке: великий князь уступил, заявив, что он слагает с себя ответственность за все, что может произойти.

* * *

Вторая половина января протекла в подготовке к штурму Эрзерума. Утопая в бездонном снегу, втаскивая на

**Штурм Эрзурума.
 Положение
 28 января
 1916 года.**

руках орудия на совершенно недоступные скалы, войска Кавказской армии занимали исходное к атаке положение. Штурм был назначен окончательно на 8 часов вечера

29 января 1916 года. Когда собранные в штабе армии старшие начальники узнали, что штурм назначен уже на 29-е, они пришли в изумление и стали просить отсрочки хотя бы на неделю. Генерал Юденич, выслушав их, спокойно сказал: «Вы просите отсрочки — отлично! Согласен с вашими доводами и даю вам отсрочку: вместо 8 часов штурм начнется в 8 часов 5 минут...»

На правом фланге общего расположения II Туркестанский корпус должен был обойти могучую Деве-Бойненскую позицию. В центре 4-я Кавказская стрелковая дивизия нацеливалась на Каргабазарское плато. На левом фланге на I Кавказский корпус была возложена честь лобовой атаки Деве-Бойну и Палантеке. 66-я пехотная дивизия составила резерв. Одновременно с наступлением главных сил на Эрзерум IV Кавказский корпус должен был сковать правый фланг III турецкой армии энергичным наступлением на Муш и Битлис.

Вечером 29 января начался изумительный приступ турецкого оплота, славнейшее дело русского оружия в Мировую войну — дело, подобно которому не имеет и не будет иметь ни одна армия в мире. Неистовые атаки кавказских и туркестанских полков встречали яростное сопротивление. 30-го и 31-го отбивались бешеные контратаки, но взятое не упускалось. 1 февраля 10-й неприятельский корпус повел наступление на II Туркестанский, но 4-я Кавказская дивизия преодолела Каргабазарское плато, прорвала весь турецкий фронт и открыла армии Эрзерумскую долину.

Первым спустился в Эрзерумскую долину 15-й Кавказский стрелковый полк полковника Запольского. Падение Каргабазарского плато, зимой недоступного даже для коз, ошеломило командование и войска III турецкой армии и ознаменовало выигрыш Эрзерумского сражения. В этот день скобелевский 11-й Туркестанский стрелковый полк полковника Андриевского взял форт Карагюбек и 8 орудий, а 17-й полковника Кириллова — форт Тафта и 10 орудий.

2 февраля на фронте геройского 1-го Кавказского корпуса пали считавшиеся неприступными форты Палантеке и Чобан-Деде. 39-я пехотная дивизия превзошла самое себя, и духом ее прониклись дружины Казанского ополчения.

В ночь на 3 февраля началось преследование турок по всему фронту, и 3 февраля части Железной 39-й пехотной дивизии вступили в потрясенный Эрзерум.

Всех подвигов на штурме Эрзерума невозможно перечислить. 153-й пехотный Бакинский полк взял форт Далангез, единственный форт Эрзерума, взятый нами на штурме 1877 года, и как раз тоже бакинцами (и в 1877 году и в 1916 году Далангез брала 10-я рота, и тогда и теперь командир этой роты — в 1877 году штабс-капитан Томаев, а в 1916 году прапорщик Навлянский — отдал за победу жизнь). С подполковником Пирумовым 6 рот бакинцев повторили на Далангезе подвиг горталовского батальона (но с большим счастьем). Расстреляв патроны, они штыками и гранатами отбили 8 бешеных атак. Вспомним елисаветпольцев полковника Фененко, истекавших кровью в жестокую стужу у подножия Чобан-Деде на восьми бесплодных штурмах. Полк отказался быть смеленным, чтобы иметь честь, наконец, овладеть сильнейшим этим фортом, что ему и удалось на девятой атаке. Взяв Чобан-Деде, елисаветпольцы с лавиной атакой ринулись на оба палантекенских форта, захватив и их. Дербентцы довершили их дело, взяв в штыки у Чобан-Деде 28 орудий, бивших картечью в упор, а 155-й пехотный Кубинский полк взял форт Гяз. Форт Узуз Ахмет взял достойный сын Самурского полка — 263-й пехотный Гунибский. Только что сформированная 5-я Кавказская стрелковая дивизия получила свое крещение на штурме и взятии фортов Кобургу и обоих Ортаюков. Ополченцы (будущая 6-я Кавказская стрелковая дивизия) взяли форт Каракол. Кизляр-гребенские казаки конной атакой на Деве-Бойну взяли 6 орудий. Первым ворвался в Эрзерум есаул Медведев с конвойной сотней штаба I Кавказского корпуса, бросившейся в шашки на плечах бежавшего врага. На штурме крепости нами взято 235 офицеров, 12 753 аскеров пленных, 12 знамен и 323 орудия.

Не задерживаясь, Юденич погнал дальше, в глубь Анатолии, расстроенного и ошеломленного неприятеля. Преследование — в метель, стужу и без дорог — длилось еще пять дней и было приостановлено только 9 февраля. В наших руках осталось 20 000 пленных и до 450 орудий. Общий урон III турецкой армии при обороне Эрзерума и отступлении составил 60 000 человек. Наши потери на штурме — 8500 убитых и раненых, 6000 обмороженных. Помимо захваченных на штурме пленных и трофеев, при преследовании взято еще 80 офицеров, 7500 аскеров и 130 орудий. Из этого числа 39-я пехотная дивизия взяла 2600 человек и 59 орудий. 4 февраля у Илиджи Сибирская казачья бригада конной атакой захватила остатки 34-й

1. Унтер-офицер
флота.
2. Матросы
флотских
экипажей.

3. Морские
офицеры.
4. Матрос
гвардейского
экипажа.

турецкой дивизии со штабом и 20 орудиями. За Эрзерум генералу Юденичу была пожалована георгиевская звезда.

«Господь Бог оказал сверхдоблестным войскам Кавказской армии столь великую помощь, что Эрзерум после пятидневного беспримерного штурма взят», — доносил Государю великий князь главнокомандующий. Эрзерумский штурм изумил Россию и союзные страны. Он потряс Турцию и заставил ее бросить недобитых англичан и все внимание обратить на Россию.

ТРАПЕЗОНДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ПОХОД В МЕСОПОТАМИЮ

После взятия Эрзерума центр нашей Кавказской армии продвинулся на 140 верст к западу от покоренной твердыни и образовал выступ в районе Мамахатун, вдавшийся клином в турецкое расположение. 29 февраля у Килисса-Куми 1-й Екатеринодарский полк конной атакой взял 200 пленных и 2 орудия. Мамахатун был взят 5 марта бакинцами, захватившими 800 пленных и 5 орудий.

Одновременно с ударом главных сил на Эрзерум IV Кавказский корпус генерала де Витта повел предписанную ему вспомогательную операцию для оттяжки неприятельских сил. 3 февраля, в день взятия Эрзерума, он взял с боя Мущ, а 17-го авангард генерала Абадиева стремительной атакой захватил Битлис. Битлис взят порывом 2-й Кавказской стрелковой и 2-й Кавказской казачьей дивизий отряда генерала Абадиева, атаковавших до рассвета тремя колоннами. В этом славном деле взято в плен 59 офицеров, 1427 аскеров, знамя и 20 орудий, из коих 17 взято 8-м Кавказским стрелковым полком.

В то же время Приморский отряд генерала Ляхова, действуя совместно с флотом, высадил 21 февраля в тыл туркам десант и 24-го занял Ризе. Частичные и весьма упорные бои велись в Приморском районе всю вторую половину января и весь февраль. В делах с 23-го по 27 января на Архавских позициях взято 2 орудия, 27 февраля у Буюк-Дара взято знамя и еще 2 орудия.

Наш Черноморский флот так и не сумел добиться полного господства над морем, несмотря на свое подавляющее превосходство в силах. Турки почти что беспрепятственно могли перебрасывать морским путем подкрепления. Поэтому ближайшей задачей Кавказской армии генерал Юденич поставил овладение Трапезондом —

важнейшим анатолийским портом и главной базой III турецкой армии.

Приморскому отряду надлежало фронтально атаковать турок, укрепившихся по реке Кара-Дере, в то время, как в тыл неприятелю должен был высадиться десант. Бои начались 13 марта, и 20-го Приморский отряд подошел вплотную к Кара-Дере. 25 марта генерал Юденич лично у Сюрмене высадил десант. Высадка у Сюрмене привела к конфликту между штабами Кавказской армии и Черноморского флота. Адмирал Эбергардт считал ее слишком рискованной. Моряки бросили транспорты с войсками и штабом генерала Юденича на произвол судьбы, а сами удалились в безопасные районы. Подойди «Гебен» — и погибла бы 2-я Кубанская пластуная бригада, погиб бы и генерал Юденич.

1 апреля Кара-Дере была форсирована вброд и вплавь — турки, атакованные с фронта и во фланг, были отброшены, и 6 апреля Трапезонд был взят. Честь перехода Кара-Дере и покорения Трапезонда принадлежит полковнику Литвинову с его 19-м Туркестанским стрелковым полком, разбившим турок у Офа. По геройскому почину своих офицеров стрелки бросились в бурную Кара-Дере и форсировали ее под ураганным огнем врага. Каменный мост был взорван в тот момент, когда по нему перебежала 6-я рота. Уцелевшие стрелки, оглушенные взрывом и попадавшие в воду, кое-как выбрались на неприятельский берег, бросились на пораженных турок и выбили их из окопов. Наши трофеи в трапезондских боях составили 2000 пленных. Генерал-губернатором Трапезонда был назначен защитник Ивангорода генерал Шварц.

В первых числах мая в Трапезонде высадился V Кавказский корпус генерала Яблочкина, составивший правый фланг нашего расположения. Далее — в дебрях Понтийского Тавра — располагался II Туркестанский корпус. К западу от Эрзерума — в центре общего расположения — I Кавказский корпус. На левом фланге, в долине Евфрата — IV Кавказский корпус и Азербайджанско-Ванский отряд, а в Персии — отряд генерала Баратова, названный Кавказским конным корпусом.

* * *

В конце весны зашевелился и перешел в наступление наш левый фланг — Кавказский конный корпус генерала Баратова. Наступление это из Персии в Месопотамию —

от Керманшаха на Багдад — совершенно не было в интересах Кавказской армии. Оно было навязано нам Англией.

Разбитый у Ктезифона британский экспедиционный корпус генерала Таунсенда укрылся в Кут-Эль-Амарской крепости на Тигре (на юго-востоке от Багдада), где был блокирован одной турецкой дивизией, вдвое слабейшей. Генерал Таунсенд в декабре высчитал, что запасов «корнед бифа» и мармелада ему хватит до 13 апреля 1916 года, и поставил Лондон в известность, что если к 13 апреля его не деблокируют, то он с вверенными ему героями не станет дожидаться 14-го числа и капитулирует. Британское правительство потребовало направить войска генерала Баратова на выручку Кут-Эль-Амары.

Если желания союзников были равносильны приказанием, то приказание их (как то было в данном случае) являлись высшим законом для руководителей российской великодержавности. Нужды не было в том, что англичане собрали на Тигре, всего в 150 верстах от Кут-Эль-Амары, 4 дивизии, тогда как у генерала Баратова было за 800 верст всего 4 батальона пехоты. Англичане требовали от четырех русских батальонов то, чего не смели требовать от своих четырех дивизий...

В первых числах апреля корпус генерала Баратова занял Керинд и спустился в пустыни северной Месопотамии. Опасный и трудный этот поход скоро потерял свой смысл: кут-эль-амарские вояки сдались 13 апреля — как то благоприятно обещали. Однако своим движением генерал Баратов обратил на себя силы действовавшей против англичан в Месопотамии VI турецкой армии Халила-паши (заменившего умершего от тифа победителя при Ктезифоне фельдмаршала фон дер Гольц-пашу).

Оставив против 65-тысячной британской армии генерала Мода слабый 18-й турецкий корпус (16 000) в долине Тигра, Халил-паша с другим корпусом своей армии — 13-м (25 000 бойцов и 80 орудий) двинулся на отряд генерала Баратова, насчитывавший всего 7000 шапек и штыков при 22 орудиях.

Силы были слишком неравны. 21 мая генерал Баратов был отражен от Ханекена. 25-го турки вторглись в Персию. 16 июня нами был потерян Керинд, а 20-го Керманшах. Турки приостановили здесь свое наступление, но возобновили его по настоянию немцев месяц спустя, дойдя 28 июля до Хамадана. Генерал Баратов отвел свой ослабленный лихорадками корпус в район Казвина. За май месяц (ханекенские бои) корпус генерала Баратова лишился

в делах с неприятелем всего 460 человек, тогда как от болевой убито 2430 человек — свыше трети строевого состава. Англичане ничем не помогали, несмотря на свое четверное превосходство в силах. Требуя русскую помощь как должное, наши союзники сочли бы неслыханной дерзостью аналогичное обращение с русской стороны (если мы вообще осмелились бы на это).

ЭРЗИНДЖАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

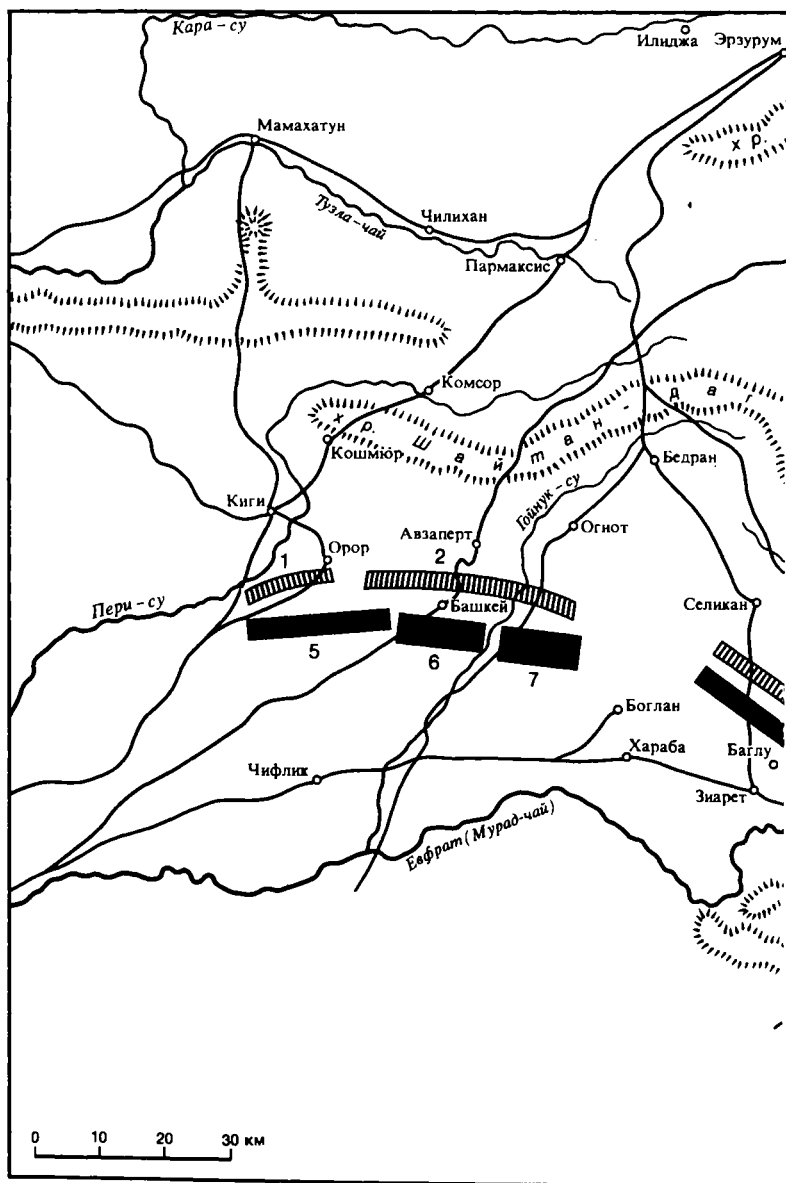
В мае месяце германо-турецкое командование решило вернуть обратно утерянные Эрзерум и Трапезонд и рассчитаться с Кавказской армией за жестокий свой разгром.

Турецкие силы на Кавказе с 11 дивизий были доведены до 24. В III армию морем были переброшены 5-й и 12-й корпуса; она была доведена до 15 дивизий и вверена Вехибу-паше. В то же время на правый фланг турецкого расположения, в долину Евфрата, перевозилась по Багдадской железной дороге II армия Ахмет Изета-паши — дарданелльские победители: 2-й, 3-й, 4-й и 16-й корпуса. Сосредоточение этой армии замедлялось тем, что ее корпусам приходилось идти походным порядком от 250 до 600 верст от станций выгрузки до районов сосредоточения.

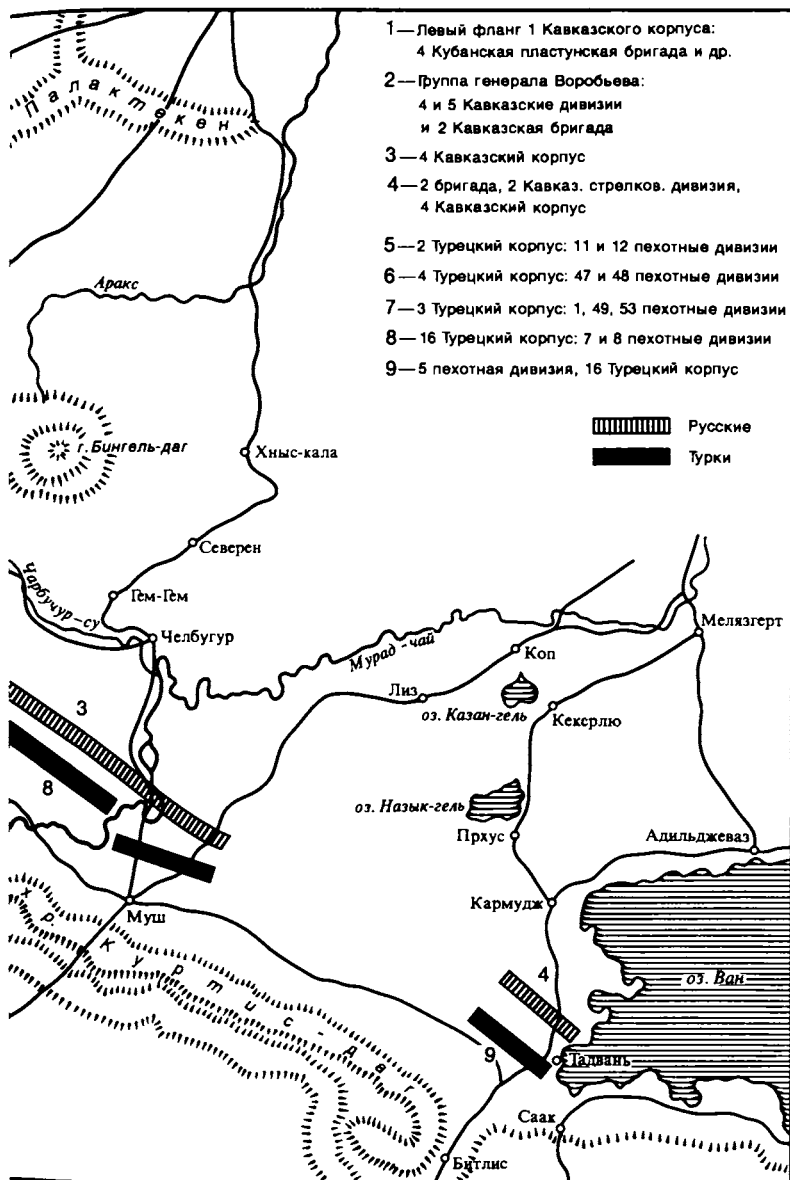
III армии надлежало перейти в наступление в середине июня, сковывая наши силы. II же армия должна была затем нанести нам главный удар в стык между I и IV Кавказскими корпусами — на Гассан-Калу и дальше, заходя правым плечом в тыл Эрзеруму, окружить и уничтожить главные силы Кавказской армии. Благодаря счастливой случайности нам удалось заблаговременно узнать этот план. К нам перебежал майор Генерального штаба, черкес по происхождению, оскорбленный несправедливым к нему отношением германо-турок и отомстивший сообщением всех их планов.

* * *

До перехода в общее наступление Вехиб-паша решил ликвидировать Мамахатунский «выступ». 16 мая 9-й и 11-й турецкие корпуса обрушились на 4-ю Кавказскую стрелковую дивизию и заняли Мамахатун. Развивая этот успех, турки двинулись дальше в эрзерумском направлении, но генерал Юденич двинул на них 39-ю пехотную дивизию. В богатырском бою с 21-го по 23 мая непобедимая

Эрзинджано-Харпутская операция.

Положение на 8 августа 1916 года.

39-я дивизия отразила пять турецких и прикрыла русский Эрзерум. В деле 16 мая под Мамахатунгом нами потеряно 2 орудия. В боях с 21-го по 23 мая 153-й пехотный Бакинский полк полковника Масловского опрокинул 17-ю и 28-ю пехотные турецкие дивизии и отразил две конные дивизии неприятеля, стреляя стоя и с колена, как на ученье. Неприятеля положено без счета, но и бакинцы лишились 21 офицера и 900 нижних чинов.

13 июня вся III турецкая армия перешла в решительное наступление, направив главный удар свежими 5-м и 10-м корпусами долиной Лима-Су в трапезондском направлении (на Оф). Туркам удалось здесь вклинуться между V Кавказским и II Туркестанским корпусами, но развить этот прорыв они не могли: 19-й Туркестанский полк двое суток держал мертвой хваткой две галлиполийские дивизии, дав время генералам Яблочкину и Пржевальскому произвести перегруппировку. Ударом 123-й пехотной дивизии в левый фланг турок и 3-й пластовской бригады в правый их фланг продвижение было остановлено.

Из 60 офицеров и 3200 нижних чинов полковник Литвинов недосчитался 43 офицеров и 2069 нижних чинов. 19-й Туркестанский стрелковый полк своей кровью спас положение всего Кавказского фронта, положив на месте 6000 турок. В рукопашном бою стрелками был поднят на штыки начальник 10-й турецкой дивизии — сын Абдул Гамида. В дальнейших боях 490-й пехотный Ржевский полк захватил знамя Сводно-Гвардейского турецкого полка.

Сдержав 5-й и 12-й турецкие корпуса на трапезондском направлении охватывавшими их контратаками V Кавказского и II Туркестанского корпусов, генерал Юденич перешел в энергичное наступление I Кавказским корпусом на 9-й и 11-й турецкие корпуса у Мамахатунга. 23 июня 39-я пехотная дивизия опять схватилась с пятью турецкими и в ночь на 25-е нанесла им решительный удар. 27-го был отобран Мамахатунг, и турки отброшены далеко к востоку. Июньские бои на мамахатунгском направлении были упорны и кровопролитны. Бакинский полк взял 63 офицера, 1500 аскеров и 2 орудия. Всего здесь было захвачено около 4000 пленных.

Юденич решил развить это наступление и овладеть важнейшим узлом сообщений Анатолии — Эрзинджаном, желая лишить III турецкую армию главной ее рокадной линии. I Кавказскому корпусу надлежало атаковать Эрзинджанскую группу турок (9-й и 11-й корпуса) фронтально, а II Туркестанскому корпусу — обойти ее левый фланг,

сбив предварительно 10-й турецкий корпус. V Кавказский корпус обеспечивал всю операцию на крайнем правом фланге общего расположения, преследуя разбитый 5-й турецкий корпус и перевалив Понтийский Тавр.

Сбив рядом крепких ударов 10-й корпус, туркестанцы и пластуны II корпуса заняли 2 июля Байбурт, широко охватив левый фланг Эрзинджанской группы турок. В боях вокруг Байбурта нами взято 138 офицеров (4 командира полков), 2100 аскеров, знамя, 6 орудий и 8 пулеметов. В то же время с фронта I Кавказский корпус форсировал Кара-Су, опрокинул 9-й и 11-й турецкие корпуса, и 10 июля 39-я пехотная дивизия ворвалась в Эрзинджан. В Эрзинджан первыми ворвались дербентцы, форсировавшие Мурад-Чай по груди в воде.

Оборонительными июньскими и наступательными июльскими операциями наша Кавказская армия совершенно разгромила III турецкую армию и, взяв Эрзинджан, смогла обратиться на нового врага. За июньские и июльские бои нами взято (согласно труду генерала Масловского) 17 000 пленных. О количестве захваченных трофеев сведений нет. Подсчитывая и пересчитывая по много раз бомбометы и пулеметы, захваченные армиями Брусилова, Ставка совершенно игнорировала Кавказский фронт. Из реляций на статутные награды можно установить взятие с боя двух знамен. Орудий захвачено около 20, примерно 50 пулеметов.

ОГНОТ И МУШ

Назначенная для главного удара по нашему левому флангу II армия турок Ахмета Изета медленно собиралась в долине Евфрата. Раньше других здесь собрался 16-й турецкий корпус героя Дарданелл Мустафы Кемаля-паши, слева от него развернулись 4-й, 3-й и 2-й.

Организуя удар на Эрзинджан, генерал Юденич предписал командиру IV Кавказского корпуса сковать собиравшегося на Евфрате неприятеля наступлением на харпутском направлении. Генерал де Витт направил туда 66-ю пехотную дивизию, сбившую Кемаля в боях 29-го и 30 июня у Куртис-Дага и далее имевшую с ним ряд удачных столкновений в середине июля. В делах 17-го и 18 июля нами взято 300 пленных, 1 орудие и 3 пулемета.

20 июля Ахмет Изет перешел в решительное наступление на Эрзерум. Направив свой левофланговый 2-й корпус

на наш I Кавказский, чтобы сковать его, он обрушился тремя остальными на IV Кавказский корпус. Галлиполийские победители атаковали с большим подъемом и энергией, и под их яростными ударами части IV Кавказского корпуса стали отходить... 23 июля мы потеряли Битлис, 24-го — Муш и 25-го отошли за государственную границу, опасно обнажив левый фланг наших главных сил и сообщения с Эрзерумом. У Битлиса 23 июля мы потеряли 2 орудия. Генерал Масловский отмечает чрезвычайно слабое руководство боями начальника 2-й Кавказской стрелковой дивизии генерала Назарбекова, ограничившегося пассивной обороной и упустившего возможности для контратаки.

Одновременно северная группа VI турецкой армии Халила, пользуясь бездействием англичан, нажала на отряд генерала Баратова в Персии и на слабый наш Азербайджанско-Ванский отряд генерала Чернозубова. Со времен Сарыкамыша это был самый серьезный кризис Кавказского фронта.

Юденич решил парировать этот наметившийся обход своих главных сил ударом в левый фланг прорвавшейся II турецкой армии («обходящий сам обойден»). Иными словами, повторить свою прошлогоднюю Евфратскую операцию, но в более крупном масштабе. Этот удар был возложен на резерв фронта — группу генерала Воробьева (4-я, 5-я Кавказские стрелковые дивизии и 2-я пластунская бригада), которой указано было атаковать в общем направлении на Огют.

Наше встречное наступление началось 6 августа. Рядом стремительных ударов с фронта и во фланг группа генерала Воробьева сперва остановила, а затем сбила прорвавшиеся от Огюта 3-й и 4-й неприятельские корпуса. Одновременно огрызнулся фронтально и IV Кавказский корпус. Генерал де Витт, сжав свое расположение, опрокинул правофланговый корпус Кемала. 10 августа был возвращен Муш, а 14-го группа генерала Воробьева уже стояла на Евфрате. В боях с 7-го по 10 августа на подступах к Мушу разбита 7-я турецкая пехотная дивизия 16-го корпуса. Нами взято 2200 пленных, 4 орудия и 3 пулемета.

Одновременно Азербайджанский отряд нанес 11 августа у Раята полное поражение 13-му турецкому корпусу, чем полностью восстановил сильно было поколебленное положение в Персии. У Раята наши Сводно-пограничная и 4-я Кавказские казачьи дивизии окружили и уничтожили в боях с 9-го по 11 августа 4-ю турецкую пехотную дивизию.

Взято 60 офицеров (2 командира полков), 2300 аскеров, 4 орудия и 4 пулемета.

Энергичный Ахмет Изет не желал признать себя побежденным. Он бросил в бешеные контратаки свои 3-й, 4-й и 16-й корпуса. В тяжелых боях с 15-го по 18 августа у Хеваршаха и Огнота наступательный порыв этих превосходных войск был сломен. В этих боях взято 1500 пленных и 2 орудия.

Всю вторую половину августа и начало сентября в долине Евфрата кипели ожесточенные бои — Огнотское сражение. Против наших 4 $\frac{1}{2}$ дивизий неприятель развернул 11. Турки дрались с той же отвагой, что и на Галлиполи, но противник у них здесь был не тот — и шаг за шагом дардавелльские победители оттеснялись в исходное свое положение эрзерумскими победителями...

У нас из 50 000 бойцов за всю операцию убыло 20 000 человек. У турок же из 120 000 — 56 000 человек. Пленных и трофеев в этих ожесточенных боях взято мало. 20 августа захвачено 8 офицеров, 205 аскеров и 1 орудие. 22 августа еще 10 офицеров и 538 аскеров, а 27 августа — 4 офицера, 240 аскеров, 3 орудия и 1 пулемет. Вообще же за всю операцию по отражению II турецкой армии с конца июля по середину сентября нами взято 5000 пленных и 10 орудий (не считая трофеев Азербайджанского отряда с 9-го по 11 августа у Раята). Все остальные потери турок — кровавые.

Группа генерала Воробьева составила VI Кавказский корпус под командой генерала Абациева. Одновременно и Азербайджанско-Ванский отряд был переименован в VII Кавказский корпус князя Вадбольского.

В половине сентября бои стали затихать. К октябрю 1916 года весь Кавказский фронт утонул в снегу. Живая сила неприятеля была сокрушена окончательно. Из 150 000 бойцов своей III турецкой армии Вехиб-паша едва собрал 36 000, а во II турецкой армии Ахмета Изета из 120 000 аскеров осталось 64 000 человек. Дардавелльские корпуса были сведены в кавказские дивизии... Возместить эти жестокие потери обескровленная Турция уже не могла...

Огнотским сражением закончилась героическая борьба нашей Кавказской армии. С ничтожными силами она свершила великие дела и сделала значительно больше того, что от нее требовал общий ход войны.

В кампанию 1917 года ей надлежало действовать оборонительно. Дальнейшее наступление в глубь горных

пустынь Анатолии не имело никакого смысла и могло оказаться только гибельным. 17 февраля 1917 года 19-й Туркестанский стрелковый полк полковника Хромых, атакуя по собственному почину в 5-аршинном снегу, овладел позициями турок на хребте Ики-Сиври (высота 3300 метров). Полк был укомплектован офицерами гвардейской пехоты, просившими перевода на Кавказ, «где еще дерутся по-настоящему». Это было последнее наступательное дело на Кавказском фронте.

С занятием Эрзинджана наше продвижение в глубь Турции достигло своего стратегического предела. Сообщения вытянулись на 500—600 верст в дикой местности. Продовольственные транспорты сами вынуждены были съедать большую часть своих запасов. Роль Кавказской армии стратегически закончилась.

На апрель 1917 года Император Николай Александрович повелел овладеть Царьградом. Государю удалось победить инерцию слепой и косной Ставки. Два года назад — в апреле 1915 года — операция эта должна была спасти Россию, теперь же все сроки были давно пропущены...

РАЗБОР ВОЙНЫ

Двадцать месяцев от Сарыкамыша до Эрзинджана, через Даяр, Азап-Кей и Эрзерум — славнейшая эпоха нашей военной истории в столетие, последовавшее за биваком Платова на Елисейских Полях.

Лавровый венок Кавказской армии пытались обесценить заявлением, что он был добыт в борьбе с противником «отсталым и неравноценным». Упрек, исходящий от военных позитивистов, ни на чем не основанный.

Турецкая армия имела славное боевое прошлое. Не говоря о давних временах, когда она, завоевав половину Европы, держала вторую половину триста лет в постоянном страхе — еще в XVIII веке Турция дважды побеждала могущественную Австрийскую империю и дважды — в 1739-м и 1790 годах — продиктовывала Габсбургам позорный мир. Затем турки нанесли в Сирии поражение непобедимому до тех пор Бонапарту. В последовавшее затем столетие Турция воевала только с Россией, и благодаря высокому качеству русской армии воевала неудачно (хотя и оказалась в выигрыше Болгарской кампании 1828-го и Дунайской 1854 годов).

Войну 1877—1878 годов нам удалось выиграть с очень большим трудом. Затем, если Турция и была в 1912 году побеждена славянскими армиями, то в 1915 году она победила Англию и Францию, сбросив могущественную армию союзников в море на Галлиполи и взяв в плен высадившийся в Месопотамии британский экспедиционный корпус. После этого англичане, схватывавшиеся на Западе с германским противником в равных силах, отказывались иметь дело с турками, даже имея двойное и даже тройное превосходство, и для решительного наступления в Палестине в 1918 году маршал Алленби обеспечил себе неслыханное в истории превосходство в десять раз. Третья часть сухопутных, морских и воздушных сил Британской империи была поглощена турецкими фронтами. Все это достаточно ясно доказывает абсурдность утверждения, что турки не были противником равноценным. Будь это так, могучая союзная армия и флот не бежали бы осенью 1922 года из Константинополя по первому приказанию Кемаля: Галлиполи, Ктезифон и Кут-эль-Амара свое дело сделали.

Так же почетно проявили себя турки и на европейских фронтах. Их 6-й корпус был опорой Макензена в Добрудже и под Бухарестом, а 15-й в Галиции заступил Щербачеву пути на Львов под Диким Ланом. Англичане считали турок противником гораздо более опасным, чем германцы в тех же силах. И если эти превосходные войска оказались на Кавказе побежденными, то причиной тому не их «отсталость», а высокий дух их победителей.

* * *

Превосходство духа над материей во все времена составляло основу русской национальной военной доктрины. Кавказская же армия как раз и оказалась той частью русской армии, где в самом полном и ярком виде сохранились бессмертные заветы науки побеждать.

Войска эти были исключительно высокого качества. Они превосходили своим духом войска других округов. Дела III Кавказского корпуса на Юго-Западном фронте, «желтых дьяволов» II Кавказского корпуса, на Северном фронте доказывают это. Немудрено, что и полки I Кавказского корпуса, воспитанные на той же старой славе, проникнутые тем же духом, совершали такие подвиги. Того, что совершила одна только 39-я пехотная дивизия,

хватило бы на целую европейскую армию (на которую тогда наши военные позитивисты стали бы указывать как на образец). Печать того же русского духа и русской боевой традиции лежала и на скобелевских птенцах — туркестанских стрелках. Немногочисленные вначале второчередные части, попав в эту обстановку, крепили с первых же шагов.

Конницы было много, хотя значительная часть ее и состояла из полков 3-й очереди. Были славные конные дела, особенно у сибирских казаков, но посредственность подавляющего большинства кавалерийских начальников помешала использовать по-настоящему эти 222 эскадрона и сотни.

Артиллерия наша количественно была равна турецкой, качественно же во много раз превосходила ее. Немногочисленные инженерные части были поглощены разработкой сообщений, особенно постройкой железных дорог в Армении и Персии, совершая тем самым огромное русское культурное дело в этих диких краях.

Чрезвычайно трудна была служба летчиков в стране, где изобиловали горные хребты в 2000—3000 метров, которые приходилось преодолевать на ветхих машинах, не набравших высоты. Тем не менее единственный авиационный отряд Кавказской армии с честью вышел из этих затруднений.

Всего наши боевые потери составили 22 000 убитыми, 71 000 ранеными, 6000 пленными и до 20 000 обмороженными. Турки лишились 350 000 человек, из коих 100 000 пленными. Нами потеряно в боях 8 орудий и взято 650.

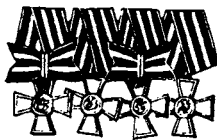
* * *

Убежденный сторонник национального естества военного дела, генерал Юденич свой яркий талант сочетал с огромной силой духа. Отметая псевдонаучный рационализм, твердо вел он свою армию от победы к победе. В то время как на Западном нашем театре войны русские военачальники, даже самые лучшие, пытались действовать сперва «по Мольтке», а затем «по Жоффру», на Кавказе нашелся русский полководец, пожелавший действовать по-русски, по Суворову.

Конфликт Юденича с Тифлисом накануне эрзерумского штурма особенно показателен. В нем как нельзя более ярко выявилось противоречие двух систем: классической

русской — превосходство духа над материей — и наносной рационалистической, второе столетие отравлявшей русский воинский дух. Последователь Суворова видел и чувствовал то, чего не дано было видеть и чувствовать выученикам Мольтке.

Это был тот полководец, которого не хватало в Ставке весной и летом 1916 года для победы над Германией и Австро-Венгрией...

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ПЕТРОВСКОЙ АРМИИ

ТРОФЕИ И ПОТЕРИ

В а три года исключительно тяжелой борьбы русской армией было взято 2 200 000 пленных и 3850 орудий. Из этого числа германцев — 250 000 пленных и 550 орудий, австро-венгров — 1 850 000 пленных и 2650 орудий и турок — 100 000 пленных при 650 орудиях.

За то же время Францией было взято 160 000 пленных и 900 орудий, Англией — 90 000 пленных при 450 орудиях, а Италией — 110 000 пленных и 150 орудий.

Русские трофеи в шесть раз превысили трофеи остальных армий Союзия, взятых вместе.

С чувством глубокого удовлетворения русский историк просматривает списки потерь по полкам германской армии, дравшихся на Востоке и Западе. Русский фронт для них оказался вдвое убийственнее англо-французского. Об австро-венгерской армии и говорить нечего. Весь цвет ее лег на полях Галиции и в ущельях Карпат. Итальянцы на

Виттории Венето добивали остатки их эрзац ландштурма. Наконец победители англо-французов — турки — сами потерпели от нас жесточайшие поражения за всю свою историю.

Русский меч лежал грозной тяжестью на весах войны, хоть им и владели руки слабые и неискусные. Он сокрушил бы неприятельскую коалицию, найдись в России полководец. Россия одна схватилась с половиной сил Центральных держав; Франция, Англия, Италия и Соединенные Штаты — державы, во много раз сильнее техникой, поделили между собой другую половину.

Мы можем видеть поэтому, какое огромное напряжение потребовалось от русской армии. Это напряжение несравнимо с таковым же других больших армий Соглашения. То, что Франция испытывала в продолжение нескольких недель верденского кризиса либо последних германских наступлений весной 1918 года, то, чего вообще не пришлось испытать Британской империи, было нашим неизменным уделом в продолжение сорока месяцев. Одной лишь кампании 1915 года в тех условиях, в которых мы ее проделали, было достаточно для того, чтобы погубить любую из первоклассных армий мира, не исключая и германской, а наши войска между тем ее выдержали с честью.

* * *

Беспримерное напряжение повлекло за собой и беспримерные потери. Размеры этих потерь никогда не удастся определить в точности. Русское верховное командование совершенно не интересовалось уже использованным человеческим мясом. Не интересовалось этим и Главное санитарное управление: в госпиталях не существовало статистики умерших от ран, что не может не ошеломить исследователя.

Подсчеты потерь производились во время войны и после нее отдельными лицами по неполным и несистематизированным данным. Они носили случайный характер и приводили к совершенно различным, зачастую фантастическим заключениям (достаточно сказать, что количество, например, пленных определялось в пределах от 1 300 000 до 4 500 000 человек). Интендантство подсчитывало «едоков». Красный Крест и земско-городские союзы регистрировали, как могли, и без всякой связи друг с другом раненых, проходивших через их лазареты и

отправлявшихся в глубь России (остававшиеся в прифронтовой зоне ни в какие ведомости не попадали).

В добросовестной работе доктора Авраменко в 1919 году, по неполным сведениям, к декабрю 1916 года имелись картотеки на убитых 12 813 офицеров и 652 077 нижних чинов, умерших от ран в частях войск 716 офицеров и 17 662 нижних чинов, умерших от газов 72 офицера и 6268 нижних чинов. По картотеке Главного управления Генерального штаба, умерло от ран не 716, а 3622, и эта последняя цифра далеко не полна. Далее доктор Авраменко классифицирует картотеки ранений — 72 486 офицеров, 3 676 183 нижних чинов (из них осталось в строю 15 766 офицеров и 303 679 нижних чинов). Отравлено газами не смертельно 1282 офицера, 63 876 нижних чинов (осталось в строю 684 офицера и 15 974 нижних чинов). Всего к декабрю 1916 года удалось установить по данным военно-санитарных управлений 85 369 офицеров и 4 416 066 нижних чинов убитыми и ранеными. Сюда не вошли данные по многим частям Юго-Западного фронта за Брусиловское наступление, совершенно не приняты во внимание Румынский и Кавказский фронты, а также очень значительное число раненых, не эвакуированных в Россию, а оставшихся на излечении в прифронтовой полосе. Пропавших без вести (оставшихся на поле сражения убитыми и ранеными, попавших в плен) показано 13 382 офицера и 2 319 993 нижних чинов, что тоже очень сильно приуменьшено: столько на самом деле было одних пленных.

Ставка совершенно не интересовалась вопросом о понесенных потерях. Люди, три года подряд славшие на убой миллионы русских офицеров и солдат, изобретавшие «двойной обход Мазурских озер», «наступление в сердце Германии», отдававшие обескровленным армиям иступленные директивы «Ни шагу назад!», воздвигавшие пирамиды черепов на Бзуре, Нарочи, у Ковеля, эти люди ни разу за три года не поинтересовались узнать, во что, хотя бы приблизительно, обходится России и русской армии их стратегическое творчество.

Когда в июле 1917 года французский представитель в Ставке, позорной памяти генерал Жанен (впоследствии предавший Колчака), запросил сведений о потерях, понесенных Россией, то Ставка была застигнута врасплох. После трехмесячных суетливых поисков и обращений не в те инстанции Ставка представила французам первые попавшиеся цифры. Убитыми значилось всего 700 000 человек, пленными зато 2 900 000. Давая эти объяснения

без всяких оговорок либо пояснений, наши военные бюрократы не потрудились сообразить, что подсчет убитых проведен сколько-нибудь удовлетворительно лишь по войскам Северного фронта, тогда как у значительной части пленных имеются дубликаты фишек (две карточки на одного человека), отчего и получается столь значительная цифра. Ставка совершенно не отдавала себе отчета в том, что подобного рода «сведения» только бесчестят русскую армию в глазах иностранцев.

По данным Военного ведомства, представленным незадолго до революции в Совет министров, наши «окончательные потери» — убитыми, умершими от ран и болезней, инвалидами, пропавшими без вести и взятыми в плен — определялись с начала войны по декабрь 1916 года в 5 500 000 человек. Число это было получено из сопоставления общей цифры призванных — 14 500 000 — с таковой же находившихся на довольствии в Действующей армии, на флоте, в тыловых частях и на излечении — 9 000 000 человек, по сведениям Главного интендантского управления. Отметим сразу же, что эта цифра 9 000 000 значилась по списку, тогда как налицо состояло гораздо меньше. Весь ноябрь и декабрь шли кровопролитнейшие бои в Карпатах и в Румынии, Западный фронт пухнул от цинги, а Кавказский наполнял лазареты обмороженными, тифозными, дизентерийными и лихорадочными. К указанным 5 500 000 «окончательных потерь» можно было бы уже в декабре 1916 года приписать 200 000—300 000.

По сведениям, официально сообщенным нашему Красному Кресту неприятелем, к зиме 1916/17 годов в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции состояло 2 200 000 русских военнопленных. Цифра эта вполне достоверна (неприятелям, во всяком случае, не было никакого расчета ее приуменьшать).

Вычтя это число из общей суммы, получим 3 300 000 потерь «по сю сторону» наших позиций. Умерло от болезней 100 000 человек (число установлено весьма точно — статистика больных велась гораздо лучше, чем статистика раненых). В самовольной отлучке числилось до 200 000 человек (явлению этому удивляться нечего, вспомним только дезертиров наполеоновских войск во Франции — знаменитую «*armée volante*»). Далее, 600 000 человек было исключено из-за увечий, полученных в бою, 300 000 человек — по причине болезней. Сложив эти потери, получим в итоге 1 200 000 человек увечных, умерших и дезертиров.

Остальные 2 100 000 человек не подошли ни под одну из указанных категорий... Вечная им память! Около 700 000 человек — примерно третья часть — сохранили свои имена, остальные 1 400 000 человек — это те «неизвестные солдаты», о коих не скажет ни камень, ни крест и чьи останки были выброшены из могил кощунственной польской рукой.

Приняв во внимание потери зимней кампании 1916/17 годов и летней 1917 года, сосчитав убитых в Шампани и Македонии, погибших на флоте и, наконец, прибавив к ним синодик верных долгу русских воинов, замученных насмерть в неволе немецкими и мадьярскими палачами, мы будем очень недалеко от цифры 2 500 000, из коих 2 400 000 человек пало с оружием в руках. Все германские исследователи определяют потери русской армии убитыми в 2 500 000 человек. Бывшие союзники, стремясь умалить жертвы России, приводят часто голословное число 1 700 000, не объясняя его происхождения.

2 417 000 пленных, взятых у нас Центральными державами за всю войну,— число, способное привести поверхностного наблюдателя к ложному заключению о невысоких качествах боевых русских войск. Поэтому ни на минуту нельзя упускать из вида другую цифру, а именно 2 200 000 германцев, австро-венгров и турок, взятых в плен этими русскими войсками, несмотря на недостойное их высшее командование и катастрофическую нехватку техники и боевых припасов. Сделав эту оговорку, перейдем к ближайшему рассмотрению этой огромной цифры. Приблизительно 1 400 000 попало в плен ранеными. Кто посмеет их упрекнуть за то, что они были эвакуированы не на восток, а на запад?

Из остального миллиона — попавших в плен неранеными — было весьма много трусов и негодяев, сдавшихся по своей охоте. Таковые встречаются во все времена и во всех армиях. Но еще большее количество попало в плен по вине высшего командования, ставившего в продолжение всей войны наши войска в самые невозможные условия. Ответственны ли офицеры и солдаты 2-й армии за бесхарактерность Ключева, трусость Благовещенского, малодушие Самсонова, рутину Жилинского и невежество Юрия Данилова? Можно ли винить новогеоргиевских ополченцев за недомыслие генерала Алексева и подлость духа Бобыря? А все 975 000 раненых и нераненых пленных, взятых врагом весной и летом 1915 года, не искупали разве своими страданиями преступное «Ни шагу назад!» первой Ставки?

Из 1 312 000 находившихся в Германии русских пленных 233 000 пыталось бежать (по данным Рейхсархива).

Бесчеловечное отношение к русским военнопленным легло навсегда несмываемым позором на память австро-германских армий. Пленных заставляли рыть окопы на Французском, Итальянском и Македонском фронтах. Отказывавшихся подвергали пыткам. Самой распространенной было подвешивание за руки. В Германии практиковалось распятие и членовредительство. Русских военных, до конца оставшихся верными присяге и отказывавшихся работать на неприятельскую армию, расстреливали перед фронтом. Производить казни назначались кадеты — будущие офицеры императорско-королевских армий. Для этих немецких юношей расстреливать русских пленных было праздником — и количество желающих во много раз превышало число избранных счастливых. Имена измайловца Федора Лунина, дагестанца Николая Алексева и память тысяч других богатырей, замученных среднеевропейскими дикарями, должны, подобно неугасаемым лампадам, светиться в русских душах, подобно именам Агафона Никитина и Фомы Данилова, замученных дикарями среднеазиатскими. Зверства австро-венгров превзошли зверства германцев. А между тем российское правительство, имевшее в своей власти сотни тысяч пленных немцев и мадьяр, раз навсегда могло бы положить конец этому всемирному задушению русского имени, пригрозив репрессиями. Но у нас предпочитали плакаться на нарушение немцами каких-то гаагских и женевских бумажонок, как будто эти жалкие lamentации могли хоть немного облегчить участь русских мучеников!

Но еще более бесчеловечным, вдвойне преступным, было отношение к своим попавшим в несчастье солдатам со стороны императорского правительства. Оно ничего не захотело сделать для облегчения их ужасной участи. Русские пленники были брошены на произвол судьбы. Солдаты русского Царя рылись в отбросах своих союзных товарищей по несчастью... Единственная помощь продуктами, получавшаяся нашими пленниками, шла от французских жертвователей, тронутых их участью из писем французских пленных. В то время как французы, англичане, итальянцы все время чувствовали за собой поддержку своих правительств, снабжавших их продуктами и грозивших немцам репрессиями, русские были брошены на произвол тюремщиков и палачей своим Отечеством, за которое они проливали кровь... Призывы французского комитета помощи

русским пленным оставляли одинаково равнодушными как императорское правительство, так и демократическую общественность. Немцы после этого могли себе позволить с русскими все, что задумается.

Количество раненых приблизительно определяется в 5 500 000 человек. Точные сведения существуют лишь относительно эвакуированных в Россию — их было к декабрю 1916 года круглым числом 3 800 000 человек, причем сюда тоже, как и относительно убитых, не вошли раненные на всех фронтах в зимнюю кампанию 1916/17 годов и летнюю 1917 года, а также за всю войну на Кавказском и Румынском фронтах. По очень осторожным исчислениям мы можем приписать за эти периоды еще 400 000 эвакуированных и примерно 1 200 000—1 500 000 раненых за всю войну, не эвакуированных в Россию, а оставшихся в 1914—1917 годах в прифронтовой полосе.

Присчитав к этому общему количеству 5 500 000 раненых, оставшихся у своих, еще 1 400 000 раненых, попавших в плен, мы получим около 7 000 000 раненых, вернее «случаев ранения» (многие бывали ранены по несколько раз) — примерно по три ранения на одного убитого. Это пропорция всех армий, принимавших участие в Мировой войне. Она полностью подтверждает выведенное нами число 2 400 000 убитых для русской армии.

Боевые потери России за всю войну можно считать в 10 300 000—10 500 000 «случаев убыли» или 9 000 000 человек (принимая во внимание, что 30 процентов раненых — по второму разу тех же людей, и не считая для простоты ранения по третьему и четвертому разу, которых было немало). Из этих 9 000 000 человек 6 000 000 убыло «безвозвратно» — убитыми, умершими от ран, пленными и увечными.

УСЛОВИЯ БОРЬБЫ

За три года Мировой войны мы потеряли в три раза больше людей, чем за все остальные войны России — от Азова до Мукдена. Вся Русско-Японская война составляет только один месяц Мировой войны. Это позволяет судить о том напряжении, какое потребовалось от наших войск в 1914, 1915, 1916 годах.

В Отечественную войну, как и в неудачное ее подражание — кампанию 1915 года, за три месяца нашими армиями было отмаршировано 600 верст в глубь страны. Но там

за 80 дней наши главные силы имели только пять боев и одно генеральное сражение. А здесь за те же 80 дней наши 3-я и 13-я армии имели 80 боев, каждый из коих стоил генерального сражения былых времен, иными словами, каждый день по Бородину! А что могли значить Клястицы и Полоцк в корпусе Витгенштейна в сравнении с тем бесспорным двадцатидневным Наревским сражением, что выпало одновременно с этим на долю 1-й и 12-й армий?

Суворовский поход через Альпы длился три недели. А Карпатская эпопея 3-й и 8-й армий длилась шесть месяцев — и каких! Велик был день Сен-Готарда, но выше его — шестнадцать дней Лутовиска. Страшна была Муттенская долина, но страшней Творыльня, где цепи мертвых стрелков стояли по грудь в снегу. Был грозен Рингенкопф, но еще грозней Черемха. Славны были подвиги Багратиона, Милорадовича, Розенберга, Каменского 2-го. Но у них был Суворов. А у Корнилова, Деникина, Альфтана, графа Келлера Суворова не было... Каково было в продолжение шести месяцев брать каждый день по Чертову мосту, да еще защищаемому пулеметами? А ведь боевая работа 3-й и 4-й стрелковой бригад, 65-й, 78-й дивизий, VII, VIII, XII, XXI, XXII, XXIV и III конного корпусов как раз и состояла в этом! И по окончании горного похода войска эти ждал не отдых в Фельдкирхе, а двухнедельное побоище на Сане, затмившее все предыдущее, и затем три месяца беспрерывных боев.

Эрзерум затмил Карс. Защита Козювки превзошла защиту Шипки. И если великий князь Николай Николаевич-старший снял шапку перед Железными стрелками после Шейнова, то что сказал бы он им после Лутовиска, Перемышля, Чарторыйска, Лупка?

Боевое напряжение, потребовавшееся от русских офицеров и солдат Мировой войны, в десятки раз превзошло то, что требовалось в свое время от их предков. И в то же время им гораздо меньше было дано. Неунывающий суворовский чудо-богатырь служил ведь всю свою жизнь и в отставку выходил либо за старческой дряхлостью, либо «за бесчеловечием» (когда от ран или увечий терял человеческий облик). Победители Наполеона служили 25 лет. Они были воинами в самом широком понятии этого слова. А вооруженные русские люди Мировой войны — прапорщики и рядовые — обучались военному делу едва три месяца, а то и шесть недель...

Условий борьбы русской армии не выдержала бы никакая иная армия в мире. Германская армия в кампанию

1918 года была поставлена в тактические и технические условия несравненно более легкие, чем русская армия летом и осенью 1915 года. Армия кайзера стала на колени. Армия русского Царя с честью выдержала жесточайшее испытание и еще крепче ударила врага в кампанию 1916 года!

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

Переходя к оценке русского полководчества, будем кратки: его не существовало. Русской армии не хватало головы. Прежде всего потому, что она имела сразу несколько голов.

Абсурдное учреждение «фронтов» — результат стратегического недомыслия — привело к тому, что русская армия получила сразу трех главнокомандующих, впоследствии даже четырех и пятерых. Сколько голов, столько умов — и в результате ни одного ума... По мысли своих изобретателей — Куропаткина в 1902 году, Юрия Давилова в 1912 году — фронты должны были облегчить ведение войны Ставкой. В действительности эти стратегически безобразные организмы стали непроницаемым средоточием между Ставкой и действовавшими армиями.

Гипертрофия фронтов, начальники коих, наименованные «главнокомандующими», получили совершенно неслыханные права и преимущества в области ведения войны, привела к полной анархии и разнобою. Северный удельный князь знать не желал юго-западного удельного князя, тот и другой мало считались с великим князем, авторитет которого как Верховного главнокомандующего игнорировался удельно-вечевой хартией Положения о полевом управлении войск 1914 года. В первый год войны наши армии сплошь да рядом выполняли одновременно два, а то и три плана — Ставки и фронтов, то есть трех главнокомандовавших, тогда как иной раз и каждого из них в отдельности было достаточно для совершенного поражения по всем правилам схоластики. Во второй и третий год, при Алексееве, роль Ставки свелась к регистрации планов трех главнокомандовавших фронтами, воевавших каждый по-своему.

Деятельность Ставки за все время войны до революционного развала распадается на три периода, соответствующие, в общем, трем кампаниям императорской армии.

В кампанию 1914 года ею руководит стремление действовать активно — безудержная фантазия «наступления

в сердце Германии». В директивах Ставки этого периода совершенно не чувствуется стратегии (ибо ничего не говорится о сокрушении живой силы врага). Все сводится к мечтаниям над школьной картой Европы, на которой назначаются различные воображаемые линии и призрачные рубежи (Ярочин—Кемпен—Каттовиц—Освечин). Вся эта стратегия вне времени и вне пространства неукоснительно срывается — иногда неприятелем (Лодзь), но чаще всего удельными князьями фронтов. Эти последние упорно не желают считаться с директивами из Барановичей, а то навязывают Ставке свои собственные планы. Следствие — либо компромисс, либо одновременное выполнение двух, а то и трех взаимно друг друга исключаящих операций, вроде наступления по трем расходящимся направлениям: и в Восточную Пруссию, и на Берлин, и в Карпаты. Военное искусство и военная наука не терпят безнаказанного над собою издевательства и мстят нам за это всю кампанию 1914 года.

В кампанию 1915 года мистика «наступления в сердце Германии» сменяется мистикой «Ни шагу назад!». Армиям приказывается стоять и умирать. Результат — утрата пятнадцати губерний и трех миллионов бойцов: полный разгром нашей вооруженной силы и отступление куда глаза глядят, что вызывает смену верховного командования.

Наконец, в кампанию 1916 года вся работа Ставки сводится к переговорам, уговорам и разговорам...

Следует заметить, что управляй Ставка непосредственно армиями, то при всем ее неумении события сложились бы иначе — и притом в лучшую для нас сторону. В самом начале войны удалось бы избежать Танненберга, бывшего делом рук штаба Северного фронта в большей степени, чем Гинденбурга. А в Галиции удалось бы нанести сокрушительный удар австро-венгерской вооруженной силе, направив 3-ю армию во фланг и в тыл Ауффенбергу. Повелительный окрик великого князя произвел бы на генерала Рузского совершенно другое впечатление, чем невнятные упрасливания младшего в чине Алексева.

В общем, всю войну судьбами русской армии и России вершил гофкригсрат, проявлявшийся то в виде «совещаний главнокомандующих» (в великокняжеский период), то в виде бесконечных «бесед по прямому проводу» (в алексеевские времена). Исключительно вредная инстанция «фронтов» парализовала всю русскую стратегию Мировой войны.

Порочной организации соответствовала порочная система управления войсками из глубокого тыла путем расплывчатых и неопределенных «директив», всегда опережавшихся событиями на фронте. Система директив, введенная Мольтке-старшим, соответствовала своей эпохе — второй половине XIX века. В условиях большой войны XX столетия она оказалась неприменимой и анахроничной. Главнo-командовавшие в Мировую войну располагали такими средствами лично влиять на ход операций, о каких не мог подозревать Мольтке-старший. Телефон и автомобиль давали возможность тесного личного общения с исполнителями, постоянного контроля событий и властного вмешательства полководца всякий раз, когда он замечал, что его план может быть сорванным превратным толкованием либо своеволием подчиненного. Русская Ставка так же не осознала этого изменения условий войны, как не уразумел его Мольтке-младший, державшийся заветов своего дяди «яко слепой стены». Система отдачи «директив» привела германскую армию к поражению на Марне и дважды лишила нас победоносного окончания войны, помешав вывести из строя Австро-Венгрию в августе 1914-го и в мае—июне 1916 годов. Управление войсками издалека — будь то Мольтке-младший из Кобленца и Люксембурга или русская Ставка из Барановичей и Могилева — ведет в условиях современной войны к неизбежному поражению.

Методы 1866 и 1870 годов — отдача по телеграфу издалека «директив» — отжили свой век. Первым осознавшим это был генерал Жоффри. Оттого французское командование и было единственным, выдержавшим экзамен Мировой войны. Русской военной мысли, совращенной с национального своего пути, осознать это изменение не было дано. Благоговение перед Мольтке возводило его учение в степень непреложных догматов, а его методы считало извечными истинами.

Злополучные русские рационалисты не подозревали, что в открывшийся век чудес техники бессмертный образ Румянцева и его «Стой, ребята!» окажется куда более современным, чем образ «великого молчалиника» в тиши своего кабинета за сотни верст от полей сражения! При условии, конечно, что это «Стой, ребята!» будет сказано не дрогнувшему под ятаганами гренадерскому каре, а потерявшим сердце либо сбитым с толку командующим армиями и командирам корпусов...

Стратегическая анархия, порожденная учреждением нелепых «фронтов» с их удельными князьями-главнокомандующими, не привела бы к добру даже при наличии во главе этих бессмысленных организмов даровитых военачальников. Окажись в России полководец — его талант был бы в значительной степени сведен на нет антиполководческим и глубоко порочным Положением о полевом управлении войск 1914 года.

Но полководца в России не нашлось. «Фронты» возглавили деятели маньчжурского и даже ниже маньчжурского уровня. Жилинский, Рузский, Иванов и Эверт могли погубить любую армию, свести на нет любую победу, обратить в катастрофу самую незначительную неудачу. Лучших мишеней, лучших соломенных чучел для рубки Гинденбургу было невозможно желать — и прусский фельдмаршал всю свою удивительную карьеру построил на этих русских ничтожествах, пройдя по их головам, как по торцовой мостовой к высотам почестей и власти. Хуже всего было то, что при этом была брошена тень на ту безупречную репутацию, которой столетиями пользовались в мире российские войска. Этого позора Россия своим недостойным военачальникам никогда не простит.

Исключительно плохой подбор главнокомандовавших фронтами парализовывал работу командовавших армиями. Из их среды выдвинулся ряд способных и волевых военачальников — Лечицкий, Плеве, Гурко, Щербачев, Флуг, Радко-Дмитриев. Они еще не то дали бы, но что могли они сделать с такими главнокомандующими, как Иванов и Рузский! Их полководческое творчество было связано по рукам и ногам: генерал Флуг был, например, отрешен от армии за то, что посмел одержать победу вопреки штабу фронта, где Рузский и Бонч-Бруевич заранее полагали разыграть сражение вничью.

Удовлетворительно себя зарекомендовали Сахаров и Леш. Что касается отличных войсковых начальников — Радкевича, Горбатовского и особенно Каледина, — то пост командующего армией был создан явно не для них. Отдельно отметим генерала Ренненкампа — способного и любимого всеми своими подчиненными военачальника. На его долю выпал тягчайший крест послужить козлом отпущения для двух преступно бездарных главнокомандовавших фронтам.

Остальные командовавшие армиями производили впечатление полной бесцветности. Плох был Безобразов. Еще хуже Рагоза. И совершенно невозможны слабодушный Самсонов и методичный Сиверс. Руководство корпусами и дивизиями, за несколькими блестящими исключениями, было посредственно, несколько выровнявшись на второй год войны. Командиры полков, выступившие на войну, были, как правило, превосходны, и эту же характеристику можно дать всему нашему офицерству — как кадровому, так и прапорщикам первого года войны.

Отметим чрезвычайно вредное влияние Георгиевского статута 1913 года на войсковых начальников и войсковые штабы. Статут этот обратил орден св. Георгия в средство для делания карьеры, связав с заветным белым крестиком несоразмерные служебные преимущества и материальные выгоды. Георгиевский статут 1913 года развратил армию (в первую очередь и больше всего — штабы дивизий). Он создал неслыханный карьеризм и узаконил лживые донесения, ставшие язвой Действовавшей армии.

Исключительно плохой подбор офицерского состава оперативной части Ставки (куда автоматически переключились «столоначальники» Главного управления Генерального штаба, никогда не видевшие боя и не знавшие строя) был причиной того, что опыт войны совершенно не был разработан и войска два года не получали никаких наставлений. В июле 1916 года Ставкой было разослано в войска первое с начала войны наставление о действиях пехоты в бою. Оно рекомендовало атаку густыми массами и совершенно упускало из вида наличие у противника пулеметов. Книжки эти остались в частях войск неразрезанными. Честь и слава тем безвестным строевым подполковникам и капитанам и молодым офицерам Генерального штаба войсковых штабов, что, не ожидая ничьей указки, сами прорабатывали опыт боев, сами создавали свои уставы и наставления, нередко писанные собственной кровью... Они спасли армию от полного истребления.

В общем, подведя итоги нашему управлению войск, следует еще раз признать, что уроки Японской войны, оздоровившие русскую армию от взводных командиров до начальников дивизий, совершенно не пошли впрок нашему высшему командованию. Самоотверженная, как никогда еще в предыдущие войны, боевая работа войск им профанировалась и пропадала даром.

Наши победы были победами батальонных командиров. Наши поражения были поражениями главнокомандовавших. Вот причина той безотрадной обстановки, в которой протекло все участие России в Мировой войне.

* * *

И несмотря на эту безотрадную обстановку, преодолевая неслыханные препятствия, русская военная мысль продолжала работать. Работа эта вывела военное искусство из того тупика, в который его завела позиционная война. И русскому историку больно отметить, что этим творчеством воспользовались не вершители судеб русской армии, для которых военное искусство было закрытой книгой, а неприятель...

Это новое слово было сказано командиром VIII армейского корпуса генералом В. М. Драгомировым и вписано в историю военного искусства штыками подольцев и житомирцев 15 июля 1916 года под Кошевом.

Кошевское сражение составило в этой истории такую же эпоху, как Левкстры, Канны, Моргартен, Рокруа, Полтава, Лейтен и Ульм. В тот же день искусство было поставлено на подобающее ему первое место, а техника подчинена тактике. И большим несчастьем для русской армии было то, что замечательная инициатива Драгомирова не была надлежаще оценена и понята.

Но плагиаторский ум Людендорфа подхватил идею русского военачальника, применив ее к германским условиям, и Кошевский прорыв, повторенный в грандиозных размерах, нашел себе всемирное признание (как «немецкий» метод!) в германских наступлениях в Пикардии и на Шмёнде Дам и в ответных ударах французского Скобелева — генерала Манжена — при Мери-Курселе и Суассоне.

Если высшим проявлением тактики в Мировую войну был Кошевский прорыв, то высшим проявлением оперативки было Брусиловское наступление — одновременный удар в четырех местах, обеспечивший стратегическую внезапность. Два года спустя маршал Фош эмпирическим путем и совершенно самостоятельно нащупал тот же метод при выталкивании германских армий из Франции. За Брусиловым остается заслуга первого применения этой стратегической идеи и оперативного метода, применения, заметим, не эмпирически найденного, а интуитивно открытого.

Русский военный гений жил и проявлял себя где мог и как мог. Но в ту упадочную эпоху проявление творчества

не ценилось людьми, на творчество не способными. Полководцы не были на полководческих местах — и судьбы России вверены были не им, а отданы в трясущиеся руки Рузского, Эверта и Алексеева...

* * *

Давление союзников — а именно Франции — сказывалось на русской стратегии тяжелым бременем.

Союзники наши имели полное право требовать наступления в Восточную Пруссию, и притом сколь можно скорейшего. Это было уже условлено существовавшей конвенцией и отвечало насущнейшим интересам самой России. Спасая Париж на полях Гумбиннена, мы прежде всего спасали самих себя. Связанные недобитой Австро-Венгрией, мы погибли бы от яростного удара тридцати победоносных германских корпусов Французского фронта. Обещав наступление неготовыми армиями уже на 14-й день, генерал Жилинский этим своим недомыслием сорвал весь план войны Германии. Русское недомыслие повлекло за собой германскую ошибку. Минус на минус дал плюс. Перейди мы границу Пруссии не на 14-й день, а на 21-й с хорошо устроенными войсками — никаких стратегических последствий наша восточнопрусская операция уже не имела бы. Торопливый наш поход в Восточную Пруссию полностью оправдан историей — и оправдан именно благодаря своей торопливости.

Французский главнокомандующий был в своем праве просить — и даже требовать — ускорения наступления русских армий германского фронта. Но он не был вправе навязывать нам свои соображения о походе на Берлин с левого берега Вислы, указывать нам маршрут с Моковтоского поля на Темпельгофский плац. Это не касалось генерала Жоффра. Сознательно идя на риск сорвать план стратегического развертывания союзных армий, французский главнокомандующий совершал преступление. Но еще большее преступление совершил русский Верховный главнокомандующий, сразу подчинившийся этой чужой фантазии и разбивший 26 июля весь наш и так уже посредственный план стратегического развертывания. Во имя химеры похода от Варшавы на Берлин была ослаблена на два корпуса (Гвардейский и I армейский) армия Ренненкампа, и с назначением XX корпуса в Пруссию было оголено опаснейшее люблинское направление Юго-Западного фронта. Не доведенная до конца Гумбинненская победа, едва

не повлекшее общей катастрофы поражение нашей 4-й армии под Красником были результатом непрошеного вмешательства французского главнокомандующего в дела, его совершенно не касающиеся.

Второй случай вмешательства генерала Жоффра в русскую стратегию произошел в ноябре 1915 года на совещании в Шантильи. Французский главнокомандующий навязал нам идею наступления к северу от Припяти, тогда как слабое место неприятельского расположения было на нашем Юго-Западном фронте. Отсюда — порочный план кампании 1916 года: нагромождение всех сил и средств на Западном фронте для заведомо безнадежного наступления, вдобавок и не состоявшегося, тогда как обещавшее полную победу наступление генерала Брусилова не смогло быть своевременно поддержано. Генерал Жоффр помыкал нашими главнокомандующими как сенегальскими капрами. Позволявшие так с собой обращаться наши злополучные стратеги показали тем самым, что лучшего и не заслуживают, но за все их ошибки страдать пришлось России.

* * *

Стратегический обзор Мировой войны на Восточном ее театре сам собой превращается в обвинительный акт недостойным возглавителям русской армии. Безмерно строг этот обвинительный акт. Безмерно суров был приговор, вынесенный историей. И еще суровее, чем современники, осудят этих людей будущие поколения. Людям этим было даво все, и они не сумели сделать ничего.

Составленный Юрием Даниловым по «австрийской шпаргалке» план стратегического развертывания был в первую же неделю еще ухудшен принятым в Ставке решением наступать одновременно по трем расходящимся направлениям. Распоряжаясь судьбами наших армий неприятель, он не смог бы их поставить в более невыгодное исходное положение...

Доблесть войск дала нам победу в Галицийской битве. Она могла вывести из строя Австро-Венгрию и успешно закончить войну еще в сентябре—октябре. Но для этого надо преследовать разбитые неприятельские армии, а не задаваться планами осады никому не нужного Перемышля. Румянцев учил: «Никто не берет города, не разделившись прежде с силами, его защищающими». Суворов приказывал: «В атаке не задерживай!» Но их заветы были не для

генерала Иванова и генерала Алексеева. Имея 24 дивизии несравненной конницы, они не затупили их пик и шашек о спины отступающего в расстройстве неприятеля и вместо беспощадного его преследования построили ему золотой мост. Война затянулась на долгие годы — и Россия этой задержки не выдержала.

Стоит ли упоминать о Польской кампании генерала Рузского в сентябре—ноябре 1914 года? О срыве им Варшавского маневра Ставки и Юго-Западного фронта? О лодзинском позоре? О бессмысленном нагромождении войск где-то в Литве, в 10-й армии, когда судьба кампании решалась на левом берегу Вислы, где на счету был каждый батальон...

И, наконец, о непостижимых стратегическому — и просто человеческому — уму бессмысленных зимних боях на Бзуре, Равке, у Болимова, Боржимова и Воли Шидловской?

Но величайший грех был совершен весною 1915 года, когда Ставка отказалась от овладения Константинополем, предпочтя ему Дрышув и погубив без всякой пользы десантные войска на Сане и Днестре. Вывод из строя Турции предотвратил бы удушение России. Овладение Царьградом свело бы на нет ту деморализацию, которая охватила все слои общества к осени, как следствие катастрофического, непродуманного и неорганизованного отступления, отступления, проведенного Ставкой под знаком «Ни шагу назад!».

Последний раз возможность победоносного окончания войны представилась нам в летнюю кампанию 1916 года. Победа вновь реяла над нашими знаменами. Надо было только протянуть к ней руку. Но Брусиловское наступление захлебнулось, не поддержанное своевременно Ставкой.

И за этой упущенной возможностью последовала другая: игнорирование выступления Румынии. Выступление это давало нам случай взять во фланг все неприятельское расположение крепким, исподволь подготовленным, ударом из Молдавии, ударом, которого так страшились Людендорф и Коенрад. Но для генерала Алексеева не существовало обходных движений в стратегии, как не существовало вообще вообщо и Румынского фронта.

Один лишь Император Николай Александрович всю войну чувствовал стратегию. Он знал, что великодержавные интересы России не удовлетворит ни взятие какого-либо «посада Дрышова», ни удержание какой-нибудь «высоты 661». Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре. Государь настаивал на спасительной для России

десантной операции, но, добровольно уступив свою власть над армией слепорожденным военачальникам, не был ими понят.

Все возможности были безвозвратно упущены, все сроки пропущены. И, вынеся свой приговор, история изумится не тому, что Россия не выдержала этой тяжелой войны, а тому, что русская армия могла целых три года воевать при таком руководстве!

БОЕВАЯ РАБОТА ВОЙСК

Мы не можем привести, как то делали, описывая прошлые войны, перечня наград войскам. Высший Судья воздал по заслугам тем, кто предстал перед Ним. Уделом же уплевших стали не лавры, а неслыханные тернии.

Вместо списка георгиевских знамен, труб, знаков и петлиц за отличие мы вспомним здесь те дела, за которые их надлежало бы получить, окинем беглым взглядом тот кровавый славный путь, который прошли наши войска. В первую очередь — императорская пехота. Подвиги гвардии в прошлые войны были превзойдены ее делами в Мировую войну. Тарнавка, Красностав и Трестень затмили не только Горный Дубняк, Варшаву и Варну, но превосходили даже Фридланд, Бородино и Кульм.

1-я Гвардейская пехотная дивизия действовала всю войну ровно и без осечек, вписав в свой формуляр люблинские бои, Ивангород, краковские скалы, Ломжу, сокрушение прусской гвардии под Красноставом, Вильну — и далее Стоход. Отметим под Люблином и в ивангородских боях преображенцев графа Игнатьева, под Тарнополем — их уже с полковником Кутеповым и под Красноставом — измайловцев Геруа 2-го. В тех же делах прославилась и 2-я Гвардейская пехотная дивизия, начав кампанию богатырским боем на Тарнавке, где москвичи с полковником Гольфтером в день сто второй годовщины Бородина одним ударом разнесли дивизию силезского ландвера Войерша и взяли 42 стрелявших орудия. Как по своим размерам, так и по своим последствиям Тарнавка — самое блестящее пехотное дело всей войны. Исключительно красивым было дело 4-го батальона лейб-гренадер 9 июля 1915 года под Крупами. Командир батальона полковник Судравский 2-й («дядя Саша»), смертельно раненный, приказал нести себя впереди шедших в контратаку рот, затянув полковую песню,

подхваченную гренадерами, и скончался с этой песней на устах на бруствере немецкого окопа.

Больше всех повидала и крепче всех была 3-я Гвардейская пехотная дивизия, уничтожившая 3-ю же гвардейскую германскую при Журавне и 19-ю у Ковеля. Тернист был путь Кексгольмского полка, рассчитавшегося за Лану под Трестенем. И несокрушимо ломили на врага железные волынцы, спасшие Лодзь в бою под Константиновом, а под Журавном истребившие образцовый полк германской армии — Потсдамский *Lehr-Regiment*. Волынцами под Константиновом командовал генерал Геруа 1-й, а под Журавном — генерал Кушакевич.

В стрелковой дивизии памятные остались Камень Калишанский, Опатов, Сенница Королевская, Трестень, Квадратный лес. С полсотни пушек осталось в руках царско-сельских и императорских стрелков, а 3-й полк получил от германского противника прозвище «сердитого полка». Царскосельским полком командовали генерал Пфейфер и Верцинский, 3-м — Усов и Семенов, 4-м Императорской Фамилии — Гольтгоер.

Гренадерский корпус имел мало счастья в этой войне. Прежде всего ему не везло на командиров. Замечательным его делом было отражение, совместно с гвардейской конницей, II австро-венгерской армии от Петрокова в ноябре 1914 года.

Подобно гренадерам, и I армейский корпус видел почти исключительно обратную сторону медали (Сольдау, Лодзь, Нарочь, Стоход). 22-я пехотная дивизия не имела счастья, но 24-я пехотная дивизия показала себя превосходно. Отметим иркутцев полковника Копытынского и енисейцев полковника Чермоева под Казимиржем 12 октября 1914 года.

II армейский корпус отличился с генералом Слюсаренко в Мазурской битве и с генералом Флугом в Брусиловское наступление (Язловец, Збараж). В Мазурских озерах 2-я бригада 26-й пехотной дивизии генерала Ларионова отразила 3 дивизии 11-го, 17-го и 20-го германских корпусов, в то время как под Арисом 169-й пехотный Ново-Трокский полк сразился со всем 1-м армейским германским корпусом. Армия Ренненкампа была этими делами спасена от Танненберга.

Отлично подготовленный генералом Ренненкампом III армейский корпус сыграл блистательную роль в Восточной Пруссии, где его полки и батареи решили под Гумбиннем участь Мировой войны. Особенно отличились 27-я пехотная

дивизия генерала Адарида (уфимцы и саратовцы). Дивизия легла затем в Августовских лесах, где уфимцы взяли германское знамя. 106-м пехотным Уфимским полком командовал полковник Отрыганьев. 25-я пехотная дивизия отличилась под Болимовом и Боржимовом. В 25-й пехотной дивизии выделялся 99-й пехотный Ивангородский полк с полковником Верховским. Обе эти превосходные дивизии все время придавались другим корпусам.

IV армейский корпус, которым всю войну прокомандовал генерал Алиев, участвовал в самых тяжелых боях германского фронта (Восточная Пруссия, Лодзь, Пултуск и отход с Нарева) и выдержал затем на своих плечах отступление из Румынии. Это относится и к двум коренным его дивизиям — 30-й и 40-й — и к приданной корпусу 2-й пехотной дивизии.

В V корпусе (которым после генерала Литвинова командовал «лукавый царедворец» генерал Балуев) были знаменитые дела. 10-я дивизия прославилась в первом же своем бою под Лацовом, где тюменцы полковника Пацевича и колыбанцы полковника Мокржецкого взяли по знамени, а затем у Ярослава, Ловича, в наревских боях, у Нарочи и далее в Брусиловское наступление в сражениях на Стыри и Липе. По трофеям — 2 знамени и 77 орудий — она занимает первое место на всем австро-германском фронте. В 7-й дивизии отличились в томашовских боях витебцы полковника С. Богдановича, разгромившие 10-ю венгерскую кавалерийскую дивизию, а у Вильны могилевцы подполковника Петрова. В кампанию 1916 года на Волыни Витебский полк с полковником Меньчуковым штыковым ударом прямо с автомобилей предотвратил катастрофу в 11-й армии в критический момент «сражения на трех реках».

Избавившись от Благовещенского, VI армейский корпус под командой генерала Гурко выдержал с честью самые тяжелые бои первой зимней кампании на Равке и отличился затем в мае—июне 1915 года в Галиции при Журавне. В кампанию же 1916 года на долю стойких и надежных 4-й и 16-й пехотных дивизий выпали самые трудные и неблагодарные бои Брусиловского наступления.

В VII армейском корпусе старого ветерана генерала Экка 13-я и 34-я пехотные дивизии зарекомендовали себя так, что в продолжение всей войны — с первого боя на Гнилой Липе, знаменитого «генеральского дела» 34-й дивизии генерала Баташева под Янчином до последнего под Марашештами, когда 13-я дивизия ликвидировала прорыв

Макензена, — их присутствие неизменно служило залогом верного успеха. Неудач эти дивизии не знали, в самом худшем случае сводя бои вничью. За взятие Балиграда на Карпатах командир 51-го пехотного Литовского полка полковник Лихачев (впоследствии начальник 122-й пехотной дивизии) награжден орденом св. Георгия 3-й степени.

Блестяще было участие VIII армейского корпуса, которым командовали последовательно Радко Дмитриев (Галиция), Орлов (Сан), Владимир Драгомиров (Карпаты, Волынь), Деникин и Елчанинов (Румыния). Чем тяжелее были бои, тем больше славы приобретали эти войска. Нельзя перечислить здесь всех дел 14-й и 15-й дивизий. Упомянем только Желиборы (прагцы полковника Кушакевича), Закличин (мишцы полковника Бакрадзе), Ватин (модлинцы подполковника Русова), Кошев (подольцы полковника Зеленецкого и житомирцы полковника Желтенко). Корпус этот был щитом Юго-Западного фронта при обороне, его тараном при наступлении. По трофеям он занимает первое место, взяв 130 000 пленных и 110 орудий. За бой под Закличиним на Дунайце 1 декабря 1914 года, где Минский полк взял остатки разгромленной им бригады с генералом, его командир полковник Бакрадзе получил орден св. Георгия 3-й степени.

IX армейский корпус, которым командовали генералы Щербачев, Абрам Драгомиров и Киселевский, брал Львов, дрался на Сане, штурмовал краковские форты, схватился на Дунайце со всей IV австро-венгерской армией и отразил ее, а после сдерживал напор Макензена от Тарнова до Барановичей и истек кровью в скрбовских боях. В 5-й дивизии (генералы Парчевский, Галкин, Койчев) Гривицу затмила Бохния, где особенно отличился Вологодский полк полковника Ступина. За взятие Бохнии полковник Ступин имел орден св. Георгия 3-й степени. Отметим и лихое дело полковника Раевского с костромцами под Холмом. А молодая 42-я дивизия (генералы Роде и Ельшин) с первого же своего боя у Кросно всю войну считалась лучшей в 3-й армии. Отметим скобелевское дело полковника Духовина с лучанами в любачевских боях, миргородцев полковника Яковенко у Ярослав в октябре, а после на Дунайце, ровненцев полковника Сыртланова на скрбовском штурме.

С именами полков 9-й и 31-й дивизий X корпуса встают славные предания Шипки и Плевны. Но предания эти бледнеют перед делами, совершенными в Галиции, на Карпатских предгорьях, на Сане и на Дунайце. Под Горлицей

эти полки, не дрогнув, приняли неслыханный по своей силе в истории удар всей XI германской армии Макензена, спасая своей кровью российскую вооруженную силу. Упомянем ельцов, взявших первый трофей — знамя — на Золотой Липе. Вспомним севцев у Грабовца и, наконец, последний бой пензенцев полковника Мансурадзе у Вашкоуп.

В XI армейском корпусе 11-я пехотная дивизия отличилась в Первой Галицийской битве — камчатцы Май-Мавеского у Красны, селенгинцы полковника Фолька у Равы Русской (где взяли знамя тирольских егерей). С генералом Бачинским дивизия участвовала в разгроме Пфланцера в Буковине и дальше в труднейших карпатских боях. А 32-я пехотная дивизия стяжала себе славу в Карпатах и после в Доброноуцком сражении в командовании генерала Луковского. Там отличились рыльцы (полковник Рафальский) и путивльцы (полковник Хростицкий). Дивизия играла главную роль в завоевании Буковины.

XII корпус достойно замыкает эту славную серию. Им командовали генералы: Леш, Каледин, Альфтан и Черемисов, 12-й дивизией — генералы Орлов, Ханжин и Вирановский, 19-й дивизией — Рагоза, Нечволодов и Янушевский. С полками 12-й и 19-й дивизий остались связанными Руда (азовцы), Фирлеев (днепровцы), а с 19-й — штурм Перемышля (крымцы и кубанцы), труднейшие бои у Кросно и Римунова в ноябре 1914 года, а затем карпатская страда — Мезо—Лаборч (кубанцы), Вишава (севастопольцы), защита Перемышля, Коломея и Станиславов (крымцы у Печенжина, севастопольцы у Хлебичина) и, наконец, последнее наступление Корвильова на Галич.

XIII корпус погиб в Восточной Пруссии. Восстановленная на двинском фронте 1-я и 36-я пехотные дивизии не имели сколько-нибудь выдающихся дел.

В XIV корпусе генерала Войшин-Жилинского и барона Будберга превосходно дралась 18-я пехотная дивизия, а в ней блестяще Тульский полк с полковником Курбатовым, выполнявший один всю работу пяти кавалерийских дивизий генерала Новикова, решавший самостоятельно в продолжение целого месяца стратегические задачи и истекший кровью под Сандомиром. Отлично сражались и полки 45-й дивизии. Красник, Люблин, Ивангород, Кельцы, а после Нижний Сан, холмское побоище, Меченица под Вильной и нарочская Голгофа были почетным и трудным уделом этого корпуса.

XV корпус разделил печальную участь XIII в самсоновской катастрофе. Восстановленные 6-я и 8-я пехотные дивизии приняли участие в гродненских боях и отличились в поражении IV австро-венгерской армии в июне 1915 года на подступах к Люблину при Ужендове.

XVI армейским корпусом командовали генерал Гейсман, Клембовский, Савич и Владимир Драгомиров. Хорошая 41-я и превосходная 47-я пехотные дивизии имели многотрудные бои под Красником, Ивангородом, на Ниде, в отступлении 1915 года и в Брусиловское наступление (Бучач, Бобуливы).

В XVII корпусе 35-я пехотная дивизия отличилась в декабре 1914 года в сражении под Новым Корчином (особенно зарайцы полковника Дормана), а 3-я пехотная дивизия генерала Шольпа блестяще работала в Брусиловское наступление под Сопановом и Бродами, которые взял Псковский полк (полковник Радцевич-Плотницкий). Подготовленный Лечицким XVIII корпус показал себя в первом же бою (двинцы полковника Левстрема на Ходеле) и в дальнейшем — на Сане и Ниде — корпус действовал хорошо. Памятны остались в 23-й пехотной дивизии карпатские бои первой зимы войны, а в 37-й пехотной дивизии — Журавно, августовские бои 1915 года на Стрыпе (которую самарцы и царицынцы форсировали по грудь в воде) и тяжелая горная война осенью 1916 года в армии Лечицкого с германским Карпатским корпусом.

XIX корпусом командовали генерал Горбатовский (Томашов, Лодзь, Прасныш), Долгов (Шавли, Илукст) и Веселовский (Фердинандов Нос). В 17-й пехотной дивизии генерала Балужева Бородинский полк (полковник Тумский) прославился победоносным единоборством со 2-й австро-венгерской кавалерийской дивизией при Владимире Волынском, а тарутинцы взяли при Тарнаватке первое знамя в этой войне. Не отставала и 38-я пехотная дивизия, которую генерал Плеве в командование генерала Геруа 1-го считал лучшей дивизией Северного фронта.

В XX корпусе превосходно дрались 29-я пехотная дивизия генерала Розеншильд-Паулина, а в ней полки: Вяземский полковника Медера (взявший под Сталлупененом первые трофеи Мировой войны — две германские батареи) и Малоюрославский полковника Виднуда. Речная 28-я пехотная дивизия (где полки носили имена рек) в полной мере разделила ее боевую работу в обоих тяжелых восточнопрусских походах и в жестоком зимнем побоище в Августовских лесах. Кровавую боевую страду прошел XXI армейский

корпус генерала Шкинского. Рава Русская, Сан, Зависянские высоты, Карпаты, Вислока, Радымно, Нарев, а затем озеро Свентен были обгажены кровью его храбрых полков. В 33-й пехотной дивизии особенно отличились бессарабцы (взятые знамя у Кашицы за Вислой), а в 44-й пехотной дивизии — батуринцы при Радоставе (на подступах к Рава Русской) и переволочненцы при Клодно.

Финляндские стрелки XXII корпуса получили боевое крещение в сентябре 1914 года в Августовских лесах. Но настоящую свою славу стяжали они в Карпатах в первую зиму войны героической, превзошедшей Шипку, защитой Козювки — тут особенно отличилась 1-я бригада. Четыре Финляндские бригады два месяца подряд держали мертвой хваткой всю Южную германскую армию Линзингена. 1-я и 3-я остались в своем корпусе, отличившись при Журавне и на Стрыпе, где 3-й полк с полковником Ахвердовым одним ударом взял 30 пушек, а после в Брусиловском наступлении (Бурканувский лес). 2-я и 4-я бригады, переброшенные под Вильну, входили одно время в состав V Кавказского корпуса (Вилейка, Свеняны, а после декабрьское наступление на Стрыпе). В кампанию 1916 года 2-я Финляндская дивизия в составе XLV корпуса играла видную роль в Брусиловском наступлении (где особенно отличился 6-й полк Свечина у Торговицы). 4-я же генерала Селивачева овладела Черевиченским плацдармом на Стоходе, а в 1917 году в составе XLIX корпуса играла видную роль в последнем наступлении.

XXIII армейский корпус всю войну, подобно III корпусу, играл роль «проходного двора», переменяв неоднократно состав дивизий. Взамен 3-й Гвардейской дивизии прибыла 53-я, а вместо 2-й пехотной прибыла 62-я, отличившаяся в праснышских боях и замененная 20-й с Кавказского фронта. Славным полкам этой последней не повезло с самого начала Мировой войны (Ольты). Они были зря погублены в бесплодных атаках на Санае в мае 1915 года, сражались под Вильной, приняли впоследствии участие в Брусиловском наступлении (Киселин), но не имели сколько-нибудь замечательных дел.

В XXIV корпусе (Цуриков, Некрасов) прославилась 48-я пехотная дивизия Корнилова — у Стрыя, Мезо-Лаборча, Такошан, Малого Перемышля и Гомонны в Венгрии. Воодушевленные своим вождем, измайльцы, очаковцы, ларго-кагульцы и рымникцы не спрашивали, сколько врагов, а только, где они. За семь месяцев многотрудной суворовской горной войны с октября 1914 года по апрель 1915 года

1. Рядовой
армейской
пехоты в каске.
2. Офицер
и рядовой

армейской
пехоты
в шинелях.
3. Адъютант.
4. Генерал.

5. Офицер
армейской
пехоты в каске.

они взяли 35 000 пленных. Понеся жестокие потери у Дуклы (самой жестокой была утрата Корнилова), дивизия под командой генерала Е. Ф. Новицкого отчаянно билась все лето 1915 года, особенно отличившись на Таневе, где контратаковала через реку, по грудь в воде. В строю Очаковского полка после этого дела осталось только 60 штыков (взвод), но он ни на мгновение не утратил своей боеспособности — 49-я пехотная дивизия (генералы Пряслов и Некрасов) вписали в свой формуляр Миколаев, Галич (где взято 50 орудий), Хыров и Бескиды. Корпус вел позиционную войну у Сморгони, а после вновь оросил своей кровью Карпаты, на этот раз Молдавские.

XXV корпус (Зуев, Рагоза, Ю. Данилов, Корнилов) был коренным корпусом 4-й армии, оставаясь в ее составе 25 месяцев. 3-й Гренадерской дивизии вначале очень не повезло у Замостья. Впоследствии с генералами Бауфалом и Киселевским она доблестно дралась у Ново-Александрии в ивангородских боях (фанагорийцы), в краковском направлении (малороссийцы), на Ниде, в мае 1915 года у Опатова, на подступах к Люблину в июне 1915 года при Вильколазе и Уржендове (где отличились сибирцы полковника Токарева. За Вильколаз полковник Токарев посмертно награжден орденом св. Георгия 3-й степени). Сходен с ней был и боевой путь 46-й пехотной дивизии, разделившей как неудачи grenадер у Замостья, так и успехи их при Вильколазе и с отличием дравшейся год спустя, в июне 1916 года, при Барановичах (остроленцы полковника Аджиева и пултусцы полковника Говорова).

Часть сформированных из второочередных дивизий корпусов обратилась в «проходные дворы», переименовав по несколько дивизий (через управление XXI армейского корпуса генерала Зуева за год — с октября 1914 года по сентябрь 1915 года — прошло, например, 19 дивизий). В постоянном составе были только XXX армейский корпус генерала Зайончковского (71-я и 80-я пехотные дивизии), XXXII — генерала Федотова (101-я и 105-я дивизии), XXXIII — генералов Добротина и Крылова (1-я и 2-я Заамурские пехотные дивизии), XXXV — генерала Парчевского (55-я и 67-я дивизии), XXXIX — генерала Стелъницкого (102-я и 125-я дивизии), XL — генералов Кашталинского и Берхмана (2-я и 4-я стрелковые дивизии), XLI — генерала Бельковича (3-я Заамурская и 74-я пехотная дивизии), XLII Отдельный корпус генералов Гулевича и Орановского (106-я и 107-я дивизии), XLIII — генералов Новикова и Болдырева (109-я и 110-я дивизии) и XLVI

корпус генерала Истомина (77-я и 100-я пехотные дивизии). Состав прочих корпусов непрерывно менялся.

* * *

1-я стрелковая бригада придавалась различным корпусам. Она участвовала в неудачной попытке генерала Сирелиуса выручить армию Самсонова (Нейденбург), а после в лодзинских боях, где была совершенно разгромлена под Ленчицей. В кампанию 1915 года она выручила XIX корпус под Иллукстом и в дальнейшем ничем особенным себя не проявила.

3-я стрелковая бригада, считавшаяся до войны образцовой в Киевском округе, по справедливости сохранила эту репутацию на полях Галиции (9-й полк при Желиборах), на штурме Перемышля и в Карпатах (Лупковский перевал и Смольник). Развернутая в дивизию, она была затем переведена на Северный фронт, а оттуда — на Румынский, в Добруджу.

5-я стрелковая бригада-дивизия честно исполняла свой долг на германском фронте (Пруссия, Литва), не имея возможности прославить себя громкими победами. На Стоходе она вошла в состав III армейского корпуса и понесла огромные потери на Черевыщенском плацдарме, где от ее 17-го полка не осталось ни одного человека.

Две стрелковые бригады-дивизии стяжали себе исключительную славу. Это были 2-я и 4-я, сведенные в конце сентября 1915 года в непобедимый XL корпус, которым командовал на Волыни генерал Кашталинский, а в Молдавских Карпатах старый кавказец генерал Берхман.

2-й стрелковой бригаде генерала Яблочкова пришлось вначале круто под Красником и Госцерадовом и в опатовском бою. Переброшенная в феврале 1915 года с Пилипы в Заднестровье под Коломею, отличившись весной у Красны, Ланчина и Космержина, она была развернута в дивизию и сведена с 4-й стрелковой в XL корпус. Здесь под командой генерала Белозора она разделила с Железными стрелками славу Чарторийска (где отличились 5-й и 8-й полки), Олыки и Луцка (5-й и 6-й), а затем Киселина (7-й) и тяжелых боев в горах Румынии. Отметим здесь полковника Кулинича, неоднократно и в самых трудных положениях командовавшего 5-м, 6-м и 7-м стрелковыми полками.

4-я стрелковая дивизия — Железные стрелки — была всю войну ударной фалангой 8-й армии Брусилова при

наступлении, «дивизией скорой помощи» при обороне, выручив за первые 14 месяцев войны 16 различных корпусов. В первых боях бригадой командовал герой Шипки генерал Бауфал, сдавший ее генералу Деникину, который воевал с августа 1914 года по август 1916 года. После него командирами были генерал Станкевич и Батрапец. Монастержиска, Хыров, Стрый осенью 1914 года, Дукло, Кросно, Ясло, а после Лутовиска, Творильня, оборона Перемышля, волынские бои у Луцка в сентябре 1915 года (где отличился Марков с 13-м полком), Чарторыйск, где 16-й полк взял целиком восточнопруссский 1-й Гренадерский кронпринца полк, а в кампанию 1916 года — Луцкий прорыв, Затурцы, Кошевы... Всего дивизией за войну было взято 70 000 пленных и 49 орудий. 16-го стрелкового полка подполковник Удовиченко (впоследствии командир полка) был в этом чине награжден орденом св. Георгия 3-й степени за Чарторыйск.

* * *

I Кавказский корпус всю войну дрался на Кавказе. Им командовали генерал Берхман и генерал Калитин, 20-я пехотная дивизия вскоре его покинула. Что же касается богатырской 39-й, то каждый ее полк стоил целой дивизии. Вспомним знаменитое дело дербентцев при Сарыкамыше, где рота Вашакидзе взяла Искана-пашу и его трех начальников дивизий. Вспомним кубинцев при Азап-Кее, штурм Эрзерума — бакинцев Пирумова на Даламгезе, елисаветпольцев Фененко при Чобан-Деде. А затем мамахатунские и эрзинджавские бои, где каждый из полков 39-й дивизии уничтожил по две дивизии отборной турецкой пехоты — дарданелльских победителей. Корпус взял за всю войну до 400 орудий, из них 265 — на штурме Эрзерума.

На долю II Кавказского корпуса генералов Мищенко и Бека Мехмандорова выпали самые трудные бои германского фронта — Сувалки, Сохачев, Бзура, Прасныш, Любачев на Сане, Холм, Влодава, Вильна. И во всех этих сражениях, как и вообще за всю войну, II Кавказский корпус не оставил неприятелю ни одного трофея, не потерял ни одного орудия. Явление, неслыханное ни в одной армии, ни союзной, ни неприятельской. С первых же своих боев в Августовских лесах кавказские гренaдeры получили от восточнопрусских гренaдeр прозвание «желтых дьяволов». Контратака эриванцев выручила тогда всю нашу

10-ю армию. Не отставала от гренадер и молодая 51-я пехотная дивизия.

III Кавказский корпус с героем Порт-Артура генералом Ирманом покрывал себя славой всюду, где шел в бой. Суходол, где апшеронцы с генералом Веселовским первые прорвали фронт армии Данкля, Ивангород, Козеницы (где отличались самурцы), Кельцы, выручка Осовца, отражение фаланги Макензена у Змигорода и поражение ее под Сенявой (апшеронцы, лорийцы), Холм и Брест — все эти дела принесли 21-й и 52-й пехотным дивизиям славу «стальных». В своем секретном справочнике для войсковых штабов от января 1917 года австро-венгерская Главная квартира, отмечая высокий дух III Кавказского корпуса, особенно выделяет Апшеронский и Самурский полки. Во всем справочнике характеристика войскам русской армии (обычно весьма лестная) дается сразу на дивизию, и это единственный случай, когда упоминаются отдельные полки. По окончании войны корпус отбыл из Галиции на Кавказ, где демобилизовался и впоследствии был целиком восстановлен в Добровольческой армии.

Кавказские стрелковые бригады не последовали в составе своих корпусов. 1-я стрелковая бригада была отправлена на Северный фронт. Она приняла участие в лодзинских боях и с отличием действовала в июне—июле 1915 года под Шавлями, не спускаясь южнее Полесья.

2-ю стрелковую бригаду объявление войны застало в оккупированной Северной Персии, где ее и решено было оставить. Всю войну она действовала на крайнем левом фланге Кавказской армии — в Азербайджане и на Евфрате, составив ядро IV Кавказского корпуса и особенно отличившись при взятии Битлиса.

1-я пластунская бригада генерала Гулыги участвовала в Сарыкамышском сражении, а после доблестно дралась в Галиции на Сане и в Заднестровье летом 1915 года (особенное отличие показал 4-й батальон с героем Сарыкамышского полковником Букретовым). В кампанию 1916 года она действовала на Черноморском побережье, составив крайний правый фланг Кавказской армии.

2-я пластунская бригада, развернутая при мобилизации, имела славные дела в ноябрьских боях 1914 года на Араксе (где форсировала реку по грудь в ледяной воде, восстановив положение на всем фронте). Затем она дралась при Караургане, а в 1915 году — на Днестре в Галиции. В 1916 году она совместно с 1-й бригадой участвовала в десантных операциях генерала Юденича.

3-я пластунская бригада, сформированная в 1915 году, участвовала в июне 1916 года в ликвидации Офского пролива и особенно отличилась при Байбурте.

4-я пластунская бригада (в состав которой кроме кубанцев вошли и терцы) участвовала в мамахатунских и эрзинджанских боях.

* * *

I Туркестанский корпус (генералов Ерофеева и Шейдемана) не спускался южнее ковельского направления. 1-я Туркестанская бригада имела тяжелые бои осенью 1914 года у Лыка и летом 1915 года при Нарве (в этих делах особенно выделился 4-й полк). 2-я Туркестанская бригада отличилась в декабре 1914 года у Боржимова (8-й полк), а после — летом 1916 года — превосходно дралась на Стоходе, где отличились 7-й и 8-й полки. Входившая в состав корпуса 11-я Сибирская стрелковая дивизия деблокировала Осовец в сентябре 1914 года, с отличием (особенно 42-й и 43-й полки) дралась в февральских боях под Праснышем, а в июле в Наревском сражении обессмертила себя героическим отражением шести германских дивизий 11-го и 17-го корпусов.

3-я Туркестанская стрелковая бригада-дивизия входила в 1914—1915 годах в состав различных корпусов, участвуя в Лодзинском сражении и в боях на левом берегу Вислы. В кампанию 1916 года, в Брусиловское наступление, она вошла в состав II армейского корпуса и особенно отличилась в прорыве Щербачева под Язловцем, где играла главную роль. Поздней осенью она приняла видное участие в сражении под Кирлибавой и на Румынском фронте вошла в состав XL армейского корпуса.

6-я Туркестанская бригада попала из степей Семиречья под Варшаву. Она отличилась в июле 1915 года в Наревском сражении, где 21-й полк принял в штыки германскую кавалерию. Бригада была затем распределена между 3-й Туркестанской и 2-й Заамурской дивизиями.

II Туркестанский корпус, подготовленный генералом Лешем и возглавленный в самую критическую минуту генералом Юденичем, вписал славные страницы в русскую военную летопись. 4-я и 5-я Туркестанские бригады-дивизии всю войну дрались на Кавказском фронте под начальством генерала Пржевальского. В 4-й бригаде при Караургане прославились скобелевцы 14-го полка. В 5-й бригаде 23-й полк спас Сарыкамыш в самый день и час своего

формирования, 17-й полк полковника Кириллова отличился на штурме Эрзерума, а 18-й полк полковника Довгирта удивил даже Кавказскую армию своим пятидневным походом в снегах выше головы в тыл туркам Энвера на Зевинской позиции. Особо следует поставить 19-й полк, два года действовавший с полковником Литвиновым отдельно от дивизии (Батум, Трапезонд, Оф) и решавший самостоятельно стратегические задачи.

* * *

Репутация сибирских стрелков, созданная уже на сопках Шаха и на верках Порт-Артура, была с кровавым блеском подтверждена в бурях Мировой войны.

I Сибирский корпус генерала Плешкова стяжал себе славу с самого начала войны. Его 1-я дивизия прямо из вагонов, без единого орудия, бросилась на немцев у Пясечна и спасла Варшаву. Корпус отстоял затем Лодзь и сокрушил 1-й германский резервный полк под Праснышем, где 3-й полк с полковником Добржанским взял знамя померанских фузилер. В праснышских боях 12 февраля 1915 года у деревни Эмово конные разведчики 2-й Сибирской стрелковой дивизии, собранные в отряд под начальством 5-го полка капитана Толстова, конной атакой захватили батарею в 4 орудия. Капитан Толстов со своими разведчиками в ноябре—декабре неоднократно атаковал и опрокидывал в конном строю австрийскую и германскую кавалерию. 2-я Сибирская дивизия прославилась отражением совместно с 11-й Сибирской дивизией всей XII германской армии в Наревском сражении июля 1915 года. В кампанию 1916 года корпус лил свою кровь в бездонные топи Нарочи и Припяти, и самоотверженная его храбрость была достойна лучшей участи.

Менее успешно действовал II Сибирский корпус генералов Сычевского и В. Новицкого, вынесший на себе всю тяжесть Варшавского сражения в последних числах сентября 1914 года, где под Блоне и Гройцами лег весь первый состав 4-й и 5-й Сибирских дивизий. За бой 27 сентября под Гройцами награжден посмертно орденом св. Георгия 3-й степени командир 16-го Сибирского стрелкового полка полковник Рожанский, атаковавший неприятеля с последними 50 оставшимися у него стрелками. В кампанию 1915 года он истек кровью в борьбе с Макензеном у Красностова и Холма, а в 1916—1917 годах был на Рижском фронте.

III Сибирский корпус генералов Радкевича и Трофимова, восхитивший немцев своей геройской обороной Лыка в феврале 1915 года, спас в этом деле Северный фронт от крушения. Такую же стойкость он выказал во всех дальнейших боях, где его 7-я и 8-я дивизии были гранитными утесами в строю северных армий.

IV Сибирский корпус прибыл на фронт под Ломжу в январе 1915 года, им командовали генералы Савич и Сирелиус. Упорный и стойкий в обороне (наревские сражения), он не имел счастья в наступлении (Нарочь, Огинский канал, Ковель), несмотря на выдающуюся и отмеченную противником храбрость его 9-й и 10-й дивизий. Из-под Ковеля он был переброшен в Добруджу, а оттуда — в Молдавию, на Нижний Серет.

Что касается V Сибирского корпуса генералов Сидорина и Воронова, то по прибытии в октябре 1914 года на левый берег Вислы обе его коренные дивизии — 3-я и 6-я — были заменены 50-й и 79-й пехотными. Эта последняя вскорости убыла и вновь была заменена 6-й. Превосходная 6-я Сибирская стрелковая дивизия приобрела в нашей военной литературе плохую репутацию совершенно незаслуженно, как «выпустившая из мешка» немцев под Брезинами. Обвинять два полка, оставленные высшими штабами без ориентировки, в том, что они не сумели сдержать и разбить 14 германских полков, нелепо. Войска эти показали, чего они стоили, летом 1916 года на Волыни, когда три дивизии 22-го германского корпуса в сражении на Стыри 3 июля бежали шесть верст под штыками 21-го, 22-го, 23-го и 24-го полков, взявших тогда же 23 пушки за полчаса боя. Что касается стойкой и храброй 50-й дивизии, то она честно выполняла свой долг, не имея сколько-нибудь блестящих дел.

VI Сибирский корпус генерала Васильева вначале состоял из 13-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий второй очереди. После Лодзинского сражения 13-я была заменена 3-й. Обе дивизии — как первоочередная 3-я, так и резервная 14-я — были всю войну храбрыми и надежными, прославившись атакой без выстрела германских позиций у Бабица в декабре 1916 года. В этом деле особенно отличились в 14-й дивизии 56-й полк полковника Шрамкова, а в 3-й дивизии — герой Тюркчана, 11-й полк полковника Пименова. 14-я Сибирская дивизия в мае 1915 года первая извела на себе немецкие газы и была ими совершенно уничтожена.

Две второочередные дивизии, сформированные III Сибирским корпусом, — 12-я и 13-я — отлично показали себя в первые месяцы войны, особенно 12-я, имевшая геройские дела в ноябре—декабре на Карпатах (Бескиды). Потеряв свой превосходный первый состав, эти дивизии не были счастливы в пополнениях, выказав летом 1915 года в Курляндии мало стойкости, и образованный из них VII Сибирский корпус не пользовался доброй славой. Им командовали генералы Радко Дмитриев, Ступин и Бачинский.

* * *

Поля и холмы Червонной Руси от Днестра до Прута были напоены молодой кровью Заамурских полков, пришедших в Заднепровье из далекой Маньчжурии только в апреле 1915 года.

Личный состав этих пограничных войск, закаленных в повседневной и многолетней партизанской войне, был исключительно высокого качества. Превосходно было и полученное ими укомплектование из полтавских казаков.

Россия не знала этих далеких часовых ее великодержавности. И даже старый воин Лечицкий, до войны командовавший войсками в Приамурье, имел плохое представление об этих зеленых полках Министерства финансов, опасаясь за их боевые качества. Так за сто лет до него будущий граф Эриванский судил о кавказских войсках — до первого боя.

1-я Заамурская пехотная дивизия генерала Самойлова отличилась в апрельском наступлении 1915 года у Залещиков (особенно 4-й полк), затем в Брусиловское наступление — у Ходимержа и Тлумача, при Нараевке, где полковник Циглер со своим 3-м полком воскресил скобелевские атаки Ловчи и Плевны, а в последнее наступление Старой армии обогрела своей кровью древний Галич.

2-я Заамурская пехотная дивизия, которой командовал герой Бохний генерал Ступин, внесла в свой формуляр Дзвиняче, Обертынь и Снятын, а 3-я Заамурская пехотная дивизия прославила свое оружие на Черном Потоке, при Онуте, Окне и у Трояна. Победы над австрийцами сменились победами над германцами, долго помнившими затем «чудовищную силу удара» зеленых чертей...

Пограничная пехотная дивизия защищала в июле—августе 1915 года Ковну — упорно, но без счастья, в сентябре

дралась под Вильной, а в дальнейшем вела позиционную борьбу на Западном фронте в Полесье.

* * *

Переходя к обзору боевой работы наших второочередных дивизий, скажем сразу, что их организация была непродуманной, а применение — порочным.

Второочередная дивизия представляла собой весьма точный сколок со своей первоочередной, что вполне естественно: одна плоть, одна кровь, один дух. Она была как бы ухудшенным ее изданием, что тоже понятно: полки велись старшими штаб-офицерами, батальоны — ротными командирами, роты — младшими офицерами первоочередных полков, вынужденными приобретать под огнем недостававший им командный навык и опыт. Затем офицеры не знали солдат, а эти последние не знали не только своих офицеров, но и друг друга. Это отсутствие спайки и было ахиллесовой пятой наших второочередных частей.

Все зависело от трех условий. Во-первых, от духа, царившего в полевой дивизии, — он передавался второочередной. Во-вторых, от командиров. И, в-третьих, от исхода первого боевого столкновения. Был богатырский дух в старом полку — оставалось кое-что и для молодого. Командир с головой и сердцем умел наладить спайку. А если войска видели спины врагов в первом своем деле, то старались и в дальнейшем обеспечить себе это ни с чем не сравнимое зрелище. Наоборот, недостаточная сплоченность старой полковой семьи, плохой командир и неудача первых столкновений портили второочередные полки надолго, а в некоторых случаях — и навсегда. В общем, мы можем считать, что отличная полевая дивизия давала хорошую второочередную. Хорошая полевая давала посредственную. Посредственных же полевых дивизий в императорской пехоте не было, и потому не могло быть плохих второочередных.

Отсутствие спайки в только что сформированных частях было естественным. Этот крупный недостаток необходимо было заранее иметь в виду и стараться свести его на нет в кратчайший срок соответственной организацией второочередных дивизий.

Ничего в этом отношении сделано не было. Материализм был всецелен на верхах русской армии задолго до большевизма. На полк там смотрели не как на часть Великой России и ее истории, не как на живой и чуткий организм,

а только как на проставленную в соответственной графе соответственной ведомости цифру «4000 штыков...».

Развертывая второочередные полки, уничтожали всякую преемственность духа и традиций, давая молодым полкам новые имена в честь захолустных уездных и заштатных городков, ничего не говоривших ни уму, ни сердцу офицера и солдата, вместо того чтобы сохранить старое и славное имя и шефа с прибавкой «резервный». Второочередным полкам по штатам не полагалось хора музыки, и это как раз в только что сформированных частях, где так важно подбодрить людей музыкой.

Не позаботившись о спайке второочередных дивизий, наше Главное управление Генерального штаба совершило другой, еще более крупный промах. Оно не разработало способа их применения. Вместо того чтобы держать эти на первых порах хрупкие и неустойчивые войска в рамках тех корпусов, при коих они были развернуты и где они могли бы постепенно закаляться в привычной обстановке, бездарные составители плана нашего стратегического развертывания изъяли второочередные дивизии из рамок корпусной организации, поставив их в наихудшие условия, создав для них самую невыгодную обстановку.

Второочередные дивизии Московского округа были направлены сразу по формировании на германский фронт. Северные штабы сразу же образовали из этих войск, не имевших еще никакой внутренней спайки, самостоятельные группировки — XXVI армейский корпус, Вержболовскую группу, и скороспелые эти организмы не выдержали тяжести маневренной войны с противником, специально на то натасканным. Железо перегорело, не успев закалиться...

Совсем иначе поступили на Юго-Западном фронте. Хорошие второочередные дивизии Киевского округа вошли третьими в корпуса своей же Киевской 3-й армии. В 9-й и 4-й армиях второочередные войска тоже были вкраплены в полевые, и результаты получились совсем не те, что на Северном фронте. Ауффенберг в своих записках с удивлением подчеркивает, что у русских совсем не замечалось разницы в работе войск 1-й и 2-й очереди.

Отметим положительную сторону нашей организации. Второочередные дивизии получили то же количество артиллерии и пулеметов, что и полевые, а не половинную норму, как во Франции и Германии.

* * *

Из общего количества 35 второочередных дивизий 10 было сформировано Московским округом.

53-я приняла участие в отходе из Восточной Пруссии, понесла большие потери в неудачных боях у Вержболова и была совершенно уничтожена в катастрофе XX корпуса в Августовских лесах. Восстановленная и включенная в XXIII армейский корпус, она отлично себя зарекомендовала в Брусиловское наступление на Волыни. Менее счастливы были 54-я и 72-я пехотные дивизии. Разгромленные в последних числах августа 1914 года на Мазурских озерах, они были расформированы.

55-я пехотная дивизия охраняла вначале побережье Финского залива. Затем она участвовала в Лодзинском сражении и в тяжелых боях на Равке. Дивизия показала себя очень посредственной, за исключением «молодых суворовцев» — 219-го пехотного Котельнического полка полковника Смердова. Котельнический полк был развернут из суворовского Фанагорийского. Городишко Котельнич Вятской губернии не имел никогда никакого отношения ни к Суворову, ни к фанагорийцам и ничего не говорил сердцу. Тогда полковник Смердов скрыл от людей безобразное наименование полка, заявив им, что полк называется «Молодым Суворовским». Прибывавших запасных полковник Смердов не ранжировал, а направлял в роты группами, по мере прибытия, благодаря чему односельчане попадали в одну роту, и этим сразу создавалась спайка. Наконец, от фанагорийцев был взят старый комплект музыкальных инструментов, и в полку образована внештатная музыкантская команда. По дороге на фронт солдатам было объяснено — кратко и толково — за что они сражаются. В дальнейшем у 55-й дивизии — отступление в составе XXXV корпуса, виленские бои, Нарочь и Скробово.

56-я пехотная дивизия действовала слабо. Она была разгромлена под Вержболовом в сентябре 1914 года. Начиная с виленских боев, она постепенно выравнивалась и осенью 1916 года самоотверженно атаковала под Ковелем в XXXIV корпусе.

57-я пехотная дивизия хорошо зарекомендовала себя в Пруссии, отлично в Осовце, где составила гарнизон крепости и всю войну считалась надежной и крепкой дивизией. Она составила XLIV корпус со 111-й пехотной дивизией.

59-я пехотная дивизия ничем себя не проявила, проведя первый год войны в гарнизоне Новогеоргиевска. Участвовала в виленских боях и Нарочском наступлении.

61-я пехотная дивизия, которой почти всю войну прокомандовал генерал Симанский, понесла тяжелое поражение в самом начале, в Томашевском сражении. Дух славных полков 10-й пехотной дивизии помог преодолеть эту неудачу. Остальную войну ей не выпадали выигрышные роли: тяжелые бои в карпатских предгорьях, Горлица, румынское похмелье в Добрудже...

То же можно сказать и про 73-ю пехотную дивизию, всю войну честно тянувшую лямку на германском фронте и напоследок разгромленную в марте 1917 года на Черевиченском плацдарме. 73-я артиллерийская бригада была отправлена на фронт, не дожидаясь готовности дивизии, и приняла участие уже в Гумбинненском сражении. Весь восточнопрусский поход она находилась в составе XX армейского корпуса отдельно от своей пехоты, состоявшей в гарнизоне Ковны.

81-я пехотная дивизия, двинутая из-под Перемышля в Карпаты, понесла там в апреле 1915 года полное поражение и всю войну считалась не из бойких.

Киевский округ выставил 7 дивизий: по второочередной на полевую, за исключением корпусов прикрытия.

58-я пехотная дивизия очень хорошо дралась в Галицийской битве в августе 1914 года (где состояла в своем же IX армейском корпусе). Она осаждала Перемышль, дралась в Карпатах и на Сане и погибла в Новогеоргиевске.

Хорошо показала себя и 60-я пехотная дивизия (особенно 240-й пехотный Ваврский полк под Львовом и на штурме Перемышля, и в карпатских предгорьях в декабре 1914 года). На боевой ее репутации есть, однако, темное пятно — Козювка. Войдя в состав XIV армейского корпуса на Северном фронте, она стойко отразила наступление германской группы Шольда в апреле 1916 года.

Отлично воевала развернутая из 19-й пехотной дивизии 65-я, особенно 237-й пехотный Евпаторийский полк. В ее формуляр занесены Первая Галицийская битва (Ферлеув, Рогатин), Лесистые Карпаты, затем отступление из Галиции, Виленская операция, окопная война у Сморгоня, а в последний год войны, когда она составила с 78-й дивизией XXVI армейский корпус, борьба в Буковине у Дорна-Ватры и Кирлибабы.

69-я пехотная дивизия (Львов, Перемышль, Карпаты, отход из Галиции, окопная война Северного фронта) показала себя надежной.

70-я пехотная дивизия имела в августе 1914 года тяжелые бои у Замостья, в 1915 году истекла кровью у Горлицы и затем с XIV корпусом попала на Северный фронт, где выказала стойкость в последних наступательных попытках 1917 года. 70-я пехотная дивизия 2-й очереди в командование барона Будберга так отличилась летом 1915 года под Холмом, что Государь повелел сохранить ее полки по демобилизации армии.

Совершенно исключительной по качеству была 78-я пехотная дивизия, которой командовали генералы Альфтан, Добророльский и Васильев. Укомплектованная запасными гвардии, крепко спаянная превосходным офицерским составом полков и батарей 42-й дивизии, она показала себя в первом же бою у Кросно в наступлении на Львов, одним ударом захватив 25 стрелявших пушек. В февральских боях 1915 года у Стрыя — во Втором Карпатском сражении — она отразила четыре германские дивизии Линингена. Особенно славными были ее майские дела 1915 года на Большом Днестровском болоте. Враг знал имена Овручского, Шацкого, Кременецкого и Васильковского полков, знал и фамилии их командиров и страшился встречи с этой, не дававшей ему спуска, дивизией.

В бою 14 мая у Тержаковского леса 310-й пехотный Шацкий полк шестью ротами разбил внезапной атакой 70-й и 71-й венгерский полки, захватив 28 офицеров, 1300 нижних чинов и 14 пулеметов. 31 мая полк сокрушил пять неприятельских (200-й, 201-й, 202-й, 203-й австрийские и 17-й германский полки), взяв 68 офицеров, 3000 нижних чинов и 26 пулеметов. В один из следующих дней утомленный полк, располагаясь на отдых, выставил плакат неприятелю: «Перед вами — Шацкий полк. Советуем оставить нас в покое». За всю ночь австрийцы не дали ни одного выстрела. 15 лет спустя уже в эмиграции, в Белграде, бывший командир Шацкого полка генерал Васильев, предъявляя для льготного проезда свою инвалидную карточку, услышал вопрос контролера (как оказалось, уроженца Баната, служившего на войне в венгерских войсках): «Не тот ли вы Васильев, что командовал Шацким полком, которого у нас все так боялись?..»

Наконец, 79-я пехотная дивизия добросовестно дралась с германским противником в тяжелых боях при Влоцлавске, у Кутно и по Нареву.

Четыре пехотные дивизии Одесского округа сформировали каждая по второочередной. Дивизии эти составили при мобилизации 7-ю армию генерала Никитина, на фронт были вызваны только осенью и успели приобрести необходимую спайку и сноровку, что сразу же и сказалось на их работе.

Выделенная из 13-й пехотной дивизии 62-я генерала Иевреинова, попав на Северный фронт, вдребезги разнесла 6-ю германскую резервную дивизию при Еднорожье, где особенно отличился 248-й пехотный Славяносербский полк. Раненые солдаты Славяносербского полка (все — запасные Екатеринославской губернии) отказались идти на перевязку, пока их не сфотографируют на захваченных ими орудиях. Дивизия затем сдерживала на Сане Макензена, а затем составила с 69-й пехотной дивизией XXXVIII армейский корпус на Западном фронте.

Превосходная 34-я пехотная дивизия того же VII корпуса образовала превосходную же 71-ю генерала Десино, отличившуюся в составе XXX армейского корпуса сперва в Днестровском сражении в апреле 1915 года, а осенью на Волыни, где 282-й пехотный Александрийский полк (всю войну особенно отличавшийся) взял знамя. Дивизия имела славные дела на Стоходе в Брусиловское наступление (где отличился полковник Концев с 283-м пехотным Павлоградским полком), а в августе 1917 года поголовно легла в тучах немецкого газа под Марашештами в Румынии, остановив армию Макензена и тем героически закончив свое существование.

В VIII корпусе 14-я дивизия дала начало 63-й, не посрамившей предков в тяжелых ноябрьских боях под Лодзью. Дунайцы и балтинцы с полковником Барыбиным стяжали себе славу знаменитой обороной Прасныша. Дивизия дралась затем в Галиции с Макензеном и в августе погибла в Новогеоргиевске. Она заслуживала лучшей участи.

Развернутая из 15-й дивизии 64-я завоевала солидную репутацию в 10-й армии, где боевой ее дух придавал бодрости войскам в февральских боях 1915 года у Гродны. В кампанию 1916 года она была переброшена в Лесистые Карпаты под Дорна-Ватру. В буковинских боях начальником штаба 64-й дивизии был полковник М. Г. Дроздовский — впоследствии герой Добровольческой армии.

Три дивизии Санкт-Петербургского округа — 67-я, 68-я и 74-я — оставлены были в 6-й армии на охрану Балтийского побережья. 67-я, составив с 55-й XXXV армейский

корпус, участвовала в отступлении 1915 года из Польши, в Нарочском наступлении 1916 года и в скробовских боях. 68-я была первый год войны у Либавы и Мемеля на крайнем правом фланге нашего стратегического расположения, а затем дралась на Западном фронте и в Румынии, составив с 25-й XXXVI корпус.

Наконец, 74-я пехотная дивизия, развернутая из 37-й, была зимой 1914/15 годов отправлена в 8-ю армию в Карпаты. Генерал Брусилов свысока отнесся к этим «петербургским швейцарам и дворникам», много раз между тем выручавшим его армию в Карпатах и с отличием участвовавшим весной и летом 1916 года в Доброноуцком и Коломейском сражениях.

75-я пехотная дивизия генерала Штегельмана Варшавского округа отлично дралась осенью 1914 года в Польше у Ивангорода (гарнизон которого составляла), в кельцких боях (Полична), причем особенно выделился 297-й пехотный Ковельский полк. В следующие кампании она в составе XXXI армейского корпуса генерала Мищенко вела бои в Полесье, на Припяти и Огинском канале.

Образованная Виленским округом 76-я пехотная дивизия пользовалась на Северном фронте репутацией стойкой части.

Казанский военный округ, подобно другому внутреннему — Московскому, образовал по второочередной дивизии на каждую полевую.

77-я пехотная дивизия добросовестно исполняла свой долг, составив с 100-й пехотной дивизией XLVI корпус в Полесье, на Стоходе. Осенью 1916 года она не выказала особенной стойкости. Хорошо дралась 80-я пехотная дивизия, вошедшая в состав XXX корпуса на Волыни и в Румынии. То же можно сказать и о 82-й пехотной дивизии генерала Промтова, имевшей вначале заминки в люблинских боях, отразившей последнюю вылазку перемышльской армии и очень успешно действовавшей в Буковине в кампанию 1916 года.

83-я пехотная дивизия, вошедшая в состав XXXI корпуса, особенно выдающихся дел не имела, а 84-я пехотная дивизия генерала Герцыка очень бойко работала осенью 1914 года в Польше, а затем, переброшенная в Литву, считалась храброй дивизией и у нас, и у противника. В сентябре 1916 года она доблестно дралась в Галиции, где выделился особенно 333-й пехотный Глазовский полк. В бою 10 сентября 1916 года у Мацкова Гая

глазовцы взяли лихим ударом 60 офицеров, 1600 нижних чинов и 3 миномета.

Наконец, 66-я пехотная дивизия Кавкааской армии подержала славу стальной 21-й на берегах Евфрата в упорных боях у Клыч Гадук, Мелашкерта и Вана, а после — на штурме Эрзерума и в Огнотском сражении. Наиболее отличились полки 261-й пехотный Ахульгинский и 263-й пехотный Гунибский.

3-я Кавкааская стрелковая дивизия тоже не осрамила гренадер в трудных зимних боях под Ардаганом, а затем в еще труднейших на Сане.

* * *

Что касается дивизий 3-й очереди, сформированных в 1915—1916 годах из ополчения и новобранцев, то при оценке их боевой работы надо руководствоваться иными соображениями, нежели при оценке второочередных. Эти войска не могли получить духовного наследия старых полков, не будучи с ними связаны кровно. Определяющим началом здесь были: во-первых, командиры, во-вторых, та среда, в которой этим полкам с четырехсотыми номерами пришлось сделать свои первые шаги и дать свои первые бои. Обстановка победоносного Брусиловского наступления сильно разнилась от унылого сидения в окопах на севере.

100-я пехотная дивизия дралась на Волыни, пройдя от Стыри до Стохода удачными боями у Волчепка, Галузии и Маневичей. В ней выделился 397-й Запорожский пехотный полк.

101-я пехотная дивизия генерала Гильчевского действовала блистательно, взяв Дубно, Перемель и нанеся крепкий удар врагу под Бродами. А Камышинский полк с героем Татаровым явил под Берестечком самое лихое дело императорской пехоты за эту кампанию. Австро-венгерская Главная квартира дала 101-й пехотной дивизии следующую характеристику: «Испытанная дивизия очень высокой ценности. Очень хороший дух». Другая дивизия XXXII корпуса — 105-я — отличилась у Дорогостая и Млынова, особенно полки 417-й Луганский и 420-й Сердобский.

102-я пехотная дивизия успешно действовала в мае 1916 года у Рожища (особенно 407-й пехотный Саранский полк), в июне — в оборонительном сражении у Киселина, а поздним летом и осенью храбро, но безуспешно дралась в ковельских сражениях. То же относится и к другой дивизии XXXIX корпуса — 125-й, где в 500-м пехотном

Ингульском полку образовался зародыш будущей чехословацкой армии.

103-я пехотная дивизия по формировании участвовала в виленских боях, а затем была переведена на бессарабско-буковинский рубеж. Здесь она приняла участие в завоевании Лечицким Буковины, в горных боях у Гринявы, Якобен и Дорна-Ватры и в Румынии.

104-я пехотная дивизия XXXIV корпуса участвовала в 1915 году в ковенских и виленских боях, а в 1916 году осенью — под Ковелем. В разруху 1917 года оказалась устойчивой.

106-я пехотная дивизия в Финляндии просто не воевала, не дав за всю войну ни одного выстрела. То же можно сказать и о 107-й, единственным делом которой была бесславная сдача Моон-Зунда. Обе эти дивизии составляли XLII корпус.

108-я пехотная дивизия в кампанию 1915 года охраняла Балтийское побережье, а в 1916 году бойко работала в 7-й армии у Щербачева.

109-я и 110-я пехотные дивизии, составившие XLIII корпус на Икскюльском плацдарме, всю войну сидели в окопах под Ригой.

111-я пехотная дивизия сидела в окопах на Западном фронте, а затем в составе XLIV корпуса была переброшена в Молдавские Карпаты.

112-я пехотная дивизия была на Западном фронте, приняв незначительное участие в наступлении генерала Рогозы на Барановичи. Она составила с 81-й дивизией I армейский корпус.

113-я пехотная дивизия успешно действовала в составе XVI корпуса армии Щербачева в июле—августе 1916 года.

114-я и 119-я пехотные дивизии, не закончив своего формирования, погибли в Новогеоргиевске. 115-я пехотная дивизия с Северного фронта была переброшена в Добруджу, где показала себя довольно посредственной.

116-я, 120-я и 121-я пехотные дивизии знали только тоскливое сидение в окопах Северного фронта.

117-я пехотная дивизия, охранявшая Дунай, была из Бессарабии переброшена к Лечицкому в Карпаты и разбилась там 117-ю германскую дивизию. Она вошла в XII корпус.

122-я пехотная дивизия была сформирована позже всех — лишь в октябре 1916 года. Она развернута из Саратовской ополченской бригады генерала Лихачева, превосходно дравшейся в VII корпусе у Почаева и у Зборова (где отличился 486-й Верхнемедведицкий пехотный полк).

Благодаря своему выдающемуся начальнику дивизия эта сохранила твердую дисциплину до самого конца российской вооруженной силы.

123-я и 127-я пехотные дивизии отправлены были на Кавказский фронт в составе V Кавказского корпуса. Первая из них приняла участие в ликвидации Офского прорыва (490-й пехотный Ржевский полк — с отличием). Вторая действовала, в общем, бесцветно, понесла огромные потери от болезней в Трапезонде.

Следует отметить хорошую дисциплину «испытанной» 122-й пехотной дивизии — австро-венгерская Главная квартира подчеркивала это еще до нашей революции.

124-я пехотная дивизия старика генерала от инфантерии Лопушанского в июле—августе 1915 года защищала Ковну, где за несколько дней до того была сформирована; в кампанию 1916 года вела позиционную войну на Западном фронте, откуда была переброшена в Румынию, где летом 1917 года — в августе—сентябре — имела успешные наступательные бои в Молдавских Карпатах.

Сильно доставалось летом 1916 года на Волыни 126-й пехотной дивизии от яростных германских контратак. Дивизия имела, однако, хороших соседей и своевременную поддержку.

Ярко блеснула в первом же своем деле, у Драм-Дага в Евфратском сражении, 4-я Кавказская стрелковая дивизия генерала Воробьева, сразу же занявшая почетное место в кавказской фаланге Юденича. Ее делами были Азап-Кейский прорыв, овладение Каргабазаром на Эрзерумском штурме и ликвидация Огнотского прорыва Изета-паши. В 4-й Кавказской стрелковой дивизии подобрался превосходный закаленный солдатский состав от 25 до 30 лет. В этом отношении большое сходство с ней имел германский Альпийский корпус.

В этом последнем деле с успехом приняли участие 5-я Кавказская стрелковая и Кавказская пограничная пехотные дивизии, только что перед этим сформированные и показавшие хорошие боевые качества, чему способствовала вся среда Кавказской армии.

* * *

Образованные зимой 1916/17 годов низкокачественные дивизии 4-й очереди были мертворожденными. Протекай кампания 1917 года в нормальных условиях, они все равно ничем бы себя не проявили. Противоестественной системе

формирования дивизий 4-й очереди соответствовала хаотическая система наименований полков. Истощив весь запас уездных городов на третьеочередных дивизиях, столоначальники из Главного штаба принялись за горные хребты, почтовые тракты, заштатные захолустья, ошеломляя войска дикими названиями, создавая полки Ворохтенский, Нерехтский, Прешканский, Тихобужский, Стерлитамакский, десятки других, произнести которые солдату не было никакой возможности... Гораздо удачнее были даваемые по почину строевого начальства имена славных дел и побед 1914—1916 годов, которые фронтовые корпуса передавали формиовавшимся при них дивизиям 4-й очереди. После революции ряд полков изменил по собственному почину безобразные имена — в память былых побед.

Приводим составленный генералом П. Н. Симанским список войск 4-й очереди. Труд П. Н. Симанского «Развитие вооруженной русской силы в период Мировой войны» не был еще напечатан, когда выпущена была эта книга. Данные о войсках 4-й очереди помещены в его III части. В список мы внесли небольшие добавления.

5-я Гренадерская дивизия (при Гренадерском корпусе) — Гренадерский пехотный полк, 17-й Аладжиянский, 18-й Карский, 19-й Плевненский, 20-й Базарджикский — в память гренадерских побед прошлого столетия;

2-я Кавказская гренадерская дивизия (при II Кавказском корпусе) — 23-й Манглисский, 24-й Навтлугский, пехотные полки 703-й Сурамский, 704-й Рионский — дивизия переименована из 176-й пехотной;

6-я Гренадерская дивизия (при XXV армейском корпусе) — Гренадерский пехотный полк, 21-й Румянцевский, 22-й Суворовский, пехотные полки 607-й Млыновский, 608-й Олыкский;

128-я пехотная дивизия (при XLII корпусе) — 509-й Гжатский, 510-й Волховский, 511-й Сычевский, 512-й Дисненский;

129-я пехотная дивизия (при X армейском корпусе) — 513-й Холмогорский, 514-й Мурманский, 515-й Усть-Пинежский, 516-й Мезенский;

130-я пехотная дивизия (при XXXI корпусе) — 517-й Батумский, 518-й Алашкертский, 519-й Княлярский, 520-й Фокшанский;

131-я пехотная дивизия (Минск) — 521-й, 522-й, 523-й, 524-й пехотные полки;

132-я пехотная дивизия (при II Кавказском корпусе) — 525-й Кюрюк-Даринский, 526-й Деве-Бойненский, 527-й Белебеевский, 528-й Ямпольский. Обращает на

себя внимание неряшливость, с которой «столоначальники» давали имена полкам 4-й очереди. Уже существовал один Белебеевский полк (2-я очередь), имевший номер 235-й. Получилось таким образом два Белебеевских полка;

133-я пехотная дивизия (при XX армейском корпусе) — 529-й Ардатовский, 530-й Васильсурский, 531-й Сызранский, 532-й Волоколамский;

134-я пехотная дивизия (Могилев) — 533-й Ново-Николаевский, 534-й Ново-Киевский, 535-й Липецкий, 536-й Ефремовский;

135-я пехотная дивизия (Калужская ополченская бригада) — 537-й Лихвинский, 538-й Медынский, 539-й Боровский, 540-й Сухиничевский;

136-я пехотная дивизия (при XIV корпусе) — 541-й Велижский, 542-й Лепельский, 543-й Городокский, 544-й Себежский;

137-я пехотная дивизия (Харьковская ополченская бригада) — 545-й Ахтырский, 546-й Волчанский, 547-й Северо-Донецкий, 548-й Чугуевский;

138-я пехотная дивизия (при XIV корпусе) — 549-й Борисовский, 550-й Игуменский, 551-й Велико-Устюжский, 552-й Сольвычегодский;

139-й по 150-й пехотных дивизий не существовало;

151-я пехотная дивизия (при V армейском корпусе) — 601-й, 602-й Лащовский, 603-й Нарочский, 604-й Вислинский — в память мест, прославленных этим корпусом;

152-я пехотная дивизия — смотри 6-ю Гренадерскую. 152-я пехотная дивизия была укомплектована амнистированными ссыльными, и полки ее носили названия «мест не столь отдаленных». 612-й полк — Каторжно-Тобольский. Дав 612-му полку имя «Тобольского», столоначальники Главного штаба не потрудились заглянуть в списки войсковых частей. Они увидели бы, что в русской армии уже два столетия как существовал с честью Тобольский пехотный полк, имевший номер 38-й;

153-я пехотная дивизия (при XXXIV корпусе) — 609-й, 610-й Мензелинский, 611-й Чердынский, 612-й Тобольский (смотри выше);

154-я пехотная дивизия (при XXXIX корпусе) — 613-й Славутинский, 614-й Клеванский, 615-й Киверецкий, 616-й Рожищенский — в память майских боев корпуса в 1916 г. на Волыни;

155-я пехотная дивизия (при VI армейском корпусе) — 617-й Зборовский, 618-й Тарнопольский, 619-й, 620-й Ново-Алексаньский — в память осенних боев 1915 г.;

156-я пехотная дивизия (при XVII корпусе) — 621-й Немировский, 622-й Сопановский, 623-й Козеницкий,

624-й Ново-Корчинский — в честь побед;
 157-я пехотная дивизия (при XXXII корпусе) — 625-й Пляшевский, 626-й Берестеченский, 627-й Шумский, 628-й Бродо-Радзивилловский — в честь героических дел этого корпуса в Брусиловское наступление;
 158-я пехотная дивизия — переименована в 22-ю Сибирскую стрелковую дивизию;
 159-я пехотная дивизия (из 20-й и 108-й дивизий) — 633-й Ахалкалакский, 634-й, 635-й, 636-й;
 160-я пехотная дивизия (при XVI корпусе) — 637-й Кагызманский, 638-й Ольгинский, 639-й Артвинский, 640-й Чорохский;
 161-я пехотная дивизия (при I армейском корпусе) — 641-й Березинский (в армии уже существовал 294-й Березинский полк), 642-й Стерлитамакский, 643-й Соликамский, 644-й Равский;
 162-я пехотная дивизия (при III Кавказском корпусе) — 645-й Тарнавский, 646-й Санский, 647-й Сенянский, 648-й Долинский — в память славных дел 1914—1915 гг.;
 163-я пехотная дивизия (при VI армейском корпусе) — 649-й Скобелевский, 650-й Тотемский, 651-й Шенкурский, 652-й Цильменский. IV корпус — Скобелевский, и это сказалось на имени 649-го полка. У П. Н. Симанского приведены вторые имена полков — 650-й Царьградский, 651-й Кавказский и 652-й Зевинский. 163-я пехотная дивизия взбунтовалась в мае 1917 года и была расформирована;
 164-я пехотная дивизия (при XII корпусе) — 653-й Перемышльский, 654-й Рогатинский, 655-й Драгомирченский, 656-й Станиславовский — в память побед. У П. Н. Симанского приводится второе имя 656-го полка — Богородчанский, тогда как 653-й полк назван Перемышлянским;
 165-я пехотная дивизия (при XI корпусе) — 657-й Прутский, 658-й Карпатский, 659-й Буковинский, 660-й Черновицкий — в память мест, политых кровью храбрых полков этого корпуса;
 166-я пехотная дивизия (при XVIII корпусе) — 661-й Селетинский, 662-й Язловецкий, 663-й Изворский, 664-й Новокарпатский — в память побед 1916 г. В списке генерала Симанского даны вторые имена — 661-й Пинский, 662-й Цимброславский, 663-й Язловецкий, 664-й Кымполунгский. Название «Пинский» маловероятно — ни 37-я, ни 43-я, ни 64-я пехотные дивизии XVIII корпуса в Полесье никогда не воевали. Что касается «Кымполунгского», то полк с этим именем и с номером 760 существовал в 190-й пехотной дивизии;
 167-я пехотная дивизия (при XXIII корпусе) — 665-й Ворохтенский, 666-й Козювский, 667-й Делятинский,

668-й Тысменицкий. 666-й полк вначале, по-видимому, именовался еще Кутским. Во всяком случае, уже в июле 1917 г. он носил имя Козювского;

168-я пехотная дивизия (при IX корпусе) — 669-й Бокненский, 670-й Дунаецкий, 671-й Радымненский, 672-й Яворовский — увековечение славной боевой страды;

169-я пехотная дивизия (при X корпусе) — 673-й Прилуцкий, 674-й Шипкинский, 675-й Конотопский, 676-й Сеньковский. Шипкинский полк — из четвертых батальонов 35-го Брянского и 36-го Орловского — защитников горы Св. Николая и Орлиного Гнезда с Радецким. Сеньково — близ Горлицы;

170-я пехотная дивизия (при XXXV корпусе) — 677-й Мологинский, 678-й Шекснинский, 679-й Челябинский, 680-й. У генерала Симанского 677-й полк помечен «Малаховским». Челябинский полк с 335-м номером уже существовал;

171-я пехотная дивизия (при III армейском корпусе) — 681-й Алтайский, 682-й Забайкальский, 683-й Анггарский, 684-й Саянский;

172-я пехотная дивизия (при XXXI корпусе) — 685-й Логишинский, 686-й Огинский, 687-й Полесский, 688-й Телеханский;

173-я пехотная дивизия (при XLVI корпусе) — 689-й Столинский, 690-й Горынский, 691-й Стоходский, 692-й Припятский — в память боев;

174-я пехотная дивизия (при XX корпусе) — 693-й Слуцкий, 694-й Мирский, 695-й Новогрудский, 696-й Мозырский. В списке генерала Симанского 694-й полк помечен «Минским», что весьма маловероятно;

175-я пехотная дивизия (при XXXVIII корпусе) — 697-й Проскуровский, 698-й Шаргородский, 699-й Саратовский, 700-й Елатминский;

176-я пехотная дивизия — смотри 2-ю Кавказскую гренадерскую дивизию;

177-я пехотная дивизия — 705-й Тихобужский, 706-й Галузийский, 708-й Россиенский (из 27-й пехотной и Сводной пограничной дивизий), 707-й Нешавский;

178-я пехотная дивизия (при I корпусе) — 709-й Кинешманский, 710-й Макарьевский, 711-й Нерехтский, 712-й Узенский;

179-я пехотная дивизия (при VII армейском корпусе) — 713-й Радомельский, 714-й, 715-й, 716-й Ущицкий;

180-я пехотная дивизия (при XIV корпусе) — 717-й Сандомирский, 718-й Розвадовский, 719-й Лысогорский, 720-й Рудниковский — в память боев;

181-я пехотная дивизия (при XV корпусе) — 721-й Дубенский, 722-й Салтыково-Неверовский, 723-й Вилько-лазский, 724-й Любартовский. Салтыково-Неверовский полк получился от соединения четвертых батальонов

23-го Низовского фельдмаршала графа Салтыкова и 24-го Симбирского генерала Неверовского пехотных полков;

182-я пехотная дивизия (при XIII корпусе) — 725-й Чесменский, 726-й Даурский, 727-й Ново-Селенгинский, 728-й Крапивенский;

183-я пехотная дивизия (при XIX корпусе) — 729-й Ново-Уфимский, 730-й Городеченский, 731-й Комаровский, 732-й Покровский;

184-я пехотная дивизия (при XXVIII корпусе) — 733-й Девмерский, 734-й Прешканский, 735-й Сенахский, 736-й Авлиарский. Второе имя 735-го полка — «Каменский» — очевидно, в честь «деда» — 34-го Севского графа Каменского 2-го, из коего был развернут 238-й Ветлужский, давший начало 735-му полку;

185-я пехотная дивизия (при XXI корпусе) — 737-й Аблавицкий, 738-й Григориопольский, 739-й Каменец-Подольский, 740-й Борзненский;

186-я пехотная дивизия (при XLIII корпусе) — 741-й Перновский, 742-й Повенежский, 743-й Тирульский, 744-й Кейданский — в память боев в Литве и в Курляндии;

187-я пехотная дивизия (при XXVII корпусе) — 745-й Ново-Александровский, 746-й Опатовский, 747-й Плонский, 748-й Вилейский;

188-я пехотная дивизия (при XXIV корпусе) — 749-й, 750-й Раховский, 751-й Самборский, 752-й Корунтский;

189-я пехотная дивизия (при XXVI корпусе) — 753-й Винницкий, 754-й Тульчинский, 755-й Литинский, 756-й Новоузенский. Новоузенский полк (2-й очереди) уже существовал и носил номер 328-й;

190-я пехотная дивизия (при XXX корпусе) — 757-й Черемшевский, 758-й Сучавский, 759-й Коломейский, 760-й Кымполунгский — по местам боев;

191-я пехотная дивизия (при XXXVI корпусе) — 761-й Режицкий, 762-й Невельский, 763-й Люцивский, 764-й Зареченский;

192-я пехотная дивизия (при XLIV корпусе) — 765-й Зимницкий, 766-й Шипкинский, 767-й Осовецкий, 768-й Граевский. Родоначальницей Зимницкого и Шипкинского полков, без всякого сомнения, следует признать 14-ю дивизию VIII корпуса. В XLIV корпусе ни 57-я, ни 111-я пехотные дивизии не могли дать таких имен. Во всяком случае, получилось два «Шипкинских» полка — 674-й в 169-й пехотной дивизии и 766-й в 192-й пехотной дивизии;

193-я пехотная дивизия (при II армейском корпусе) — 769-й Царевококшайский, 770-й Гипсарский, 771-й Краснопольский, 772-й Кашинский. Кашинский полк (3-й очереди) уже существовал и носил номер 442-й;

194-я пехотная дивизия (при XLV корпусе) — 773-й Зайсанский, 774-й Байкальский, 775-й Памирский, 776-й Кустанайский.

6-я стрелковая дивизия (при XL корпусе) — 21-й, 22-й, 23-й, 24-й стрелковые пехотные полки;

7-я стрелковая дивизия (при XXIX корпусе) — 25-й, 26-й, 27-й, 28-й стрелковые пехотные полки;

8-я стрелковая дивизия (при XLVII корпусе) — 29-й, 30-й, 31-й, 32-й стрелковые пехотные полки. Все три дивизии — на Румынском фронте.

5-я Финляндская стрелковая дивизия (при XXII корпусе) — 17-й, 18-й, 19-й, 20-й Финляндские стрелковые полки;

6-я Финляндская стрелковая дивизия (при XIII корпусе) — 21-й, 22-й, 23-й, 24-й Финляндские стрелковые пехотные полки;

15-я Сибирская стрелковая дивизия (при III Сибирском корпусе) — 57-й, 58-й, 59-й, 60-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

16-я Сибирская стрелковая дивизия (при I Сибирском корпусе) — 61-й, 62-й, 63-й, 64-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

17-я Сибирская стрелковая дивизия (при III Сибирском корпусе) — 65-й, 66-й, 67-й, 68-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

18-я Сибирская стрелковая дивизия (при VI Сибирском корпусе) — 69-й, 70-й, 71-й, 72-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

19-я Сибирская стрелковая дивизия (при VII Сибирском корпусе) — 73-й, 74-й, 75-й, 76-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

20-я Сибирская стрелковая дивизия (при II Сибирском корпусе) — 77-й, 78-й, 79-й, 80-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

21-я Сибирская стрелковая дивизия (при IV Сибирском корпусе) — 81-й, 82-й, 83-й, 84-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

22-я Сибирская стрелковая дивизия (из 158-й пехотной дивизии при V Сибирском корпусе) — 85-й, 86-й, 87-й, 88-й Сибирские стрелковые пехотные полки;

Сводная Сибирская стрелковая дивизия (при VII Сибирском корпусе) — 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Сводные Сибирские стрелковые пехотные полки;

8-я Туркестанская стрелковая дивизия (при I Туркестанском корпусе) — 29-й, 30-й, 31-й, 32-й Туркестанские стрелковые пехотные полки;

9-я Туркестанская стрелковая дивизия (в Туркестане) — 33-й, 34-й, 35-й, 36-й Туркестанские стрелковые пехотные полки;

10-я Туркестанская стрелковая дивизия (в Туркеста-

не) — 37-й, 38-й, 39-й, 40-й Туркестанские стрелковые пехотные полки;
 6-я Кавказская стрелковая дивизия (при I Кавказском корпусе) — 23-й, 24-й, 25-й, 26-й Кавказские стрелковые пехотные полки;
 7-я Кавказская стрелковая дивизия (при VII Кавказском корпусе) — 27-й, 28-й Кавказские стрелковые пехотные полки;
 4-я Заамурская пехотная дивизия (при XXXIII корпусе) — 11-й, 12-й, 13-й, 14-й Заамурские пехотные полки;
 5-я Заамурская пехотная дивизия (при XLI корпусе) — 15-й, 16-й, 17-й, 18-й Заамурские пехотные полки;
 1-й, 2-й, 3-й Гвардейские кавалерийские стрелковые пехотные полки;
 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й кавалерийские стрелковые полки;
 Заамурский конный стрелковый полк, Кавказский кавалерийский стрелковый полк, Сводный кавалерийский стрелковый полк — при соответственных дивизиях.

Из этих формирований 4-й очереди примерно половина не смогла — и не захотела — принять участие в военных действиях. Удовлетворительно себя показали: 164-я дивизия на Ломнице, 165-я, 166-я и 167-я в Буковинских Карпатах, 4-я Заамурская под Галичем, Сводная Сибирская под Бржезнами, 194-я при отступлении из Галиции. Все остальные были плохи, причем особенно печальную славу приобрели: 163-я, 169-я, 8-я стрелковая, 21-я Сибирская, 6-я Гренадерская и 2-я Кавказская гренадерская.

Из появившихся в 1915 году и особенно развившихся во время революции «национальных формирований» в первую очередь отметим составленную из военнопленных сербского, хорватского и словенского происхождения Югославянскую дивизию, щедро пролившую свою кровь в Добрудже. Самое слово «Югославия» было в первый раз произнесено Россией — и произнесено в ту зиму 1915/16 годов, когда казалось, что самой Сербии наступил конец.

1-я бригада чехословацких легионеров полковника Троянова с отличием дралась в июльском наступлении 1917 года под Зборовом.

Польские войска появились к лету 1916 года в окопной войне под Барановичами. Дел против неприятеля они не имели.

Заметную роль на Северном фронте в 12-й армии сыграли латышские стрелки, с отличием дравшиеся в зимнем

наступлении Радко Дмитриева на Бабите. К революции их было уже 8 полков, ставших затем опорой советского строя. Раньше, чем заводить латышские войска, правительство должно было припомнить события 1905—1907 годов в Прибалтийском крае.

Грузинские и армянские формирования Кавказского фронта никакой боевой ценности не имели. Отметим учреждение в январе 1917 года Евфратского казачьего войска из армян и добровольцев.

Остается упомянуть о предназначавшихся для Западного театра войны «особых» стрелковых бригадах. Формирование этих надерганных с бору по сосенке частей было досадной ошибкой нашей Ставки, лишенного солдатского сердца бюрократа Алексеева. Во Францию следовало послать восстановленный в январе 1916 года XIII корпус — взять реванш за Восточную Пруссию в благоприятной обстановке Французского фронта. Присутствие полков XIII корпуса лишний раз напомнило бы союзникам о жертвах, принесенных Россией в первые же дни войны в Восточной Пруссии.

За море было послано 4 особые бригады: 1-я и 3-я — во Францию, а 2-я и 4-я — на Балканы. Из пяти оставшихся в России сколько-нибудь заметное участие в военных действиях приняла одна 6-я бригада — в декабрьском наступлении Радко Дмитриева. Успеха она не имела — слишком много в строю ее оказалось георгиевских кавалеров. Георгиевский кавалер должен служить примером для остальных. В 6-ю Особую бригаду отобрали почти сплошь георгиевских кавалеров, проявлявших в своей среде мало порыва и жертвенности, особенно успевшие набрать «полный бант». Поголовное награждение нижних чинов крестами и медалями понижало ценность части. Тому пример — пресловутый «георгиевский батальон» Ставки, никуда не годившийся.

1-я и 3-я бригады образовали дивизию генерала Лоховицкого. Они участвовали с отличием в апрельском наступлении 1917 года у Реймса и понесли большие потери. 1-й и 6-й Особые стрелковые полки получили французские «военные кресты» на знамена. До войны единственной иностранной наградой в нашей армии были серебряные трубы за освобождение Амстердама в 1813 году, пожалованные принцем Оранским Тульскому пехотному и 2-му егерскому пехотному полкам (от егерей их унаследовал 90-й пехотный Онежский полк). С точки зрения национальной этики мы должны решительно осудить принятие

чужестранных знаков отличия: иностранный главнокомандующий не может присваивать себе право награждать русские полки. Генералы Нивелль и Петен могли только сделать нашей Ставке представление к награде отличившихся русских полков георгиевскими знаменами, георгиевскими трубами и знаками за отличие. Отметим, что один полк русской армии получил георгиевское знамя по представлению неприятельского главнокомандующего. Это 6-й стрелковый, храбро дравшийся при Сандепу и Мукдене и о награждении которого просил маршал Ойяма. Остатки их осенью бунтовали и были интернированы, а из офицеров и верных воинскому долгу солдат был сформирован особый русский легион, названный Легионом Чести.

2-я бригада — генерала Дитерихса — отправлена была на Балканский фронт в Салоники. В ноябре 1916 года она рванула казавшиеся неприступными германо-болгарские позиции и взяла Битоль, положив на своей крови начало грядущего освобождения Сербии. Геройская бригада вся легла в этом победном бою, и когда пришло приказание выйти в резерв, исполнить его было уже некому. Сменившие русских стрелков французские егеря могли только отсалютовать полю, где недвижно на своей последней и вечной позиции лежали битольские победители. Так погибла 2-я Особая бригада русской армии — единственная воинская часть во всем мире, ни разу не отступавшая за все свое существование!

Легион Чести — единственный обломок гранитной русской скалы в бурном море грандиозных сражений восемнадцатого года — победно пронес свой значок и русское имя сквозь огонь двадцати сражений от Эны до Рейна. Этот последний русский батальон под командой туркестанского стрелка полковника Готуа первый из всех союзных армий Фоша прорвал знаменитую «линию Гинденбурга» в сражении с 1-го по 14 сентября при Терни-Сорни и 16 декабря 1918 года вступил в Майнц. Полковник Готуа — «черный полковник», как называли его французы — в свое время, служа в рядах 8-го Туркестанского стрелкового полка, взял штыковым ударом господский двор Боржимов.

* * *

В общем, кадровый состав наших пехотных частей был отлично подготовлен своими офицерами. Большое количество запасных (свыше половины строевого состава даже

в первоочередных войсках) понизило качество нашей пехоты сразу же по выступлении в поход — по среднему возрасту людей и по степени их втянутости наши полевые дивизии равнялись германским резервным.

Милютинский Устав 1874 года с его антигосударственными льготами «по образованию» и особенно «по семейному положению» неизбежно должен был снизить качество войск при мобилизации — малочисленность обученного контингента запасных приводила к тому, что в строй у нас ставили значительно более старые сроки, чем у противника. При этом надо иметь в виду, что благодаря экстратерриториальной системе комплектования войска при мобилизации пополнились совершенно чужими людьми.

Нестроевой дух милютинских учреждений и пресловутая «хозяйственность» Ванновского и Куропаткина привели к тому, что русская армия игнорировала существование унтер-офицеров запаса. Учет запасным нижним чинам велся по 45 различным категориям — графам. Были графы «хлебопек», «кузнецов», «слесарей», «плотников», «сапожников», даже «каретников», но не было первой и самой важной — «унтер-офицеров». Из-за деревьев проглядели лес...

Как следствие, при мобилизации старые опытные взводные и фельдфебели запаса назначались в строй старшими звеньев, а то и рядовыми. Они погибли в первых же боях, и когда зимой 1914/15 годов в запасные батальоны хлынул поток молодых солдат и ратников 2-го разряда, обучить их уже было некому.

Наша пехота изумила неприятеля своим применением к местности и быстротой самоокапывания, но еще больше своей способностью переносить самые жестокие потери, не утрачивая своих боевых качеств.

Командир 1-го германского резервного корпуса генерал фон Морген, которому первые месяцы войны пришлось иметь дело исключительно с посредственными нашими дивизиями, в своем рапорте кайзеру в январе 1915 года писал, что русская пехота «совершенно не оправдывает себя в атаке и не умеет действовать наступательно». Писалось это накануне Прасныша, где корпус Моргена был разгромлен сибиряками. Генерал фон Морген ставит русскую артиллерию в пример германской и признает значительное превосходство наших артиллеристов над своими. Он отмечает способность русской пехоты совершать очень большие — кавалерийские — переходы.

Искусство ружейной стрельбы — этот «конек» после маньчжурского периода, на который было затрачено столько времени и усилий — оказалось в условиях войны малоприменимым. Отдельные блестящие эпизоды — вроде отражения бородинцами выдержанным ружейным огнем наскоков неприятельской конницы — не в счет. На полях сражений царил артиллерийский и пулеметный огонь. После гибели кадрового состава наша пехота стреляла так же плохо, как и неприятельская. Пополнения вовсе не умели стрелять, да и в хорошо обученных частях при наступлении перебежками забывали переставлять прицелы.

Огромный вред принесла частая смена полковых командиров — назначение на короткие сроки командирами полков офицеров Генерального штаба, незнакомых со строем и чуждых полку. За время войны каждый полк имел двух, трех, а то и четырех таких «моментов». Одни смотрели на вверенную им часть лишь как на средство сделать карьеру и получить прибыльную статутную награду. Другие, сознавая свою неподготовленность, лишь отбывали номер, взвалив все управление полком на кого-либо из уцелевших кадровых капитанов либо подполковников — батальонных командиров. Боевые хроники наших полков Мировой войны не сохранили доброй памяти об этих мимолетных командирах, совершенно не интересовавшихся вверенным им полком. До чего часты были смены командиров, видно из того, что каждый полк за три года войны переменил 4—6 командиров, а то и больше. 319-й Бугульминский пехотный полк за первые 12 месяцев имел 10 командиров и командовавших (причем боевой убыли не было).

Ставка не сознавала огромного значения должности командира полка. Полк — отнюдь не чисто тактическая инстанция, как батальон или дивизия. Это инстанция духовная. Полки — носители духа армии, а дух полка — прежде всего зависит от командира. В этом все величие призвания полковника. На должность командиров полков следовало назначать носителей их духа и традиций — уцелевших кадровых батальонных либо даже ротных, произведенных за боевые отличия. Только такие командиры, любившие свой полк, могли бы сплотить вновь переменявшийся от беспрестанной убыли и пополнений офицерский состав.

Само собою разумеется, надо было дать офицерам Генерального штаба необходимый строевой и боевой опыт. Но

это надлежало делать до производства их в полковники, назначая подполковников и капитанов Генерального штаба командирами батальонов, — инстанции чисто тактической, где бы они с пользой могли применять свои познания.

* * *

Конницы у нас было очень много, и была превосходного качества. Но организация ее была неудачной, и возглавлялась она, за редкими исключениями, начальниками, совершенно ее недостойными.

В мирное время кавалерийские дивизии были включены в состав армейских корпусов. Этот разумный порядок был нарушен при объявлении мобилизации, когда конница была брошена на границу прикрывать наше стратегическое развертывание. Когда же развертывание это закончилось, то кавалерию вместо того чтобы вернуть корпусам, то есть собственно войскам, оставили в подчинении штабам армий. Коннице придали не войскам, а далеким штабам.

Получилось безобразное положение: войска, то есть пехота и артиллерия, дрались «сами по себе», а кавалерия «болталась» где-то на отлете — тоже «сама по себе», получая указания не от непосредственно ведущей бой инстанции — командира корпуса, а из штаба армии с неизбежным опозданием. Несоответствие подавляющего большинства наших кавалерийских начальников, отсутствие у них кавалерийского глазомера и параллельно инициативы довершали остальное. Победоносная пехота в бессильной ярости смотрела на берущую на передки неприятельскую артиллерию, на уходящие обозы, на расстроенную пехоту противника вне пределов ее граненого штыка. Надрывный ее крик «Кавалерию! Кавалерию!» замирал, не встречая отклика. А в это самое мгновение кавалерия, потоптавшись весь день за обозами 1-го разряда, стройно, уставными «ящичками», шла на ночевку — за двадцать верст в тыл, а штаб дивизии в уютной помещицкой усадьбе безмятежно писал приказ на завтрашний день, бывший точным повторением только что прошедшего...

Так было в первых боях — под Гумбинненом, Томашовом, Злочевом, Перемышлянами, Фирлеевом, Рогатином, Равой Русской... Так осталось и впоследствии — под Сандомиром, Варшавой, Кельдами, Лодзью... Граф Келлер был исключением. Новиков, Мориц, Шарпантье, Хан Нахичеванский были правилом.

Сухотинский дух был силен. Увлечение ковбоями американской междоусобицы — Шерманом и Шериданом — повлекло за собой то, что мы по опрометчивости сделали второй шаг, не сделав первого, — стали заводить стратегическую конницу, упустив создать войсковую. За блестящими исключениями Городенки и Ржавенцев, конные корпуса не оправдали возлагавшихся на них надежд и не принесли армии никакой пользы. Наоборот, вбирая в себя конницу и замораживая ее в своих «ящиках», они принесли армии очень большой вред.

Старшие начальники конницы создались еще в школе Сухотина. Они были знатоками уставных построений и перестроений, ревнителями пешего строя, ценителями спокойных биваков в глубоком тылу и, наконец, людьми своей упадочной эпохи, больше всего боявшимися инициативы. Перевоспитание конницы великим князем Николаем Николаевичем не успело коснуться старших начальников, бывших в сухотинские времена уже штаб-офицерами. Кроме того, это перевоспитание коснулось почти исключительно «берейторской части» и мало повлияло на тактические навыки. «Лошадиный генерал» далеко не оказался равнозначным кавалерийскому начальнику. Со всем этим великолепный состав нашей конницы оказал русской армии неопенимые услуги, скрыв от глаз врага наше стратегическое развертывание. Конница стяжала славу себе и русскому оружию всякий раз, когда ее лавы одухотворялись и управлялись достойными ее начальниками.

Ею было произведено до 400 атак в конном строю, в коих захвачено 170 орудий, нанесено поражение целой неприятельской армии (VII австро-венгерской армии 27—28 апреля 1915 года у Городенки и Ржавенцев), дважды спасены наши собственные армии (1-я у Нерадовы 3 июля 1915 года и 11-я у Нивы Злочевской 19 июня 1916 года). Вспомним, как помогла 12-я кавалерийская дивизия 8-й армии при Руде, какое огромное стратегическое значение для всего Северного фронта имела атака нижегородских драгун под Колюшками, как потряс все австро-германские армии наскок оренбургских казаков под Кошевом и «Дикой» дивизии под Езерянами. И сколько раз наши пехотные дивизии и корпуса выручались беззаветными атаками ничего не боявшихся и все сметающих сотен и эскадронов...

Оценив и взвесив все это, мы можем прийти к заключению, что, несмотря на бездарное высшее управление, роль русской конницы в 1914—1917 годах была не менее

значительна, чем в 1812—1814 годах. Было гораздо меньше конных боев (чему причиной похвальное благоразумие неприятельской кавалерии). Но было значительно больше конных атак на неприятельскую пехоту и артиллерию, а, главное, некоторые конные дела имели не только тактическое, но и стратегическое значение.

В общем, если характеризовать боевую работу русской конницы, то надо сказать, что конеты совершали блестящие подвиги, а генералы упускали блестящие возможности...

* * *

Гвардейской конницей в Восточной Пруссии и после (по сведении ее в корпус) на Волыни командовал генерал Хан Нахичеванский. Честный солдат, не замаравший своих генерал-адъютантских вензелей, он был неспособным кавалерийским начальником и дал один лишь отрицательные образы вождения конницы.

Кирасирская дивизия генерала Казнакова была превосходной. Особенно отличились в тяжелых петроковских боях кавалергарды (где три их офицерских разезда остановили всю 1-ю германскую кавалерийскую дивизию). В конном полку отметим дело Врангеля под Каушеном, у кирасир Его Величества — под Дембовым Рогом и у Синих — Курополь за Вильной.

2-я Гвардейская кавалерийская дивизия генералов Рауха и Гилленшмидта действовала тоже без заминок.

3-я Гвардейская кавалерийская дивизия составлена была только весной 1916 года. В нее вошла Варшавская бригада, действовавшая с начала войны на Юго-Западном фронте (Янов, Городенка) и казачья, бывшая в начале войны на охране Ставки, а после — в лодзинских боях. 1-я кавалерийская дивизия хорошо показала себя с генералом Гурко в Восточной Пруссии (как в набеge на Алленштейн, так и при отступлении, в Мазурских озерах). В 1915 году дивизия дралась в Литве, а в 1916—1917 годах — на Двинском фронте.

2-я кавалерийская дивизия, которую вывел на войну Хан Нахичеванский, дралась тоже всю войну на Северном фронте — в Пруссии, Литве, у Нарочи и на Двине.

3-я кавалерийская дивизия генералов Бельгарда и Леонтовича дралась в Пруссии, зимой 1914/15 годов — в Августовских лесах, а весной и летом — в Курляндии и Литве, откуда была перебросена в Полесье. Спускаясь все

1. Телефонист.
2. Самокатчик.
3. Офицер авто-
и бронечастей.
4. Летчики.

южнее, она в августе 1916 года попала в Добруджу, где с отличием действовала в пешем и конном строю (особенно смоленские уланы) и до конца войны была на Румынском фронте.

4-й кавалерийской дивизии не повезло с незадачливым генералом Толпыго в самом начале войны у Бялы. Она действовала на Северном фронте и особенно выдающихся дел не имела.

В 5-й кавалерийской дивизии, которой у Сандомира и Лодзи командовал бездарный генерал Морич, были блестящие «корнетские дела». Всю войну дивизия провела на Северном фронте, будучи из Польши переброслена в Литву, а оттуда — на Двинский фронт.

6-я кавалерийская дивизия генерала Роопа боями в пешем строю задерживала, как могла, 1-й германский корпус, шедший в тыл армии Самсонова. Затем она в 1914—1915 годах дралась на Нареве, а потом была у Нарочи.

В 7-й кавалерийской дивизии неспособного генерала Тюлина сменил энергичный генерал Рерберг. Знаменитым делом была атака полковника Полякова (Александра) 2 июня 1915 года у Олешницы, где под пиками донцов 11-го полка погиб 91-й германский полк. В 1916 году на Волыни прославились белорусцы, с графом Zubовым изрубившие 1-й и 11-й полки венгерского гонведа. В 1917 году под командой генерала Врангеля дивизия прикрыла общее отступление за Збруч.

8-я кавалерийская дивизия генерала Зандера не имела случая отличиться. Она была в корпусе Новикова на левом берегу Вислы, затем у Вильны—Свенция и, наконец, на Румынском фронте.

9-я кавалерийская дивизия князя Бегильдеева дралась в Галиции, под Львовом, на Сане и при осаде Перемышля. Пушки, взятые у австрийцев 1-м Уральским полком, послужили началом Уральской казачьей артиллерии, упраздненной после пугачевского бунта. В 1916 году в Брусиловское наступление казанские драгуны, бутские уланы и киевские гусары прославились, как мы знаем, атакой укрепленной позиции при Поркове, а уральцы — атакой у Гниловод.

10-й кавалерийской дивизии посчастливилось найти вождя в лице графа Келлера. Она прославила свои штандарты в конном бою 8 августа 1914 года у Ярославце, изрубив 4-ю австро-венгерскую дивизию (эскадроны и сотни всех четырех полков), у Перемышля, Яворова — беззаветными атаками на пехоту и артиллерию, у Равы

Русской, где одесские уланы выручили 9-ю пехотную дивизию, в карпатских предгорьях, в краковском походе. Переброшенная ранней весной 1915 года на бессарабско-буковинский рубеж, она под командой генерала Маркова (оставаясь все время в III конном корпусе графа Келлера), отличилась у Хотина, Баламутовки и Ржавенцев, изрубив 42-ю дивизию гонведа. В июне—июле дивизия вела отступательные бои у Коломея (особенно кровопролитное у Виноград), а в 1916 году с отличием участвовала летом в горной войне в Буковине, а поздней осенью — в отступлении от Бухареста.

11-я кавалерийская дивизия генерала Вельяшева очень хорошо работала на Юго-Западном фронте в 1914 году в Галиции, затем в карпатских предгорьях, в 1915—1916 годах на Волыни: на Стыри и Горыни, а в Брусиловское наступление — под Кошевом.

В превосходной 12-й кавалерийской дивизии генерала Каледина первым блестящим делом была знаменитая атака 2-го эскадрона актырцев Бориса Панаева 13 августа у Демни на австрийскую драгунскую бригаду. Четыре дня спустя дивизия выручила 8-ю армию комбинированным боем у Руды.

Генерал Брусилов, вообще чрезвычайно неблагодарный к памяти своих соратников, обвиняет в своих мемуарах генерала Каледина в том, что он у Руды вел пеший бой тремя полками, бросив в конную атаку одних актырцев, когда бы мог атаковать всей дивизией. Генерал Брусилов несправедлив. Приказ его Каледину в тот день гласил буквально: «12-й кавалерийской дивизии — умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» Генерал Каледин и действовал в духе этого приказа, затянув бой до вечера, что можно было добиться только пешим строем. Атака всей дивизией в конном строю соответствовала бы приказанию «умереть сразу».

Стародубовские драгуны первыми вступили во Львов. Всю остальную кампанию 1914 года в Галиции дивизия работала выше всякой похвалы. В 1915 году отметим атаку дивизии 18 марта у Залещиков и особенно атаку белгородских улан с полковником Чекотовским 29 сентября у Гайворонки на Днестре, где были изрублены «майкеферы» — прусские гвардейские фузилеры. В кампанию 1916 года при генерале Маннергейме дивизия имела хорошие дела на Волыни, а зимой — в Румынии.

13-я кавалерийская дивизия князя Туманова с отличием дралась под Красником (нарвские гусары у Аянополя). В 1915 году она была переведена на Северный фронт,

участвовала в виленских боях (владимирские уланы у Оленца) и остальную войну провела на Западном фронте.

Районом действий 14-й кавалерийской дивизии в первые месяцы войны был левый берег Вислы к югу от Пилицы — Радом, Кельцы, Сандомир, а после — Лодзь. После Новикова дивизию принял генерал Эрдели. Она сражалась у Нарева, где 3 июля 1915 года у Нерадовы обессмертили себя митавские гусары и донцы 14-го полка, спасшие 1-ю армию от крушения фронта. Дивизия участвовала в Виленской операции и кампании 1916 года на Двине, а в 1917 году подавила июльское выступление большевиков в Петрограде.

В 15-й кавалерийской дивизии, где генерала Любомирова заменил летом 1915 года генерал Абрамов, — поход со 2-й армией в Восточную Пруссию (славная атака перемышляков на воинский поезд у Фридрихсгофа), февральские бои под Праснышем (где отличились украинские гусары), Литва, Курляндия и Двинский фронт.

Кавказская кавалерийская дивизия незадачливого Шарпантье в кампанию 1914 года действовала в Польше — у Ловича, Сохачева, Лодзи. Нижегородцы прославились своей, выручившей весь Северный фронт, атакой под Колюшками. Зимой 1914/15 годов она была переброслена на Кавказский фронт, где дралась на Евфрате и в Персии в корпусе генерала Баратова.

16-я кавалерийская дивизия генералов А. Драгомирова и Володченко образовалась из 2-й (гусарской) и 3-й (уланской) отдельных кавалерийских бригад и вначале именовалась «Сводной». Уланы отличились в набеге на Раву Русскую в самом начале войны. Дивизия сражалась в Западной Галиции, под Новым Сандецом и в карпатских предгорьях. При отступлении от Горлицы в апреле 1915 года у Прухновика самоотверженно атаковали нежинцы, а черниговские гусары поддерживали атаку донцов Полякова у Олещицы. В Брусиловское наступление мы отметили лихие атаки черниговцев у Рафаловки и новоархангельских улан при Волчецке.

17-я кавалерийская дивизия генерала Каньшина была образована в 1917 году под Ригой и сколько-нибудь выдающихся дел не имела (в нее вошла 4-я отдельная кавалерийская бригада — Финляндский драгунский и Офицерской кавалерийской школы полки — 5-й и 10-й конные пограничные).

Сводная кавалерийская дивизия, которой командовали генералы Аболешев, князь Вадбольский и Свечин, имела

в своем составе 1-й и 2-й Заамурские конные полки и Варшавскую гвардейскую бригаду, замененную летом 1915—1916 годов 1-й отдельной кавалерийской бригадой, полки которой — Архангелогородский драгунский и Иркутский гусарский — имели в 1914—1915 годах лихие конные дела в Восточной Пруссии и у Нарева (Тсиск). Сразу по сформировании дивизия участвовала в знаменитой атаке 28 апреля 1915 года у Городенки, где прославились 1-й и 2-й Заамурские конные полки. В кампании 1916 года геройская атака 1-го Заамурского конного полка (поддержанного архангелогородцами и частью 2-го полка) у Нивы Злочевской спасла 11-ю армию. Отметим атаку 2-го Заамурского конного полка на укрепленную позицию у Кшаки, а в кампанию 1917 года — конную атаку 1-го Заамурского 13 июня под Швейковцами. Командиры атаковавших полков: 19-го драгунского Архангелогородского у Тсиска — Генерального штаба полковник Ник. Степанов, 1-го Заамурского у Городенки — полковник Колзаков, 2-го Заамурского там же — полковник Карницкий. В атаку при Ниве Злочевской заамурцев 1-го полка вел Генерального штаба полковник Моравицкий. За Кшаки командир 2-го Заамурского конного полка полковник Карницкий награжден орденом св. Георгия 3-й степени. За Швейковцы командир 1-го Заамурского конного полка полковник Мосцицкий получил св. Георгия 3-й степени, став последним кавалером этого высокого отличия в Мировую войну.

3-й по 6-й Заамурские конные полки весной 1915 года, прибыв из Маньчжурии на Днестр, вначале действовали побригадно. Памятными остались дело генерала Черячукина с 3-м и 4-м полками 29 мая под Залещиками и блестящая атака барона Рекке с 5-м полком на артиллерию 31 августа у Мшанца. Сведенные летом в Заамурскую конную дивизию, они отличились в командование генерала Розалион-Сошальского в Брусиловское наступление атакой 2 июня 1916 года под Радзивиловом, а 19 июня у Дубовых Корчм и Злочевка. В кампанию же 1917 года дивизия дралась на Румынском фронте — и это были последние конные дела Мировой войны.

1-я Донская казачья дивизия отлично работала в августе 1914 года в томашовских боях. Войдя в состав III конного корпуса графа Келлера, она дралась у Недзелиски, Баламутовки, Ржавенцев, где полки ее захватили неприятельскую артиллерию, а затем в Буковине — у Черновца, Кымполунга, Гринявы в Карпатах и в Румынии.

Лихие бои были во 2-й Сводной дивизии генерала Павлова в августе 1914 года у Городка (отражение и поражение 5-й австро-венгерской кавалерийской дивизии), Чертокова (где казаки атаковали воинские поезда австрийцев на ходу), Дзюрина, Миколаева и в сентябре у Мармарош—Сигета. В III томе этого издания взятие 4-орудийной батареи австрийцев у Дзюрина 9 августа 1914 года ошибочно приписано Волгскому полку. На самом деле ее взяла конной атакой 2-я сотня 1-го Линейного полка есаула Тихоцкого. В кампанию 1915 года дивизия была на Дунайце и оттуда с генералом Красновым отходила из Галиции на Волынь, где имела удачное дело у Железницы, а в Брусиловское наступление — у Костюхновки.

3-я Донская дивизия действовала довольно бледно (Томашов, левый берег Вислы, Полесье). То же можно сказать и о 4-й (Томашов, Лодзь, Прасныш, Шавли).

5-я Донская дивизия хорошо работала в Томашовском сражении, дралась под Лодзью и Шавлями. Образованная впоследствии 6-я Донская дивизия была на Юго-Западном фронте. В Брусиловское наступление сражалась храбро, но не всегда успешно.

1-я Кубанская казачья дивизия была на Юго-Западном фронте и в Полесье. Она не имела выдающихся дел. 2-я, 3-я и 4-я Кубанские дивизии были на Кавказском фронте и не имели случая выдвинуться.

Терская казачья дивизия работала превосходно всю войну в Заднестровье и Буковинских Карпатах, неоднократно атакуя в конном строю.

Уральская казачья дивизия генерала Кауфмана Туркестанского воевала в Польше.

Сибирская казачья дивизия князя Мышецкого с отличием действовала в отступательных боях у Гродны и Вильны.

Сибирская казачья бригада (в которую вошли первоочередные полки войска) превосходно сражалась на Кавказском фронте под командой генерала Калитина. Особенно знамениты ее атаки под Ардаганом 24 декабря 1914 года и у Илджиджи за Эрзерумом 4 февраля 1916 года — обе в глубоком снегу и обе с захватом штабов, знамен и артиллерии врага.

Забайкальская казачья дивизия хорошо себя показала в Польше и Полесье.

С исключительным блеском действовала Уссурийская конная дивизия генерала Крымова, как в Польше и Литве, так и в Лесистых Карпатах. В ней особенно выделился

Приморский драгунский полк (Жуromинек, Попеляны, Иоганишкели), уничтоживший одновременно 8 германских кавалерийских полков (с соответственным количеством пехоты).

1-я Туркестанская казачья дивизия на Западном фронте и 2-я Туркестанская казачья дивизия на Кавказском фронте ничем не выделились.

Оренбургская казачья дивизия показала себя зимой 1915/16 годов в Полесье, где оренбургские казаки составили ядро партизанских отрядов. Но день ее славы был 15 июля 1916 года под Кошевом. После кошевской атаки, как свидетельствует в своей истории войны австрийский Генеральный штаб, «в войсках вновь появился страх перед казаками — наследие первых кровавых дел войны...».

1-я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова с отличием действовала летом 1915 года на Евфрате, а в 1916 году — в Персии.

2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева — в Алашкертской долине, в феврале 1916 года на штурме Битлиса, а летом на Евфрате.

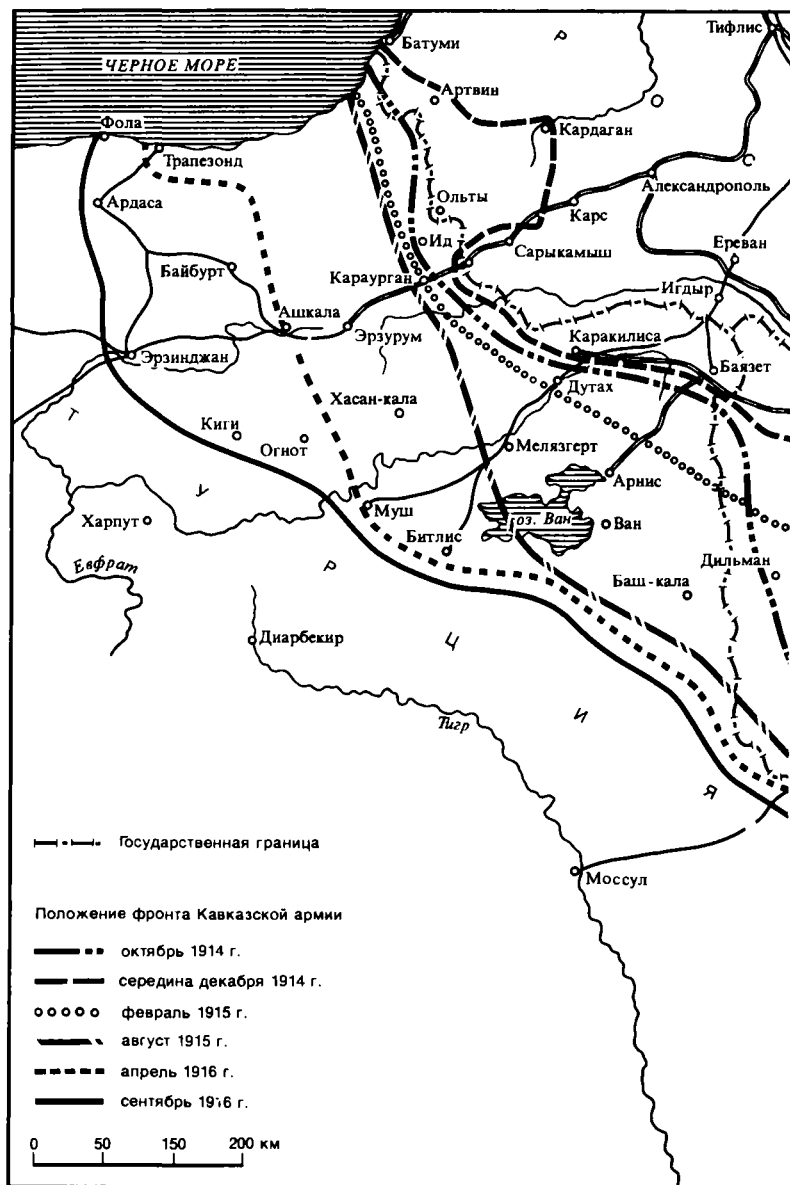
4-я Кавказская казачья дивизия — в Азербайджанско-Ванском отряде и 5-я Кавказская казачья дивизия — у Мамахатуна и Эрзинджана. 3-я Кавказская казачья дивизия с самого начала войны была на Юго-Западном фронте в Галиции и Полесье.

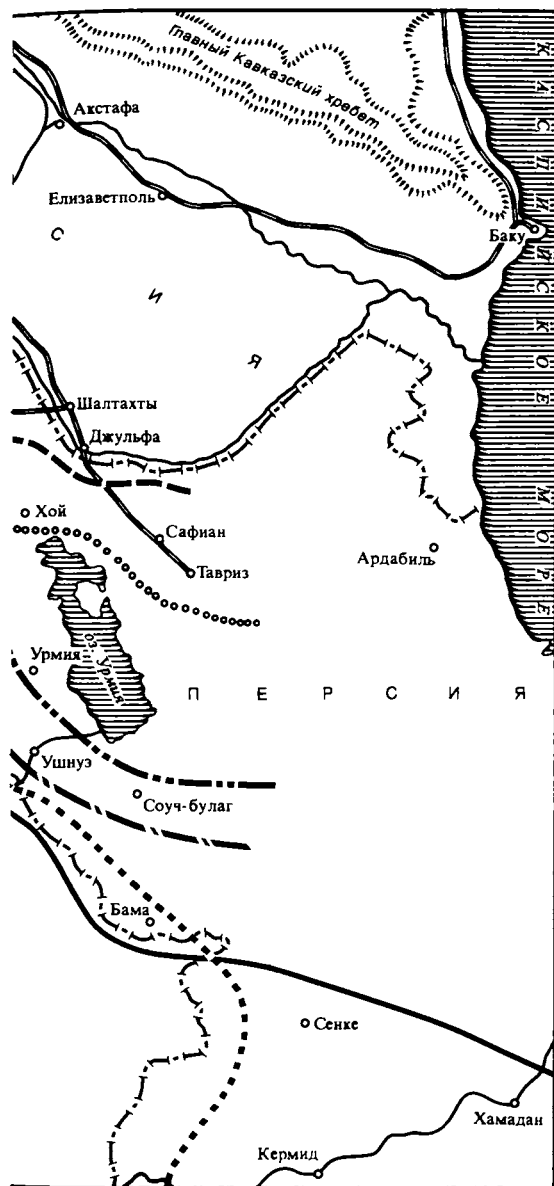
Кавказской Туземной дивизией — или, как ее называли, «Дикой» дивизией — в 1914—1915 годах командовал великий князь Михаил Александрович. Дивизия имела блестящие дела зимой в Карпатах, весной 1915 года в Заднестровье и осенью на Днестре у Гайворонки. Командир Черкесского полка полковник князь Святополк-Мирский за атаку 15 февраля 1915 года на Карпатах был посмертно награжден орденом св. Георгия 3-й степени. В атаках у Гайворонки отличились 2-й Дагестанский и Татарский полки. 15 июля 1916 года в Брусиловское наступление она отличилась атакой ингушей под Езерянами.

Отметим два отдельных полка.

Крымский конный полк в начале войны работал на Северном фронте, а с весны 1915 года был придан новообразованному XXXIII корпусу в Заднестровье. Он участвовал во всех славных боях заамурской пехоты и особенно отличился при Нараювке в сентябре 1916 года.

И, наконец, Текинский конный полк, героически работавший всю войну и особенно блестяще действовавший в Доброноуцком сражении.

***Положение
Кавказской
армии
в разные
периоды войны.***

Русская артиллерия решила участь Мировой войны блестящей стрельбой 25-й и 27-й артиллерийских бригад 7 августа 1914 года на полях Гумбиннена в Восточной Пруссии. Эти батареи сорвали все планы и расчеты германского командования на Французском фронте.

В искусстве стрельбы наши артиллеристы не знали себе соперников. Искусству этому были поставлены, однако, две большие препоны: во-первых, неналаженность снабжения боевыми припасами первый год войны, во-вторых, неудовлетворительность старших артиллерийских инстанций, узость их тактического кругозора.

Артиллеристы считали себя как бы мастерами пушкарского цеха, обособленного от войск, и свою артиллерийскую тактику мыслили вне всякой связи с общевойсковой. Артиллерийский офицер, приобщавшийся к этой общевойсковой тактике в академии Генерального штаба и расширявший этим свой тактический кругозор, назад в артиллерию не принимался. Он считался как бы отрезанным ломтем и зачислялся по пехоте, а если был конноартиллеристом — то по кавалерии.

Благодаря этому антагонизму между артиллерией и Генеральным штабом (в чем виноваты обе стороны), антагонизму, существовавшему еще издревле — с гладкоствольных времен и тщательно культивировавшемуся, — в строю артиллерии не было офицеров с высшим тактическим образованием и с широким тактическим кругозором. На должностях командиров батарей и дивизионов этот недостаток не давал себя знать, но на должности командира бригады делался сразу ощутительным, а на должности инспектора артиллерии корпуса — болезненным.

От подпоручика до генерал-инспектора артиллерии наши артиллеристы полагали: все дело — в меткой стрельбе. Они добивались этой меткой стрельбы — добились ее на славу, но им в голову не пришло облечь эту свою меткую стрельбу в тактические формы. Тактика считалась достоянием однозного Генерального штаба. Ревниво оберегая свое дело от его посягательств, артиллеристы, в свою очередь (за очень немногими исключениями), стремились игнорировать все, что выходило за рамки «пушкарского цеха».

Уже в артиллерийских училищах тактика преподавалась в виде проформы. Быть ездовым коренного уноса там считалось гораздо почетнее, чем иметь 12 баллов по

тактике. Эта психология осталась навсегда. Интересовались исключительно техникой — техникой стрельбы, материальной частью (особенно этой последней). Об артиллерийском деле в рамках военного искусства не помышляли.

Увлечение материальной частью переходило границы целесообразности. На инспекционных поверках от офицеров требовалось знание веса в долях золотника самого ничтожного штифтика, поперечной нагрузки всякого винтика. Не засоряя голов и сберегая время, все это можно было поместить в справочную книжку. Ездившая незадолго до войны во Францию наша артиллерийская миссия обратила все свое внимание опять-таки на материальную часть, совершенно пренебрегая тактической стороной дела. Русские генералы и подполковники не нашли ничего лучшего, как сфотографироваться номерами у французской полевой пушки. В то же время никому из них не пришло в голову познакомиться с книжкой полковника Файоля (будущего маршала) «Сосредоточение огня», проводившей оригинальные тактические идеи об организации огневого кулака.

В результате если наш батарейный командир легко расправлялся с немецким, то немецкий командир бригады — тактик и немецкий корпусной инспектор — тактик рассчитывались за это с русскими бригадным и корпусным «мастерами пушкарского цеха».

Мы признавали только фронтальный огонь, стреляя прямо перед собой, действовали исключительно «лобовым натиском». Наш огонь был меток, но в крупных соединениях не гибок. Немцы оставляли по фронту незначительное количество батарей, а всеми силами, собранными в кулак, наваливались во фланг, действовали косопривельно. Лучшая тактика, численное превосходство и неограниченное питание огневыми припасами ставили германскую артиллерию в самое выигрышное положение, но наши артиллеристы своей сноровкой и меткостью стрельбы восполняли свои тактические пробелы. В равных силах германская артиллерия ничего не значила перед нашей. В полуторном получалось устойчивое равновесие. В двойном — что было обычным явлением — наша артиллерия выходила с честью из неравного и тяжелого поединка. Для решительного успеха немцам надо было сосредоточивать по меньшей мере тройное количество батарей.

Наша пехота жаловалась — и совершенно основательно — на страх наших артиллеристов потерять орудия и их тенденцию прятаться за спину пехоты и оставлять ее

без поддержки в самую критическую минуту. Эту «бесцеремонность» русских артиллеристов по отношению к своей пехоте отметил и Морген. Наша артиллерия исходила из абсурдного и вредного положения: «пушки — наши знамена!» Терять орудия считалось бесчестным. Покинуть в критическую минуту погибающую пехоту, лишить ее поддержки — за бесчестие не считалось и было в порядке вещей.

Следует отметить, что австрийская артиллерия стреляла значительно лучше германской, научившись многому у нас. Все, что сказано о пехотных наших дивизиях, относится и к их артиллерии, подготавливавшей их успехи и смягчавшей их неудачи.

* * *

Инженерные войска выполнили очень большую работу по укреплению 2,5 тысячи верст фронта от Балтийского моря до Черного и от Черного до Каспийского. Наряду с этим они оборудовали дорогами и мостами прифронтовую полосу и затратили много сил и энергии на приведение в боевую готовность крепостей Ивангорода, Варшавы, Новогеоргиевска, Осовца, Ковно, Бреста, Гродно, Усть-Двинска и на циклопические и бесполезные работы в Свеаборге, Выборге, Ревеле и Карсе. Особо следует упомянуть о замечательной деятельности железнодорожных войск.

Авиация, учрежденная только в 1911 году, выступила на войну, не имея ни уставов, ни руководств. В ней царил чисто спортивный дух — увлечение всякого рода рекордами. Назначение авиации полагали исключительно в разведке — боевая ее подготовка была чрезвычайно слаба.

С первых дней войны спортивный дух быстро сменился боевым. Русские летчики прославились блистательными подвигами. Всем известен геройский подвиг изобретателя «мертвой петли» штабс-капитана Нестерова, протаранившего неприятельский самолет ценою собственной гибели. В холмских боях июля 1915 года поручик Покровский (будущий герой Добровольческой армии) с наблюдателем корнетом Плонским атаковали вооруженный пулеметом немецкий «Альбатрос», имея только револьверы, заставили неприятеля сесть на землю, снизились рядом сами и захватили аппарат и летчиков буквально на виду подбегавших австрийских цепей. Из летчиков-истребителей особенно отличился полковник Казаков, сбивший 30 неприятельских самолетов

и не побоявшийся с успехом повторить подвиг Нестерова, на что не осмелился ни один союзный и ни один германский летчик.

С начала 1915 года появилась истребительная авиация и в то же время Сикорским создана авиация бомбардировочная — первые в мире воздушные корабли («Ильи Муромцы»). Сикорский первый стал строить многомоторные самолеты. С лета 1916 года у нас появились боевые эскадры, ядром которых служил обычно отряд воздушных кораблей с придачей 2—4 истребителей. Особенно интенсивный характер приняла воздушная война в Ковельском районе в период наших сентябрьских наступлений. На Западе немцы теряли 1 аппарат на 2 союзных. В России за каждый сбитый русский самолет платились своим. За лето 1916 года немцы сбили 182 англо-французских самолета и потеряли 75. На русском фронте, сбив 23, потеряли 20.

За исключением кораблей Сикорского, все самолеты были иностранного происхождения. Авиационной промышленности у нас создать не умели — и это ставило Россию в полную зависимость от производства и злой воли ее союзников.

* * *

Нам необходимо, хотя бы в самых общих чертах, обрисовать работу «второй руки potentata» — флота.

Руководство морскими силами было сосредоточено в Ставке. Флотом командовали за тысячу верст из болот Полесья и командовали по-болотному.

Ставка запрещала всякую активность Балтийскому флоту, несмотря на ничтожность германских сил принца Генриха, состоявших исключительно из старых кораблей. Всю войну в нашем распоряжении был германский морской шифр, благодаря которому все намерения неприятеля были нам заранее известны. Шифр этот достался нам при уничтожении в самом начале войны крейсера «Магдебург». Немцы об этой нашей находке и не подозревали. Мы немедленно поделились этим нашим ценнейшим открытием с англичанами. Имея такой небывалый козырь, мы могли бы всю войну действовать нападательно, громя германские балтийские силы, уклоняясь от флота Открытого моря.

Но флотоводца в Барановичах—Могилеве не было, как не было и полководца. О морской стратегии там так же

не имели понятий, как и о сухопутной. Все распоряжения Ставки по морской части были проникнуты страхом «потерять корабли». Флот обрекался на бездействие и неизбежную деморализацию... Страшась потерять один-два корабля, Ставка погубила всю российскую морскую силу. Наши четыре «Гангута» обеспечивали нам подавляющее превосходство над силами принца Генриха. Имея эскадренный ход до 24 узлов (скорость выше контрактной) и вооруженные более дальнобойными орудиями, чем немцы, они могли бы с отличным успехом сразиться и с частями флота Открытого моря, выходившими в Балтику и имевшими эскадренную скорость не выше 18 узлов. Двукратный печальный опыт управления флотом с берега — Меншикова в 1854 году, наместника Алексеева в 1904 году, оба раза приведшего флот к гибели, пропал совершенно даром...

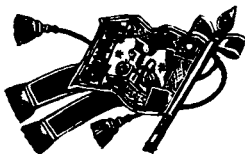
Командовавший Балтийским флотом адмирал Эссен безвременно скончался весной 1915 года — как раз перед вступлением в строй новых кораблей. Его преемник адмирал Непенин при всех своих выдающихся качествах не имел достаточно авторитета в глазах Ставки и должен был подчиняться ее безнадежно пассивным директивам. Организованная адмиралом Непениным разведка причинила неприятелю огромный вред — ее плодами всю войну пользовался британский флот: все английские операции на море — результаты русской разведки. Русский флот был мозгом британского. Германское морское командование угадало в Непенине и его высококвалифицированных офицерах своих опаснейших врагов.

Следует отметить, что русские услуги были совершенно односторонними. Узнавая планы противника, добыв его шифр, мы немедленно, без того, чтобы нас о том просили, делились нашими сведениями с союзниками. Англо-французы, получив еще в начале весны 1915 года благодаря чешским патриотам контроль над «кайзерлинией» — специальным кабелем, соединявшим австро-венгерскую Главную квартиру в Тешене с германской в Спа, не сообщали нам текста перехваченных переговоров неприятеля, жизненных между тем для русского фронта и России. Лорд Китченер по собственной инициативе пытался было нас осведомлять (перед Горлицей). Но, очевидно, ответственные руководители британской политики запретили своему командованию осведомлять Россию, так как с марта месяца 1915 года эти сообщения сразу прекратились.

Руководство морскими силами в мирное время — Морское министерство и морской Генеральный штаб — было лишено всякого стратегического чутья. Судостроительные программы разрабатывались исключительно с узкотехнической точки зрения и совершенно не обсуждались стратегически. Стратег указывал Балтийскому флоту оборону, а судостроитель не дал ему ни одного корабля береговой обороны и снабдил заградителями из старых фрегатов с 11-узловым ходом. Черноморскому флоту надлежало заниматься крейсерством у турецких берегов с целью воспрепятствовать переброске сил на Кавказский фронт — и в составе его как раз не оказалось крейсеров. Постройка первой дивизии дредноутов начата была для Балтийского флота. Эти четыре корабля дали бы нам полное господство над Черным морем и предупредили бы оказавшееся губительным для России выступление Турции — на Балтийском же море создавшегося положения дел они не изменили.

Со всем этим Балтийский флот поставленные ему более чем скромные задачи выполнил вполне успешно. Не столь успешно работал Черноморский флот, показавший более высокие боевые качества, но имевший в лице адмирала Эбергардта гораздо худшего руководителя. В общем же, если от армии потребовали более того, что она могла бы дать без надрыва, то всех возможностей флота не использовали.

На этом мы могли бы закончить наш скромный труд. Мы описали, как могли, жизнь и работу Императорской Российской армии — армии, созданной Царями, и создавшей Российскую Империю, стараясь не пропустить ни одной светлой страницы и не замалчивая темных. Но описание наше не выйдет полным, если мы из тех темных страниц не дойдем до самой темной. И к написанным семнадцати главам нам придется с болью в сердце прибавить еще одну.

БЕЗ ВЕРЫ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВА

ТРОЙНОЙ ПОДКОП

К началу третьей осени Мировой войны определились силы, ставшие подрывать тысячелетние устои Российского государства. По своему происхождению силы эти из трех, совершенно различных источников. Первую группу составляли придворные круги — уклонявшиеся от фронта великие князья и представители «высшего света». Их интриги были направлены особенно против царствовавшей Императрицы. Предметом их мечтаний был дворцовый переворот — устранение Государя и, во всяком случае, Государыни, а предельным их достижением — отвратительное и бессмысленное убийство Распутина. Имя Распутина стало своего рода «жупелом» для страны. Значение этого человека было безмерно преувеличено современниками. Чрезвычайно искусный магнетизер-знахарь, бессознательно пользовавшийся этой своей силой, он с неизменным успехом лечил наследника от

гемофилии — болезни, с которой были бессильны совладать лучшие врачи. Этим он приобрел сердечную признательность истстрадавшихся царственных родителей, которые с доверием относились к нему как представителю подлинного русского народа и уважали его истовое благочестие, искусно наигранное. Распутин пользовался этим расположением царской семьи самым корыстным образом, пустившись в разные сомнительные «дела». Донельзя развращенное высшее общество столицы развратило и дворцового лампадника. Когда о его бесчинствах и оргиях докладывали Государю и Государыне, они — сами чистые душой — с негодованием отказывались верить этой «клевете» и навсегда оставались враждебными «клеветнику». Так мало-помалу от трона было удалено все то немногое честное, что еще оставалось в придворных кругах. Царскую семью стали окружать либо себялюбивые и ничтожные карьеристы, либо ослепленные мистики.

В салонах этих высокопоставленных или, еще хуже, августейших особ сочинялись инсинуации самого гнусного свойства. Салонные эти сплетни делались достоянием улицы, роняя в грязь престиж Династии. В общем, эта группа — назовем ее «придворной» — рубила тот сук, на котором сидела.

* * *

Вторая группа — чрезвычайно могущественная и влиятельная — представлена была всей либеральной общественностью во главе с Государственной думой, Земско-городским союзом и Военно-промышленным комитетом. Удельный вес этой группы был неизмеримо значительнее. Владея огромными денежными средствами и всей русской печатью, она создавала общественное мнение страны.

Целью этих прогрессивно-парламентских кругов было на первых порах создание «ответственного министерства» (ответственного перед ними самими — и только перед ними). Сгорая властолюбием, они торопились сменить «бездарных бюрократов» и самим вершить судьбами России, руководясь при этом исключительно теоретическими познаниями, почерпнутыми из примеров зарубежных законодательных учреждений. О том, что сейчас война и что надорванный непомерно тяжелыми усилиями организм страны может и не выдержать

добавочного испытания — борьбы за власть и экспериментов новых порядков, никто из этих кандидатов в великие люди не отдавал себе отчета. Наоборот, в войне они видели благоприятное обстоятельство, могущее потом не повториться. Удачный исход войны укрепил бы ненавистное самодержавие, а потому надлежало прийти к власти теперь же, во время войны, и довести эту войну «в единении с союзниками до победного конца». Союзные посольства, в частности британское (Бьюкенен), питали к этой «парламентско-общественной» группе горячие симпатии, вряд ли платонические.

Главные свои усилия оппозиционная общественность обратила на привлечение к себе вооруженной силы. Она отчетливо сознавала, что победит тот, на чьей стороне окажется армия. Опыт 1905 года был учтен полностью: для успеха надо было заручиться содействием штыков — вернее тех, кто располагал этими штыками. Еще в 1905—1906 годах возник довольно радикальный «Всероссийский офицерский союз», скоро прекративший, впрочем, свое существование. Одним из главных его деятелей был библиотечарь академии Генерального штаба Масловский (по партии — Мстиславский) — недостойный сын нашего военного ученого, бывший душою всей конспирации. Его квартира при академии служила надежным убежищем для нелегальных и складом оружия и литературы. Масловский составил руководство по уличным боям, которым впоследствии воспользовался Ленин.

Еще задолго до войны члену Думы Гучкову удалось создать военно-политический центр — так называемую «Военную ложу», — проводивший идеи всероссийской оппозиции в среде молодых карьеристов Главного управления Генерального штаба. Происшедшая в 1908 году в Турции революция младотурок навела Гучкова на мысль произвести подобного рода переворот и в России. Для ознакомления с техникой переворота Гучков ездил тогда же в Константинополь. По возвращении его в Россию и родилась «Военная ложа», организованная по образцу масонских лож. Не будучи масонской по существу, «Военная ложа» была связана тем не менее — через того же Гучкова — с думской ложей определенно масонского повиновения. Соучредителями Гучкова по «Военной ложе» были генералы Поливанов, Лукомский, Гурко. Тесная дружба между Василием Иосифовичем Гурко и Гучковым началась со времени Трансваальской войны, на которой оба они участвовали на стороне буров.

Заседания ложи происходили на квартире Гурко — Гучков пользовался генералом Гурко, как ширмой. Удаление генерала Гурко в Москву на должность начальника 1-й кавалерийской дивизии было следствием доклада генерала Сухомлинова Государю о деятельности ложи. Как мы видели, члены вербовались преимущественно среди молодых карьеристов Главного управления Генерального штаба (одним из них был, например, Бонч-Бруевич). Сухомлинов, а через него и Государь, узнали о существовании этого военно-политического центра. Император Николай Александрович не пожелал крутых мер. Ложу оставили существовать, ограничившись переводом ее членов из столицы на первые же открывшиеся вакансии. Таким образом, к началу войны ложу удалось в значительной степени обезвредить.

Оппозиции удалось создать себе кадр молодых, напористых и беспринципных проводников ее идей — тот рычаг, которым при возможности надлежало действовать на высших военачальников. Возможность эта представилась в конце первого года войны — к осени 1915 года. Оппозиционная общественность использовала несчастье своей Родины — поражения на фронте — к своей выгоде, развив исступленную антиправительственную агитацию.

Наступил момент привлечь на свою сторону вождей армии, используя их политическую неграмотность и играя на их патристических чувствах. Замершая было с войной деятельность «Военной ложи» вновь оживилась. Влияние ее членов значительно к тому времени возросло. Капитаны стали полковниками, полковники — генералами. Правая рука Гучкова — аморальный Поливанов — возглавлял Военное ведомство. 8 сентября 1915 года Гучков отдал свою «диспозицию номер первый», провозглашавшую войну на два фронта против германской коалиции — вовне и против самодержавия — внутри.

За зиму 1915—1916 годов и за 1916 год выкристаллизовались методы этой «войны на два фронта». Заветной целью оппозиционной общественности была власть. Средством для достижения этой власти должен был стать дворцовый переворот — устранение Государя, а если возможно, то и вообще монархического строя. Правителями России намечался триумвират в составе: председателя Думы Родзянко (регентом или президентом), председателя Земско-городского союза князя Львова (председателем Совета министров) и председателя

Военно-промышленного комитета Гучкова (военным министром). Мы видим, что Гучков заимствовал от младотурок не только технику переворота, но и схему управления — «триумвират». В Талаты он прочил Родзянку, в Джемали — Львова, а в Энверы — самого себя.

К осени 1916 года «триумвирату» Родзянко—Львов—Гучков удалось наложить свою руку на российскую вооруженную силу в лице ее вождей. Одни из них были посвящены в заговор, другие взяты под контроль соответственно подобранным окружением.

На Северном фронте генерал Рузский — целиком во власти Юрия Данилова и Бонч-Бруевича — перешел в стан заговорщиков.

На Западном фронте лояльный генерал Эверт и его начальник штаба незначительный генерал Квецинский зорко опекались генерал-квартирмейстером Лебедевым (Павлом) и его офицерами.

Главкомандовавший Юго-Западным фронтом генерал Брусилов затаил в душе горькую обиду на Государя, оставившего без награды его знаменитое наступление. Заговорщикам не пришлось его долго упрасивать.

На новоучрежденном Румынском фронте генерал Сахаров был в плену у своего штаба.

Наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич находился в большой и плохо скрытой вражде к Государю и Государыне. Участие в заговоре он, однако, отклонил, предпочитая занять выжидательную позицию. В октябре 1916 года князь Львов отправил к великому князю Николаю Николаевичу своего сотрудника по Земско-городскому союзу тифлисского городского голову Хатисова с предложением примкнуть к заговору. Вместо того чтобы повесить Хатисова за это предложение своей властью наместника, великий князь попросил у него сутки на размышление и по прошествии этого срока отклонил приглашение. Свой отказ он мотивировал тем, что «солдаты откажутся идти на Царя» и что поэтому движение обречено на неудачу и он не желает участвовать в этом слишком рискованном предприятии.

Но самым важным приобретением «триумвирата» было согласие на участие в заговоре ближайшего и доверенного сотрудника Государя генерал-адъютанта Алексева. Оно одно обеспечивало почти целиком успех крамолы. Болезнь генерала Алексева побудила отложить задуманный на 30 ноября переворот (арест Государя на пути из Ставки в Петроград). Заместившему генерала

Алексеева генералу Гурко заговорщики не доверяли, несмотря на его близкие отношения к Гучкову. Новый генерал-квартирмейстер Ставки генерал Лукомский был для них вполне своим человеком.

Так дали себя обмануть честолюбивым проходимцам генерал-адъютанты Императора Всероссийского. Невежественные в политике, они приняли за чистую монету все слова политиканов о благе России, которую сами любили искренне. Они не знали и не догадывались, что для их соблазнительей благо Родины не существует, а существует лишь одна-единственная цель — дорваться любой ценою до власти, обогатиться за счет России... Самолюбию военачальников то льстило, что эти великие государственные мужи — «соль земли русской» — беседуют с ними как с равными, считают их тоже государственными людьми.

Им и в голову не пришло, что от них скрывали самое главное. Что удар задуман не только по Императору Николаю II (которого все они считали плохим правителем), а по монархии вообще. Что их самих используют лишь как инструмент, как пушечное мясо, и что они, согласившись по своему политическому невежеству продать своего Царя, сами уже давно проданы теми, кто предложил им эту сделку с совестью.

* * *

Третья группа притаилась в подполье. Это была зловещая группа пораженцев. Политические эмигранты марксистского толка — партия социал-демократов большевиков во главе с Лениным — составляли за границей ее головку, а в самой России находились кадры «боевиков» — распропагандированного фабрично-заводского пролетариата, особенно сильные в Петрограде. Программой этой группы был захват власти и установление сначала в России, а затем и во всем остальном мире социалистического строя на основе коммунистической диктатуры пролетариата. В деятельности этой группы, рассчитывавшей на поражение России, была заинтересована Германия, почему мы и назовем ее «германо-большевистской».

Таким образом, схематически антирусские силы представлялись в следующем виде.

Первая группа — «придворная». Состав — придворные круги, праздный «высший свет» и оппозиционные члены Императорской Фамилии. Цель — дворцовый переворот.

Исполнители — кучка офицеров. Средства — интриги. Программы никакой.

Вторая группа — «общественники». Состав — вся либеральная оппозиция. Цель — замена «бюрократическо-самодержавного» строя «конституционно-демократическим» путем дворцового переворота, а в дальнейшем — учреждение демократической республики. Исполнители — высшие военачальники. Поддержка — союзные посольства. Средства — русские капиталисты-толстосумы, общественное мнение, думская трибуна и печать.

Третья группа — «германо-большевистская». Состав — политическая эмиграция за границей, революционное подполье в России. Цель — социальная революция. Средства — вооруженное восстание и развал армии. Исполнители — «боевики». Поддержка — германское командование.

Эти три группы работали, само собою разумеется, вне всякой связи друг с другом, каждая отдельно. Но их разрозненные усилия устремлены были в одном направлении. При этом «придворная» группа играла на руку «общественной» своей травлей Государя и Государыни, а «общественная» группа травлей всего «бюрократического строя» чрезвычайно облегчала работу «германо-большевистской» группы.

Великие князья и дамы «света», генерал-адъютанты и думские трибуны, земские деятели и военно-промышленные дельцы — все вместе прокладывали дорогу притаившимся в подполье марксистам и «боевикам».

* * *

Императорское правительство являло картину совершенного упадка. С убийством Столыпина ушел последний государственный человек, теперь же с уходом в 1916 году старика Горемыкина ушел и последний сановник...

Началась дикая вакханалия интриг, сведения личных счетов и мышинной возни всевозможных «комбинаций» — скорбная эпоха, вошедшая в историю нашей Родины под именем «министерской чехарды». Всюду искал людей Император Николай Александрович — и нигде не нашел их... Неожиданные назначения сменялись поэтому назначениями еще более неожиданными. Общественное мнение желало видеть здесь одни лишь «происки Распутина», со злорадством наблюдая тяжелую драму своей Родины.

Бездарного, но честного столоначальника Горемыкина сменил незадачливый Штюмер — человек с немецкой

фамилией, разумеется, сделанный немедленно «ставленником немки», «агентом Германии», изменником, мечтающим о «сепаратном мире». А вслед за Штюмером, в декабре 1916 года, назначен был убогий князь Голицын. Голицын был назначен председателем Совета министров только потому, что владел французским и английским языками. Государь хотел было Рухлова — человека способного и умного, но не говорившего на иностранных языках. В Петрограде же собиралась конференция союзников. Считалось, что министры Российской Империи не смеют говорить с иноземными по-русски, а подобно швейцарам больших гостиниц должны говорить с каждым на его языке. Садясь на председательское кресло, он не подозревал, что сел на облучок погрёбальной колесницы...

* * *

1 ноября 1916 года член Думы Милиуков произнес свою знаменитую речь «Глупость или измена» — речь, направленную против Императрицы Александры Феодоровны и составленную по инсинуациям австро-германских «бюро печати». Если «диспозицию номер первый» Гучкова можно было рассматривать как приказ о всеобщей мобилизации, то речь Милиукова, бывшая одновременно и глупостью, и изменой, стала открытым объявлением войны.

Настроение общества из оппозиционного стало революционным, и все внимание его к зиме 1916—1917 годов с внешнего фронта переключилось на фронт внутренних. Никто уже не следил за картой, не передвигал с замиранием сердца на ней булавок — все набрасывалось на газеты, но не на сообщения Ставки (те времена уже прошли), а на пестревшие знаменательными и волнующими белыми местами отчеты думских заседаний. Гаденький шепот полз, все ширясь, по стране, захватывая все большие пространства, все более широкие круги населения. Вспышка патриотизма, охватившая в июле 1914 года Россию, при всей своей мощности была непродолжительной. Подобно вороху соломы, энтузиазм вспыхнул ярким пламенем — и быстро погас.

В этом виновато было правительство, не сумевшее использовать исключительно благоприятную возможность всенародного подъема, не догадавшись создать аккумулятор для длительного использования внезапно проявившейся энергии, огромный заряд которой пропал поэтому даром. Виногато и общество, оказавшееся

неспособным на длительное волевое усилие и скоро вернувшееся в свое обычное состояние едкого скептицизма и страстной, но бесполезной (потому что злостной) критики. Инерция трех поколений никчемных людей взяла верх. Война затронула интеллектуальный отбор в России гораздо слабее, чем в остальных странах. На фронт пошел лишь тот, кто хотел доказать любовь к Родине не на словах, а на деле. Для большинства же интеллигенции военный закон — и так преступно снисходительный для «образованных» — существовал лишь для того, чтобы его обходить.

Начиная с весны 1915 года, когда выяснился затяжной характер войны, стремление «устроиться как-нибудь», «приспособиться» где-нибудь побезопаснее стало характерным для огромного большинства этой «соли земли». В ход пускались связи и знакомства — и цветущий здоровьем молодой человек объявлялся неизлечимо больным либо незаменимым специалистом в какой-нибудь замысловатой области. Характерным показателем глубокого разложения русского общества было то, что подобного рода поступки не вызывали почти ни у кого презрения и осуждения. Наоборот, общество относилось к таким «приспособившимся» скорее сочувственно.

Бесчисленные организации Земско-городского союза стали спасительным прибежищем для полутора ста тысяч интеллигентных молодых людей, не желавших идти на фронт, шеголявших полувоенной формой и наводнявших собой отдаленные тылы, а в затишье и прифронтовую зону. Эти «земгусары» имели на армию огромное разлагающее влияние, сообщая части фронтового офицерства и солдатам упадочные настроения тыла, став проводниками ядовитых сплетен, мощным орудием антиправительственной агитации. На это и рассчитывали учредители и возглавители Земгора, которым необходимо было заручиться поддержкой возможно более широких военных кругов в своей борьбе с правительством. Духовному оскудению сопутствовало падение нравов. Оно наблюдалось во всех воевавших странах, но ни в одной из них не сказалось в таких небывалых размерах, как в России.

Разгулу способствовало обилие денег — излишне высокие оклады военного времени, а главное — непомерная нажива общественных организаций на поставках в армию. Фронт утопал в крови, тыл купался в вине. Хаотическое «беженство» лета—осени 1915 года с его психологией «после нас — хоть потоп!» и «все равно пропадать!» тоже

способствовало всеобщей деморализации. Но главными растлителями духа были безобразно раздувшиеся организации Земско-городского союза с их сотнями тысяч развращенной мужской и женской молодежи... Общество стремилось «забыть» о затянувшейся войне. А общественность видела в ней дело прибыльное и экономически и сулившее заманчивые политические возможности.

* * *

Война чрезвычайно развратила деревню. Политически и экономически русское крестьянство эволюционировало за три года с 1914-го по 1917 год больше, чем за три поколения с 1861-го по 1914 год.

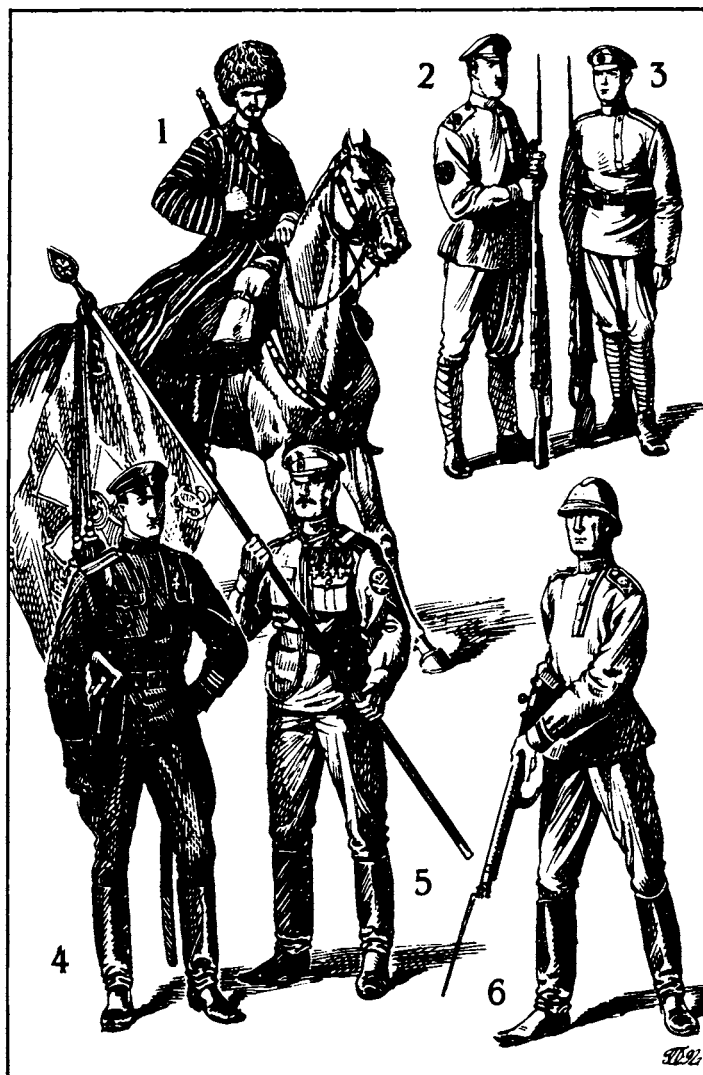
Материальное благосостояние крестьянства повысилось. Хлеба сеялось меньше, и он был в большой цене. Семьи взятых на войну получали щедрые денежные пособия, превышавшие заработок «кормильца». Деревня, отдавая Царю своих сынов, сама богатела — у нее появились «городские» потребности и «городские» привычки.

Но этот материальный подъем сопровождался страшным духовным оскудением. Падение религиозного чувства, разврат и рост хулиганства сопровождались развитием бунтарского духа и стяжательских инстинктов. Этот бунтарский дух и стяжательские инстинкты нашли себе удовлетворение в диких разгромах помещичьих усадеб и культурных хозяйств в 1917 году и в расчетливом, бездушном снятии за горсть муки последней рубашки с умиравшего от голода «буржуя» в 1918—1921 годы.

* * *

С каждым месяцем все явственнее сказывалась непомерность напряжения, потребовавшегося от России. Ни политически, ни экономически (экономия вытекает из политики) наше Отечество не было к такому напряжению подготовлено.

Осенний призыв в 1916 году срока 1918 года захватил пятнадцатый миллион землепашцев и кустарей. Поля зарастали бурьяном. Гужевой промысел был парализован — и запасы зерна все труднее становилось подвозить на железную дорогу. В городах, а затем и на фронте все чаще стали случаться нехватки продовольствия. Транспорт неуклонно разваливался. Потеря летом 1915 года стратегической железнодорожной сети оказалась роковой. Обслуживание всех

1. Текинец.
2. Рядовой
батальона
волонтеров
тыла.
3. Ударница
женского

ударного
батальона
М. Бочкаревой.
4. Офицер
Корниловского
полка.

5. Унтер-офицер
Георгиевского
батальона.
6. Рядовой
Ревельского
морского
ударного отряда.

потребностей страны и не бывало разросшейся вооруженной силы легло на слабо оборудованную экономическую сеть, которая с этой явно для нее непосильной задачей справлялась все с большими перебоями. Кровеносная система страны была поражена склерозом.

Экономическая структура России резко отличалась от таковой же Центральной и Западной Европы. Там основой ее было заводское производство, у нас же — кустарное. Количество «лошадиных сил» германской промышленности превышало наше в 13 раз, французской — в 10 раз. То, что немцы и французы делали машинным способом, мы должны были делать вручную. А это требовало в несколько раз большего количества рабочих рук в тылу — как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. На Западе человека заменяла машина — в России человека заменить было нечем. «Человеческий запас» России оказался относительно гораздо меньшим, нежели в союзных или неприятельских странах — в декабре 1916 года был уже объявлен набор срока 1919 года, тогда как во Франции и в Германии еще не был призван срок 1918-го.

Нездоровый мистицизм на самом веру страны, и, как следствие мистицизма, — ослепление; интриги в высших слоях, недовольство и раздражение в средних, озабоченность на низах — все на фоне непрерывно растущей разрухи, невозможного напряжения и непомерной усталости — такова была картина России в последние месяцы петровской империи.

РУССКАЯ АРМИЯ НА ТРЕТИЙ ГОД ВОЙНЫ

Объезжая войска осенью 1916 года, Император Николай Александрович вызвал из строя старослуживших солдат, вышедших с полком на войну. Выходило по два-три, редко по пяти на роту — из иных рот никто не выходил.

Первый, кадровый, состав императорской пехоты ушел в вечность в осенних боях 1914 года. Второй окрасил своей кровью снег первой зимней кампании — снег Бзуры, Равки и Карпат. Третий состав — это «перебитые, но не разбитые» полки великого отхода. Пришедший ему на смену четвертый состав вынес вторую зимнюю кампанию. Пятый лег в ковельские болота. Шестой догорал в Буковине и Румынии, и на смену ему запасные полки готовили седьмой.

Шесть составов переменяла вообще вся пехота. Однако добрая треть наших дивизий 1-й и 2-й очереди, особенно дравшиеся на Юго-Западном фронте, переменяли свой состав за войну 10 раз и более. 48-я пехотная дивизия, например, 12 раз. 1-я Сибирская дивизия за один первый год войны переменяла шесть составов (из строя 1-го Сибирского стрелкового Его Величества полка с сентября 1914 года по август 1915 года убыло 20 000 человек). Через Лейб-Гвардии Гренадерский полк с начала войны по август 1917 года прошло, по словам генерала Рузского, 44 000 человек — 11 полных составов... Все эти части принадлежали к числу наиболее стойких, пленных врагу не оставляли, так что все это были кровавые потери.

Изменение состава повлекло за собой изменение облика армии. Она стала действительно «вооруженным народом». Офицеры и солдаты в подавляющем большинстве носили мундир всего только несколько месяцев, а то и несколько недель. Ни те, ни другие не получили надлежащего военного образования и воинского воспитания. Прошедший трехнедельный, в лучшем случае — двухмесячный курс учения в запасном полку, солдат попадал под команду офицеру, прошедшему столь же поверхностное учение в школе прапорщиков или на ускоренном курсе военного училища.

Сами по себе эти русские люди были храбрыми, выносливыми и способными при случае на подвиг отваги и самопожертвования. Со всем этим они представляли совершенно сырую, необработанную массу. Это далеко еще не были солдаты, подобно тому, как их наскоро произведенное начальство далеко не могло считаться господами офицерами.

* * *

На полк оставалось пять—шесть коренных офицеров, редко больше (обычно на должностях командиров батальонов и заведующих хозяйственной частью). В ротах и командах состояло 30—40 офицеров «военного времени», а командир полка, как правило, отбывал мимолетный пенз и ничем не был связан с полком. Офицерская среда была пестра по составу, разнообразна по происхождению и неодинакова по качеству. Старая полковая семья погибла, новая не имела возможности создаться.

Остатки кадрового офицерства распределились между фронтом, где на них, в сущности, все и держалось, и

тылом, где наряду с незаменимыми специалистами поспешили «устроиться» менее стойкие элементы нашего офицерского корпуса. Отбор по этим двум категориям произошел в первые же месяцы войны. Просматривая списки вышедших на войну кадровых офицеров, можно всегда на полк найти 4—5 офицеров, обычно аттестованных «выдающимися», сказавшихся «контуженными» в первом же деле и больше в полк не возвращавшихся. Полк в их лице мало что терял. Подобное явление наблюдалось во всех воевавших армиях.

Превосходными оказались офицеры из подпрапорщиков. Недостаток образования они восполняли высоким сознанием долга и жертвенной преданностью к воспитавшему их полку. Очень хороши были и офицеры из вольноопределяющихся. Эти немногочисленные категории офицеров были почти целиком перебиты к концу 1916 года. Уцелевшие были в чине поручиков и штабс-капитанов.

Что касается главной массы офицерства — прапорщиков ускоренного производства, — то первые их выпуски дали армии уже к весне 1915 года много превосходных боевых офицеров, поверхностно подготовленных, но от всего сердца дравшихся. Это был цвет русской молодежи, увлеченной патриотическим порывом начала войны в военные училища.

Однако с осени 1915 года качественный уровень нашего офицерского пополнения стал резко понижаться. Разросшиеся вооруженные силы требовали все большего количества офицеров. Непрерывные формирования и непрерывные потери открывали десятки тысяч новых вакансий. Пришлось жертвовать качеством. Служилое состояние было уже обескровлено. Интеллигенция так или иначе «приспособилась». Новых офицеров пришлось набирать в полуинтеллигенции. Университетские значки мелькали на защитных гимнастерках «земгусар», а в прапорщики стали «подаваться» окончившие городские училища, люди «четвертого сословия», наконец, все те, кто «пошел в офицеры» лишь потому, что иначе все равно предстояло идти в солдаты...

Появились офицеры, в которых не было ничего офицерского, кроме погон, и то защитных. Офицеры, не умевшие держать себя ни на службе, ни в обществе. Слово «прапорщик» сделалось нарицательным. Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщичьих погонах командовал ротой в полтора-два десятка мужиков

в солдатских шинелях. Он мог их повести в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал.

«Меч кует кузнец, а владеет им молодец». Молодцов было еще достаточно, но кузнецов не стало. Погибший кадровый офицерский состав был незаменним.

* * *

Взятые от сохи новобранцы и не проходившие раньше службы в войсках ратники 2-го разряда попадали в запасные полки. Эти организационные соединения насчитывали по 20 000—30 000 человек при офицерском и унтер-офицерском составе, рассчитанном на обыкновенный полк в 4000 штыков. Роты этих запасных полков — по 1000 человек и более — приходилось делить на литерные роты в 250—350 человек. Литерной ротой командовал прапорщик, только что выпущенный, имевший помощниками двух—трех унтер-офицеров, иногда еще одного прапорщика, столь же неопытного, как он сам. Оружие имелось в лучшем случае у половины обучаемых, обычно же винтовка приходилась на звено. В пулеметных командах имелось по два пулемета, зачастую неисправных, и на этих двух пулеметах два прапорщика должны были за шесть недель подготовить 900 пулеметчиков. За невозможностью «показа» приходилось обучать «рассказом» — отбывать номер, одинаково тягостный и для обучаемых, и для обучающихся.

Запасные войска были скучены в крупных населенных центрах. Военное ведомство не озаботилось устройством военных городков — лагерей, где, вдали от тыловых соблазнов, можно было вести серьезные занятия на местности. Эта система лагерей была, между прочим, принята во всех воевавших странах — как союзных, так и неприятельских. Литерные роты выводились на улицы и площади городов. Здесь им производилось учение, заключавшееся в поворотах и маршировке. Иногда на панелях, под сбивчивые команды неопытных начальников, производилась перебежки по воображаемой местности. Подобного рода упражнения ничего не прибавляли к сноровке солдата и тактическим познаниям прапорщика.

Когда подготовленные запасными частями пополнения прибывали на фронт, то их остерегались ставить в строй, а сперва переучивали заново — и по-настоящему. Система анонимных запасных полков, готовивших пополнения для

неизвестных полков на фронте, была преступной. Простой здравый смысл требовал подготовки пополнений определенных запасными частями для определенных действовавших частей.

Каждый полк на фронте должен был иметь свой запасной батальон в тылу, где его офицеры и унтер-офицеры готовили бы солдат для своей части. Вместо отбывания номера тут было бы настоящее обучение, обучающий был бы кровно заинтересован в подготовке обучаемых, и на фронт шли бы уже готовые селенгинцы, модлинцы, ширванцы, а не Иваны, не помнящие литерных рот. Свои запасные батальоны имелись только в полках гвардии, но, расположенные в столице, они были поставлены в особенно растлевающие условия.

Нагромождение запасных войск в больших городах имело огромное развращающее влияние на людей. Глазам солдата открывалась разгульная картина тыла с его бесчисленными соблазнами, бурлившей ночной жизнью, повальным развратом общественных организаций, наглой, бьющей в глаза роскошью, созданной на крови.

Революционные партии не имели возможности наладить систематическую пропаганду в войсках — тому препятствовала текучесть состава запасных частей, все время менявшегося. За революционеров работал весь уклад жизни отравленного тыла и весь порядок службы и безделья перегруженных «пушечным мясом» запасных полков. Антиправительственная агитация велась в тылу и в прифронтовой зоне Земско-городским союзом — широкой и беспрепятственной раздачей оппозиционной печати, превосходно налаженной передачей и распространением слухов и сплетен, умелой обработкой больных и раненых в лазаретах Земгора. Подобно запасным частям, лазареты были тоже скучены в больших городах. И население и войска могли свободно созерцать «ужасы войны».

* * *

Живое и ответственное дело пополнения вооруженной силы, дело, требовавшее непрерывного творчества, было поручено мертвым канцеляриям, людям «двадцатого числа», на творчество неспособным. В управления Главного штаба и на командные должности в военных округах назначали не по признаку организаторских способностей данного лица, а единственно по признаку негодности для службы в Действовавшей армии... Только этим объясняется

возглавление Казанского округа генералом Сандецким, Московского — генералом Мрозовским, рокового Петроградского — генералом Хабаловым. Еще в апреле 1916 года, стремясь угодить общественному мнению (но так и не получив его расположения), правительство решилось на позорный шаг — арест генерала Сухомлинова. Семидесятилетнего старика, генерал-адъютанта и георгиевского кавалера схватили и засадили в крепость, не предъявив ему никакого обвинения.

Военным министром после вынужденного ухода генерала Сухомлинова был сделан совершенно беспринципный Поливанов, весь смысл службы видевший в недостойных офицера интригах и ставший угождать Думе и оппозиционной общественности. Он оставался на посту министра с июня 1915 года по март 1916 года, когда по воле Государя должен был уйти. Поливанов снабжал оппозиционных членов Думы материалами для выпадов против правительства, в состав которого сам входил (например, по делу забастовок на Путиловских заводах, не подлежащих оглашению). Для окончательной характеристики Поливанова упомянем, что он умер в 1921 году в Риге, будучи главным экспертом советской делегации, подписавшей позорный Рижский мир с Польшей.

Поливанова сменил генерал Шуваев — дельный интендант. А в январе 1917 года на кресла Милютина сел генерал Беляев — человек совершенно ничтожный, всю жизнь не выходявший из канцелярии и прозванный в Генеральном штабе «мертвой головой».

* * *

Между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде.

Для солдат 1914 года офицеры были старшими членами великой военной семьи воспитавшего их полка. Отношения между офицерами и солдатами русской армии были проникнуты такой простотой и сердечностью, подобных которым не было ни в какой иностранной армии, да и ни в каких иных слоях русского народа.

Вооруженный народ 1916 года видел в офицерах только «господ», принося в казармы запасных полков, а оттуда в окопы всю остроту разросшихся в стране социальных противоречий и классовой розни. Стоя в строю литерных рот, а затем и действовавших частей, люди эти чувствовали себя не гвардейцами, гренадерами, стрелками, не солдатами

старых полков, чьи имена помнила и чью руку изведала Европа, а землепашцами, ремесленниками, фабричными, для которых военная служба была только несчастным событием жизни. В своих темных душах они считали офицеров представителями «господ», тогда как для старых солдат офицер был представителем Царя.

Остатки кадрового офицерства сохранили доверие солдат. Хуже было с офицерами военного времени. Большая часть прапорщиков — случайного элемента в офицерских погонах — не сумели надлежащим образом себя поставить. Одни напускали на себя не принятое в русской армии высокомерие и этим отталкивали солдат. Другие безвозвратно губили себя панибратством, попытками «популярничать». Солдат чуял в них «не настоящих» офицеров.

Унтер-офицеров русская армия уже не имела. Были солдаты с унтер-офицерскими нашивками, пробывшие месяц в учебной команде, ничем не отличавшиеся от своих подначальных и не пользовавшиеся в их глазах никаким авторитетом.

Такова была общая картина нашего вооруженного народа к концу третьей зимы Мировой войны. Она менялась к лучшему в дивизиях с крепким боевым духом, в полках со славными традициями, но оставалась безотрадной в дивизиях, засидевшихся в окопах, либо наспех сбивавшихся из четвертых батальонов.

Служба стала нестись небрежно. За маленькими упущениями следовали все большие. Обычной отговоркой служило то, что «на войне не время заниматься мелочами». Из мелочей между тем состоит вся жизнь организма — человеческого вообще, и военного в частности. Упущения в мелочах влекли за собой упущения в целом. Дисциплина в пехоте стала заметно ослабевать. Командиры полков из делавших карьеру рационалистов-академиков пренебрежительно относились к «шагистике» и «аракчеевщине». Офицеры же военного времени сами не знали порядка службы. В частях, где по целым неделям не производилось проверок и перекличек, стало заводиться дезертирство. В полках, где нестроевым позволялось ходить босиком, и строевые стали приобретать неряшливый вид.

Из военной жизни под тем же преступным предлогом «военного времени» вытравлялась вся обрядность, вся та торжественная красота, что прививала офицеру и солдату сознание святости воинского звания. Безобразнейшая обмундировка, так и напрашивавшаяся на неряшливое ношение, отнюдь не способствовала внедрению

этого сознания. В шапках поддельного серого барапка, каких-то неслыханных ушастых монгольских малахаях и стеганных на вате зипунах и кофтах армия стала по внешнему виду походить на среднеазиатскую орду, на тех «басурманов», которых из рода в род били российские войска, когда они были еще одеты в российские мундиры... Офицеры шили себе обмундирование на английский образец — так называемые «френчи», что было явлением совершенно недопустимым в благоустроенной армии. Утрата воинского вида влекла за собой и снижение воинского духа.

Окопное сидение создавало непрошенные досуги, которых не умели заполнить. Праздность рождала праздные мысли. Вопрос «за что мы воюем?», не имеющий значения в регулярной армии, приобретал первостепенную важность для вооруженного народа.

Целей войны народ не знал. Сами «господа», по-видимому, на этот счет не сговорились. Одни путанно «писали в книжку» про какие-то проливы — надо полагать, немецкие. Другие говорили что-то про славян, которых надлежало то ли спасать, то ли усмирять. Надо было победить немца. Сам немец появился как-то вдруг, неожиданно — о нем раньше никто народу не говорил. Совершенно так же неожиданно за десять лет до того откуда-то взялся японец, с которым тоже надо было вдруг воевать... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимостью расставаться с жизнью в сыром полесском окопе, никто не мог себе уяснить. Одно было понятно всем — так приказал Царь. К царствовавшему Императору народ относился безразлично, но обаяние царского имени стояло высоко. Царь повелел воевать — и солдат воевал.

ВЕЛИКАЯ БЕСКРОВНАЯ

В конце декабря 1916 года в германской Главной квартире был принят план решительных действий на 1917 год. Было решено вывести из строя Англию беспощадной подводной войной, а Россию и Францию взорвать изнутри.

17 февраля 1917 года германский рейхсбанк циркулярно сообщил своим представителям в Швеции об ассигновании срочных кредитов на субсидию революции в России. Кредиты были открыты на имя заграничных

русских революционеров-пораженцев — Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина. Паролями этих русских революционеров германское правительство назначило «Диршау» и «Волькенберг».

Движение исподволь было организовано в Петрограде с его 400-тысячным революционно настроенным и подпольно обработанным фабрично-заводским пролетариатом. Им руководил Центральный исполнительный комитет (ЦИК) партии большевиков в составе Шляпникова, Молотова и Залудского. Движению положено было придать форму демонстрации под общим лозунгом «Долой войну!». Войска ни в коем случае не провоцировать и воздержаться от формирования боевых дружин. Пресненский опыт 1905 года показал, что подобные дружины не могут сосуществовать с войсками. ЦИК надеялся привлечь войска на свою сторону. Прочных связей в Петроградском гарнизоне большевики наладить не могли ввиду частой смены личного состава запасных полков. Почва для революционного брожения в этом 160-тысячном полчище, конечно, была, но рассчитывать на это полчище с самого начала было невозможно.

На собраниях заводских кружков и коллективов — этих взводных командиров революции — в конце января и в начале февраля тактика ЦИКа партии встретила полное одобрение. Началом «массового выступления» было назначено 23 февраля — Международный день работницы. Весь февраль на петроградских заводах вспыхивали волнения и стачки. Правительство, занятое межсоюзной конференцией, борьбой с оппозиционной Думой и надвигавшейся хозяйственной разрухой, не чувствовало «социала», не придавало значения этим первым симптомам чумного озноба, несмотря на тревожные предостережения Департамента полиции. Главного врага России — врага подпольного — упустили из виду.

18 февраля вспыхнула забастовка на Путиловском заводе. В демократической Франции завод, работающий на оборону и забастовавший в военное время, был бы оцеплен сенегальцами, и все зачинщики поставлены к первой попавшейся стенке. В «стране произвола и кнута» не сдвинулся с места ни один городской... Правительство полагало, что это — дело самих рабочих и администрации. Эта последняя объявила 22 февраля локаут 30 000 забастовщиков.

Пролог трагедии был сыгран. Самой трагедии еще не замечали. «Социала» не видели, а он уже стучался могильной лопатой в ворота Империи Петра Великого.

И 22 февраля — в недобрый час — Государь спокойно отбыл в Ставку, покинув бурлившую столицу, в которую ему уже не суждено было вернуться...

* * *

23 февраля в заранее назначенный день и час ЦИК партии большевиков вывел на улицы Петрограда 88 000 рабочих и работниц с криками «Долой войну!». «Желая избежать кровопролития», генерал Хабалов отказался от применения оружия.

24 февраля движение все ширилось, не встречая противодействия. В этот день бастовало уже 197 000 рабочих. Появились красные флаги. Демонстранты приветствовали войска, державшиеся совершенно пассивно без приказаний. Предоставленная самой себе, дезорганизованная Протопоповым, полиция надрывалась из последних сил. На весь Петроград с его двухмиллионным населением было всего 3500 городских. Министр внутренних дел Протопопов, вместо того чтобы собрать в кулак эти ничтожные силы, разбросал их по всему городу слабыми патрулями. Эти патрули в 2—3 человека, которым вдобавок запрещено было прибегать к оружию, сметались многочисленными толпами, все более и более смелевшими.

Для поддержания порядка вызваны были учебные команды запасных полков гвардии. Военный министр генерал Беляев лепетал генералу Хабалову удивительные приказания: «Целить так, чтобы не попадать», «Стрелять так, чтобы пули ложились впереди демонстрантов, никого не задевая...». Растерявшийся Хабалов не решался открывать огня — и это несмотря на то, что в полиции уже были убитые и много раненых. «Психология каптенармусов», столь характерная для наших нестроевых генералов, оказалась в стремлении властей объяснить беспорядки единственно «нехваткой хлеба». Ни Хабалов, ни Беляев не подозревали о «социале» — о партии большевиков, руководившей мятежными толпами и в свою очередь руководимой германской Главной квартирой. В этот день 24 февраля слабость и убожество правительства ясно были осознаны всеми, и в первую очередь мятежниками.

25 февраля бастовало 240 000 — по правительственным сведениям и все 400 000 на самом деле. ЦИК партии большевиков выпустил манифест о «борьбе с царским правительством», требуя демократическую республику, 8-часовой рабочий день, помещичью землю —

крестьянам, окончание войны и всемирное братство трудящихся. Эти короткие хлесткие лозунги овладели бурлившей массой.

Избываемая полиция начала применять оружие, но войска продолжали держаться пассивно. Хабалов запрещал стрелять, побуждаемый к тому генералом Беляевым, нывшим о том, «какое ужасное впечатление произведут на наших союзников трупы на петроградской мостовой». Этот удивительный военный министр Российской империи, так трогательно оберегавший нервы наших союзников от резких ощущений, не соображал, что всего за десять месяцев до того — в апреле 1916 года — Англия подавила в море крови ирландское восстание Роджера Кеземента, разгромив Дублин артиллерией, убив тысячи мужчин и женщин и казнив сотни мятежников.

Войска созерцали анархию, держа ружья к ноге. Пехота была еще надежна, несмотря на очевидный соблазн, но казацки части уже заколебались. В пехоте были вызваны только учебные команды, то есть лучшие люди запасных полков. Редкая команда «пли!», подававшаяся на свой риск и страх отдельными мужественными офицерами, принималась безотказно. Дстоин быть отмечен Лейб-Гвардии Финляндского полка подпоручик Иосс. Одним метким револьверным выстрелом он усмирил весь Васильевский остров, наповал уложив вожжа демонстрантов на казенном трубочном заводе. Беспорядки после этого сразу там стихли. Подпоручики у русского Царя были, но не было генералов. Несмотря на это критическое положение столицы, петроградские власти допустили преступное очковитительство, все время обманывая своего Государя из карьерных соображений. Обманутый Венценосец все же начал тревожиться и повелел Хабалову энергично прекратить беспорядки, «недопустимые во время войны».

* * *

Мятеж застал врасплох Государственную думу и оппозиционную общественность. Там готовили «младотурецкий переворот» в конце марта. Выступления рабочих масс в феврале никто не предвидел. Оппозиционной общественности надо было так или иначе реагировать на эти внезапные события. И вождь этой общественности — Родзянко — колебался недолго.

Вспыхнувший мятеж надлежало использовать во что бы то ни стало. Этот драгоценный случай был неповторим. Если царские министры испытывали ужас при мысли о «трупах на петроградских мостовых», то для Родзянки и его единомышленников эти трупы были поистине подарком небес, trampлином для прыжка к заветной цели — власти во что бы то ни стало. Не приходилось долго раздумывать, доискиваться причин разразившегося бунта. Им надо было воспользоваться, даже если он был организован врагами России. Важно было доконать заколебавшийся ненавистный режим, добраться до власти и захватить все места для себя! Для этого надо было бунт превратить в революцию — перевести прицел с городского на Царя.

Старшие военачальники — и в первую очередь ближайший сотрудник Государя генерал Алексеев — были на стороне оппозиции, и Родзянко мог вполне на них положиться: под их генерал-адъютантскими мундирами скрывались думские ливреи. 26 февраля Родзянко телеграфировал Государю, а одновременно и главнокомандующим фронтами, что в столице анархия и необходимо образовать ответственное министерство. Государь, получив успокоительные телеграммы Беляева и Хабалова, естественно, больше верил своим генералам. Он повелел распустить Думу на неопределенное время.

В этот день, 26-го, беспорядки приняли стихийный характер и перебросились в казармы запасных частей, которые лишь с трудом удалось удержать от выступления. Улицы Петрограда были в крови. Хабалов же доносил Государю: «Сегодня все спокойно...»

* * *

27 февраля стало роковым днем. Случилось худшее, что могло случиться: военный бунт. Унтер-офицер Кирпичников учебной команды одного из запасных полков убил своего начальника выстрелом в спину и, взбунтовав часть, вывел ее на улицу. Временное правительство чествовало предателя, как «первого солдата, поднявшего оружие против царского строя». Кирпичников был потом — накануне 1-го Кубанского похода — арестован в Ростове добровольцами и расстрелян по приказанию генерала Кутепова.

Взбунтовавшиеся войска вышли на улицы и слились с бушевавшей чернью. Русский солдат обогрил свои руки кровью русского офицера...

Был разгромлен арсенал, истреблена полиция, сожжен окружной суд и выпущены арестанты из тюрьм. Толпы восставших смяли оставшиеся верными части войск.

Видя успех восстания, ЦИК партии большевиков провозгласил учреждение Совета рабочих депутатов, наподобие того, что руководил всеобщей забастовкой 1905 года. Совет состоял из представителей нелегальных партий революционной демократии. Председательское место было предложено члену Думы грузинскому сепаратисту, меньшевику Чхеидзе — ненавистнику России. Товарищами председателя были член Думы социалист-революционер Керенский и делегат ЦИКа большевик Овсий Мойсеевич Нахамкес. Чхеидзе представлял II Интернационал, Керенский — самого себя, а Нахамкес — восставший пролетариат и германский Генеральный штаб. Он и стал хозяином положения в Совете.

Одновременно с учреждением Совета рабочих депутатов возник Комитет Государственной думы. Не желая подчиниться царскому указу о роспуске, «общественники» решили возглавить этим комитетом революционное движение.

Из 160-тысячного гарнизона у генерала Хабалова осталось две тысячи. Он вверил их полковнику Кутепову, а сам совершенно отстранился от руководства.

Правительства не существовало. Протопопов скрылся. Растерянные министры собрались у князя Голицына, догадавшегося — на пятый день революции — объявить осадное положение. Военный министр генерал Беляев предложил «запретить демонстрантам выходить после 9 часов вечера...». Это было все, до чего смогли додуматься люди, которым была вверена судьба России...

Родзянко вновь настойчиво просил Государя об «ответственном министерстве», сообщая, что в столице анархия. В этом же духе высказался и великий князь Михаил Александрович, повторивший слово в слово все продиктованное ему Родзянкой, и, наконец, злосчастный Голицын, телеграфно умолявший о своей отставке и назначении Родзянки либо Львова.

Встревоженный Император Николай Александрович почувствовал, что его до сих пор обманывали и в столице происходят действительно серьезные беспорядки. Он повелел отправить с Северного и Западного фронтов по бригаде пехоты и конницы, а из Ставки — «георгиевский батальон». Эти силы были подчинены генерал-адъютанту Иванову, облеченному диктаторскими

полномочиями. Вслед за Ивановым Государь решил отправиться в Царское Село сам. Утром 28 февраля царский поезд покинул Могилев...

* * *

28 февраля последние защитники монархии в столице либо погибли, либо были поставлены перед невозможностью продолжать борьбу. К вечеру большая часть министров, в том числе Голицын, Протопопов и Беляев, были арестованы.

Достоин быть отмеченным запасной самокатный батальон с героем — командиром полковником Балкашиным, оказавший 27-го и 28 февраля отчаянное сопротивление дикой черни и изменившим войскам и погибший. Отряд полковника Кутепова занял было Зимний дворец, но был вынужден его покинуть по требованию великого князя Михаила Александровича, опасавшегося за целостность дворца и не заботившегося о последних защитниках престола. Полковник Кутепов занял тогда Адмиралтейство, но должен был покинуть и эту позицию по настоянию адмирала Григоровича, тоже опасавшегося за целостность здания и своей в нем квартиры. Это было важнее сохранения монархии. Отряд, в котором считалось еще 1100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, явился в Петропавловскую крепость, где военный министр, навзрыд плакавший, приказал ему разойтись. Эти последние слуги Императора Всероссийского были измайловцы, егеря и государевы стрелки 3-го полка.

Рассчитывая возглавить революционное движение думским комитетом и опасаясь прибытия войск с фронта, Родзянко приказал члену Думы Бубликову овладеть путями сообщения. Правой рукой Бубликова был некий «профессор» Ломоносов, старый большевик, подпольщик, имевший большое влияние на распропагандированных железнодорожников.

Одновременно с захватом комитетчиками Петроградского железнодорожного узла Совет рабочих депутатов отдал «приказ номер первый» Петроградскому гарнизону, утверждавший выборные комитеты во всех частях войск, лишавший офицеров дисциплинарной власти и отдавший их под контроль комитетов. Людендорф и Нахамкес знали, что делали. Им надо было уничтожить русскую армию, а этого можно было достигнуть лишь уничтожением дисциплины.

Гучков в бытность свою военным министром не сомневался в заграничном происхождении «приказа номер первый». Действительно, подробный анализ приказа позволяет вынести заключение, что фактическая его часть (учреждение комитетов, обезоруживание офицеров) сделана германскими специалистами — самое построение фраз носит на себе следы влияния немецкого синтаксиса. Приписка же: «Приказ этот прочесть во всех полках, батальонах, ротах и прочих командах» — сделала Соколовым и показывает полное незнание им военного языка и военной организации.

Вместе с армией был нанесен смертельный удар флоту. В ночь на 1 марта распропагандированные флотские экипажи залили кровью Кронштадт, а в ночь со 2-го на 3-е на гельсингфорском рейде и на берегу произошла дикая резня офицеров эскадры. Был убит и адмирал Непенин. По списку, заготовленному «Адмирал-штабом», были истреблены все лучшие специалисты во всех областях (в первую очередь столь досадивших немцам разведки и контрразведки), и этим наш Балтийский флот был выведен из строя.

Тем временем царский поезд не был пропущен мятежниками на Николаевскую дорогу. Государь повелел повернуть на Псков — в штаб Северного фронта. Не чувствуя себе опоры в лице генерала Алексеева, он поклялся на генерала Рузского... 1 марта вечером литерный поезд подошел ко Пскову.

В этот день мятеж в столице утих. Комитет Думы и Совет рабочих депутатов завязали переговоры друг с другом. Не чувствуя еще себя достаточно подготовленными (вожди были еще за границей), «советчики» охотно предоставили «общественникам» всю ответственность и все бремя власти.

От этой долгожданной власти у «общественников» в первый же день закружилась голова. Ответственное министерство никого уже не удовлетворяло. Надо было ковать железо, пока оно было горячо, использовать до конца внезапно представившуюся блестящую возможность — устранить Государя и захватить в свои руки безраздельный контроль над 12-летним больным Императором Алексеем и слабым и безвольным регентом великим князем Михаилом. Милюков говорил: «Комбинация из Алексея Николаевича и Михаила выгодна: один — больной ребенок, другой — совсем глупый человек».

Родзянко телеграфировал Алексею в Ставку и Рузскому во Псков о принятии власти Временным

правительством под председательством князя Львова и просил отозвать войска. Рузский немедленно доложил об этом Государю, и вечером 1 марта последовало Высочайшее повеление вернуть войска на фронт, а генералу Иванову ничего не предпринимать. Государь согласился и на ответственное министерство. Восставшие железнодорожники не пропустили поезда генерала Иванова. России дорого пришлось заплатить за упущение милитаризации железных дорог.

Убедившись в том, что никаких мер к подавлению мятежа не будет принято, Родзянко приступил к решительным действиям.

* * *

2 марта утром Родзянко вызвал к аппарату генерала Рузского и объявил ему, что ответственное министерство запоздало и уже недостаточно и что «династический вопрос поставлен ребром». Он сообщил, что только отречение Государя от престола способно умиротворить страну и революционные массы, безгранично доверяющие ему, Родзянке, и требующие «войны до победного конца». (Родзянко знал, что массы кричали «Долой войну!».) Упорство же Государя способно лишь вызвать кровопролитие. В том же духе честолюбивый председатель Думы сообщил и генералу Алексееву в Ставку.

Тогда генерал Алексеев разослал всем главнокомандовавшим телеграмму, в которой изложил требования Родзянки и просил их в свою очередь настоять на отречении Государя... Телеграмма была отправлена в 10 часов утра, и через четыре часа получились ответы... Великий князь Николай Николаевич, «коленопреклоненно», Эверт, Брусилов и Сахаров без коленопреклонения, но не менее настоятельно, требовали отречения. Рузский действовал на месте.

Получив телеграмму Алексеева, бесхарактерный, но хитрый Эверт сообщил ему, что ответит только тогда, когда узнает, что ответили Брусилов и Сахаров. Сам Алексеев, посылая Государю телеграммы главнокомандовавших, воздержался от собственного мнения и скрыл свою инициативу, представляя дело так, что главнокомандующие посылают просьбы об отречении по своему собственному почину. Вечером 2 марта получились ответы от командовавшего Балтийским флотом адмирала Непенина, тоже советовавшего отречение, и телеграмма командира

Гвардейского конного корпуса Хана Нахичеванского, сообщавшего о готовности гвардейской конницы умереть за своего Государя. Телеграмму Непенина Алексеев немедленно доложил Государю во Псков, а телеграмму Хана скрыл.

Убеждать Государя долго не пришлось. Ничего не желал для себя Император Николай Александрович. Ни власть, ни самая жизнь не имели для него никакого значения, раз их ценой можно было купить счастье и благополучие матери России. Вожди армии — люди, которым он безгранично доверял, находили, что его отречение пойдет на благо страны. Значит, ни о чем не могло быть и речи.

В 3 часа дня Государь подписал отречение в пользу цесаревича Алексея Николаевича. Регентом становился великий князь Михаил Александрович, Верховным главнокомандующим — великий князь Николай Николаевич, председателем ответственного министерства — князь Львов, командующим войсками Петроградского военного округа — генерал Корнилов.

Алексеев, как и остальные участвовавшие в заговоре военачальники, не был посвящен до конца в замыслы думской общественности. Стремясь хотя бы отчасти обелить печальную память Алексеева, генерал Лукомский приписывает ему фразу: «Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграммы главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от престола». Последовавшим затем поступком — сокрытием 4 марта телеграммы Государя об отмене отречения за наследника — Алексеев показал, что никакого раскаяния не чувствовал.

На горе России, в это самое время была получена от Родзянки телеграмма, в которой тот сообщал о выезде во Псков делегатов Временного правительства Шульгина и Гучкова для переговоров об отречении. В ожидании их Государь повелел задержать манифест об отречении в пользу цесаревича.

Делегаты прибыли во Псков поздно вечером, и тут, в салон-вагоне литерного поезда, Император Николай Александрович после краткого, но мучительного колебания отрекся от престола за себя и за наследника в пользу брата. Это решение было принято после того, как лейб-медик Боткин объявил Государю, что безнадежно больной Алексей Николаевич не сможет царствовать. Непоправимое совершилось. Соединенными

усилиями германских и русских генералов и политиков был свергнут Император Всероссийский.

* * *

Монарх был устранен. Оставалось устранить самую монархию. Регентство и контроль над регентством уже не удовлетворяли думскую общественность. Она пожелала захватить всю власть без остатка.

На рассвете 3 марта Родзянко вызвал генерала Рузского и потребовал задержать манифест и не объявлять его народу и войскам, ибо воцарение великого князя Михаила Александровича «абсолютно неприемлемо». Изумленному Рузскому председатель Думы сообщал, что «совершенно неожиданно» вечером 2 марта вдруг вспыхнул «такой солдатский бунт, которому он, Родзянко, еще не видел подобного» и что взбунтовавшиеся войска требуют низложения династии, грозя в противном случае все залить кровью. Эту же ложь Родзянко передал вслед за тем и Алексееву, прося Ставку задержать манифест. В душе у Алексеева шевельнулось подозрение. Он почувствовал, что Родзянко его обманывает (по вполне достоверным сведениям Ставки, никакого нового бунта в Петрограде не произошло, и жизнь в столице вошла в нормальную колею). Но требование Родзянки генерал Алексеев исполнил. Он отправил длинную растерянную телеграмму главнокомандовавшим, обращаясь по свойству рыхлой своей натуры за советом к подчиненным.

Обманув без особенного труда недалеких и дряблых военачальников, «общественники» стали уговаривать великого князя Михаила Александровича отречься от престола в свою очередь. Царский брат был человеком слабым и безвольным и на завещанный ему престол он посмотрел не как на служение Родине, а только как на личное неудобство. Он отрекся охотно и быстро. Но это свое отречение он не отправил Государю (который знал бы тогда, как поступить). Он отрекся в пользу Временного правительства и этим ввергнул Россию в пропасть, а себя самого — на дно уральской шахты...

Эта измена долгу как громом поразила вернувшегося в Ставку Императора Николая Александровича. Видя крушение страны, Венценосец решил принести в жертву Родине своего больного сына. 4 марта утром, узнав о малодушии своего брата, он взял назад псковское отречение за наследника. Цесаревич Алексей должен был стать

императором, и Россия вновь становилась на свой природный тысячелетний путь.

Государь вручил эту телеграмму генералу Алексееву для отправки в Петроград. Но генерал-адъютант Алексеев скрыл от России эту телеграмму и не отправил ее. Существование этой телеграммы генерал Алексеев открыл генералу Деникину на Кубани незадолго до своей смерти осенью 1918 года. Ее сокрытие он объяснил нежеланием создать путаницу в стране в результате ежедневных противоречивых манифестов. Страна не узнала о начавшемся царствовании юного Императора, а от армии скрыли последний приказ Царя-Подвижника, которому суждено было стать Царем-Мучеником.

Вот слова этого написанного кровью царского сердца приказа: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть перешла к Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролили крови, много сделали усилий, и уж близится час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угаснет в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великому-ченик и Победоносец Георгий!»

9 марта вся царская семья была арестована. Временное правительство предписало произвести этот арест командовавшему войсками Петроградского военного округа генералу Корнилову. Люди, бросившие своего Государя на произвол врагов и сами посправившиеся, впоследствии (сохранив свою жизнь благодаря корниловским добровольцам) не могли этого простить Корнилову и всячески

чернили его память. Совсем иначе относились к генералу Корнилову царственные узники. Государыня была доволна, что арест был поручен не кому-нибудь, а известному всем герою войны, и сказала начальнику охраны полковнику Кобылинскому, что «Корнилов вел себя в эти дни, как настоящий верноподданный». В конце июля, по назначении Корнилова Верховным главнокомандующим, Государь говорил Кобылинскому: «Спасение России от анархии, спасение имени России на дрогнувшем фронте зависит только от Корнилова. Мы все молимся ежедневно, чтобы Господь помог ему довести предпринятое дело оздоровления до конца». Из тобольского заточения Государь Николай Александрович послал в сентябре арестованному Корнилову свое благословение. О нем Корнилов вспоминал в «Ледяном походе» в беседе с гвардии капитаном Булыгиным: «После ареста Государыни я сказал своим близким, что в случае восстановления монархии мне, Корнилову, в России не жить. Это я сказал, учитывая, что придворная камарилья, бросившая Государя, соберется вновь. Но сейчас, как слышно, многие из них уже расстреляны, другие стали предателями. Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я — казак. Казак настоящий не может не быть монархистом...»

Россия рухнула в бездну.

ВСЕОБЩИЙ РАЗВАЛ

Не будем изображать всех подробностей революционного позора нашей Родины. Восемь месяцев, с февраля по октябрь 1917 года, были грязной страницей тысячелетней нашей истории. Невиданная грязь была затем смыта великой кровью... Совет рабочих депутатов представлял тех, кто поднял мятеж. Временное правительство — тех, кто пытался использовать этот мятеж в своих целях.

Сердце русской революции с первого же дня ее существования — а это был Международный день работницы 23 февраля — забило в ЦИКе партии большевиков, создавшем Совет. Временное правительство было и до конца осталось чуждым революционной стихии, не имея в ней никаких корней. Либеральная общественность рассчитывала прийти к власти путем дворцового переворота. Вместо

этого она вдруг очутилась у этой власти в непредвиденной и грозной обстановке военного мятежа.

Большой страной взялись управлять люди, до той поры не имевшие никакого понятия об устройстве государственного механизма. Пассажиры взялись управлять паровозом по самоучителю и начали с того, что уничтожили все тормоза. 5 марта Временное правительство одним росчерком пера упразднило всю русскую администрацию.

Были отрешены все губернаторы и вице-губернаторы. Возвращены все политические ссылки и уголовные каторжники, и упразднены полиция и корпус жандармов. Призваны в Россию все эмигранты-пораженцы, агенты неприятеля, и упразднена контрразведка. Объявлена свобода, и брошены в тюрьмы тысячи инакомыслящих «реакционеров». Провозглашена «война до победного конца», и уничтожена дисциплина в армии...

Инстинкт государственности, понимание интересов государства были совершенно незнакомы либерально-демократической общественности. Ею владели два чувства: безотчетная ненависть к «старому режиму» и страх прослыть «реакционерами» в глазах Совета рабочих депутатов. Не было удара, которого эти люди не согласились бы нанести своей стране во имя этой ненависти и этого страха.

* * *

Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее революцией. Рушилось все мировоззрение офицера и солдата, опустошалась их душа.

Построенные темными квадратами на мартовском снегу войска угрюмо присягали неизвестному Временному правительству. Странно и дико звучали слова их присяги.

«Тихое сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего Императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы», — вспоминает командовавший в те дни VIII армейским корпусом генерал Деникин.

10 марта генерал Алексеев представил князю Львову записку «об отражении революции на фронте». Согласно этой записке, составленной по данным, поступившим в Ставку до проникновения на фронт «приказа номер первый», на Северном фронте отречение было встречено «сдержанно, многими с грустью, многие солдаты манифеста не поняли». Стрелки II Сибирского корпуса заявили, что «без

Царя нельзя, евреям выходить в офицеры нельзя, а солдат следовало бы наделить землей, с платежами через банк». В 5-й армии солдаты были в недоумении: «Почему же нас не спрашивали?»

На Западном фронте к манифесту отнеслись «спокойно, многие с огорчением». В IX, X и Сводном корпусах 3-й армии — «с удивлением и сожалением»; сибирские казаки были «удручены». Выражалась надежда, что «Государь не оставит своего народа». На Юго-Западном фронте — сомнения и недоумение. На Румынском: в 9-й армии — «тягостное впечатление». В 4-й — «преклонение перед высоким патриотизмом Государя и недоумение перед поступком Михаила Александровича». В III конном корпусе — «нервность»... Найдись в Ставке воля и сердце, армию можно было бы спасти.

Царя не стало. Солдат недоуменно смотрел на офицера. Офицер растерянно молчал и оглядывался на старшего начальника. Тот смущенно снимал с погон царские вензеля...

Так прошла первая неделя марта месяца, пока от Риги до Измаила огромный фронт не содрогнулся от удара отравленным кинжалом в спину. В Действующую армию был передан «приказ номер первый»...

* * *

Назначенный Верховным главнокомандующим великий князь Николай Николаевич был уволен Временным правительством, не успев принять этой должности. Временное правительство утвердило Верховным генерала Алексеева. Начальником штаба стал генерал Деникин (сдавший свой VIII армейский корпус генералу Ломновскому), а генерал-квартирмейстером — генерал Юзефович (генерал Лукомский получил I армейский корпус). Военным министром стал честолюбивый заговорщик, вдохновитель «младотурок» Гучков, наконец-то удовлетворивший свою давнишнюю мечту руководить российской вооруженной силой сообразно своим личным симпатиям и антипатиям.

Гучков при содействии услужливой Ставки произвел настоящее избиевание высшего командного состава. Армия, переживавшая самый опасный час своего существования, была обезглавлена. Была отрешена половина корпусных командиров (35 из 68) и около трети начальников дивизий (75 из 240). Из высших военачальников был отрешен главнокомандовавший Западным фронтом генерал Эверт,

замененный генералом Гурко, командовавшие армиями — 2-й армией генерал Николай Данилов, замененный командиром XIX корпуса генералом Веселовским, 10-й — генерал Горбатовский, замененный командиром IX корпуса генералом Киселевским, 11-й — генерал Баланин, замененный командиром VI армейского корпуса генералом Гутором. Генерал Клембовский, отказавшийся от армии, был зачислен в Военный совет, и должность помощника начальника штаба Верховного упразднена.

Временное правительство прибегло к «опросу» высших военачальников, предложив им самим назначить Верховного главнокомандующего (начало пресловутой «керенщины»). Генерал Рузский уклонился от ответа. Остальные указали на генерала Алексеева, как уже находившегося на месте. О самом Алексееве все были невысокого мнения. Брусилов, Горбатовский, Николай Данилов и Рагоза в своих ответах подчеркивали безволие Алексеева, указывая на него только за неимением лучшего.

Во главе ряда военных округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Военской иерархии для проходимца министра не существовало. Московский военный округ получил зауряд-подполковник Грузинов — друг Гучкова, «октябрист» и председатель Московской земской управы. Казанский — зауряд-подполковник Коровиченко — социалист и присяжный поверенный. Киевский — некто Оберучев, социалист-революционер, из разжалованных подпоручиков, сосланный в 1905 году в Сибирь, возвращенный Гучковым из ссылки и произведенный прямо в полковники «для уравниения со сверстниками».

Наглый Гучков целиком подчинил себе растерявшуюся Ставку. Злополучный Алексеев впал в совершенную прострацию и выпустил управление Действовавшей армией из своих неверных рук. Руль корабля беспомощно завертелся во все стороны в тот самый момент, когда на корабль налетел шквал неслыханной ярости...

* * *

«Приказ номер первый» попал в армию...

И военный министр Гучков, и Верховный главнокомандующий генерал Алексеев знали, что приказ этот смертелен, что он составлен в неприятельской Главной квартире, что, убивая дисциплину, он убьет армию. Ни тот, ни другой не посмели его отменить. Временное правительство

заискивало перед Советом, а Ставки не существовало. Алексеев растерянно оглядывался на Гучкова, Гучков подобострастно смотрел на Нахамкеса, и Овший Моисеевич Нахамкес с кучкой единомышленников с приятным изумлением увидели, что они оказались хозяевами России и ее вооруженной силы.

«Ставка выпустила из своих рук управление армией. Грозный окрик верховного командования, поддержав сохранение в первые две недели дисциплины и повиновения армии, быть может, мог поставить на место переоценивший свое значение Совет, не допустить «демократизации» армии и оказать соответственное давление на весь ход последовавших событий... Лояльность командного состава и полное отсутствие с его стороны активного противодействия разрушительной политике Петрограда превзошли все ожидания революционной демагогии». Этот приговор генералу Алексееву вынес в своих воспоминаниях его ближайший сотрудник генерал Деникин.

Ушел в отставку, не желая присягать революционному правительству, командиры корпусов: Гвардейского конного Хан Нахичеванский, III конного граф Келлер и XXXI армейского генерал Мищенко. Гучков плыл по течению. Он думал овладеть положением, санкционировав «приказ номер первый» и предписав учреждение комитетов во всех частях войск. Этим он убил всякий авторитет правительства и командования.

Солдат решил, что раз Царя не стало, то не стало и царской службы и царскому делу — войне — наступил конец... Он с готовностью умирал за Царя, но не желал умирать за пришедших к власти «господ». Офицер, призывавший солдата защищать Родину, становился ему подозрителем. Раз была объявлена «свобода», то кто имел право заставлять его, солдата, проливать свою кровь на фронте, когда в тылу рабочие провозгласили восьмичасовой трудовой день, а односельчане готовились поделить землю помещика?

И в первые весенние дни 1917 года толпы русских солдат вышли из своих окопов... У колючей проволоки их ждал бесчестный враг с прокламациями и водкой. Германские офицеры, «братаясь» и спаивая русских солдат, призывали их убивать русских офицеров, бросать окопы, идти домой. И одурманенные люди, возвращаясь в землянки, с тупой злобой начинали смотреть на своих офицеров.

Из 220 стоявших на фронте пехотных дивизий браталось 165, из коих 38 обещали немцу не наступать... Конница и артиллерия, сохранившие еще часть старых кадров,

сохранили и воинский дух. И часто меткая очередь наших трехдюймовок прекращала безобразные сцены братанья — и вражеская кровь германского офицера смешивалась с кровью обманутого русского солдата...

Братанье продолжалось весь март и к апрелю прекратилось. На этом настояло австро-венгерское командование, опасавшееся, что зараза перебросится на его разноплеменные войска. Отрезвляюще действовали на нашу деморализованную пехоту и короткие удары немцев в различные места нашего фронта и, наконец, самоотверженная, подвижническая работа строевого русского офицера. Войска не обрели прежней своей боеспособности, но, по крайней мере, удалось задержать дальнейший развал.

* * *

22 марта, используя разлив Стохода в тылу нашего III армейского корпуса (центрального 3-й армии), генерал Линзинген коротким ударом группы Гауэра овладел Черевищенским плацдармом. III армейский корпус был совершенно разгромлен, потеряв две трети своего состава.

Германцы давно нацеливались на Черевищенский плацдарм — завозу их Полесскому фронту и поджидали разлива Стохода. Командир III армейского корпуса генерал Янушевский неоднократно просил разрешения очистить Черевище по причине ненадежности войск и неудобств самого плацдарма, но командовавший армией генерал Леш не соглашался отступить, не теряя надежды на будущее наступление.

В ночь на 22 марта Стоход бурно разлился, снес мосты в тылу защитников плацдарма. Сосредоточив против пяти наших полков три сильные дивизии и против 84 орудий 300 орудий и 100 минометов, Гауэр стремительным натиском истребил все наши войска на плацдарме, в достаточной степени деморализованные революцией. Из 19 500 бойцов III корпуса (73-я и 5-я стрелковые дивизии) 3000 было убито и утонуло, а 9000 человек, отравленных газами, попало в плен. Из 17-го стрелкового полка не спаслось ни одного стрелка. Немцы взяли 15 стоявших на плацдарме орудий и 200 пулеметов.

Катастрофа на Стоходе произвела большое впечатление на войска и командование. Генерал Леш был отрешен, 3-я армия расформирована, ее войска распределены между 2-й армией и Особой, а управление с генералом Квецинским переведено на крайний правый фланг Западного фронта —

на Двину. Одновременно была произведена перегруппировка Северного фронта. Правительство и Ставка опасались германского десанта на Петроград. Генерал Рузский влил войска 1-й армии в 5-ю, а управление ее перевел в Эстляндию, где образовалась новая 1-я армия.

В высшем командовании продолжались перемены. В 12-й армии был уволен Радко Дмитриев, замененный командиром Гренадерского корпуса генералом Парским. Подал в отставку Лечицкий, которого во главе 9-й армии заменил командир XXX армейского корпуса генерал Кельчевский (XLIV корпусом командовал генерал Бржозовский). Ушел, наконец, и главнокомандовавший Румынским фронтом генерал Сахаров. На его место был назначен генерал Щербачев, а освободившуюся 7-ю армию получил командир XLI армейского корпуса генерал Белькович.

Страна была охвачена революционным угаром. Этот угар, беспрепятственно передаваясь на фронт, отравлял армию. Подобно ядовитой сыпи, вся она покрылась комитетами — от фронтовых до ротных. В этих комитетах господствовали инородцы, главным образом большевики — евреи и меньшевики — грузины. Служба была заброшена... Все время солдата было посвящено собраниям и митингам, заседаниям и комитетам — каким-то занимательным, но совершенно непонятым «пленумам», «кворумам», «платформам» и «резолуциям»...

Реформы Гучкова следовали одна за другой. Вслед за введением комитетов и разгромом командования он распорядился уволить в чистую всех нижних чинов старше 43 лет и на летние работы — всех старше 40 лет. Эта совершенно непродуманная частичная демобилизация вконец расстроила железные дороги. Но худшее было еще впереди. Одним из первых мероприятий Гучкова было учреждение так называемой «комиссии по устройству армии на новых началах» под председательством генерала Поливанова, и эта комиссия из нестроевых петербургских генералов, раболепствовавших перед революционной демократией, принялась за разработку «Декларации прав солдата» — полное уничтожение дисциплины в армии...

В течение всего марта на фронте возникали самочинные комитеты. Первый комитет на фронте возник по почину Генерального штаба полковника Егорова — будущего «красного маршала». В конце месяца Ставка издала положение о комитетах, пытаясь их регламентировать и создать какое-то равновесие между офицерским и солдатским составом. Но уже в половине апреля Временное

правительство, совершенно не считавшееся со Ставкой, передало на фронт — через голову верховного командования — свое собственное «поливановское» положение, совершенно отменявшее офицеров.

Злополучный Алексеев решил протестовать против разрушительной работы комиссии Поливанова, но в последнюю минуту сробел и попросил подчиненных военачальников протестовать совместно. Те же убоялись гнева Гучкова — и из протеста ничего не вышло... Семеро военачальников испугались одного штатского министра, в свою очередь, их боявшегося. Таковы были вожди русской армии в ту весну 1917 года. Ее могли спасти великие сердца... Гучков и Алексеев создали Совету рабочих депутатов такую обстановку, о которой его вожжаки в своем революционном подполье не смели и мечтать.

* * *

16 апреля из Швейцарии в запломбированном вагоне германского командования через Швецию и Финляндию в Петроград прибыли главы партии большевиков. Это были Апфельбаум-Зиновьев, Розенфельд-Каменев, Собельсон-Радек, Финкельштейн-Литвинов и главный их вождь Ульянов-Ленин.

Владимир Ульянов-Ленин, возглавивший после Петра Струве партию социал-демократов большевиков, был прежде всего прирожденным организатором. Его небольшой ум, чрезвычайно односторонний и ограниченный марксистскими шорами, был умом начетчика. Этот ограниченный ум подкреплялся железной логикой и железной волей маньяка и во много раз усиливался чрезвычайно развитым политическим чутьем и поразительным инстинктом революционера. Организаторские способности и политическое чутье делали из Ленина человека неизмеримо более крупного, чем ничтожества Временного правительства. Ленин был единственной политической величиной семнадцатого года, но величиной для своей страны отрицательной. Он впитал в себя весь яд подонков материалистической немецкой философии — нежизнеспособной и устарелой теории марксизма.

Займствовав цели от Маркса, Ленин взял средства от Клаузевица. Осуществление социализма в бесклассовом обществе он полагал достигнуть вооруженной борьбой, захватив власть и установив диктатуру организованной им партии. «О войне» была настольной книгой Ленина

в большей степени, чем «Капитал». Без Маркса Ленин мог бы остаться Лениным-человеком, оседлавшим русскую революцию. Без Клаузевица он был бы ничем и закончил бы свою бесполезную жизнь в каком-нибудь швейцарском венерическом госпитале.

На русский народ интернационалист Ленин смотрел только как на морских свинок, над которыми надо было произвести опыт прививки нигде еще не проверенных социалистических теорий. «Россия — это дикий сырой лес, который нужно сжечь дотла!» — писал и проповедовал он. Взяв основное положение Клаузевица «Война — та же политика», Ленин вывел логическое заключение: «Политика — та же война». Для верного успеха война эта должна была быть беспощадной, откуда и знаменитая формула: «Кто не с нами, тот против нас».

Безмерно затянувшаяся война, смысл которой совершенно ускользнул от народа, чрезвычайно тому благоприятствовала. Народ был, во-первых, раздражен, во-вторых, вооружен. «Бескровная» русская революция с самого своего рождения творилась винтовкой и пулеметом. Человек революции, как никто еще в истории, Ленин был первым, кто целиком и в совершенстве постиг всю природу русской революции — ее исключительный динамизм. Он понял, что в отличие от английской и французской революций борьба партий и программ в России существенного значения иметь не может, а все решат штыки и пулеметы. Эти штыки и пулеметы надо было привлечь на свою сторону — и все остальное тогда само собой прилагалось. Интуиция революционера подкреплялась школой Клаузевица.

Организация захвата власти особенного труда не представляла. Отсутствие государственности у Временного правительства создавало идеальные условия для подготовки порабощения России — для образования ведущей «головки» партии в столице, партийных «ячеек» на местах и боевиков красной гвардии в важнейших центрах. Главной квартирой Ленина сделался особняк балерины Кшесинской, захваченный большевиками при бездействии «милиции». Там заседал ЦИК партии, строя планы разгрома России. Оттуда — с балкона — произносились зажигательные речи толпам черни — вооруженной и еще не вооруженной — и отправлялись грузовики с агитационной литературой в части войск гарнизона и фронта. Заседания происходили в атмосфере полной безопасности. Временное правительство гарантировало «свободу собраний». Призывы к убийству произносились безнаказанно — во имя «свободы

слова». Распространению же в войсках листовок с призывами к братанию и немедленному миру благоприятствовала «свобода печати». Большевики властно требовали от злополучных «чеховских людей» во имя их принципов полной свободы для себя, с тем чтобы потом — уже во имя своих принципов — лишить их всякой свободы...

«Я хочу, чтобы Ленин мог в России говорить столь же свободно, как в Швейцарии!» — воскликнул Керенский, мудрый министр этого замечательного правительства.

Желание Керенского сбылось.

* * *

Незадолго до русской революции, в феврале, молодой император Карл попытался завязать переговоры о сепаратном мире. Он выбрал ложный путь и, вместо того чтобы обратиться к России — главному противнику Австро-Венгрии, обратился к западным союзникам, в мире с Австрией не заинтересованным. Тайные переговоры Австро-Венгрии с Францией, Англией и Италией длились весь март и закончились полной неудачей: Италия предъявила чрезмерные требования. Франция и Англия, от которых все зависело, не соглашались на мир по соображениям принципиального характера: западные демократии добивались разгрома и уничтожения «реакционно-клерикальной аристократии» Габсбургов. Массон Рибо и проходивец Ллойд Джордж отвергли предложение кайзера Карла и предпочли затянуть войну на полтора года и погубить зря миллионы жизней.

Австрийский император, не пожелавший завязать переговоры с Россией, поплатился за это недомыслие развалом страны, крушением трона и смертью в изгнании. Франция, Англия и Италия скрыли эти переговоры от своей союзницы России, ведя их за нашей спиной. Министр иностранных дел Милюков узнал об этих переговорах только несколько лет спустя, после войны, из мемуарной литературы.

С 3-го по 16 апреля состоялось наступление французской армии в Шампани. От многочисленных своих осведомителей во влиятельных пораженческих кругах Франции германское командование было своевременно о нем извещено. Тем не менее положение немцев было критическим. «Нас спасла только русская революция», — откровенно признался Людендорф. Наступление было прекращено недостойной политической интригой. Талантливый Нивель

был уволен министром Пенлеве. В мае начались повсеместные военные бунты. Беспорядки охватили 28 дивизий, и одно время дорога на Париж была немцам открыта. Всецело поглощенный русским фронтом, Гинденбург упустил эту замечательную возможность, недооценив работу своих агентов во Франции, бывшую столь же плодотворной, как в России.

В руках Германии была значительная часть французской политической полиции. Министерство внутренних дел издавало газету «Красный колпак» (своего рода «Окопная правда») с открытым призывом к восстанию и миру. Влиятельные парламентские круги были тоже прикосновенны к этому делу. Бунты в войсках начались 20 мая. Возбунтовались 28 дивизий (в 16 корпусах) — 75 пехотных полков, 23 егерских батальона, 2 колониальных пехотных полка, 12 артиллерийских полков и 1 драгунский полк. Между Суассоном и Парижем остались только две верные дивизии. Генерал Петен отнесся к бунтовщикам-солдатам строго, но не сурово, зная, что главные виновники — в глубоком тылу. За лето и осень 1917 года французские военные полевые суды приговорили к смертной казни 150 человек, но было расстреляно только 23 зачинщика.

Преемник генерала Нивеля — энергичный и заботливый генерал Петен — в конце июня овладел положением — это не был убогий Алексеев. Тем не менее Франция выбыла из строя Согласия на все лето и осень 1917 года. Остались лишь неготовая Англия и еле державшаяся на ногах Россия...

* * *

В конце апреля перевертень Поливанов закончил свою «Декларацию прав солдата» — этот, по словам генерала Алексеева, «последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы...». Согласно этой «Декларации», военнослужащие получали все политические права (участие в выборах), могли поступать в любую из политических партий (в том числе и в большевистскую), могли исповедовать и проповедовать любые политические убеждения («Долой войну!», «Долой офицеров!» и т. д.).

В воинские части в тылу и на фронте могли свободно доставляться все без исключения печатные издания (в том числе анархические и большевистские). Отменялось обязательное отдавание чести. И, наконец, упразднились все

дисциплинарные взыскания. Регулярной вооруженной силой наступал конец.

Гучков пришел в ужас от поливановского творчества и, отказавшись утвердить его, подал 30 апреля в отставку. Бесславное его управление длилось два месяца. Военным министром стал 36-летний помощник присяжного поверенного А. Ф. Керенский, совмещавший до тех пор должности министра юстиции и товарища председателя Совета рабочих депутатов. Растерявшегося дилетанта сменил самоуверенный профан.

По своему происхождению, воспитанию и взглядам Керенский был бесконечно далек от армии и не имел — да и не мог иметь — никакого понятия о военном деле. Безмерно себялюбивый, самоуверенный и самовлюбленный, он считал себя героем русской революции, не имея к тому решительно никаких данных. Это был человек фразы, но не слова, человек позы, но не дела.

Узнав о содержании «Декларации», ошеломленные старшие военачальники собрались 1 мая в Ставке на совещание. Решено было отправиться всем в Петроград, просить Временное правительство не утверждать «Декларации». 4 мая состоялось совещание главнокомандовавших с военным министром и членами Совета. Оно не дало никаких результатов. Революционеры отнеслись с высокомерным пренебрежением к доводам военачальников — и 9 мая Керенский утвердил «Декларацию прав солдата». Утверждение «Декларации» Керенский считал большой своей заслугой, хвалясь, что осуществил то, на что не осмеливался Гучков.

* * *

Первая половина мая принесла значительные перемены как в составе Временного правительства, так и в командовании.

Проповедь Ленина принесла первые плоды. 10 мая обработанные им части Петроградского гарнизона выступили с требованием «отставки министров-капиталистов». Трусливый Львов поторопился дать им удовлетворение. При переформировании Временного правительства в состав его вошел с портфелем министра земледелия только что вернувшийся из Циммервальда Ицка Либерман (левый социалист-революционер, взявший себе защитный псевдоним «Виктор Чернов»). Либерман-Чернов служил в германском военном министерстве на штатной должности редактора

газеты, издававшейся германским командованием для обработки в революционном духе русских военнопленных. Возмущенный этим командовавший Петроградским военным округом генерал Корнилов подал в отставку. Его заменил генерал Половцев.

Был уволен главнокомандовавший Северным фронтом генерал Рузский. Его заменил генерал А. М. Драгомиров, сдавший свою 5-ю армию генералу Юрию Данилову.

14 мая, стремясь угодить революционной общественности, Временное правительство отрешило Верховного главнокомандующего генерала Алексеева (как «недостаточно революционного»). На его место был назначен генерал Брусилов. Юго-Западный фронт принял генерал Гутор, а его 11-ю армию — генерал Эрдели. Начальником штаба Верховного стал генерал Лукомский.

Пребывание генерала Брусилова на посту Верховного главнокомандующего оставило тягостное впечатление. Брусилов думал овладеть разнузданной солдатской массой, подлаживаясь под нее и угождая ей, стремясь войти в доверие «революционной демократии». Он надеялся таким образом мало-помалу вернуть армию на путь воинского долга. Об искренности «революционных убеждений» генерала Брусилова, конечно, не могло быть и речи. В беседе с генералом Деникиным Брусилов излил горечь, накопившуюся у него на душе: «Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю». По Брусилову выходило, что для успешного лечения болезни врач должен сам притвориться больным. Эта тактика разделялась очень многими старшими начальниками. Она оказалась ошибочной и не дала решительно никаких результатов.

Генерал Брусилов отрешил командовавшего 8-й армией генерала Каледина за несочувствие демократизации и заменил его генералом Корниловым (генерал Каледин скоро был избран довским атаманом). По той же причине недостаточной демократичности был уволен герой Эрзерума — и Кавказскую армию принял командир II Туркестанского корпуса генерал Пржевальский.

Недоверие Керенского к «генералам» сказалось в учреждении им правительственных соглядатаев — «комиссаров» — при Ставке, штабах фронтов и армий для согласования их работы с комитетами и для слежки за военачальниками.

В первых числах мая в Россию прибыл правая рука Ленина — Бронштейн-Троцкий, снабженный громадными кредитами (72 миллиона марок золотом) германским рейхсбанком и еврейскими банками в Америке, всегда субсидировавшими русское революционное движение. Если Ленин был головой русской революции, то истступленно кровожадный Бронштейн стал ее душой, вложив в дело разрушения России безграничный пафос ненависти. Прибытие Троцкого с деньгами дало возможность большевикам широко развить свою печать и пропаганду.

* * *

В безобразной обстановке комитетов, съездов, митингов и резолюций Ставка и штабы фронтов продолжали разрабатывать планы летнего наступления.

Планы эти были разработаны до мельчайших подробностей. Не знали только главного — удастся ли вывести войска из окопов, согласятся ли вкусившие всяких «свобод» русские солдаты пойти на неприятельскую проволоку. Этого не знали ни Верховный, ни штабы, ни строевые офицеры, ни сами солдаты.

Германское командование усилило свою контрподготовку, все время приказывая Ленину устраивать демонстрации в Петрограде и предписав ему вести борьбу против наступления под лозунгом «мира без аннексий и контрибуций». 17 июня командир 1-го германского резервного корпуса генерал фон Морген отметил в своем дневнике циркулярное распоряжение германской Главной квартиры сообщить в русские окопы лозунг «мира без аннексий и контрибуций». Таким образом, этот дурчавший головы русских солдат лозунг был придуман Людендорфом.

Сообщения с Лениным Гинденбург и Людендорф поддерживали курьерами через Финляндию и дальше телеграфом через Швецию посредством Фюрстенберга-Ганецкого и Гельфанда-Парвуса. Приказания германской Главной квартиры достигали Ленина на второй день. 16 июня германская печать сообщила своим читателям о готовящейся 18 июня в Петрограде большевистской манифестации, а 20 июня — всего два дня спустя — поместила о ней обстоятельнейший отчет.

Ни одна армия в мире не могла бы не то что воевать, но просто существовать в тех условиях, в которых русская армия готовилась еще наступать!

Ставка назначила началом наступления 10 июня для Юго-Западного фронта, 15-е — для остальных. Юго-Западному фронту ставилась задача нанести поражение австро-венгерским армиям на путях ко Львову. Остальные фронты должны были способствовать этому главному удару ведением вспомогательных операций: Северный — на Вилейку, Западный — на Сморгонь—Крево. Румынский фронт должен был наступать в первой половине июля по окончании реорганизации румынских войск.

Общее положение на театре войны представлялось в следующем виде.

Северный фронт генерала А. М. Драгомирова, начальник штаба Бонч-Бруевич. XLII отдельный корпус в Финляндии. 1-я армия генерала Литвинова, а после генерала Ванновского — I и XXXVII армейские корпуса — на Балтийском побережье. 12-я армия генерала Парского — VI Сибирский, II Сибирский, XLIII и XXI армейские корпуса — в районе Риги. 5-я армия генерала Ю. Данилова — XIII, XXVIII, XIX, XXVII, XIV армейские и I конный корпуса — в районе Двинска.

Западный фронт генерала Деникина, начальник штаба генерал Марков. Главнокомандовавший генерал Гурко ушел из-за резких несогласий с Временным правительством. 3-я армия генерала Квецинского — XV, XXXV, X, XX армейские корпуса — в районе Полоцка. 10-я армия генерала Киселевского — II Кавказский, I Сибирский, XXXVIII и III армейские корпуса — в районе Сморгонь—Крево. 2-я армия генерала Веселовского — III Сибирский, Гренадерский, IX, L и Сводный корпуса — в районе Барановичей. В резерве фронта — XLVIII армейский корпус (тяжелая артиллерия особого назначения).

Юго-Западный фронт генерала Гутора, начальник штаба генерал Духонин. Особая армия генерала Балугева — XXXI армейский, IV конный, XLVI, XXXIX армейские корпуса — растянута в Полесье и выделившая половину сил в резерв фронта. 11-я армия генерала Эрдели — I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский, V Сибирский, XVII, XLIX, VI армейские корпуса — в районе Дубно—Броды. 7-я армия генерала Бельковича — XLI армейский, VII Сибирский, XXXIV, XXII армейские, III Кавказский корпуса — в долине Гнилой Липы. 8-я армия генерала Корнилова — XXXIII, XII, XVI корпуса на Днестре и Заднепровье, XI, XXIII и XVIII корпуса в Буковинских Карпатах. В резерве фронта — I Гвардейский, II Гвардейский, V, XXV и XLV армейские корпуса и V конный корпус.

Румынский фронт генерала Щербачева, начальник штаба генерал Головин. 9-я армия генерала Кельчевского — II конный, XXVI, II, XXXVI, XL армейские корпуса — в Молдавских Карпатах. 2-я румынская армия генерала Авреско — IV и II румынский корпуса и 4-я русская армия генерала Рагозы — VIII, VII, XXX армейские корпуса — в долине Сушицы. 6-я армия генерала Цурикова — IV армейский, IV Сибирский, XLVII армейский и VI конный корпуса — по Серету и Дунаю. 1-я румынская армия генерала Кристеско (III, V и VI румынские корпуса) готовилась двинуться между 4-й и 6-й армиями, а III конный, XXIX армейский и неготовый I румынский корпуса были в резерве фронта.

Неприятельский фронт Леопольда Баварского составляли: группа войск Эйхгорна: VIII германская армия генерала Гутьера — против нашей 12-й армии, Двинская группа генерала Шольца — против нашей 5-й армии и X армия генерала Карловица — против нашей 3-й армии; группа войск Войерша: армейская группа Шеффера — против 10-й армии, самого Войерша и Гронау — против 2-й армии; группа войск Линзингена: армейская группа генерала Бернгарди, IV австро-венгерская армия генерала Кирхбаха и армейская группа генерала Фалькенгайна 2-го — все против Особой армии; группа войск Бем Ермолли — II австро-венгерская армия самого Бем Ермолли — против нашей 11-й армии; Южная германская армия графа Ботмера — против 7-й армии и III австро-венгерская армия генерала Терстянского — против нашей 8-й армии на Днестре. Самостоятельная группа войск эрцгерцога Иосифа (подчиненная австро-венгерской Главной квартире): VII австро-венгерская армия генерала Кевеша — против Буковинской группы 8-й армии, I австро-венгерская армия генерала Рора — против нашей 9-й и 2-й румынской армий. Самостоятельная группа войск Макензена (подчиненная германской Главной квартире): IX германская армия Эбена — против 4-й и 6-й армий (туда 52-м корпусом вошла упраздненная Дунайская армия) и III болгарская армия генерала Нерезова — против левого фланга 6-й армии. Всего слабым нашим 216 пехотным и 42 конным дивизиям противостояло 132 пехотных и 21 кавалерийская дивизия противника.

Наша Ставка — а вслед за нею и штабы фронтов и армий — любили производить фантастические исчисления сил неприятельских армий с точностью до десяти штыков. Чего стоил весь этот заочный подсчет неприятельских

мундирных пуговиц, показывает пример генерала Алексева, ошибавшегося весной 1916 года, как мы видели, на 200 000 штыков на одном Юго-Западном фронте. Наоборот, организацию высшего неприятельского командования в Ставке совершенно проглядели. Еще в июле 1917 года Ставка не знала, что фельдмаршал Конрад командует на Итальянском фронте, а вместо него главнокомандующим — генерал фон Арц, и продолжала считать Арца командующим I австро-венгерской армией. Между тем назначения Конрада и Арца не составляли секрета. Стоило только читать неприятельские газеты (чего в Ставке не делалось). Далее Ставка, так никогда и не разгадавшая ребуса XII австро-венгерской армии, не знала ничего о VII австро-венгерской армии Кевеша. Не знала она ничего и о том, что Фалькенгайн давно сдал свою IX армию, а сам командует Палестинским фронтом, что XII германская армия расформирована, что в Полесье образована новая группа Фалькенгайна 2-го и что у австрийцев Кирхбах и Терстанский поменялись армиями.

В числе наших 216 дивизий треть — 72 дивизии (4-й очереди и национальные формирования) — совершенно не имели артиллерии. Мы не сосчитали 6 дивизий в 1-й армии, охранявшей Балтийское побережье, и 6 дивизий в Финляндии и на балтийских морских позициях. У неприятеля 81 германская, 43 австро-венгерских, 5 турецких и 3 болгарских дивизий пехоты. Австро-венгерская конница вся спешена, и кавалерийские дивизии образовали стрелковые полки.

ПЯТАЯ ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА

Наступление наших армий пришлось отложить на Юго-Западном фронте — на неделю, на Западном и Северном — на целых три недели. Войска митинговали, соглашаясь, как правило, с каждым из бесчисленных ораторов, хотя бы и говоривших совершенно противоположное. В одной и той же дивизии сплошь да рядом один полк выносил постановление наступать, второй высказывался только за оборону — без германских принцесс аннексии и контрибуции, а третий, ничего не постановляя, втыкал штыки в землю и самотеком шел домой — в Тамбовскую губернию, до которой «немцу не дойти». Последнее решение зачастую принималось через четверть часа по вынесении «единогласно и восторженно» резолюции воевать до победного

конца. Этот сумасшедший дом преподносился ничего не смыслившим делегациям английских и французских социалистов как величайшее достижение демократии XX столетия.

Главная работа по уговорам ложилась на комитеты, шедшие на Юго-Западном фронте, где их возглавлял бывший террорист Савинков, рука об руку с командованием. На фронт юго-западных армий приехал Керенский — и наступление, отложенное уже с 10-го на 12 июля, пришлось отложить еще на четыре дня, чтобы дать речистому военному министру по возможности исчерпать свое красноречие, объезжая назначенные к атаке корпуса. Керенский, получивший в эти дни полухитливое-полупрезрительное прозвище «главноуговаривающего», был совершенно искренне уверен в своем «магическом влиянии» на войска. Разубеждать его не приходилось — об этом в самом непродолжительном времени постаралась сама жизнь. Боявшийся сесть на коня Керенский объезжал войска на автомобиле. Многие начальники развалившихся частей приглашали «главноуговаривающего» нарочно — для того чтобы затем иметь возможность умыть руки («сам Керенский не мог уговорить»). Керенский принимал такие приглашения за чистую монету, убеждался в своей «неописуемой популярности» и начинал любить себя еще больше. Полное незнакомство революционного военного министра с военной жизнью приводило иногда к забавным случаям. Когда Керенский в Тарнополе смотрел забавальскую казачью дивизию, то для встречи его был по уставу выставлен почетный караул, взявший при его приближении шашки наголо. Увидя сверкнувшее грозно оружие, Керенский вообразил, что наступил его последний час, и с громким жалобным писком побежал от караула и растерявшихся штабных назад, в автомобиль.

К счастью, в распоряжении штаба Юго-Западного фронта помимо уговоров имелась еще многочисленная и прекрасная артиллерия. Могучий рев трех тысяч орудий действовал вернее всяких уговоров. Картина подавляла своей грандиозностью, и войска невольно проникались боевым духом, конечно, поскольку это допускала природа «самой свободной армии в мире». Для большего подъема духа генерал Гутор приказал продолжить артиллерийскую подготовку еще на два дня.

Наступление было назначено окончательно на 18 июня. Особой армии отводилась пассивная роль. 11-я и 7-я армии наносили главный удар на Львов: первая в обход с севера —

на Зборов—Злочев, вторая фронтально — на Бржезаны. 8-й армии надлежало вести в долине Днестра вспомогательную операцию на Галич и страховать все наступление от неприятельских покушений из Карпат.

* * *

На рассвете знойного дня 18 июня под гром могучей артиллерии наши армии Юго-Западного фронта перешли в свое последнее наступление.

В 11-й армии генерал Эрдели, развернув на пассивном участке I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский, V Сибирский и XVII армейские корпуса, атаковал левым флангом: XLIX армейский корпус в этот день демонстрировал, а VI корпус крепким ударом у Конюхов прорвал фронт 25-го австро-венгерского корпуса на стыке II австро-венгерской и Южной германской армий. VI армейский корпус был в составе пяти дивизий (4-й, 16-й, 151-й, 155-й и 2-й Финляндской), но вся тяжесть операций легла на две его коренные дивизии, особенно на 4-ю. Было взято 5000 пленных и 10 орудий.

Весь день шел упорный бой, а на следующий день генерал Эрдели нанес сокрушительный удар XLIX корпусом генерала Селивачева по 9-му австро-венгерскому корпусу у Зборова. В XLIX армейский корпус входили 4-я и 6-я Финляндские стрелковые, 82-я пехотные дивизии и Чехословацкая бригада полковника Троянова. 4-я Финляндская дивизия нанесла удар по 32-й венгерской и 223-й германской пехотной дивизиям и чехословаки — по 19-й австро-венгерской дивизии, в значительной степени состоявшей из чехов. Финляндские стрелки взяли тактический ключ позиции — сильно укрепленную гору Могила, считавшуюся неприятелем неприступной. Особенно отличился 13-й Финляндский стрелковый полк полковника Палчинского, взявший 1500 пленных и 6 орудий. Атаковавшие с огромным порывом чехи опрокинули вдвое сильнее неприятеля и взяли 6000 пленных и 15 орудий (потеряв 150 убитыми и 1000 ранеными из 5000 бывших в строю). Ввод в дело чехословацких частей потряс австро-венгерское командование, и войска 9-го австро-венгерского корпуса были ночью же выведены в резерв и сменены 51-м германским корпусом.

Зборовская победа 19 июня 1917 года была крещением молодой чехословацкой армии и лебединой песнью финляндских стрелков... Блестящий успех не мог быть

развит — тому препятствовало отсутствие конницы и развал пехоты. Вместо того чтобы поддержать истекавших кровью братьев, резервы митинговали и выносили резолюцию о недоверии министрам-капиталистам и мире без аннексий и контрибуций... Наступление 11-й армии замерло — на третий день она вела только огневой бой. 22 июня части XVII и XLIX корпусов атаковали вновь, но не добились сколько-нибудь значительных успехов. Добычей было 17 офицеров и 1032 нижних чинов. Трофеи 11-й армии за Зборовское сражение с 18-го по 22 июня составили 300 офицеров, 18 500 нижних чинов пленными, 31 орудие и 33 пулемета.

Командовавший 7-й армией генерал Белькович сгруппировал четыре ударных корпуса — XLI армейский, VII Сибирский, XXXIV и XXII — в могучий кулак на правом фланге, а левофланговый III Кавказский корпус растянул на пассивном участке. Войска двинулись вперед с большим порывом, овладев двумя, а то и тремя укрепленными полосами. Центр армии Ботмера — 25-й резервный и 27-й резервный германские корпуса — был оттеснен в этом сражении при Бржезанах, но яростными контратаками германо-турок в ночь на 19-е и днем 19 июня наш успех в значительной степени был сведен на нет. Местные условия чрезвычайно затрудняли артиллерийское наблюдение, и наша пехота в критические часы неприятельских контратак была лишена огневой поддержки. А главное, войска были уже не те... Проявляя в наступлении нервный порыв, подчас напомилавший прежнюю беззаветную лихость, войска начинали быстро сдавать при заминках и, переходя к обороне, уже не выказывали былой стойкости. «Это уже не были прежние русские», — вспоминал об этих боях Людендорф.

У нас принято было считать, что войска 7-й армии, выйдя из окопов с красными флагами, лишь потоптались на месте и вернулись назад. Только из официального описания войны австрийским Генеральным штабом мы можем видеть, какое упорное сражение выдержала 18—19 июня Южная германская армия. Из 20 пехотных дивизий 7-й армии 8 атаковало, 2 (III Кавказского корпуса) удерживали пассивный участок, а 10 митинговали в тылу. На атакованном участке неприятель имел 5 дивизий. XLI армейский корпус (74-я и 3-я Заамурская дивизии) оттеснил 25-й резервный германский корпус у Бржезан, VII Сибирский корпус (Сводная и 108-я пехотная дивизии) и XXXIV корпус (23-я и 19-я Сибирские стрелковые дивизии) прорвали 27-й резервный корпус под Диким Ланом. Бой велся здесь

весь день и всю ночь с ожесточением. XXII корпус (3-я и 5-я Финляндские стрелковые дивизии) сбил было 15-й турецкий корпус, но турецкой контратакой был возвращен в исходное положение. Неприятель свой урон за сутки боя под Бржезанами показал в 328 офицеров и 12 218 нижних чинов из 35 000 введенных в дело и определяет «на глаз» наши потери в 40 000 человек, из коих одними убитыми 13 000. Это совершенно неверно. Весь урон Юго-Западного фронта (11-я армия у Зборова, 7-я армия у Бржезан и 8-я армия у Галича) составил за июньское наступление 1222 офицера и 37 500 нижних чинов убитыми и ранеными. В 8 слабых дивизиях генерала Бельковича на бой 18 июня пошло самое большее 50 000 штыков. Наш урон должен составить 15 000 человек. 7-я армия взяла 23 офицера и 198 нижних чинов пленными. 24-я германская резервная дивизия, разбитая 3-й Заамурской, была снята с фронта. Германцы потеряли 5454 человека, из них 1982 пленных (22 процента), а турки — из 2526 человек только 191 пленного (8 процентов). Доказательство высокого качества турецких войск.

* * *

Генерал Гутор надеялся еще устроить армии и возобновить в конце июня захлебнувшееся наступление. Он усилил 11-ю армию XXV корпусом с Волыни и XLV с Румынского фронта и передал в 7-ю армию гвардию. Вспомогательное наступление 8-й армии в общем направлении на Рогатин должно было облегчить ведение операции.

Командовавшие армиями и командиры корпусов не скрывали своих опасений. В сорвавшемся наступлении они видели грозное предостережение. Они знали, что 18 июня атаковали только те, кто еще хотел riskовать жизнью за Родину, что лучшие из них погибли, что огромное взбаламученное море войск в любой момент готово выйти из повиновения и фронт держится лишь тонкой цепочкой частей, оставшихся верными долгу.

Но Керенский ничего этого не замечал. Он видел лишь блестящий фейерверк Зборова и совершенно не чувствовал трагического положения. Ему показали пленных и захваченные пушки — и он вывел отсюда заключение о непобедимости «самой свободной армии в мире». Победа 18 июня укрепляла престиж Временного правительства в стране и за границей, и Керенский извещал о ней республиканского князя Львова и всю Россию ликующей

телеграммой. Пошляк Львов ответил напыщенным приветствием, восхваляя «силу революционной армии, устроенной на демократических основах и пропитанной демократическим идеалом». Проявления этой «революционной силы» и «демократических идеалов» не заставили себя ждать...

* * *

8-й армии Ставка и штаб фронта указывали вести вспомогательный удар в северо-западном направлении на Рогатин, в правый фланг Южной германской армии, что должно было облегчить главную атаку 7-й армии с фронта. Но волевой Корнилов отвергнул доводы Брусилова и Гутора. Глазомером полководца он угадал слабое место неприятельского фронта в Галиции и Буковине и положил наступать не на северо-запад к Рогатину, а прямо на запад — на Галич и Калуш, нанеся удар по III австро-венгерской армии в долине Быстрицы.

Правофланговую ударную группу 8-й армии составили 11 дивизий XXXIII, XII и XVI армейских корпусов, развернутых против III австро-венгерской армии Терстанского между Днестром и Прутом. 8 дивизий XI, XXIII и XVIII корпусов занимали пассивный участок в Буковинских Карпатах против VII армии Кевеша. Ведение главной атаки было возложено на центральный из ударных корпусов — XII генерала Черемисова, доведенный до 6 дивизий и развернутый вдоль Быстрицы. Левее XVI корпус должен был демонстрировать на Богородчаны, а на правом фланге ударной группы и всей армии заамурцы XXXIII корпуса были нацелены на Галич.

В XXXIII армейском корпусе — 2-я и 4-я Заамурские дивизии, в XII корпусе — 11-я, 19-я, 56-я, 117-я, 164-я пехотные и 1-я Заамурская дивизии, в XVI корпусе — 41-я, 47-я, 160-я пехотные, 7-я и 9-я кавалерийские дивизии. У неприятеля — 26-й корпус на фронте XXXIII и XII корпусов и 13-й корпус на фронте XVI корпуса. Противостоявшая Корнилову III австро-венгерская армия генерала Терстанского насчитывала 6½ пехотных и 1 кавалерийскую дивизии в своих 26-м и 13-м армейских корпусах. У Кевеша было 11 пехотных и 3½ кавалерийских дивизии.

23-го и 24 июня XVI корпус рядом демонстраций сковал 13-й неприятельский корпус и отвлек внимание Терстанского на юг. А 25-го под гром 300 орудий бросился в бой

наш XII корпус. Фронт III армии врага был прорван могучим ударом под Ямницей (у австрийцев «сражение при Утренней Горе»). Старые полки 11-й и 19-й дивизий — герои севастопольских бастионов и ветераны кавказских походов — достойно завершали свой славный путь, и баварской картечью в упор был крещен новый полк — Корниловский ударный. Его «ура» под Ямницей было первым криком рождавшейся другой армии, первым видением надвигавшейся другой войны...

26-й австро-венгерский корпус (группа Ходфи) был растерзан и перестал существовать. Вся долина Быстрицы была в наших руках. В боях 26 июня были разбиты подошедшие германские подкрепления и отброшен 13-й корпус. Южная германская армия спешно загнула свой правый фланг, повисший в воздухе за гибелью 26-го корпуса.

Корниловским ударным отрядом (полк) командовал капитан Неженцев. Ударниками взято 26 офицеров и 831 нижний чин пленными и 6 орудий. Их выбыло 300 человек, из коих треть заколото штыками. Всея 8-й армией за день 25 июня взято 131 офицер, 7000 нижних чинов и 48 орудий. 15-я австро-венгерская пехотная дивизия была совершенно уничтожена, выведя из 7700 бойцов только 800 и потеряв все 43 орудия. 26 июня при отражении германских контратак взято еще 1000 пленных и 3 орудия. 26-й австро-венгерский корпус был расформирован, и его остатки влиты в 40-й германский резервный корпус генерала Липмана.

27 июня Корнилов вогнал ударный клин XII корпуса еще глубже — до Ломницы, а на правом фланге 8-й армии заамурцы быстрым ударом взяли Галич. При взятии Галича частями 1-й и 4-й Заамурских дивизий захвачено 2000 пленных и 26 орудий. Терстанский и Ходфи были отрешены, и на Ломницу Леопольд Баварский направил старика Липмана, уже спасшего императорско-королевские армии год назад под Кошевом.

На рассвете 28 июня молодая 164-я пехотная дивизия, прикрываясь садами, без выстрела проскользнула в Калущ. Стоявшие на биваках германские войска, захваченные врасплох, бежали за Ломницу, уничтожив переправы. В лихом наскоке на Калущ 164-й пехотной дивизией взято свыше 1000 пленных и 13 орудий.

29-го и 30 июня генерал Корнилов равнял по передовым свой XVI корпус. Отсутствие конницы — вечная язва

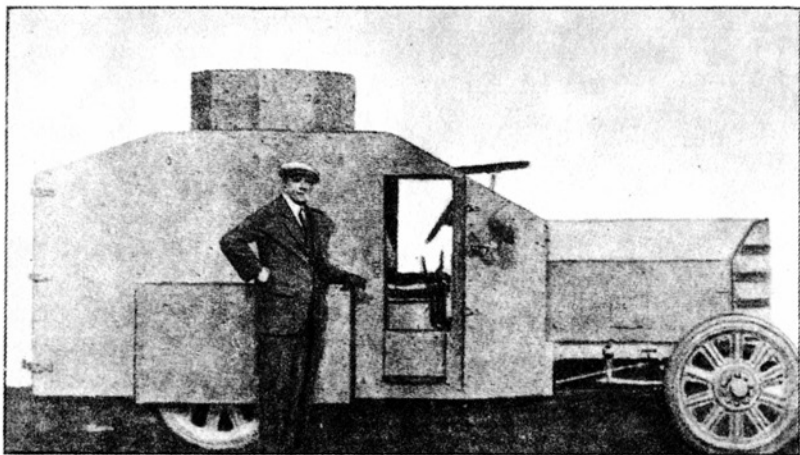

Государь импера-
тор — Верховный
главнокомандую-
щий среди главно-
командующих
армиями.
Почтовая карто-
чка. Петроград.
1916 г.

Государь импера-
тор — Верховный
главнокомандую-
щий и наслед-
ник цесаревич в
Действующей ар-
мии.
Почтовая карто-
чка. Петроград.
1916 г.

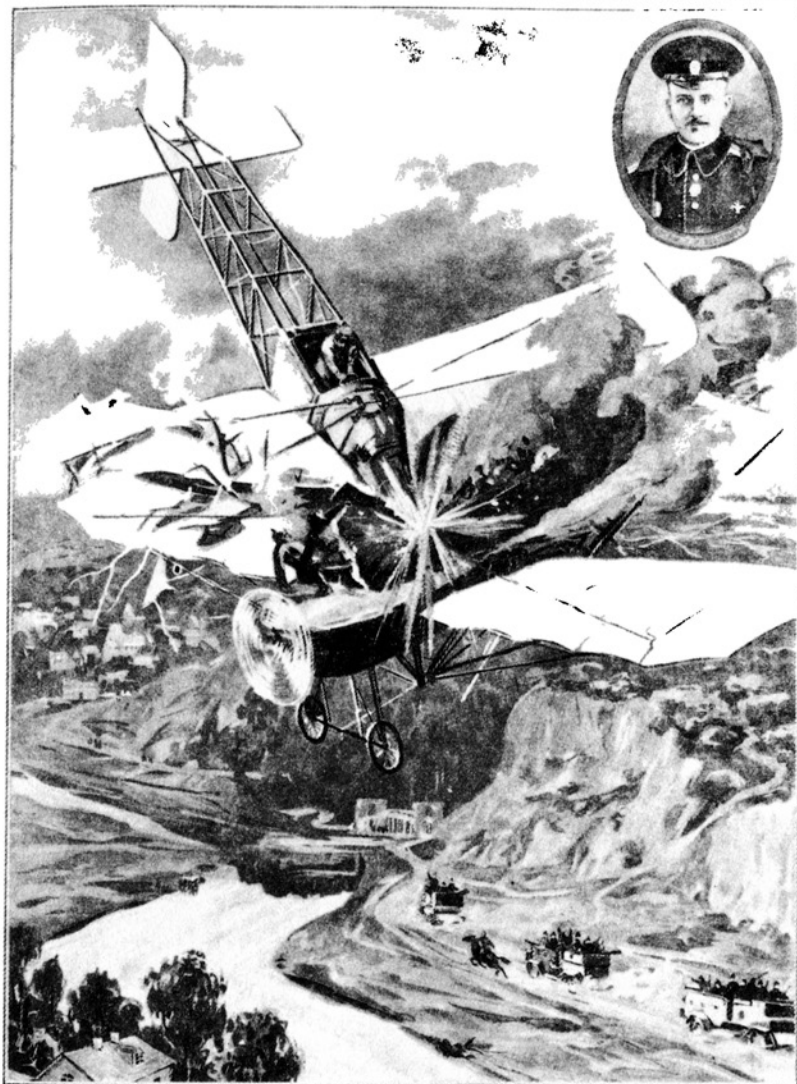

*Принц Александр Петрович Ольденбургский —
верховный начальник санитарной
и эвакуационной
части.
Цинкография.
1910-е гг.*

*Русский блинди-
рованный авто-
мобиль.
Цинкография.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая война
в образах и кар-
тинах». Выпуск*

*V11. Товарищест-
во типографии
А.И.Мамонтова.
Москва. 1915 г.*

*Геройский по-
двиг и гибель
знаменитого
летчика штабс-
капитана
П.Н.Нестерова.
Хромолитография.*

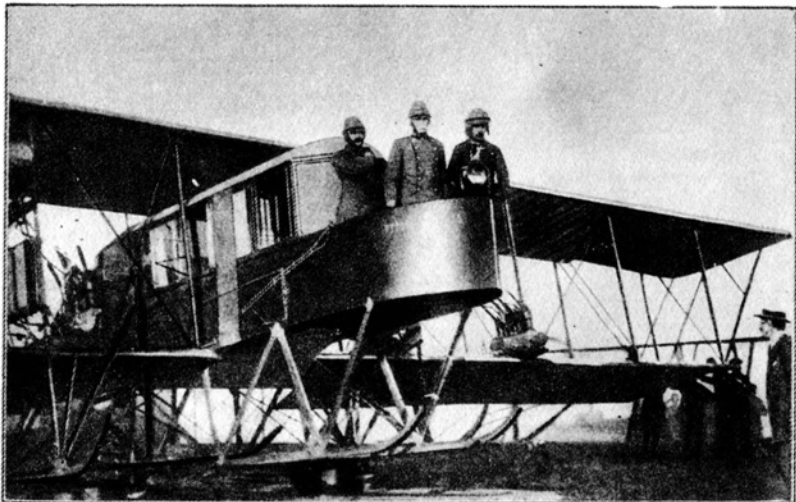
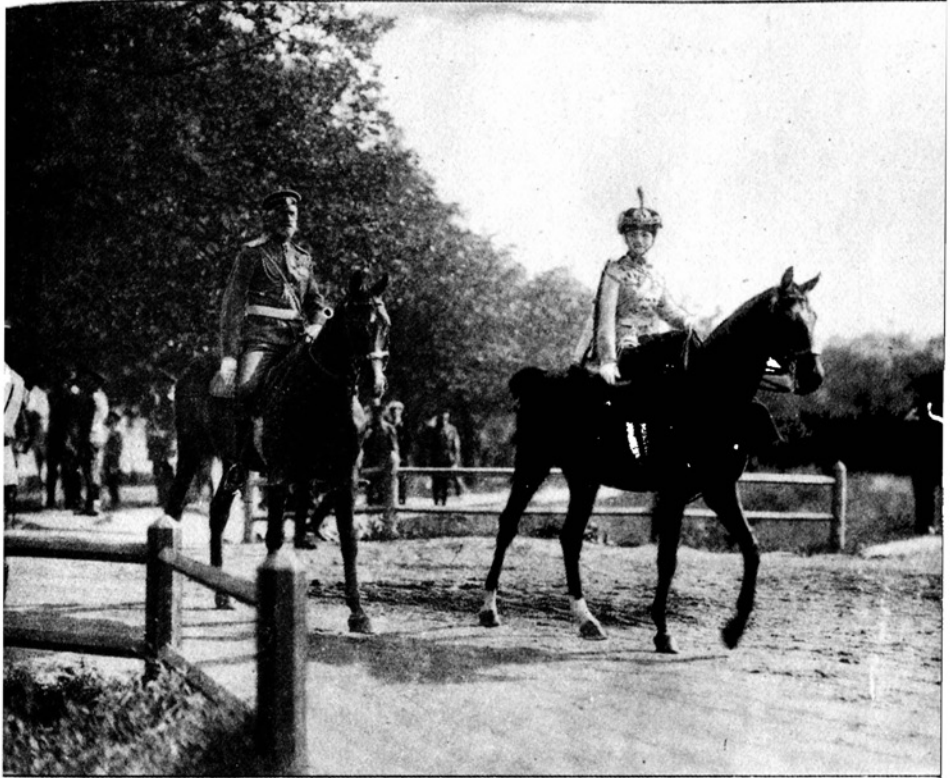
*Литография
торгового дома
А.П.Коркина,
А.В.Бейдемана и
К°. Москва 1914 г.*

Великая княжна
Ольга Николае-
вна в форме ше-
фа 3-го гусарско-
го Елизаветград-
ского полка —
справа. Слева —
великая княжна
Татьяна Никола-
евна.
Фотография неиз-
вестного автора.
Начало XX в.

Великая княжна
Ольга Николае-
вна в форме шефа
3-го гусарского
Елизаветградско-
го полка — справа.
На втором пла-
не — великий
князь Николай
Николаевич-млад-
ший — Верхов-
ный главнокоман-
дующий.
Фотография
И.Е.Дремина.
1913 г.

«Русский витязь»
Сикорского.
Цинкография.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая война
в образах
и картинах».
Товарищество
типографии
А.И.Мамонтова.
Москва. 1915 г.

*Генерал
М.В.Алексеев.*

*Генерал
Л.Г.Корнилов.*

*Заседание Государственной
Думы 19 июля
1915 г.
Цинкография.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая война...» Выпуск
VIII.
1915 г.*

Генерал
С.И. Марков.

Нападение казаков на германский воинский поезд.
Хромолитография.
Литография товарищества
И.Д.Сытина. Москва. 1915 г.

Священная война.
Хромолитография.
Литография
М.А.Стрельцова.
Москва. 1914 —
1915 гг.

Лихая атака
казаков.
Хромолитография.
Типолитография
И.С.Фуки.
Москва. 1915 г.

Пленные австрийцы на улицах Москвы.
Цинкография с фото К. Буллы.
В издании Д. Я. Маковского
«Великая война...» 1915 г.

Воронка от тяжелого снаряда.
Цинкография с фото С. А. Корсакова.
В издании Д. Я. Маковского
«Великая война...» Выпуск VII. 1915 г.

Полевой телефон.
Цинкография с фото С. А. Корсакова.
В издании Д. Я. Маковского
«Великая война...» 1915 г.

*Переправа через
реку.
Цинкография
с фото*

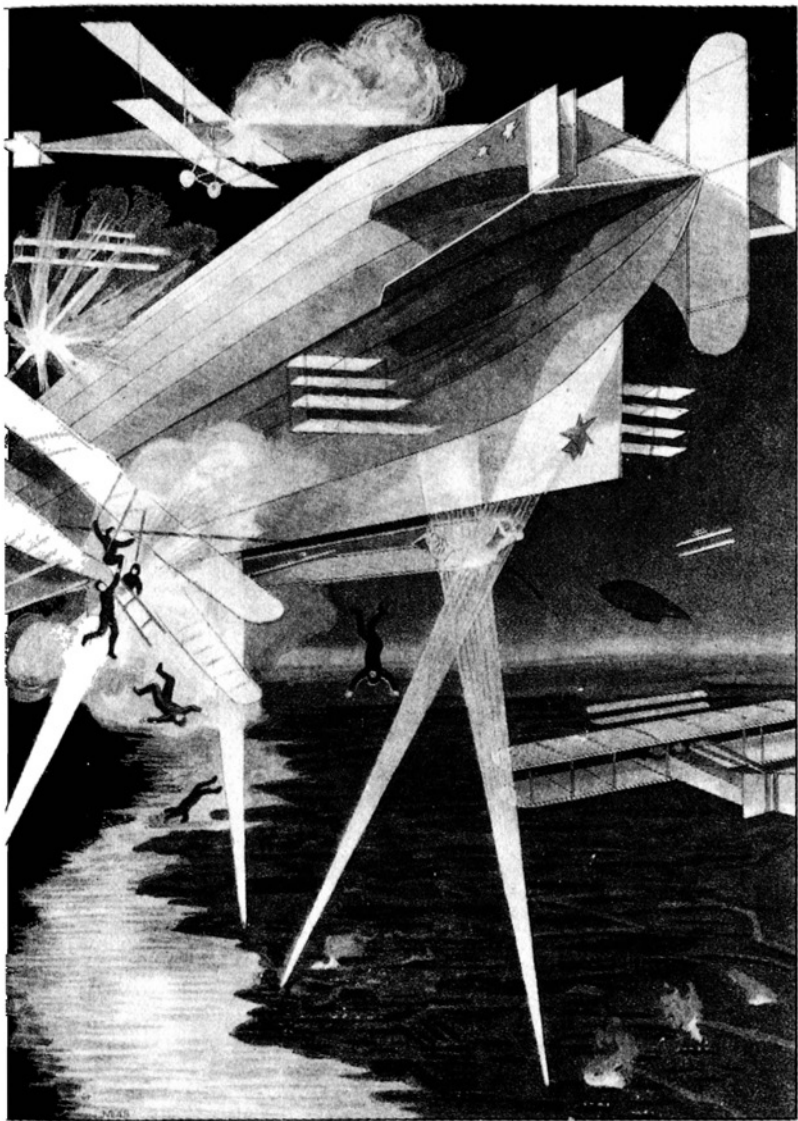
*С.А.Корсакова.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-*

*на...» Выпуск
VII. 1915 г.*

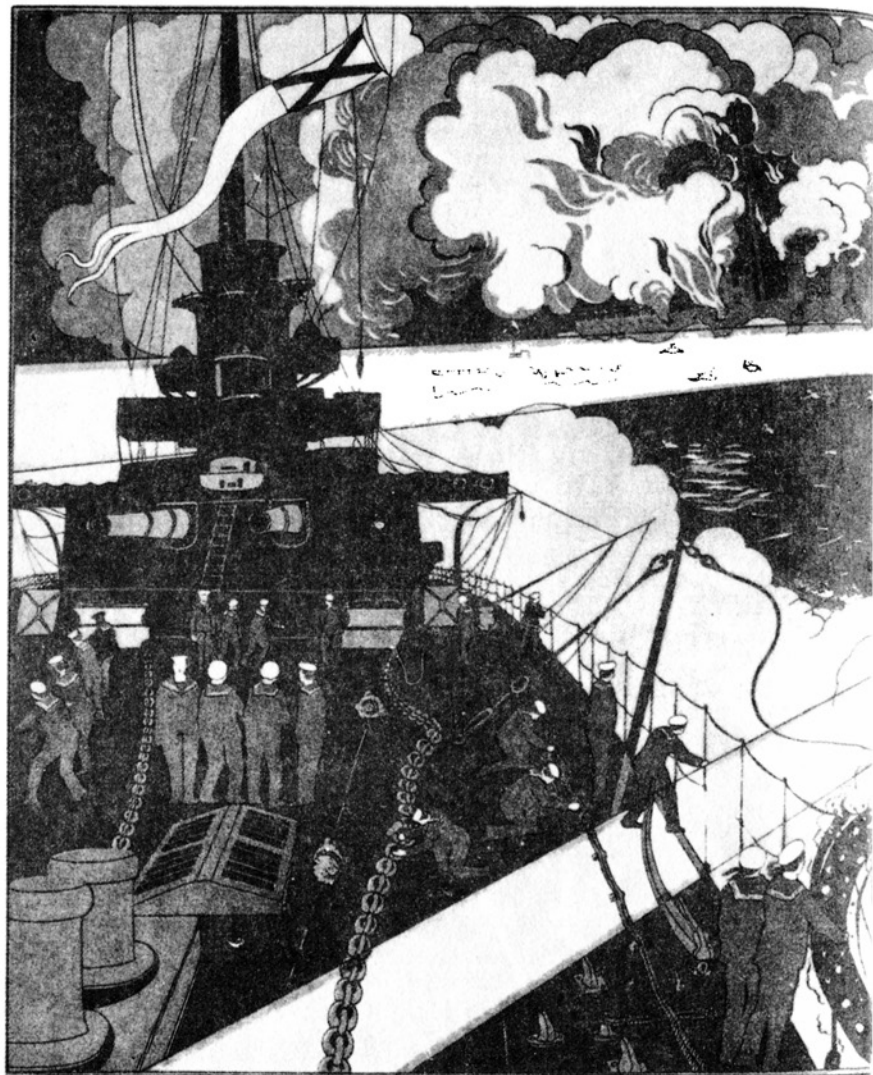

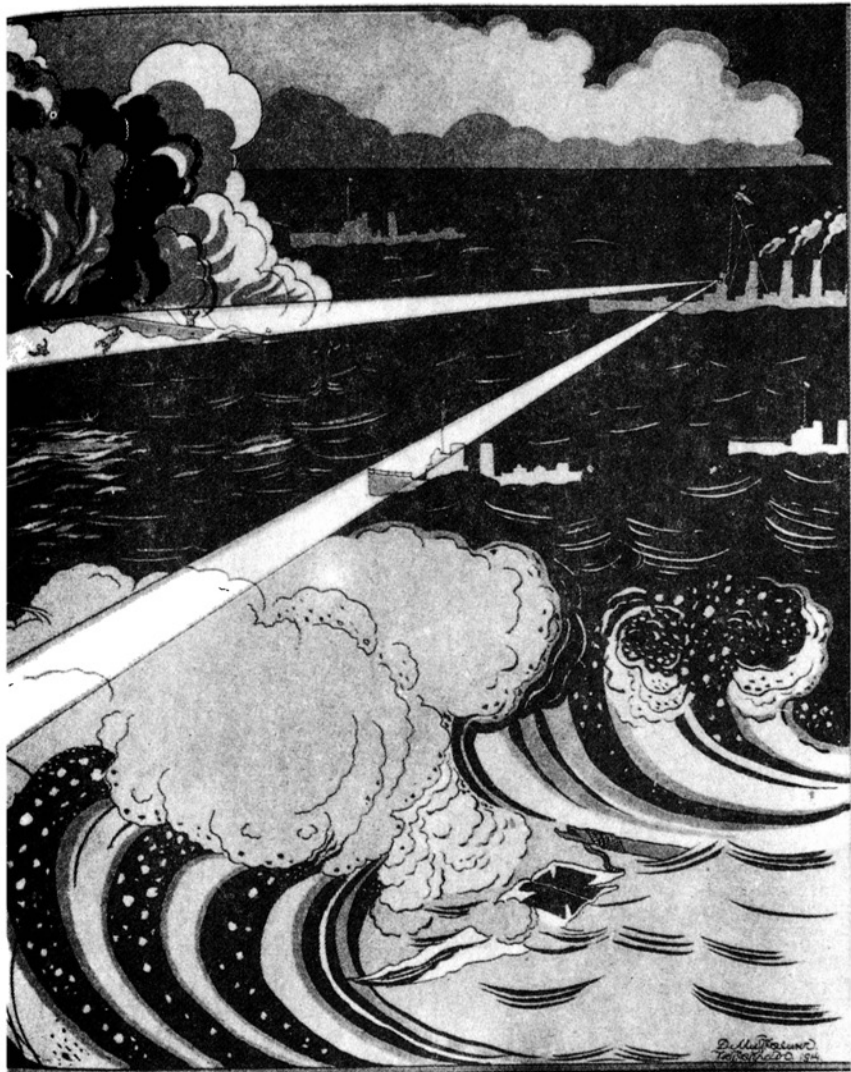
Захват германских автомобилей.
Репродукция
с картины
И.В.Владимирова.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая война...» 1915 г.

Война в воздухе.
Хромолитография.
Литография товарищества
И.Д.Сытина.
1914 г.

Морской бой.
Художник
Д.Митрохин.
Хромолитография.
Товарищество
Р.Голике и
А.Вильборг.
Петроград. 1914 г.

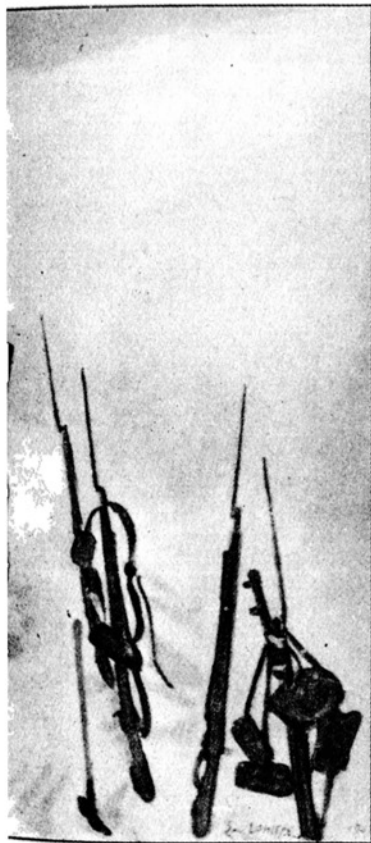

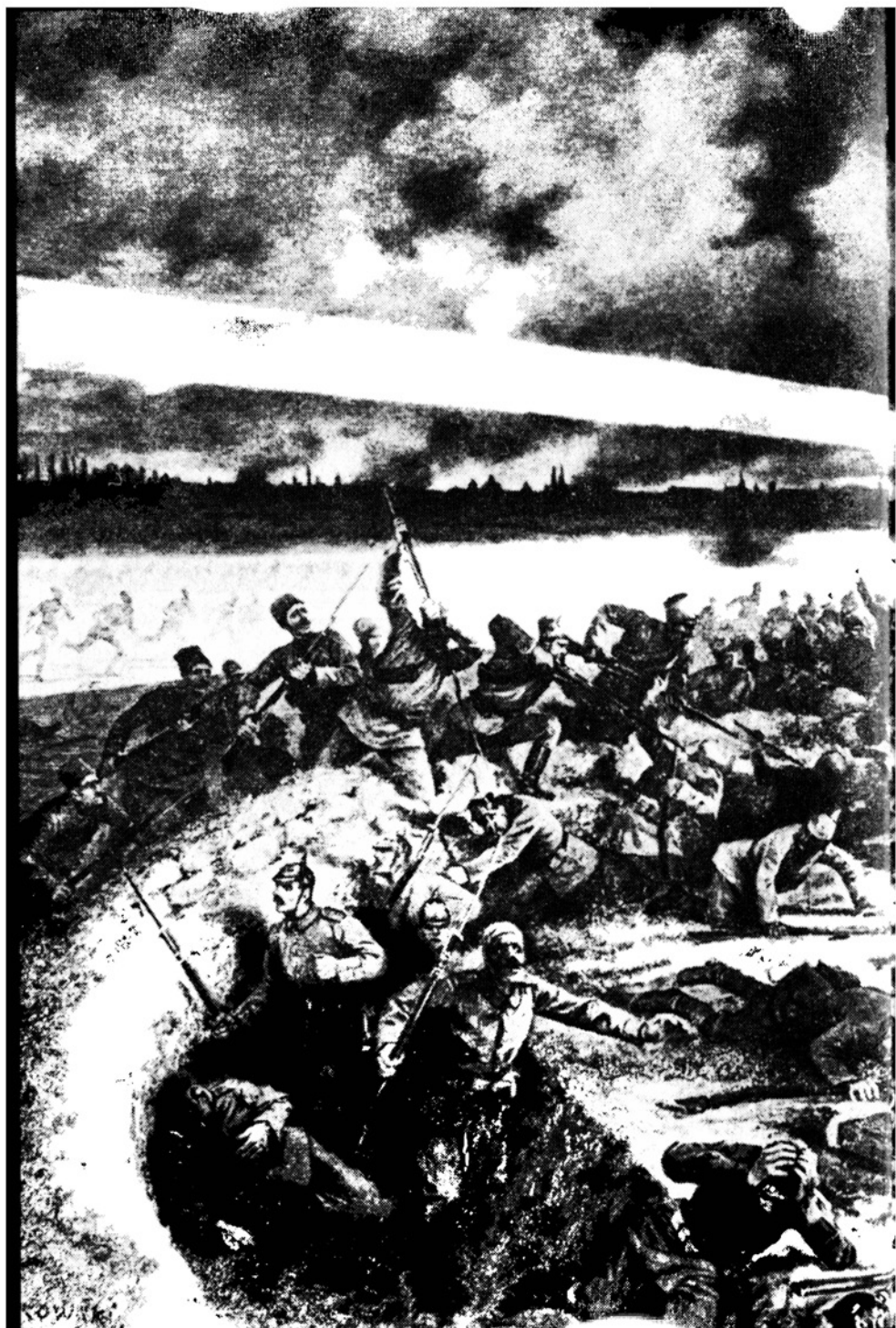
Пластуны,
роющие окопы.
Репродукция
с рисунка
Е.Е.Лансере, сде-
ланного с натуры.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» 1915 г.

*Генерал
А.Н.Каледин.*

*Адмирал
А.В.Колчак —
командующий
Черноморским
флотом.*

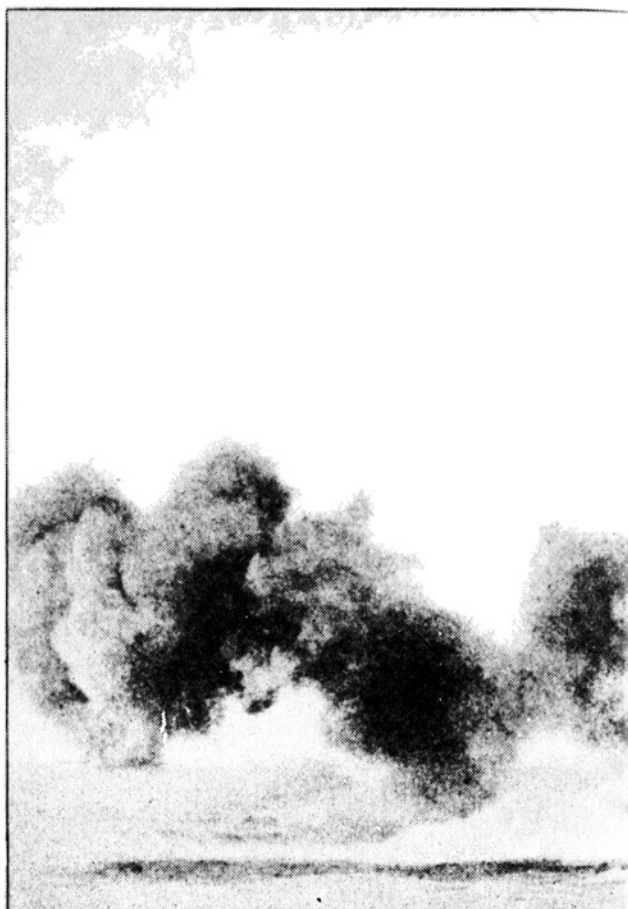

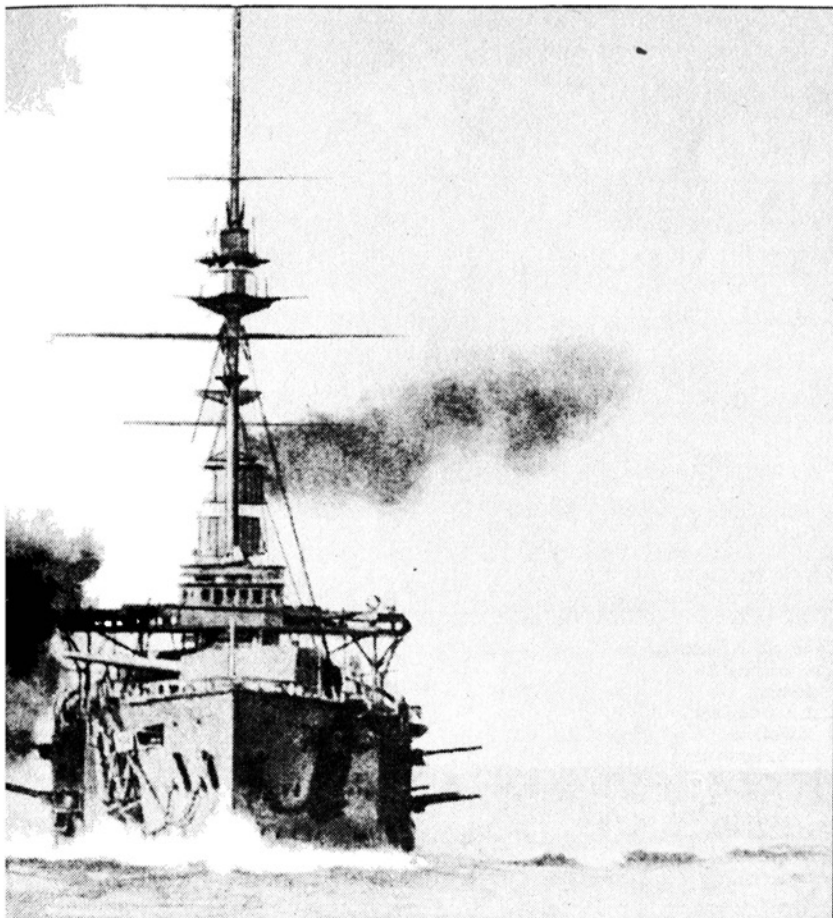
*Бой в траншее.
Репродукция с
картины
В.В.Мазуровского.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск IX.
1916 г.*

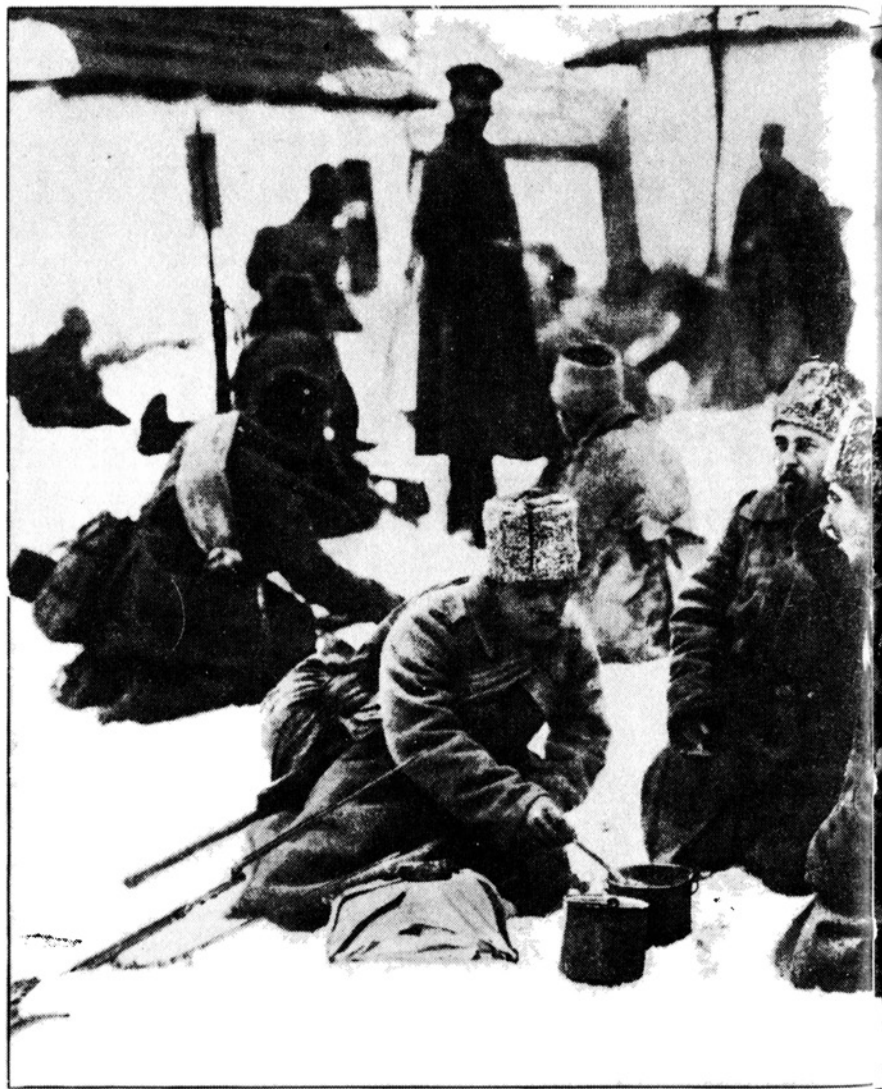
*Солдат под градом
пуль спасает ране-
ного офицера.
Хромолитография.
Товарищество
С.Лапина с сы-
новьями. Гродно.
1914 — 1915 гг.*

*В окопах.
Цинкография
с фото
С.А.Корсакова.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск IX.
1916 г.*

*Крейсер во время
боя.
Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск
VII. 1915 г.*

Обед на привале.
Цинкография
с фото
С.А.Корсакова.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» 1915 г.

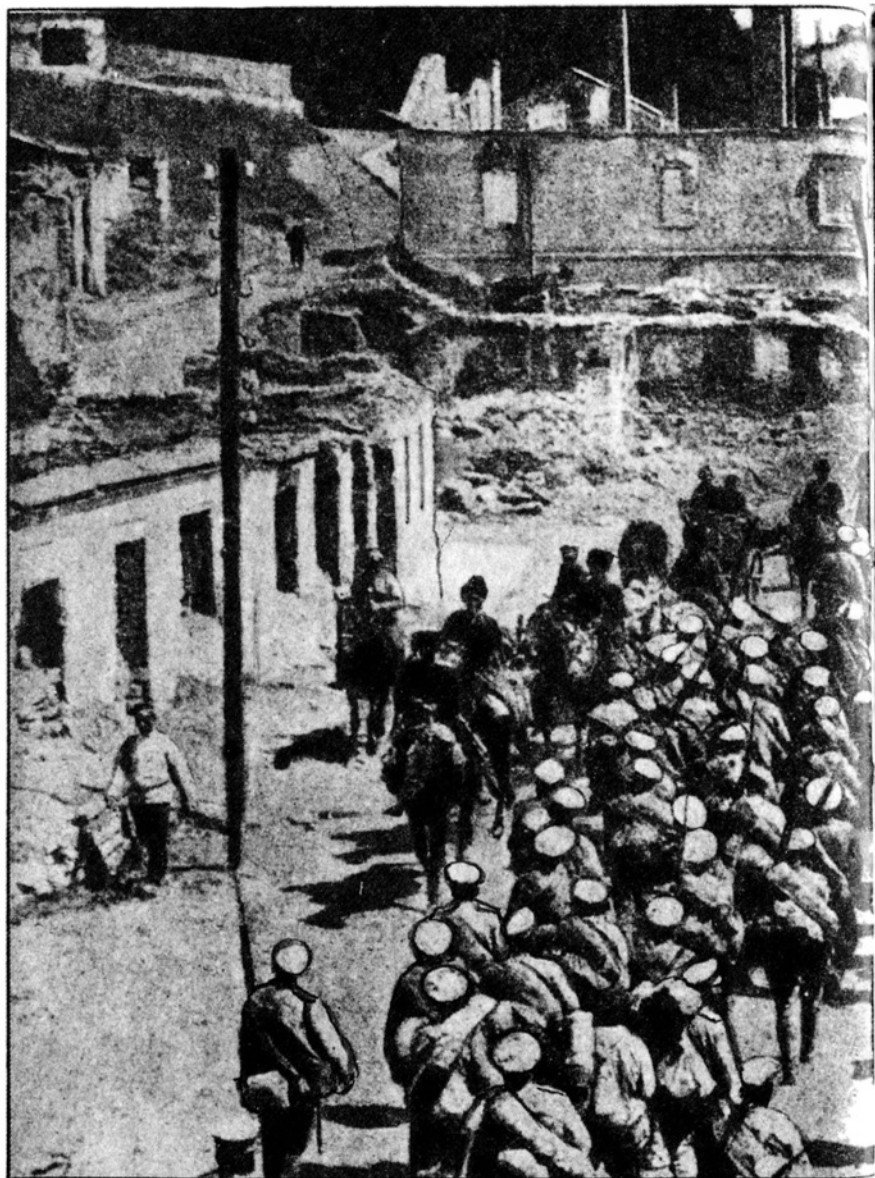

*А.А.Брусилов.
Фототипия.
Начало XX в.*

*Генерал
от кавалерии
А.А.Брусилов.
Хромофотография.
Литография
товарищества
И.Д.Сытина.
1915 г.*

*Русская армия
на отдыхе.
Хромофотография.
Литография
товарищества
И.Д.Сытина.
1915 г.*

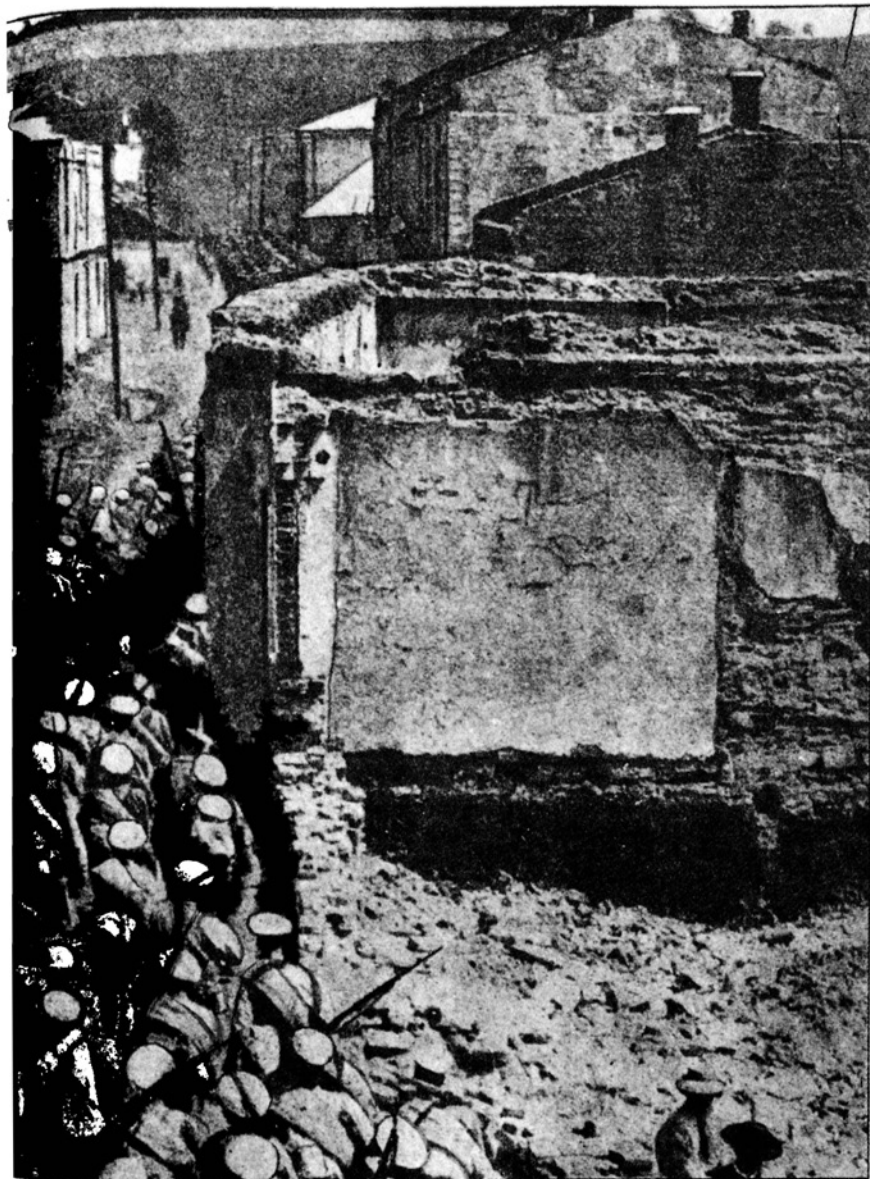

Галицийское на-
ступление. Вступ-
ление наших
войск в г.Бучач.

Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского

«Великая вой-
на...» Выпуск
XII. 1916 г.

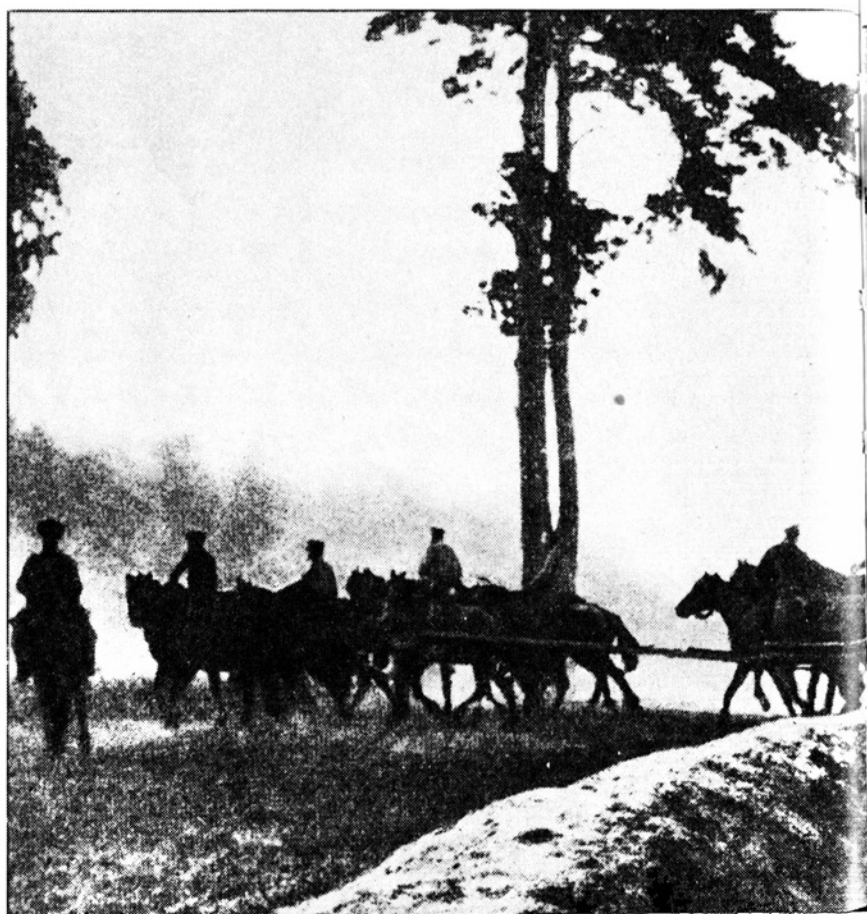
*Русская батарея
в действии.
Цинкография
с фото
С.А.Корсакова.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск
VII. 1915 г.*

*Генерал
от кавалерии
П.А.Краснов.*

*Генерал
А.П.Кутенов.*

Галицийское наступление. Наши патрули в г. Станиславове. Цинкография с фото. В издании Д.Я.Маковского «Великая война...» Выпуск XII. 1916 г.

Перевозка артиллерии. Цинкография с фото. В издании Д.Я.Маковского «Великая война...» Выпуск XI. 1916 г.

В окопе. Цинкография с фото С.А.Корсакова. В издании Д.Я.Маковского «Великая война...» 1916 г.

На смену
товарищам.
Цинкография
с фото.

В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» 1916 г.

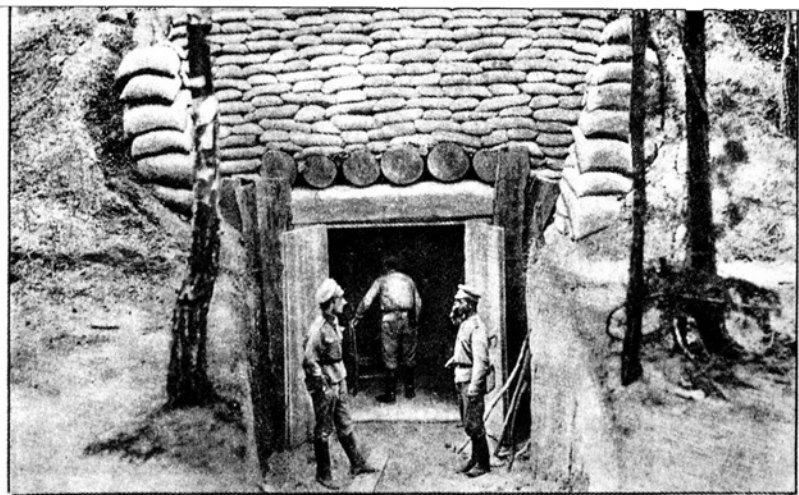

Немец близко!
Цинкография
с фото
С.А.Корсакова.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск IX.
1916 г.

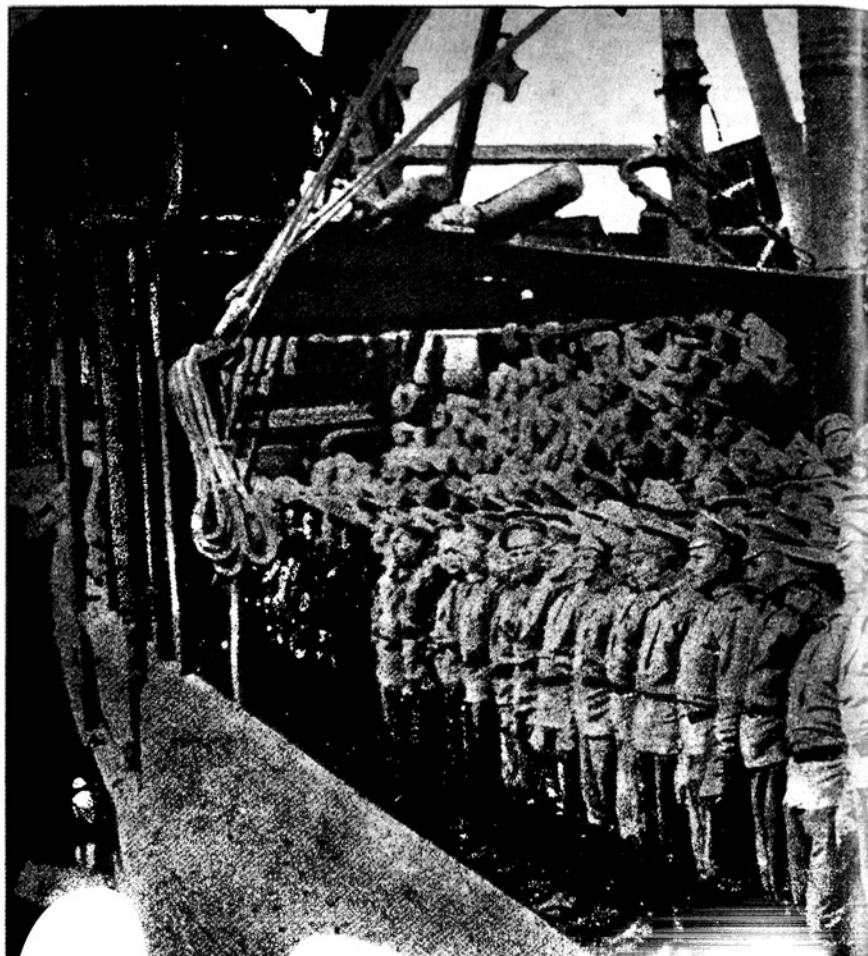
В атаку.
Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск IX.
1916 г.

В окопе.
Цинкография
с фото
С.А.Корсакова.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск XI.
1916 г.

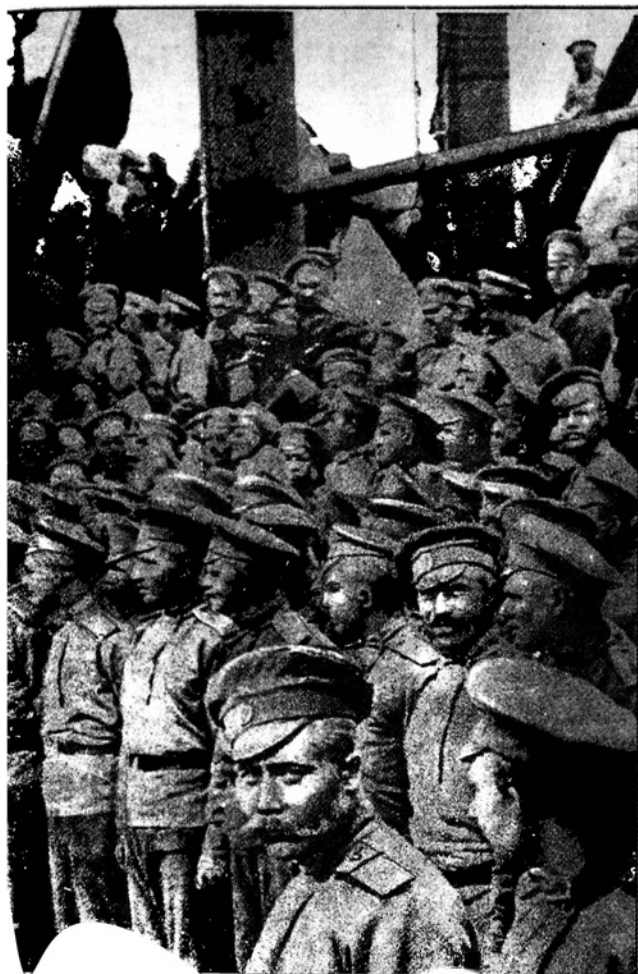

Русские войска
на борту
транспорта в мо-
мент прибытия
в Марсель.
Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск
XII. 1916 г.

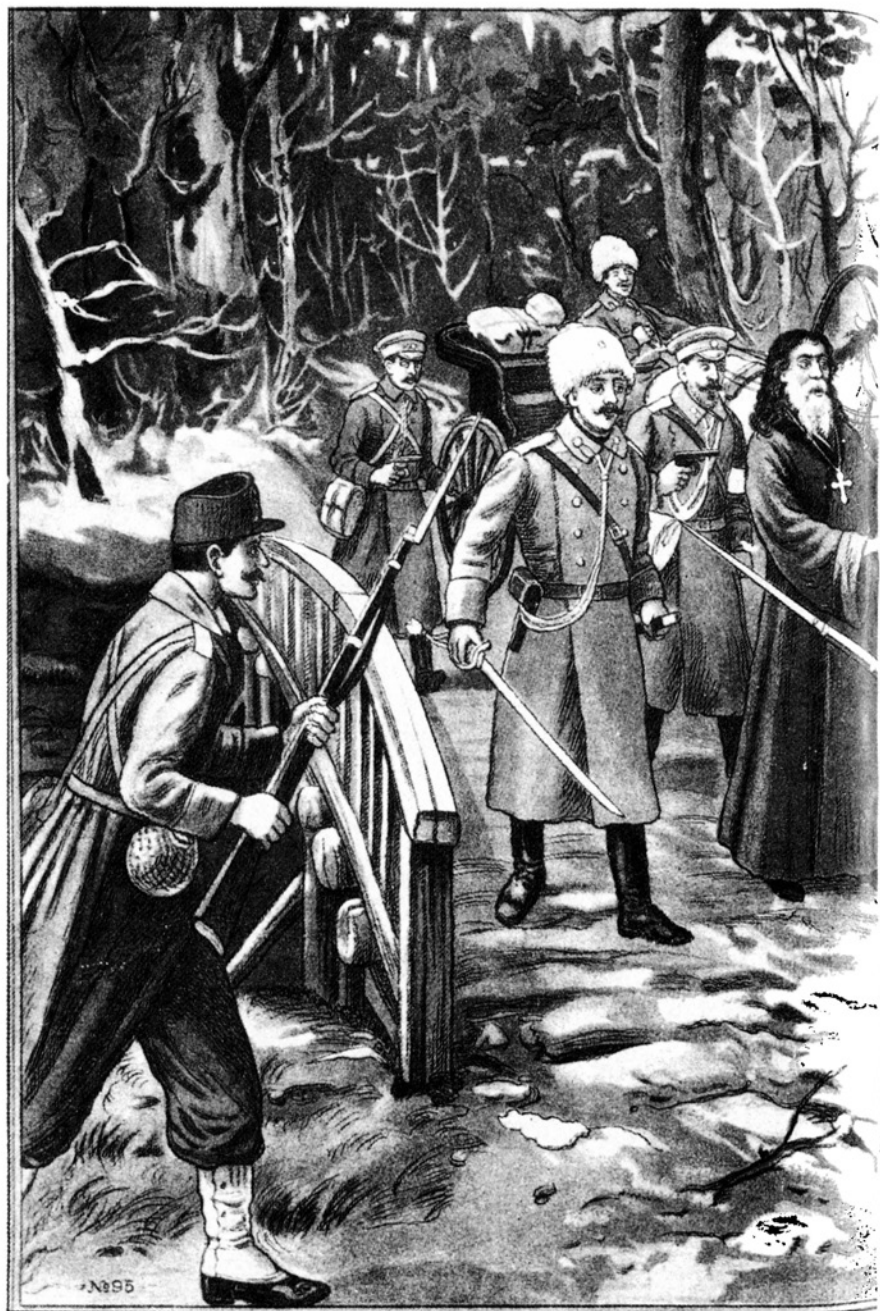

Знамя русских
войск на
французском
фронте.
Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск
XII. 1916 г.

Подвиг русского
православного
священника.
Хромофотография.
Литография
товарищества
И.Д.Сытина.
1915 г.

Война с Турцией.
Хромолитография.
Типолитография
Корпусновой.
1914 г.

Подвиг сестры
Е.П. Коркиной.
Хромолитография.
Литография
товарищества

И.Д. Сытина.
1915 г.

*Беседа под
Царьградом.
Хромолитография.
Типолитография
торгового дома
Е.Коновалова и
К°. Москва.
1914 — 1915 гг.*

*Переправа
русских войск
через Аракс.
Хромолитография.
Литография
И.Я.Виноградова.
Москва. 1914 г.*

*Взятие Кеприкея.
Хромолитография.
Хромолитография.
И.А.Морозова.
Москва. 1914 г.*

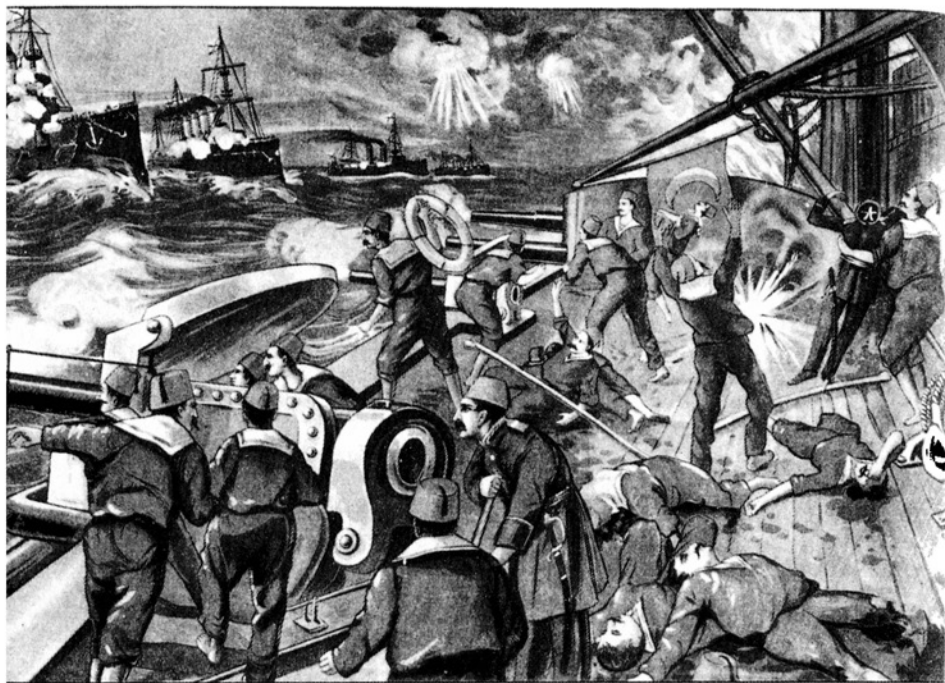
*Бой под
Ардаганом.
Хромолитография.
Литография
товарищества
И.Д.Сытина.
1915 г.*

Встреча русской
и турецкой эс-
кадр в Черном
море.
Хромолитография.
Типолитография
торгового дома
А.В.Крылова и
К°. Москва.
1914 г.

Вступление
русских войск в
Турцию. Взятие
Баязета.
Хромолитография.
Литография
торгового дома
А.П.Коркина,
А.В.Бейдемана
и К°. Москва.
1914 — 1915 гг.

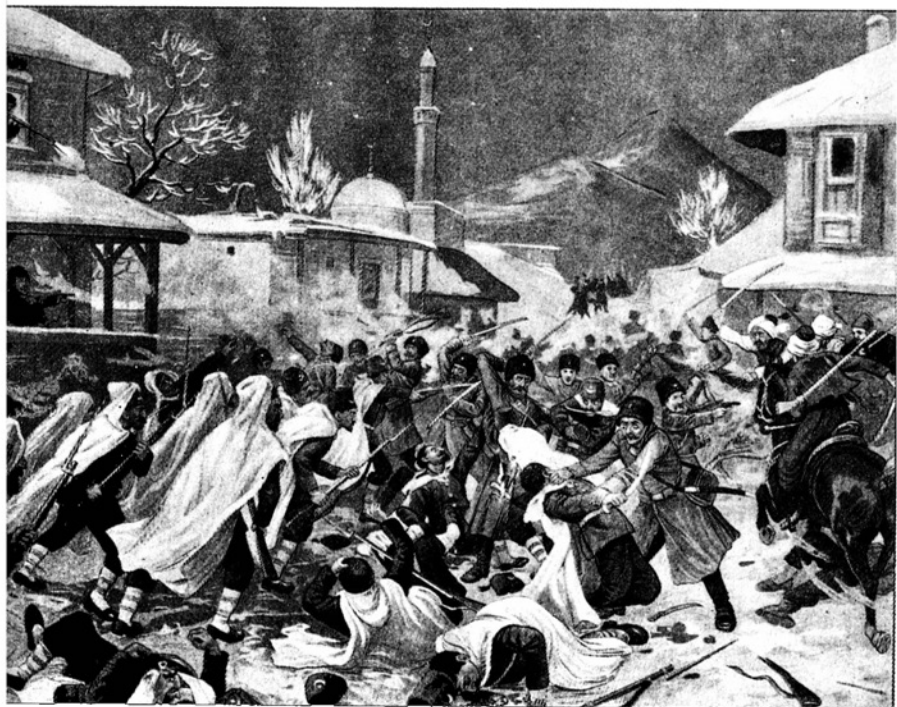
Война с турка-
ми в Закавказье.
Хромолитография.
Литография
товарищества
И.Д.Сытина.
1915 г.

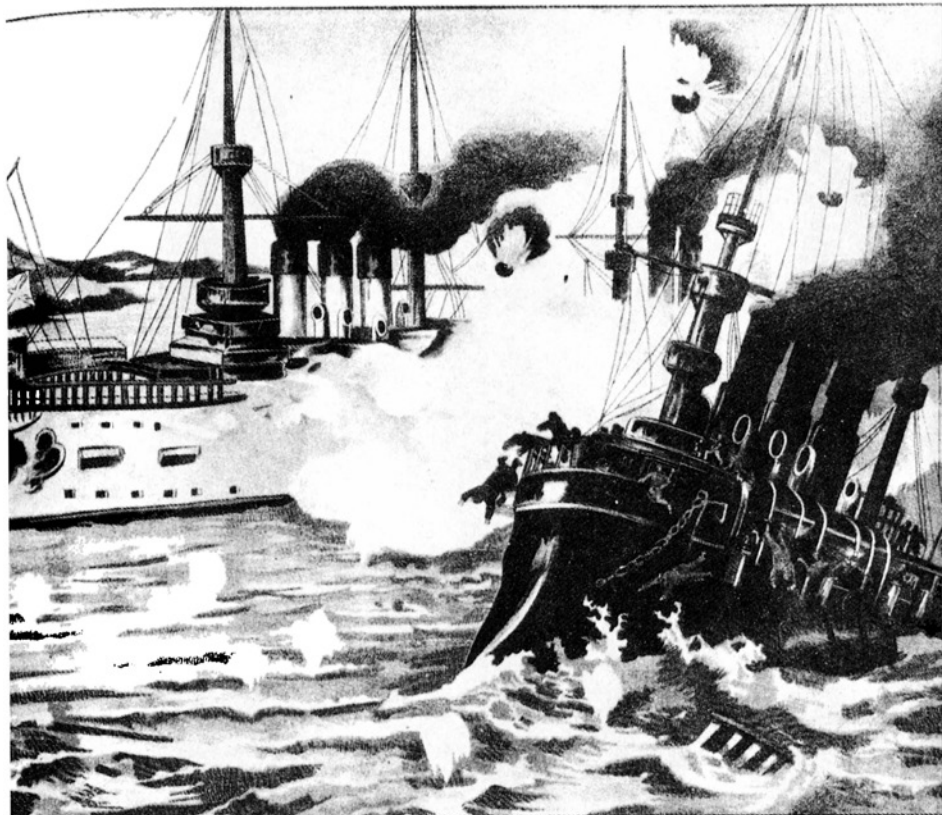
Разгром турец-
кой армии под
Сарыкамышем.
Хромолитография.
Типолитография
Челнокова.
Москва. 1915 г.

*Поражение
турок на
Эрзерумском
фронте.
Хромолитография.
Товарищество
типографии
И.М.Машистова.
Москва. 1915 г.*

*Морской бой у
Синопа.
Хромолитография.
Хромолитография.
И.А.Морозова.
Москва. 1915 г.*

*Бой с турками.
Хромолитография.
Литография
товарищества
И.Д.Сытина.
1915 г.*

На Кавказском
фронте. Герои
Эрзерума.
Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-

на...» Выпуск XI.
1916 г.

На Кавказском
фронте. Турец-
кие знамена, за-
хваченные наши-
ми войсками.

Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск XI.
1916 г.

Наступление
на Эрзерум.
Хромолитография.
Литография
Иванова. Москва.
1915 — 1916 гг.

Генералы
Н.Н.Духонин и
Л.Г.Корнилов.

Звезда ордена
св. Александра
Невского.

Звезда ордена
св. Андрея
Первозванного.

Знак ордена
Георгия
4-й степени.

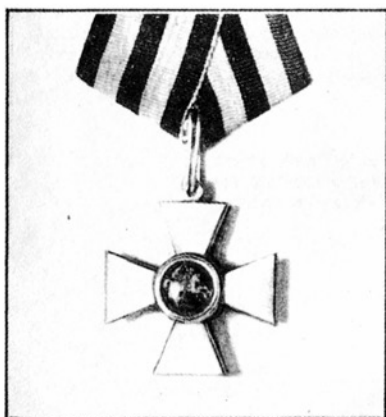
Нагрудный знак
62-го пехотного
Суздальского
полка.

Нагрудный знак
139-го пехотного
Моршанского
полка.

Нагрудный знак
Лейб-Гвардии Во-
лынского полка.

Генерал
А.И.Деникин.

*Нагрудный знак
Лейб-Гвардии
Уланского Ее Ве-
личества полка.*

*Нагрудный знак
Лейб-Гвардии
Преображенского
полка.*

*Нагрудный знак
Лейб-Гвардии Мо-
сковского полка.*

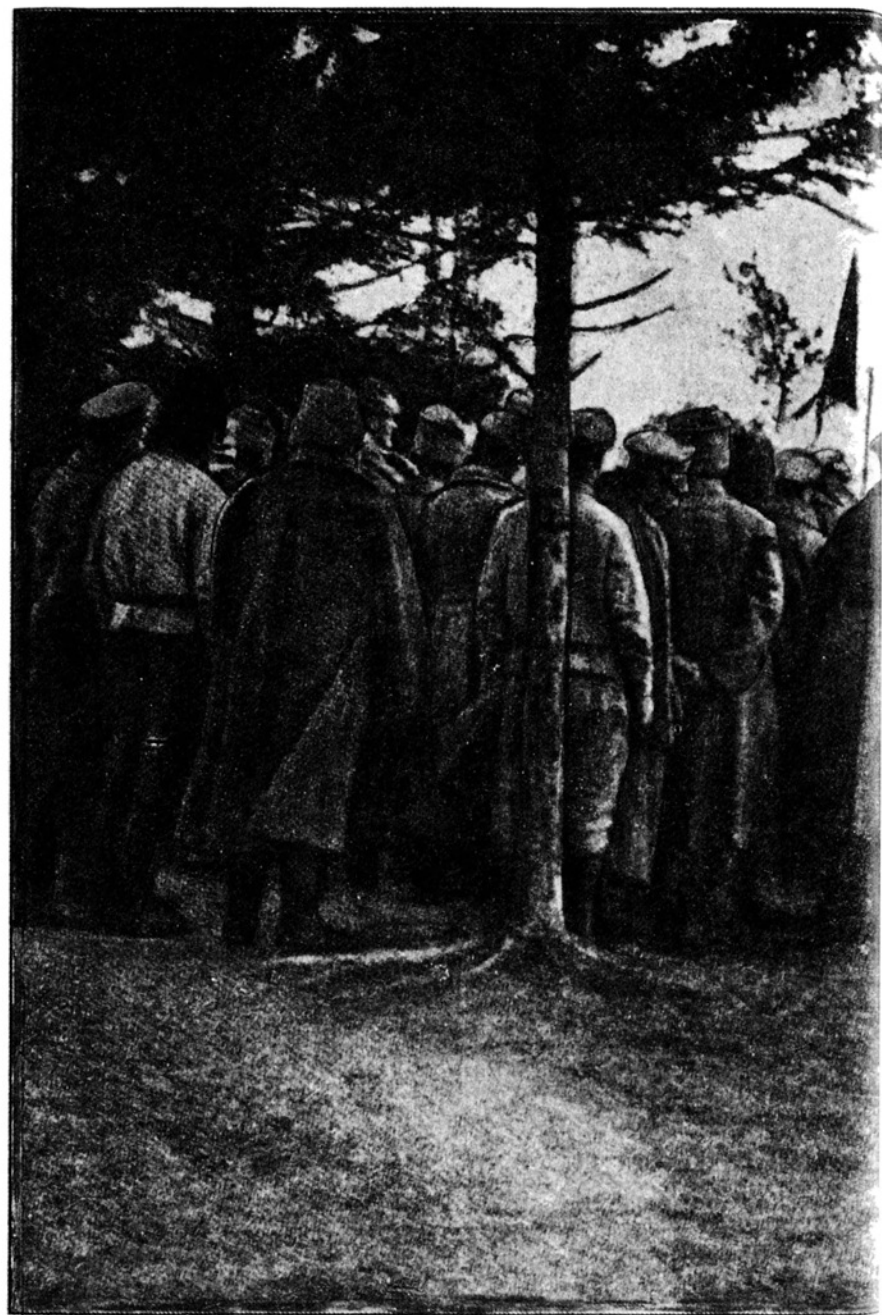
Революционные
дни на фронте.
На митинг.
Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск
XIV. 1917 г.

Революционные
дни на фронте.
Слушают
оратора.
Цинкография
с фото.
В издании
Д.Я.Маковского
«Великая вой-
на...» Выпуск
XIV. 1917 г.

Нагрудный знак
11-го гренадер-
ского Фанаго-
рийского полка.

Наградный
знак Кавказской
конной бригады.

Нагрудный знак
11-го гусарского
Изюмского полка.

Заем Свободы.
Художник
Б.Кустодиев.
Хромолитография.
Хромолитография.
Российского
акционерного
общества. 1917 г.

нашей тактики — сильный разлив Ломницы воспрепятствовали развитию Калужской победы.

* * *

Директивой 28 июня генерал Гутор предписал вверенным ему армиям Юго-Западного фронта возобновить наступление «не позже 30-го числа». Особой армии давалась по-прежнему пассивная задача, 11-й армии указывалось наступать на Злочев, 7-й армии — сковывать врага фронтально, а 8-й армии ударить правым флангом на Рогатин и Жидачев. Двусторонним охватом 11-й и 8-й армий надлежало зажать в клещи Южную германскую армию. Одновременно Ставка предписала Северному фронту наступать 5 июля, Западному — 3-го, а Румынскому — 9 июля.

Однако «демократические основы устройства армии» взяли свое. Приходилось тратить время на разговоры с комитетами и уговоры митинговавших и не хотевших наступать войск. Наступление Северного фронта было отложено на 10-е, Западного — на 9-е, Румынского — на 11 июля. А на Юго-Западном фронте его откладывали со дня на день, пока на митингующие толпы не обрушился бронированный кулак врага...

С трибуны парламента военный министр Франции Пенлеве заявил, что французская армия на лето и осень не намерена предпринимать сколько-нибудь серьезных наступательных операций. Германское командование как бы приглашалось к переброске войск с Французского фронта на Русский. И оно этим приглашением не преминуло воспользоваться. Еще 17 июня, накануне нашего наступления, из Франции были направлены на Восток 7 отборных дивизий гвардии 3-го и 10-го армейских корпусов. Управления этих корпусов остались во Франции, а войска вошли в состав 23-го резервного, 51-го и Бескидского корпусов Злочевского отряда.

Эти войска прибыли в Галицию после того, как наступление наших 11-й и 7-й армий захлебнулось. Две дивизии были тотчас же посланы выручать III армию на Ломницу, а остальные направились под Зборов, где образовали на правом фланге II австро-венгерской армии Злочевский отряд генерала Винклера. Прибывший в Злочев во II австро-венгерскую армию главнокомандовавший Восточным фронтом неприятеля принц Леопольд Баварский предписал Злочевскому отряду перейти в контрнаступление в общем

направлении на Тарнополь с целью вернуть утраченное 18-го и 19 июня. Для этого Злочевский отряд был доведен до 12 пехотных дивизий (11 германских) и нацелен на левый фланг нашей 11-й армии, тогда как остальные силы 11-й армии — 7 пехотных и 1½ кавалерийских дивизии — должны были удерживать правифланговые корпуса генерала Эрдели.

Наша 11-я армия развернула справа налево I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский, V Сибирский, XXV, XVII, XLIX, I Гвардейский и V армейский корпуса. XLV корпус сосредотачивался в резерве. 7-я армия получила VI корпус, слева от которого развернулись XLI, VII Сибирский и XXII, а XXXIV был выведен в резерв.

* * *

Перегруппировка наших армий еще не успела закончиться, как на рассвете 6 июля Злочевский отряд генерала Винклера перешел в стремительное наступление, подготовленное коротким, но сокрушительным огнем 600 орудий и 180 минометов. Удар его пришелся у Перепельников по XXV армейскому корпусу, не выказавшему никакой стойкости. Распропагандированная 6-я Гренадерская дивизия взбунтовалась, и весь корпус безобразной толпой хлынул с фронта...

6-я Гренадерская дивизия была переименована из 152-й — полки ее именовались пехотными. Один из них — 607-й Млыновский — был заклемен Ставкой как бежавший первым. Из всей дивизии удалось собрать двести человек. XXV корпус оставил в руках у неприятеля 85 офицеров, 2900 нижних чинов пленными и 10 орудий. Немцы, по собственному их признанию, были «ошеломлены» таким успехом. Атака на соседний справа V Сибирский корпус была отражена 6-й Сибирской стрелковой дивизией, и немцы в дальнейшем сибиряков не трогали, перенесли удар все более на юг.

Отход XXV корпуса увлек за собой и XVII. Прорыв неудержимо ширился и углублялся. Генерал Эрдели бросил 7 июля в контратаку XLIX корпус, но он был отражен и вовлечен в общий водоворот. Вслед за ним отскочил и I Гвардейский. V армейский корпус, видя свой фланг оголенным, отошел в свою очередь...

8 июля развалившаяся 11-я армия стихийно продолжала катиться назад. Правый фланг 7-й армии, обнаженный

этим отливом, оказался под ударом, и генерал Белькович стал отводить ее на Золотую Липу. Поражение 6 июля превратилось 7-го в разгром 11-й армии, а 8-го в катастрофу всего фронта... В этот день генерал Гутор был отчислен от своей должности. Генерал Брусилов проявил себя двумя мероприятиями: смешным — обратившись к революционным войскам с воззванием «не отдавать Тарнополя» и дельным — назначив главнокомандующим Юго-Западного фронта генерала Корнилова.

«На полях, которых нельзя назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования», — характеризовал Корнилов общее положение своего фронта. Он предписал 11-й и 7-й армиям отходить на Серет — из Бурканув и Монастержиску, двинув XXXIV армейский корпус на заполнение разрыва между ними. Одновременно пришлось отвести и 8-ю армию и отдать без боя Галич и Калуш. 8-й армией командовал ставленник «революционной общественности» генерал Черемисов.

Злочевский отряд неприятеля, развивая свое почти неудержимое продвижение, свернул с восточного направления почти под прямым углом на юг. Косым ударом Винклер стал резать тылы 7-й армии... Благодаря перемене направления на юг XXV и XVII армейские корпуса смогли оторваться от противника и выйти из-под удара. К счастью, у немцев не оказалось кавалерии. Свою Баварскую кавалерийскую дивизию они сгоряча отправили под Галич сдерживать Корнилова, а в Злочевском отряде на 12 дивизий пехоты оказалось всего одна бригада лейб-гусар. Помня Попеляны, где их раз и навсегда проучили приморские драгуны, эти 8 гусарских эскадронов действовали робко и нерешительно.

В наступление перешла вся группа войск Бем Ермолли. Винклер, громя 11-ю армию, брал 7-ю армию во фланг и в тыл. Ботмер с Южной германской нажимал на 7-ю армию с фронта. III австро-венгерская армия, которой вместо отрешенного Терстянского командовал генерал Критек, осторожно следовала за нашей 8-й армией, еще не решаясь ее преследовать. Главнокомандовавший на востоке принц Леопольд Баварский, не отдававший себе отчета в размерах русской катастрофы, приказывал Бем Ермолли не зарываться группой Винклера дальше Тарнополя. Армии Ботмера конечной целью была указана линия Серета, причем она была усилена за счет Винклера.

9 июля 11-я и 7-я армии докатились до Серета, но удержаться на этом рубеже не смогли. В 11-й армии подошедший на ее левый фланг для заполнения бреши XLV корпус стал митинговать и смешался с потоком беглецов. Генерал Зайончковский упоминает об одном позорном деле, где 3 роты германцев обратили в бегство 24 батальона из состава этого корпуса. Ставка хвалила поведение 194-й пехотной дивизии. 2-я Финляндская и 126-я пехотная дивизии отказались драться. Тогда офицеры этих дивизий — 300 человек — пошли одни на 10 000 неприятелей. Никто из них не вернулся... В 7-й армии генерал Белькович направил XXXIV корпус на правое крыло, чтобы заполнить разрыв, но Винклер предупредил его, бесповоротно выиграв его правый фланг. Одновременно XXII корпус — еще полгода назад краса русского оружия — самовольно ушел с фронта. Правый фланг 8-й армии — III Кавказский корпус — был оголен и стал отходить. Командовавший 8-й армией генерал Черемисов предписал отступление на меридиан Станиславова и двинул на усиление фланга армии XII армейский корпус.

Генерал Брусилов пал духом, но Корнилов оказался на высоте положения. Энергичными и решительными мерами он упорядочил условия отхода. «Батальоны смерти» с рухнувшего фронта были направлены в клочующий тыл, где задерживали бегущие части, ловили дезертиров и расстреливали на месте бунтарей. Трупы расстрелянных оставались на месте в назидание с надписью: «Изменники Родине». В Волочиске за одну лишь ночь на 11 июля «батальон смерти» 11-й армии задержал 12 000 беглецов. Повальное бегство с 10-го по 11 июля стало походить на отступление — правда, поспешное и беспорядочное.

С Северного фронта в Буковину было переведено управление 1-й армии генерала Ванновского (войска прежней 1-й армии были переданы в 5-ю). Новая 1-я армия объединила левофланговые корпуса 8-й — XI, XXIII и XVIII, остававшиеся еще на месте в Буковинских Карпатах. В 8-й армии остались XII армейский, III Кавказский, XXXIII и XVI армейские корпуса и II конный корпус. Генерал Эрдели получил Особую армию, а командовавший этой последней генерал Балуев возглавил хаотические толпы 11-й армии.

10 июля 11-я армия собралась на Стрыпе. За четыре дня революционная подлость отдала врагу все то, что было добыто безмерной доблестью и кровью 700 тысяч русских офицеров и солдат за четыре месяца Брусиловского

наступления. Правофланговая, неатакованная, группа 11-й армии — I Туркестанский, VII конный, XXXII армейский и V Сибирский корпуса — оставались еще на волынско-галицком рубеже — в районе Брод. Разгромленная левофланговая — XXV, XVII, XLIX, I Гвардейский, V и XLV армейские корпуса — разбросалась по дуге от Серета до Стрыцы. Дальше между долинами этих рек дрожал фронт 7-й армии — XXXIV, VI, XLI, VII Сибирский и XXII армейский корпуса, к которым подходил из резерва II Гвардейский корпус.

Винклер ударил на Тарнополь, но был отражен нашим I Гвардейским корпусом. Второй раз за войну, и в условиях неизмеримо более тяжелых, чем два года назад под Красновом, русская гвардия сломила прусскую. Ставка в своем сообщении почему-то отметила одну лишь Петровскую бригаду. Преображенцы полковника Кутепова, правда, особенно выделились лихими контратаками. Храбро дрались в те дни и остальные полки 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий. В тарнопольских боях отличились также 3-й и 5-й батальоны самокатчиков, уничтожившие 143-й германский пехотный полк. Винклер, получив отпор, сразу же перешел от наскока к планомерным действиям. Армия Ботмера имела, однако, успех, опрокинув XXXIV корпус и заставив нашу 7-ю армию подравняться по бежавшим.

11 июля в 11-й армии шли упорные бои за Тарнополь. 7-я армия в беспорядке собиралась на Стрыпе, а 8-я продолжала свой отход с Ломницы, спасаясь от наметившегося окружения. Сбив 7-ю армию, Ботмер выходил на сообщения 8-й, грозя перехватить ей пути отступления. Вслед за Калушем пришлось пожертвовать Станиславовом... 12 июля было несчастным днем. Винклер сбил V армейский корпус, и гвардия, взятая во фланг, должна была оставить Тарнополь. 7-я армия сдала Бучач и Монастержиску. Линия Стрыпы была потеряна... Следуя за отступавшими соседями, 8-я армия оставила врагу политые геройской русской кровью поля Надворны, Коломеи и Хоцимержа, где ровно за год до того — в июльские дни 1916 года — слава венчала русское оружие...

Вечером 12 июля генерал Корнилов с болью в сердце предписал общее отступление на государственную границу. Червоная Русь и Буковина вновь отдавались под иго, но что было до того разнузданным революционным полчищам? В этот день перешла в наступление и VII австро-венгерская армия Кевеша. Наша

1-я армия оказала стойкое сопротивление, отступая лишь шаг за шагом — с долины Белого Черемоша в долину молдавского Серета и дальше на восток, на Прут — в связи с общим отходом фронта.

13-го и 14 июля были покинуты последние клочки галицкой земли, и 15-го армия Керенского откатилась за Збруч, за тот самый Збруч, который три года тому назад, в июле 1914 года, с таким подъемом перешла армия Петра Великого...

* * *

11-я армия заняла фронт от Радзивилова до Волочиска, 7-я собиралась в районе Гусятина.

8-я армия оставила 14 июля Городенку. 15-го ее правофланговые корпуса — XII армейский и III Кавказский — отчаянно бились в устьях Збруча с армией Ботмера и ночью отошли на левый его берег. Левофланговые — XXXIII и XVI огрызнулись у Залещиков и Снятыня, сдержав армию Критека в Заднестровье. Неприятельская история войны отмечает упорство войск 8-й армии, отступавшей в порядке. В этом заслуга генерала Корнилова, управлявшего корпусами 8-й армии через голову растерявшегося и павшего духом Черемисова. Для заполнения разрыва между этими двумя группами генерал Корнилов приказал направить в центр 8-й армии конную группу из пяти дивизий под начальством генерала Врангеля.

Энергичными мероприятиями Корнилов навел порядок в тылу и дал возможность командирам взять в руки войска. 7-я армия, перешедшая к генералу Селивачеву, развернула вдоль Збруча XXXIV, XLI, VII Сибирский и II Гвардейский корпуса, позади которого устраивались VI и XXII. В 8-й армии Черемисова XII армейский и III Кавказский корпуса стояли на Збруче, конница Врангеля сдерживала неприятеля в долине Днестра, а XXXIII и XVI отступали в Буковине.

II австро-венгерская армия с группой Викклера остановилась перед фронтом нашей 11-й армии. Южная германская армия нацеливалась на стык 7-й и 8-й. III австро-венгерская армия продвигалась на Черновицы, тесня левый фланг нашей 8-й армии. Опьяненный успехами, граф Ботмер настоял на форсировании Збруча и вторжении в Подолию с целью глубокого охвата правого фланга армии Черемисова.

16 июля Южная германская армия (Бескидский, 25-й австро-венгерский, 25-й и 27-й резервные германские корпуса) атаковала по всему своему фронту и неожиданно получила решительный отпор. На правом фланге 7-й армии XXXIV и XLI армейские корпуса отразили Бескидский. VII Сибирский и II Гвардейский сдержали напор 25-го австро-венгерского корпуса, тогда как на правом фланге 8-й армии XII армейский и III Кавказский корпуса спружинили удар 25-го и 27-го германских. 17 июля Ботмер вновь пытался наступать, но Корнилов предупредил его: в 7-й армии XXXIV и XLI корпуса сорвали неприятельское наступление своими контратаками, VII Сибирский и II Гвардейский корпуса держались, а в 8-й армии: III Кавказский корпус заступил туркам путь на Каменец-Подольский. 18 июля Южная армия нажала по всему фронту, одержав ценою значительных потерь ряд местных успехов. Подкрепленный финляндскими стрелками XLI корпус сдержал порыв Бескидского корпуса.

Входившая в состав 27-го резервного германского корпуса 20-я турецкая пехотная дивизия поклялась взять Каменец, имеющий для турок огромное значение по войнам, которые в XVII веке Империя османов вела с «Ляхистаном». Турки мечтали отомстить за поражение, которое они понесли у стен Каменца от Чарнецкого и Собесского, но аллах и кавказские полки судили иначе. В своем сообщении Ставка отметила «железный дух» Лейб-Гвардии полков Литовского и Волынского и отличившиеся части: 3-ю Финляндскую стрелковую дивизию, особенно 10-й Финляндский стрелковый полк и Проскуровский пограничный пехотный полк, входивший во 2-ю Заамурскую пехотную дивизию.

Неприятель выдохся, и генерал Корнилов предписал общее контрнаступление. Это было последним его распоряжением как главнокомандующего Юго-Западным фронтом. 19 июля он был назначен Верховным главнокомандующим, сдав фронт генералу Балуюеву.

19 июля к северу от Гусятина XXXIV, XLI и XXII армейские корпуса армии Селивачева дружной атакой опрокинули Бескидский корпус немцев и 25-й австро-венгерский. Гусятин был возвращен, и неприятель сброшен в Збруч. В ночь на 23 июля перешла в наступление и 8-я армия, только что выведшая свой левый фланг из Буковины. XII армейский корпус потеснил 25-й германский у Скалы, а III Кавказский у Выгоды коротким ударом опрокинул 27-й.

Этим закончилось восьмидневное сражение на Збруче — славное дело русского оружия, оставшееся в тени. Потери неприятеля в сражении на Збруче, по признанию австрийского Генерального штаба, были «немалые». Мы можем их определить в 25 000 человек. О взятых нами трофеях имеются лишь неполные сведения, позволяющие установить захват 23 июля у Выгоды 7 офицеров, 300 нижних чинов и 4 пулеметов и у Гусятина 9 пулеметов.

* * *

В то время как 7-я армия и правый фланг 8-й нанесли поражение Южной германской армии на Збруче, левофланговая группа армии Черемисова — XXXIII и XVI корпуса — отступала в Буковине под напором III австро-венгерской армии генерала Критека (усиленные 40-й германский и 13-й австро-венгерские корпуса). Оставив Залещики и Спятынь, наши войска с 17-го по 20 июля вели на подступах к Черновицам упорные арьергардные бои для выигрыша времени, и на рассвете 21-го столица Буковины была нами покинута. Преследуемая III австро-венгерской армией, наша заднепровская группа отошла 22-го числа на буковинско-бессарабский рубеж, и 23 июля, в день победы на Збруче, наш XVI корпус опрокинул 13-й австро-венгерский встречным наступлением у Должка. Удар у Должка нанесла 41-я пехотная дивизия, причем особенно отличился 163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк полковника Дорошкевича, отмеченный в сообщении Ставки. Нами взято 20 офицеров и 500 нижних чинов пленными и 3 пулемета. Получив этот удар в свой правый фланг, Критек придержал свою армию.

Отражением германского нашествия на Збруче закончилась Пятая Галицийская битва. Мимолетные лавры Зборов и Галича сменились позором Тарнополя — позором, которого русская армия никогда еще не испытывала и никогда более не испытает.

Но позор этот пал не на толпы обезумелого человеческого стада, а на тех, кто превратил героические полки России в эти толпы... Шайка интернационалистов из заломбированного вагона делала то, для чего она была нанята германским правительством и германским командованием. Преступление совершили не одни эти маньяки и проходимцы, а и те вожаки «российской демократии», которые поставили эту шайку в наилучшие для нее условия

и дали ей возможность беспрепятственно впрыскивать яд в тело и душу России и русского народа...

Июльское наступление сбитый с толку крикливой рекламой обыватель прозвал «наступлением Керенского». В действительности если на фронте в те дни находился человек, совершенно непричастный к Зборовской и Галицкой победам, то это был, конечно, злополучный «главноуправляющий». Хуже всего было то, что, побывав неделю в войсковых штабах, научившись распознавать чины на погонах и услышав в первый раз в жизни пушечный гром, военный министр Временного правительства открыл в себе военный гений, о существовании которого он раньше не подозревал.

Честь победы и заслуга предотвращения окончательного крушения принадлежат по праву тому, кто в дни Галича и Калуца командовал 8-й армией, а в дни Тарнополя возглавил агонизировавший фронт и вернул его к жизни на скалистых берегах Збруча. В неслыханно трудной обстановке держал здесь Корнилов экзамен на полководца и выдержал его. В условиях гораздо менее трагических Гинденбург предпочел подать в отставку...

Окружение Керенского стремилось всячески умалить заслугу Корнилова, усиленно выдвигая «революционного генерала» Черемисова. В своей книге комиссар Северного фронта Станкевич, личный друг Керенского, пишет, например, что «судьба не дала Корнилову возможности доказать свои стратегические таланты» и что «лавры взятия Галича оспаривал у него Черемисов». Мы знаем, что штаб фронта требовал от 8-й армии только наступления на Рогатин. Если она ударила на Галич, то это произошло исключительно по личной инициативе Корнилова. Черемисов командовал XII армейским корпусом, а Галич брал XXXIII. Но если бы даже Галич был взят корпусом Черемисова, то этот последний, действуя по указанию своего командовавшего армией, никак не мог бы «оспаривать лавры» у Корнилова. Если допустить подобную невоенную постановку вопроса, то тогда, в свою очередь, «лавры» у Черемисова мог бы оспаривать ротный командир, первым вступивший в Галич.

Всего за всю наступательную операцию Юго-Западного фронта с 18-го по 30 июня нами было взято в плен 834 офицера, 35 809 нижних чинов, 121 орудие и 99 минометов и бомбометов, 3 огнемета и 403 пулемета. Неприятель потерял не менее 45 000 убитыми и ранеными. При отступлении из Галиции мы лишились

около 20 000 убитыми и ранеными, а пленными 655 офицеров, 41 000 нижних чинов, 257 орудий, 191 миномета и бомбомета и 546 пулеметов.

* * *

С тарнопольской катастрофой совпало вооруженное выступление большевиков в Петрограде 4-го по 6 июля. Организованное наспех, это выступление закончилось полной победой правительства, не захотевшего, однако, этой победой воспользоваться. Временное правительство получило документальные данные о работе большевиков на Германию, и большевики, опасаясь неминуемых арестов, решили рискнуть на выступление. Нагнав слишком много людей — матросов из Кронштадта, рабочих и запасные пулеметные полки, — большевики не сумели снабдить их руководством. На Литейном мосту хаотическое полчище было оставлено и отражено одним нерастерявшимся офицером — штабс-капитаном Цагурия с горной пушкой, из коей он сам и стрелял.

Партия большевиков была совершенно разгромлена, а Петроград и Петроградский гарнизон надежно усмирены прибывшими с фронта 45-й пехотной и 14-й кавалерийской дивизиями. Ленин бежал в Финляндию. Троцкий, Нахамкес, Крыленко и все остальные главы были арестованы. Львов подал в отставку. Временное правительство возглавил Керенский, передавший пост военного министра террористу Савинкову. Первым распоряжением Керенского было удалить из столицы в Финляндию фронтовые войска, как слишком контрреволюционные, и немедленно освободить всех арестованных большевиков... Еще до того Бронштейн-Троцкий был освобожден по приказу Либермана-Чернова. С трибуны совдепа наглый Бронштейн кричал Керенскому: «Почему вы меня не арестуете?»

Керенский распорядился не только освободить большевиков, но и прекратить судебное преследование. Возмущенный раболепством Керенского перед большевиками, министр юстиции Переверзев подал в отставку. Его заменил некто Малянтович, поспешивший выполнить все распоряжения плачевного главы Временного правительства. Служба в неприятельской разведке, выполнение приказаний неприятельского командования, вооруженное восстание и массовые убийства в его глазах отнюдь не были преступлением. Большевики — «первенцы Революции» —

были в глазах Керенского своими. Их можно было не одобрять, но с ними не надо было бороться.

Товарищ Керенского Либерман-Чернов служил в германской разведке, занимая в то же время должность министра земледелия Временного правительства. Керенский считал это вполне нормальным и допустимым, предупреждая только военачальников не сообщать секретных сведений в присутствии «товарища Чернова». Освободив большевиков, Керенский распорядился арестовать генерала Гурко, к которому питал личную неприязнь.

Основанием для ареста генерала Гурко послужило его письмо отрекшемуся Государю от 4 марта. Письмо это носило совершенно частный характер (Гурко справлялся о здоровье болевших детей). Это для Керенского было преступлением куда большим, чем предательство своей Родины за немецкие деньги. Мы видим также, чего стоила пресловутая «свобода слова» — Керенский допускал ее лишь для большевиков, которые, впрочем, и не думали спрашивать у него разрешения, и для своих однопартийцев — эсеров.

Говоря о генерале Гурко, не следует упускать большого вреда, принесенного им в Ставке зимней реформой армии и самовольной отменой в январе 1917 года посылки гвардейской конницы в Петроград. В первые недели революции, приняв Западный фронт, генерал Гурко всячески поощрял новые порядки.

Одновременно был смещен главнокомандовавший Северным фронтом генерал Драгомиров, замененный генералом Клембовским. Главнокомандовавший Западным фронтом генерал Деникин получил Юго-Западный фронт, поменявшись с генералом Балухевым. Особую армию от генерала Балухева еще раньше принял командир IV конного корпуса генерал Володченко.

МАРЕШТЫ И МАРАШЕШТЫ

По плану кампании, составленному еще царской Ставкой, Румынскому фронту отводилась значительная роль. Первоначальный проект похода в Добруджу не встретил сочувствия румын, мечтавших отвоевать Валахию. Решено было поэтому предпринять широкую наступательную операцию на Нижнем Серете. Революционный развал побудил генерала Сахарова сократить размеры этой предполагаемой операции и свести ее к частичным наступлениям местного характера.

С назначением энергичного генерала Щербачева и окончанием реорганизации румынских войск вновь стали обсуждать вопрос о производстве большого наступления всеми силами фронта. На нем особенно настаивали румыны. Имея 15 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, сильных числом и бодрых духом, они уже не удовлетворялись наступлениями местного значения и требовали для фронта — генеральное сражение, а для себя — главную в нем роль.

В конце концов генералом Щербачевым был разработан, а королем Фердинандом принят план решительного наступления 1-й румынской армии генерала Кристеско с Нижнего Серета в глубь Валахии. Наша 6-я армия генерала Цурикова должна была содействовать этому наступлению в придунайской полосе и вести удар в общем направлении на Бузео. Одновременно 2-я румынская армия генерала Авереско при поддержке нашей 4-й армии генерала Рагозы должна была рвануть врага в карпатских предгорьях, в долине Сушицы.

Главную роль в предстоящей операции должны были играть восстановленная румынская пехота и непревзойденная русская артиллерия. В случае удачи IX германская армия охватывалась с обоих флангов. После долгих и унижительных упрасиваний и уговоров войска 6-й армии «согласились» наступать и заняли исходное положение без боевого порыва, но и без особенных заминков.

Артиллерийская подготовка была назначена с 9 июля. 2-я румынская и 4-я русская армии должны были атаковать 11 июля, а 1-я румынская и наша 6-я армии — 13-го. 4 июля охотники нашей Черноморской дивизии, занимавшей дунайские гирла на крайнем левом фланге 6-й армии, имели удачное дело с болгарами, захватив на Георгиевском рукаве у деревни Дунаевец 1 орудие, 2 пулемета и 200 пленных.

* * *

2-я румынская армия насчитывала 4 пехотные дивизии очень сильного состава и одну кавалерийскую бригаду. Генерал Авереско предписал правофланговому IV румынскому корпусу демонстрировать, а левофланговому II корпусу прорвать неприятельский фронт у Марешт совместно с русским VIII армейским корпусом (правофланговым 4-й армии). Наступление было тщательно подготовлено двухдневным ураганным огнем.

На рассвете 11 июля русско-румынские войска перешли в наступление. Их удар пришелся по правому флангу I австро-венгерской армии — 24-му германскому резервному корпусу генерала Герока. Румыны прорвали австрийцев, а наш VIII корпус генерала Елчанинова опрокинул германцев, причем наша 15-я пехотная дивизия растерзала 218-ю германскую. Румыны ввели в дело 1½ пехотных дивизии против 1-й австро-венгерской кавалерийской дивизии 8-й горной бригады. У нас атаковала 15-я пехотная дивизия, опрокинувшая 218-ю германскую дивизию. 14-я пехотная дивизия содействовала атаке, а 3-я Туркестанская стрелковая была в резерве. Ведение преследования в гористой и пересеченной местности было очень затруднительно, и генерал Авереско, вдохновлявшийся мешкотными образцами сражения на Сомме своих французских инструкторов, выпустил противника и потерял с ним соприкосновение.

12 июля сражение под Марештами было возобновлено во 2-й румынской армии и нашем VIII корпусе. Операция здесь развивалась успешно. В то же время на Нижнем Серете, в районе Намолосы, гремели 600 орудий русско-румынской артиллерии, готовя главный удар армий Кристеско и Цурикова. Под этот гром креп дух войск IV армейского, IV Сибирского и XLVII корпусов. Румыны не сомневались в победе, в победу начинали верить и измученные русские военачальники. Тем гибельнее был неожиданный удар в спину, полученный Румынским фронтом вечером 12 июля...

Перепуганный падением Тарнополя и бегством «самой свободной армии в мире», председатель Совета министров Керенский в припадке безотчетного малодушия телеграфно из Петрограда предписал отменить обещавшее несомненный успех наступление. Поступок Керенского был неслыханным беззаконием. Председатель Совета министров никак не мог отдавать директивы Действовавшей армии да еще помимо Ставки, игнорируя Верховного главнокомандующего. Что бы сказал год тому назад этот же Керенский (и с ним вся демократическая общественность), если бы председатель Совета министров Штюмер вдруг телеграфировал Брусилову приостановить наступление Юго-Западного фронта?..

Не подозревавшие выходы Керенского немцы сначала полагали, что отмену русско-румынского наступления следует приписать энергичной артиллерийской контрподготовке их IX армии. Начальник русской артиллерийской

миссии в румынской армии генерал Виноградский в своих воспоминаниях дает яркую картину ошеломляющего действия, произведенного этой предательской телеграммой. «Требовать знания военного дела — значило бы требовать слишком многого от этого ничтожества, знавшего только историю своего революционного движения», — пишет он про Керенского.

Телеграмма Керенского сразу же через комитетчиков стала известна войскам. Скрыть ее Щербачев и Головин не имели никакой возможности. Уже вечером 12 июля на фронте солдаты сообщили своим ошеломленным офицерам, что завтрашнее наступление отменяется «по приказу самого Керенского». Вся самоотверженная работа офицерства рухнула. Созданное грандиозной обстановкой трехдневного ураганного огня приподнятое настроение, обещавшее на следующий день перейти в победный порыв, сменилось сразу озлобленным усталым равнодушием. Рука, уже заносившая меч над головой врага, вдруг дрогнула, опустилась и выронила оружие. И канонада на Серете стала прощальным салютом отлетающей душе некогда славных полков 6-й армии.

Отчаяние румын было велико. Не имея возможности наступать на Серете, король Фердинанд предписал генералу Авереско продолжать наступление на Сушиде. В боях 13-го и 14 июля румынские войска, широко поддерживаемые артиллерией нашей 4-й армии, достигли всех намеченных ими целей, успешно завершив сражение под Марештами. Всего в сражении под Марештами взято 3000 пленных и 43 орудия. Из этого числа 1000 пленных германцев и 11 орудий взято нашей 15-й пехотной дивизией, а остальное — румынами, показавшими весь свой урон в 7000 человек.

* * *

11 июля, в день падения Тарнополя, в австро-венгерской Главной квартире в Бадене под Веной молодой император Карл и его начальник штаба генерал фон Арц имели совещание с германским главнокомандующим фельдмаршалом Гинденбургом (Вильгельм II был под Тарнополем, любуясь русским развалом и успешной работой своего наемника Ленина).

На этом совещании было решено развить тарнопольскую победу переходом в общее наступление в Галиции и Румынии. Группе армий Бем Ермолли было приказано отобрать

Галицию и продолжать наступление до Збруча. Группе эрцгерцога Иосифа — нанести из Буковины VII армией Кевеша удар в Молдавию — во фланг и тыл Русско-Румынского фронта. Группе же Макензена предписывалось нанести решительное поражение русско-румынским армиям, прорвав их фронт на Нижнем Серете, завоевать Молдавию и вывести из строя Румынию. В случае полной удачи этого своего плана неприятель надеялся продиктовать России прибыльный для себя мир.

Группа армий Бем Ермолли, как мы видели, выполнила свою задачу. Она завоевала обратно Галицию, но была отражена нашими армиями от Збруча.

Группа эрцгерцога Иосифа не смогла развить широкой наступательной операции. Ее VII армия генерала Кевеша была сдержана стойким сопротивлением нашей 1-й армии в Буковинских Карпатах, а I армия генерала Рора, не успев перейти в наступление, получила сама удар в свой правый фланг под Марештами.

В двадцатых числах июля по отступлении 8-й армии на бессарабско-буковинский рубеж наша 1-я армия генерала Ванновского занимала в Буковинских Карпатах фронт от Прута до Сучавы, прикрывая Молдавию с севера. 25 июля она вошла в состав Румынского фронта. Далее к югу — от Дорна-Ватры до Ойтуза — в Молдавских Карпатах располагались корпуса 9-й армии генерала Кельчевского.

Произведенный в счет будущих побед в фельдмаршалы Кевеш должен был прорвать фронт нашей 1-й армии, тогда как фон Рору надлежало, сковав 9-ю армию фронтальными атаками, прорвать ее на стыке со 2-й румынской, связывая это наступление с главным ударом Макензена на Нижнем Серете. 27 июля армия Кевеша бросилась на нашу 1-ю армию, тогда как армия Рора нажала на 9-ю армию.

На правом фланге 1-й армии наш XI корпус опрокинул в жарком бою у Маморницы группу генерала Фабини и 17-й австро-венгерский корпус. В центре наш XXIII корпус держал крепкой хваткой германский Карпатский корпус у Опришен. На левом же фланге XVIII армейский корпус отразил у Радауц восстановленный 26-й австро-венгерский. 28 июля VII австро-венгерская армия снова перешла в наступление и снова была отражена по всему фронту.

В этом двухдневном сражении при Маморнице наша 1-я армия грудью отстояла румынскую землю. Мечты австро-германского верховного командования проникнуть в северную Молдавию — во фланг и в тыл Румынского

фронта — так и остались мечтами. Неприятель ввел в дело 11 пехотных и 4 кавалерийские дивизии против 10 пехотных дивизий слабого состава нашей 1-й армии. Свой урон австрийцы показали в 3500 человек в одной лишь группе Фабини за бой 27 июля. Можно считать, что четыре неприятельских корпуса за два дня лишились 15 000 человек. Наш урон несколько меньше. Из трофеев можно установить захват 10 офицеров, 500 нижних чинов и 6 пулеметов, но их должно быть больше. В боях 28 июля Ставкой отмечен храбро бившийся 666-й пехотный Козювский полк полковника Акимова.

* * *

Фельдмаршал Макензен решил ударить центром IX германской армии на Нижнем Серете. Удар вести в северном направлении — на Марашешты и дальше — на Аджуд, отбросив разгромленную 4-ю русскую армию и перехватив пути отступления 2-й румынской. Одновременно I австро-венгерская армия должна была прорваться в Молдавию Ойтузским проходом, на стыке нашей 9-й и 2-й румынской армий и, заходя левым плечом, идти навстречу прорвавшейся на Аджуд IX германской. В районе Аджуда получались, таким образом, «Канн» для 2-й румынской и остатков 4-й русской армий. Но этих «Канн» показалось Макензену мало — он задумал уничтожить, кроме того, и 1-ю румынскую армию, а при удаче и 6-ю русскую. С этой целью правая клешня предположенных клещей — IX германская армия — должна была по взятии Марашешт пустить разветвление на юго-восток — на Текуч, в тыл 1-й румынской. Доведенная до 10 дивизий IX армия генерала Эбена составила две группы одинаковой силы — правофланговая генерала Моргена (1-й резервный корпус) должна была прорваться на Текуч, левофланговая генерала Венингера (18-й резервный корпус) — ломить на Аджуд.

IX германской армии в долине Путны противостояла русская 4-я; против группы Венингера — VIII армейский корпус, против группы Моргена — VII. Десяти германским дивизиям противостояло пять русских слабого состава — 103-я, 14-я, 71-я, 13-я и 34-я — славные войска императорской пехоты. Немецкий полководец сделал ставку на их революционный развал.

В двадцатых числах июля наш Румынский фронт произвел общую перегруппировку вправо. В его состав

25-го была включена 1-я русская армия в Буковине. Чрезвычайно напряженное положение на севере Буковины после падения Черновicz тревожило короля Фердинанда и его помощника генерала Щербачева, опасавшихся прорыва неприятеля в Молдавию — во фланг и в тыл Румынскому фронту. Они решили образовать за своим правым флангом, на севере Молдавии, «маневренную группу» для парирования этой опасности. В эту «маневренную группу» в районе Фольтичен были отправлены из 6-й армии ХХІХ корпус, из 4-й — ХХХ и из 9-й — ХL. В ближайшие дни туда предполагалось перебросить и VII армейский корпус, а линию Путны и Серета передать 1-й румынской армии. Перегруппировка эта оказала существенное влияние на последовавшие в ближайшие дни события: вместо разложившегося ХL корпуса в Ойтузской долине (где неприятель наметал левую клешню своего охвата) заступили крепкие румынские войска 2-й армии.

Наступление ІХ германской армии началось 24 июля. В этот день группа Моргена (5 дивизий) атаковала наш VII армейский корпус. Удар четырех германских дивизий пришелся по левофланговой нашей 34-й дивизии, отошедшей за Серет и уничтожившей переправы. Косоприцельный огонь мощной русско-румынской артиллерии (нашего VII и румынского III корпусов) с левого берега Серета во фланг втянувшейся в излучину реки группы Моргена парализовал ее дальнейшее продвижение на Козьмешты—Текуч. В бою 24 июля мы понесли жестокие потери. Немцы захватили 3300 пленных и 17 орудий.

Макензену пришлось сразу же отказаться от направления на Текуч и охвата 1-й румынской армии. Он предписал Моргену отклониться от этого губительного огня на север и северо-запад и атаковать Марашешты. Главный же удар он наметил группой Венингера на Аджуд. 25-го и 26 июля шли жестокие бои. Знаменитые войска VIII и VII корпусов даже теперь, ослабленные революцией, были грозным противником. С большим трудом ІХ армия овладела линией Путны. Генерал Рагоза отвел свой правофланговый VIII корпус на Сушицу, а левофланговый VII осадил на Серет и частью за Серет. Атака Моргена на Марашешты была отражена 71-й и 13-й пехотными дивизиями VI корпуса.

На 27 июля генерал Рагоза предписал контрнаступление по всему фронту. Наш VIII армейский корпус смял группу Венингера, отбросив ее частью в исходное положение на Путну. Подкрепленный румынами

VII корпус тоже потеснил группу Моргена. Наши контратаки, решительно и энергично веденные, продолжались и 28-го числа. VIII армейский корпус развернул 15-ю пехотную дивизию на пассивном участке и отражал удары 103-й и 14-й пехотными дивизиями. VII корпус, отбиваясь на Серете 13-й и 34-й пехотными дивизиями, нанес своей правофланговой 71-й крепкий удар по 62-й австро-венгерской дивизии, отбросив ее в долину Путны. Нами было взято 1300 пленных. Мост через Серет взорвал, пожертвовав собой, неизвестный герой, солдат 136-го пехотного Таганрогского полка.

Произведя перегруппировку IX армии и понадеявшись на успех I австро-венгерской армии (левой клешни предположенных «Канн»), Макензен рванул утром 29 июля Венингером на Панчиу, а Морген — на Марашешты. Здесь разыгралось яростное побоище. Защищавшая Марашешты 71-я пехотная дивизия целиком легла в облаках фогена. Генерал Рагоза бросил в бой конных замурцев и авангарды подходившего V румынского корпуса. Отчаянным усилием Марашешты удалось отстоять. Ночью остатки обескровленного VII корпуса были сменены свежими войсками V румынского. 1-я румынская армия, перешедшая к энергичному генералу Григореско, была подчинена генералу Рагозе. Генерал Щербачев приказал 6-й армии демонстрировать для облегчения истекавших кровью войск Рагозы и Григореско. Морген выдохся в своем бешеном порыве и 30-го числа атаковал уже вяло. В этот день он ничего не добился под Марашештами и начинал подумывать о возобновлении удара в козьмештском направлении в обход Марашешт с востока... Наступление группы Венингера встретило упорное сопротивление нашего VIII корпуса и развивалось крайне туго.

Наша 6-я армия демонстрировала своим правым флангом — частями IV армейского корпуса — против Рымникской группы IX германской армии. Генерал Цуриков имел местный успех, но Макензен не дал ввести себя в обман и предписал фон Эбену продолжать наступление IX армии. Ударные батальоны 30-й и 40-й пехотных дивизий сильно потрепали 109-ю германскую пехотную дивизию и взяли у нее 4 орудия и 8 пулеметов.

31 июля положение под Марашештами оставалось очень напряженным. Русские войска понесли громадные потери, и генерал Рагоза предписал эвакуировать Марашештский плацдарм. Но генерал Григореско наотрез отказался выполнять это приказание. Мужественный Щербачев согласился

с доводами румынского военачальника и передал ему командование русско-румынскими силами на Сушице и Серете. Генерал Рагоза был отозван в северную Молдавию принять новую 4-ю армию. Для непосредственного руководства операциями под Марашешты прибыл начальник штаба фронта генерал Головин. Румынские резервы постепенно сменили обескровленные русские войска. 1-я румынская армия развернула справа налево VIII русский корпус на Сушице, V румынский корпус под Марашештами и III румынский корпус у Козьмешт.

1 августа IX германская армия атаковала вновь, и группа Моргена нанесла у Козьмешт сильное поражение III румынскому корпусу. 5-я румынская пехотная дивизия была совершенно уничтожена и сброшена в Серет. Немцы взяли 3000 пленных и 13 орудий. Группа же Венингера была остановлена в долине Сушицы нашим VIII армейским корпусом. Ставка отметила отличные действия 412-го пехотного Славянского полка, захватившего в одной из своих контратак 500 пленных. После этих боев 103-я пехотная дивизия была смещена подошедшей с Дуная свежей 124-й пехотной дивизией.

Отчаянное сопротивление румын не дало возможности использовать успех Моргена. Наступление IX германской армии захлебнулось, и Макензен приостановил неудавшуюся операцию — сражение под Марашештами.

* * *

В то время как правая клешня намеченных «Канн» начала свое наступление на Марашешты, левая завязала в Молдавских Карпатах сражение при Ойтузе.

Эрцгерцог Иосиф решил сковать нашу 9-ю армию I армией фон Рора, а правым флангом этой последней — группой Герока — форсировать Ойтузский проход и охватить 2-ю румынскую армию совместно с Макензеном. I австро-венгерская армия развернула слева направо 1-й, 11-й, 21-й, 6-й, 8-й австро-венгерские и 24-й резервный германский корпуса — два последних составили группу генерала Герока. 25 июля 1-й австро-венгерский корпус атаковал наш XXVI (правофланговый 9-й армии) у Гурагуморы, но не имел успеха. 26 июля Рор перешел в наступление своим правым флангом. 6-й австро-венгерский корпус потеснил слегка наш XXIV у Клея, а ударная группа Герока атаковала долиной Ойтуза правофланговый IV корпус 2-й румынской армии. 27-го сражение сделалось общим.

Наша 9-я армия отразила неприятеля по всему фронту своему: XXXVI, II, XXXVI и XXIV армейские корпуса имели дело соответственно с 1-м, 11-м, 21-м и 6-м неприятельскими. Противник был отражен русскими войсками, но группа Герока после упорного боя оттеснила IV румынский корпус. Неприятель отметил особенно стойкое сопротивление нашего XXXVI армейского корпуса (25-я, 68-я и 191-пехотные дивизии).

28 июля Рор приостановил фронтальную атаку на 9-ю армию и все свое внимание сосредоточил на группе Герока, ведущей жестокий бой на Ойтузе. Но и здесь его ждала неудача, и он был остановлен 2-й румынской армией.

Прорыв в Молдавию долиной Ойтуза неприятелю не удался.

* * *

Ни Макензен, ни эрцгерцог не желали признать себя побежденными. Переведа дух, они 6 августа рванулись еще раз.

IX германскую армию ждала полная неудача. Отбив ее удар, 1-я румынская армия сама перешла во встречное наступление. Под Марашештами был прорван и опрокинут Морген, а под Ирештами был отражен Венингер. I австро-венгерская армия была лишь немногим счастливее, но первоначальный ее успех был сведен на нет контратаками 2-й румынской армии.

9 августа германская Главная квартира воспротивилась дальнейшей трате войск и предписала прекратить наступательные попытки. Орех оказался слишком твердым, и клещи сломались, хоть и были из крупновской стали высшего качества. В сражении под Марашештами в 4-й армии из 70 000 человек строевого состава (7 слабых пехотных и 1 кавалерийская дивизии) было убито и ранено 40 000 человек, а 5000 с 17 орудиями попало в плен. Урон наш составил 65 процентов, что показывает, до чего самоотверженно бились под Марашештами русские войска. Румыны показали свой урон в 400 офицеров и 21 000 нижних чинов — 20 процентов своих сил (108 000 бойцов в 6 очень сильных пехотных и 2 кавалерийских дивизиях), из них 5000 пленных с 13 орудиями. Немцы скрыли свои громадные потери. Очень осторожно мы можем определить их в 40 000 человек, из коих свыше 4000 пленными и 4 орудия. Это составит 40 процентов введенных в дело войск IX германской армии (13½ пехотных дивизий).

В сражении на Ойтузе в группе Герока участвовало 5 дивизий. 2-я румынская армия противопоставила им 5 сильных пехотных и 1 кавалерийскую дивизии. Урон румын составил 14 000 человек, из коих 4000 пленными.

К середине августа Румынский фронт был полностью перегруппирован, протянувшись от устья Збруча до устья Дуная. В его состав была включена 8-я армия. Штаб 1-й армии был переброшен в Дубно на Волынь, возглавив правый фланг непомерно разросшейся 11-й армии. Войска прежней 1-й армии распределились между 8-й и 9-й армиями. Эта последняя, протянув правый фланг к северу, получила X армейский корпус с Западного фронта и передала большую часть своих войск 4-й армии.

8-ю армию, которой командовал генерал Черемисов, а после генерал Соковнин, составляли от Днестра до Верхнего Серета: II конный, XXXIII, XVI, XI и XXIII армейские корпуса. 9-ю армию между Серетом и Молдовой — X, XXIX, XL, XVIII и XXVI корпуса, командовали ею генерал Кельчевский, а после генерал Некрасов. 4-ю армию генерала Рагозы в Молдавских Карпатах составляли II, XXXVI и XXIV армейские корпуса. Дальше — по Сушице и Серету — шли румынские армии: 2-я — генерала Авереско (IV и II корпуса) и 1-я — генерала Григореско (VI, V и III корпуса). По Нижнему Серету и Дунаю — 6-я армия генерала Цурикова (IV армейский, IV Сибирский, XLVII армейский и VI конный корпуса). В резерве фронта — XXX армейский корпус, обескровленные VII и VIII и не закончивший своей организации I румынский.

Всего королю Фердинанду и генералу Щербачеву было подчинено 70 пехотных дивизий (из них 59 на фронте) и 12 конных. У неприятеля за отбытием 4 дивизий в Италию считалось на фронте 44 пехотные и 11 кавалерийских дивизий.

Военные действия носили в дальнейшем эпизодический характер. 15 августа III австро-венгерская армия потеснила нашу 8-ю у Должка с целью обеспечить Черновицы, а IX германская имела небольшой успех на Сушице против 1-й румынской армии. Вскоре после этого дела выстрелом одной из батарей нашего 124-го артиллерийского дивизиона был убит объезжавший войска генерал Венингер и уничтожен штаб его 18-го резервного корпуса. Нагроможденные в Молдавии наши войска всю осень держались пассивно, постепенно расставаясь с жизнью...

29 сентября в X армейском корпусе 31-я пехотная дивизия генерала Волховского рванула 17-й австро-венгерский

корпус коротким и блестящим ударом у Вашкоуц. Трофеями славного дела при Вашкоуцах были 12 офицеров, 800 нижних чинов пленными, 18 орудий (4 тяжелых), 2 миномета, 1 бомбомет и 10 пулеметов. Все взято 121-м пехотным Пензенским полком. Храбрый его командир полковник Мансурадэе был убит. Штыками пензенцев была начертана последняя строка в более чем двухвековой летописи. Старая армия Петра Великого в последний раз глубоко вздохнула и сама закрыла свои глаза...

КРЕВО И РИГА

Поднять на неприятеля засидевшиеся в окопах и сильно разложившиеся войска Северного и Западного фронтов было делом более трудным, чем повести юго-западные армии, в душе которых еще теплился огонек.

Пришлось вести одновременно две операции — одну против неприятеля, другую — против собственных войск, оцепляя верными войсками и разоружая мятежные полки и дивизии. Разнузданные комитеты нагло вмешивались в оперативную работу, заставляя смещать неугодных начальников вотумом «недоверия». Съезд фронтовых комитетов высказался 8 июня против наступления, 18 июня — за и 20-го — снова против. За это время 60 строевых начальников, до командиров полков включительно, были вынуждены покинуть свои части, выразившие им через комитетчиков «недоверие».

Наступление Северного фронта — 5-й армией вдоль железной дороги Двинск—Вильно — было окончательно назначено на 10 июля. Западный фронт должен был атаковать 9-го числа своей «ударной» 10-й армией в общем направлении на Крево.

За три дня до наступления по требованию Временного правительства был отчислен командовавший 10-й армией генерал Киселевский. Его заменил прибывший из Румынии командир VIII корпуса генерал Ломновский. Подготовка к наступлению проходила в безобразной обстановке.

30 июня взбунтовавшимися солдатами 2-й Кавказской гренадерской дивизии был избит член совдепа, «оборонец» присяжный поверенный Соколов — один из составителей «приказа номер первый». Временное правительство, равнодушно взиравшее на избиение и убийства десятков и сотен заслуженных боевых офицеров, бывших для него «чужими», теперь, когда пострадал «свой», потребовало

примерного наказания виновных и смещения командовавшего армией. Генерал Брусилов считал нужным исполнить это требование. Генерал Киселевский покинул армию, обезглавленную накануне наступления, что, впрочем, ничуть не смущало ревнителей «углубления революции».

Правофланговый корпус 10-й армии — II Кавказский — «закинулся» и отказался наступать. Тогда на его участок был перемещен смежный с ним XX армейский корпус (левофланговый 3-й армии), и в него включились боеспособные части кавказцев. 10-я армия развернула справа налево XX армейский, I Сибирский и XXXVIII армейский корпуса — 7 дивизий против 2 германских. На пассивном участке был растянут III армейский корпус — 3 дивизии против 5 неприятельских. Для развития операции в резерв фронта были стянуты X и L армейские корпуса. По подсчету штаба 10-й армии, в ударной группе XX, I Сибирского и XXXVIII корпусов было 85 000 бойцов против 10 300 немцев, а на пассивном участке III армейского корпуса — 23 700 человек против 37 700 германцев.

Утром 9 июля наша 10-я армия перешла в наступление своей ударной группой против правого фланга X германской армии. Правофланговый XX корпус генерала Ельшина и центральный I Сибирский генерала Искрицкого имели тактический успех, но понесли жестокие потери. Левофланговый же XXXVIII корпус генерала Довбор-Мусницкого дошел до неприятельской артиллерии, взял ее, но стал митинговать и без всякого давления неприятеля возвратился в свои окопы.

Генерал Деникин отказался возобновить наступление, бывшее покушением с совершенно негодными средствами. В XX армейском корпусе 28-я пехотная дивизия залегла, 51-я дивизия атаковала с большим подъемом и взяла три линии неприятельской укрепленной позиции. Храбро атаковала и 29-я пехотная дивизия, форсировавшая по горло в воде разлившуюся Безымянную речку. Войска атаковали на местности, совершенно им незнакомой. Командир корпуса генерал Ельшин был жестоко отравлен разрывом газового снаряда.

I Сибирский корпус опрокинул 16-ю ландверную дивизию и взял 1400 пленных. В XXXVIII корпусе была полная неудача. Ставкой был отмечен подвиг подполковника Ячнина, собравшего 44 офицера и 200 оставшихся верными долгу солдат и пошедшего во главе их в атаку. Из этого отряда никто не вернулся. К вечеру немцы контратакой потеснили сибиряков, уже не имевших прежней стойкости,

и заняли их окопы у Новоспасского леса. Но на рассвете 10 июля прусский ландвер был оттуда выбит женским ударным батальоном прапорщика Марии Бочкаревой (50 ударниц было убито и 200 ранено). Потери 10-й армии за наступление с 9-го по 10 июля были очень значительны. Эвакуировано было 30 000 раненых (по-видимому, значительный процент из них был «палечников»). Мы можем присчитать к этому еще около 6000—7000 убитых и пропавших без вести, что составит около половины (45 процентов) всех введенных в дело войск. Из 14 дивизий наступало только 7, а из тех только 4 оказались вполне боееспособными.

На Северном фронте генерала Клембовского командовавший 5-й армией генерал Ю. Данилов образовал ударную группу на своем правом фланге у Якобштадта из XIII и XIV армейских корпусов, влив в XIII корпус I армейский корпус и введя в бой 6 дивизий против 2 дивизий германской Двинской группы. 10 июля в сражении под Якобштадтом XIII корпус топтался на месте. XIV корпус генерала Будберга дрался храбро, но один ничего не смог поделать с подоспевшими сильными резервами врага. Наступательная попытка Северного фронта потерпела крушение.

XIII корпус был сборного состава. Его коренная 36-я пехотная дивизия овладела было двумя линиями неприятельских позиций, но 22-я дивизия (приданная из I армейского корпуса) отказалась наступать, а 182-я дивизия бежала, охваченная паникой. В XIV корпусе 120-я дивизия уклонилась от наступления (кроме ударного батальона), но коренные 18-я и 70-я пехотные дивизии дрались самоотверженно. Ставкой отмечен 280-й пехотный Сурский полк и «героическая работа» 72-го пехотного Тульского полка, взявшего 1000 пленных. Храбро дралась и 24-я пехотная дивизия.

* * *

Весь июль и первую половину августа к северу от Полесья царил покойствие, бывшее для нас спокойствием кладбища. Юго-Западный фронт с Корниловым держался на Збруче. Румынский — Щербачева отразил нашествие при Маморнице и Марашештах. Но на севере и западе все было кончено. Главнокомандовавший Северным фронтом генерал Клембовский и ставший во главе Западного генерал Балув «плыли по течению», избегая всего, что могло бы пойти вразрез с чаяниями «революционной

демократии». Весь 750-верстный фронт от Рижского залива до Припяти держался на 40 ударных батальонах и 15 конных дивизиях. Позади была миллионная толпа митинговавшего человеческого стада...

К началу августа у неприятеля освободились значительные силы в Галиции. Приостановив наступление на Збруч, главнокомандовавший на востоке принц Леопольд Баварский вывел в резерв гвардию, 23-й и 51-й корпуса упрямой группы Винклера и направил эти войска на север.

Император Вильгельм решил использовать свое детище — русскую революцию — для отторжения от России Прибалтийского края. Еще в конце июля он повелел начать приготовление к овладению Ригой. Операция была возложена на VIII армию генерала Гутьера, доведенную до состава 11 пехотных и 2 кавалерийских дивизий при 2000 орудий. Защищавшая Ригу наша 12-я армия генерала Парского имела главные силы — VI Сибирский, II Сибирский и XLIII армейский корпуса — 13 пехотных и 2 кавалерийские дивизии на левобережном плацдарме, а XXI корпус — 4 пехотные дивизии — был растянут на правом берегу Двины. Лифляндское побережье охраняли 2 конные дивизии с переведенным на морской фронт управлением XIII армейского корпуса.

На рассвете 19 августа VIII германская армия под ураганный огонь 500 батарей обрушилась под Икскюлем на XLIII корпус генерала Болдырева, прорвала его и к полудню перебросила свои авангарды за Двину. Гутьер стремился перехватить путь отступления 12-й армии и поймать в мешок левобережные корпуса. Отчаянные контратаки немногих стойких частей XLIII и правобережного XXI армейских корпусов воспрепятствовали этому плану. Генерал Парский отдал приказ эвакуировать Ригу, задерживая на правом берегу прорвавшихся немцев. 20 августа VI и II Сибирские корпуса, оставив плацдарм, хлынули беспорядочной толпой через Ригу на север без всякого давления противника. Разложившиеся части XLIII корпуса бежали за Двину, неразложившиеся прикрыли, как могли — беспорядочно, но самоотверженно — это бегство всей армии...

21 августа торжествующий неприятель вступил в Ригу, двести семь лет не выдавшую врага в своих стенах. 12-я армия катилась на север под прикрытием спешенной конницы, ведущей 22-го арьергардные бои. 23 августа соприкосновение с противником было потеряно. Гутьер придержал свою армию, не желая зарываться,

тогда как кайзер, позируя в гротескные меченосцы, осматривал древнюю столицу ордена...

25 августа 12-я армия собралась на Венденских позициях. Чтобы найти неприятеля, ей пришлось в последовавшие дни продвинуться на два перехода. Потери 12-й армии генерал Клембовский определил в 25 000 человек, из коих 15 000 пленными и без вести пропавшими, а генерал Парский — в 18 000, из коих 8000 пленными. Эта последняя цифра верней, так как немцы показали свои трофеи в 8900 пленных, 262 орудия, 45 минометов и 150 пулеметов. Немецкие потери незначительны и не должны превышать 4000—5000 человек. Вся тяжесть боев легла на 136-ю пехотную дивизию XIII корпуса и 33-ю и 44-ю дивизии XXI. После падения Риги в 12-ю армию было направлено с Западного фронта и из Финляндии 6 пехотных и 3 кавалерийские дивизии.

Бесславная летопись российской демократии обогатилась новой позорной страницей. Но как ни прискорбно было для нас падение Риги, оно ничего не значило в сравнении с тем несчастьем, что постигло Россию в последовавшие дни.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КЕРЕНСКОГО

Вся Россия превратилась в один огромный сумасшедший дом, где кучка преступников раздала толпе умалишенных зажигательные снаряды, а администрация исповедовала принцип полной свободы этим умалишенным во имя «заветов демократии». Спасти страну можно было только расправой с предателями и обузданием взбесившихся масс. Но для этого необходимо было переменить всю обанкротившуюся систему управления — заменить трескучие фразы решительными мерами.

Генерал Корнилов, возглавивший русскую армию в самый тяжелый час ее существования, видел бездну, разверзавшуюся под ногами ослепленной России. Он считал спасительным установление сильной власти на диктаторских началах. Одновременно надлежало оздоровить армию восстановлением поправной дисциплины, официальным введением смертной казни и замены злобещей «Декларации прав солдата» декларацией его обязанностей. Корнилов считал необходимой милитаризацию военных заводов и железных дорог и находил, что

надо иметь три армии — одну на фронте в окопах, другую — на заводах для изготовления боевого снаряжения и третью — на железных дорогах для подачи снаряжения на фронт. Додумайся до этого шталмейстеры и столоначальники императорского правительства в 1916 году, мы не имели бы революции.

Вся первая половина августа прошла для Корнилова в напряженном труде по созданию законопроекта об устройстве армии. Верховный был одинок в этой своей огромной работе. Его непосредственное окружение — случайные люди полувоенного-полукомиссарского облика и явно авантюристической складки — поражало своим самонадеянным ничтожеством. При всех своих положительных качествах Корнилов не умел подбирать себе сотрудников. Когда Корнилову указывали на несостоятельность его окружения, он отвечал, что не имеет выбора и что эти люди, по крайней мере, желают работать.

Робевший и колебавшийся Керенский все откладывал утверждение законопроекта, страхась своих коллег-пораженцев и Совета рабочих депутатов. Из своего филиалдского тайника Ленин продолжал властвовать над слабым умом и дряблой волей «главы российской демократии».

Мало-помалу Корнилову удалось склонить Керенского на ввод в столицу надежных войск. События на фронте тому способствовали. Рига пала, Петроград оказался под непосредственным ударом врага, и страх перед германскими генералами пересилил у Керенского его неприязнь к русским генералам. В Петроградский район был двинут с Румынского фронта III конный корпус генерала Крымова. Можно было считать обеспеченным создание директории в составе Корнилова, Керенского и Савинкова, и снабженной диктаторскими полномочиями. Оставалось договориться, кому в этом «триумвирате» занять председательское место. Для Корнилова этот вопрос особенного значения не имел — Верховный главнокомандующий добивался лишь полноты власти на фронте. Но для Керенского вопрос возглавления был всем. Безмерно честолюбивый председатель Временного правительства мыслил себя не иначе как в центре всеобщего поклонения и обожания.

Корнилов пригласил Керенского в Ставку, чтобы лично договориться с ним о всех необходимых подробностях предположенного государственного устройства. Но «главноуговаривающий» уже впал в свое обычное состояние возбужденного малодушия. Керенский уже стал сожалеть о своей

сделке с революционной совестью, о своем сговоре с казачьим генералом. Он уклонился от поездки в Ставку и послал для переговоров с Корниловым случайного человека — обер-прокурора Синода Владимира Львова, давно слышшего у всех притчей во языцех своей сумбурной бестолковостью. Казалось, Керенский искал предлога, чтобы порвать с одиозной «военщиной».

* * *

Львов прибыл в Ставку 24 августа. Генерал Корнилов заявил ему, что необходимо учреждение диктатуры при обязательном участии Керенского и что он, Корнилов, готов подчиниться кому укажут.

Вернувшись 26 августа в Петроград, Владимир Львов заявил Керенскому, что Корнилов требует себе всю верховную власть — как военную, так и гражданскую, что он не верит Керенскому и Савинкову и не ручается за их жизнь. Испуг Керенского был велик. Но он не заслонил расчета, вдруг вставшего перед ним: опираясь на все силы революционной демократии, от Савинкова до Ленина включительно, раздавить обнаружившийся «генеральский заговор» и этим раз навсегда избавиться от опасного соперника. Интересы государства всегда были у Керенского на третьем плане (после личных и партийных). Сейчас они окончательно перестали для него существовать.

Керенский вызвал Корнилова по прямому проводу и спросил его, верно ли то, что передал ему Львов, нарочно не поясняя, что именно сказал Львов. Далекий от мысли о провокации, генерал Корнилов лаконически ответил, что правда, не догадавшись ни расспросить Керенского, ни повторить вкратце содержания своей беседы со Львовым. Тогда Керенский приказал Корнилову сложить с себя звание Верховного главнокомандующего. Ошеломленный Корнилов отказался сойти со своего ответственного поста. Сношения Петрограда с Могилевом были прерваны.

27 августа вся Россия была потрясена манифестом Временного правительства, объявившего генерала Корнилова вне закона. В этом манифесте Керенский назвал героя Карпат «изменником»... Когда в июле ему были представлены доказательства службы большевиков у германского командования, то Керенский Ленина «изменником» не называл. Любопытнее всего, что из

революционной общественности громче всех об «измене Родине» кричал министр земледелия Либерман — по псевдониму «Виктор Чернов», активный деятель Циммервальдского съезда пораженцев в 1915 году, тот самый, от которого Керенский на совещании 3 августа предостерегал Корнилова. Чернов уже третий год занимал штатную и хорошо оплачиваемую должность в германской разведке, и тайны это ни для кого не составляло. Керенский называл Чернова «товарищем», а Корнилова — «изменником»...

Корнилов не остался в долгу, заклеив в своем воззвании все Временное правительство «немецкими наемниками». Генерал Деникин считает это воззвание ошибкой, так как из всего состава Временного правительства один Чернов мог по справедливости считаться «немецким наемником». Враждебно к Корнилову относились только Керенский, Чернов и Некрасов. Остальных Корнилову не следовало от себя отталкивать. В этом утверждении генерала Деникина нельзя не видеть чрезмерного его уважения к «общественности».

Керенский приказал военачальникам не подчиняться мятежному Верховному, а войскам не повиноваться начальникам. Он амнистировал арестованных большевиков, призвав их к совместной защите завоеваний революции, и приказал раздать оружие революционному петроградскому пролетариату.

Пока Керенский организовывал и вооружал большевиков, Корнилов бездействовал в Ставке. Ему надо было стать во главе шедшего на Петроград III конного корпуса и лично возглавить спасительную контрреволюцию. Вместо этого он оставался в Могилеве, застигнутый провокацией врасплох. Его полувоенное-полукомиссарское окружение изменило ему и покинуло его.

Конница Крымова разбросалась от Пскова до Луги, дойдя передовыми своими частями до этого города. Два слова «корниловцы идут!» преобразили весь распущенный тыл Северного фронта. В частях, давно вышедших из повиновения, сама собой и мгновенно воцарилась аракчеевская дисциплина.

Однако генерал Крымов не сумел воспользоваться столь благоприятно складывавшейся обстановкой. Не получая из Ставки никаких указаний, никакой ориентировки, подобно Корнилову ошеломленный неожиданной провокацией правительства, он задержал 29 августа свои войска у Луги, а сам отправился для выяснения

обстановки в Петроград. Там он был предательски убит. По одной версии Крымов был застрелен «адъютантами» Керенского, по другой — застрелился сам. Выяснено только, что он сразу не был убит и что Керенский запретил перевязку истекавшего кровью генерала. Заступивший его место князь Багратион-Мухранский по приказу Временного правительства отвел III конный корпус в район Псков — Великие Луки. «Гидра контрреволюции» была побеждена. Армия вновь погрузилась в анархию, чтобы больше из нее не выходить...

* * *

1 сентября Керенский торжественно провозгласил Россию «демократической республикой», а себя самого «Верховным главнокомандующим сухопутными и морскими силами» этой демократической республики. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен небрежливый генерал Алексеев, а военным министром — честолюбивый и беспринципный «младотурок» — полковник Верховский. «Полукорниловцу» Савинкову Керенский больше не доверял.

Первым и единственным мероприятием Керенского как Верховного главнокомандующего была расправа с крамольными генералами. Прибывший в Ставку генерал Алексеев именем Керенского арестовал генералов Корнилова и Лукомского. Одновременно были арестованы открыто солидаризировавшиеся с Корниловым главнокомандовавший Юго-Западным фронтом генерал Деникин, его начальник штаба генерал Марков и командовавший Особой армией генерал Эрдели. Арестованные военачальники были заключены в Быховскую тюрьму. Алексееву удалось настоять на охране заключенных преданными Корнилову текинцами. Корнилов и его сподвижники были спасены этим от самосуда озверелой черни.

Председательствование во Временном правительстве и выступления в новосозданной говорильне — так называемом «предпарламенте» отнимали все время Керенского и делали его главнокомандование сухопутным и морским бессилием российской демократической республики чисто номинальным. Сознавший всю неловкость своего положения генерал Алексеев оставался в Ставке всего несколько дней и ушел. Начальником штаба и фактическим Верховным главнокомандующим был назначен новый начальник штаба Юго-Западного фронта генерал

Духонин, а генерал-квартирмейстером генерал Дитерихс — оба доблестные боевые начальники и талантливые офицеры Генерального штаба. Однако проявить свои дарования на этом посту им уже не пришлось. Армия превратилась в толпу...

* * *

Выступление Корнилова было последней попыткой предотвратить крушение великой страны.

Удайся оно, Россию, конечно, ожидали бы еще потрясения. Прежде всего немцы попытались бы утвердить своего Ленина штыками, и нашим неокрепшим еще армиям пришлось бы в сентябре выдержать жестокий натиск и отступить в глубь страны. Затем надо было считаться с тем, что за шесть месяцев керенщины анархия успела беспрепятственно пустить глубокие корни в народную толщу. При всех своих достоинствах героя Корнилов не был государственным человеком и правителем. Его убогое окружение было только немногим выше Временного правительства. Выздоровление России было бы долгим и тяжелым. Но она осталась бы Россией...

Оставшись в Могилеве и не возглавив лично шедшие на Петроград войска, Корнилов совершил роковую ошибку. Некоторым оправданием для него была полная неожиданность провокации. Пассивность Верховного предрешила неудачу спасительной контрреволюции.

Провокаторская работа Вл. Львова очевидна. Как низко ни расценивать его умственные способности, нельзя предположить, что он только «напутал», передав Керенскому прямо противоположное тому, что говорил ему Корнилов. Львов, сразу после октябрьского переворота примкнувший к большевикам, был, по-видимому, уже в августе их сотрудником.

Во всяком случае, Керенский поверил Львову, потому что хотел ему верить. Разговор Керенского по прямому проводу с Корниловым выдает его с головой. Его вопрос, правда ли то, что сказал Львов, без пояснения, что же именно сказал Львов, можно считать непревзойденным образцом провокаторского мастерства.

* * *

Трагически сложившаяся обстановка потребовала от главы Временного правительства выбора между Корниловым

и Лениным. И Керенский выбрал Ленина. Выбор этот был для Керенского естественным. Воспитанный на культе революции и преклонения перед «светлыми личностями», Керенский был человек своей среды упадочников.

Корнилов звал спасти Россию. Ленин призывал углубить завоевания революции. «Россия» была для Керенского отвлеченным, ничего не говорившим понятием — географической картой на стене III класса гимназии. «Революция» зато была чем-то близким и родным — «прекрасной дамой». Россия обретала для Керенского смысл лишь с обязательным прибавлением прилагательного. «Царская Россия» была «страной кнута и произвола», неприятельской державой, Карфагеном, который необходимо было разрушить. «Революционную Россию», наоборот, можно и должно было считать своей страной при обязательном условии запереть в тюрьму всех инакомыслящих «реакционеров» (это называлось «свободой»).

Государство, государственность, государственные интересы были терминами чужими и враждебными. За ними чудился ненавистный жандарм и одиозный земский начальник. Могли существовать лишь общественность, лишь общественные интересы. Если государство мешало общественности — следовало упразднить государство. Если государственные интересы мешали тому, чтобы Ленин мог говорить в России «столь же свободно, как в Швейцарии», то надлежало отменить государственные интересы.

Корнилов говорил на непонятном Керенскому языке. Казак по происхождению, военный по призванию, государственный по воззрению, он был ему трижды непонятен, трижды неприятен, трижды чужд, тогда как Ленин был своим. Конечно, Керенский не одобрял Ленина, возмущался его «аморальностью», негодовал на братоубийственную проповедь марксистского изувера. Но это были только частности. И тот, и другой поклонялись революции. Один воскуривал ей фимиам, другой приносил ей кровавые жертвы. И Ленин, и Керенский говорили на одном и том же языке. Разница была лишь в акценте.

Керенский предпочел своего Ленина чужому Корнилову. И отдал Ленину Россию на растерзание. В выборе между Россией и революцией он не колебался, ставя выше революции только себя самого.

Корнилов отдал жизнь за Родину. Керенский отдал Родину за жизнь. История их рассудила.

РАЗБОР КАМПАНИИ

Русская армия воевала восемь месяцев в таких условиях, при которых германская армия год спустя смогла воевать только три дня, став на четвертый день на колени перед Фошем.

Кампания 1917 года — последняя нашей старой армии — привела к потере Лифляндии, Галиции и Буковины. Мы потеряли за июнь—сентябрь 200 000 убитыми и ранеными, 80 000 пленными и 732 орудия. В то же время наша смертельно больная армия вырвала из строя неприятеля 140 000 убитыми и ранеными, 46 000 пленными, 155 орудий, 120 минометов и 600 пулеметов. 26 октября — в день захвата власти большевиками в Петербурге — в 10-й армии на Березине полковник Щепетильников с 681-м пехотным Алтайским полком атаковал немецкие позиции, где взял 200 пленных и отбил у неприятеля 2 новогеоргиевские поршневые пушки. Это было последним делом русской армии в Мировую войну.

Ведись эта кампания в нормальных условиях, она все равно не смогла бы принести решение войны. События 1917 года в России нельзя рассматривать отдельно от событий во Франции. Мастерским ходом бесчестного врага была выведена из строя не только русская армия, но и французская. Сильнейшая из армий Согласия, лучше всех организованная и лучше всех веденная, обрекалась на полную пассивность. Одна же Россия не смогла бы вывести из строя и Германию, и Австро-Венгрию.

Стратегическая роль русской армии в печальную кампанию 1917 года была огромна. Она притянула на себя 144 пехотные и 21 конную дивизии врагов — больше чем когда-либо за всю войну. Уже покрытая ядовитой сыпью большевизма, наша армия продолжала самоотверженно выручать своих союзников, дав возможность Франции заняться лечением своей вооруженной силы, а Англии развернуть и устроить свои армии на континенте. Весь 1917 год германский меч был обращен на восток, и агония одного русского полка давала возможность генералу Петену исцелить один французский.

Спотыкаясь и падая, теряя сознание и вновь поднимаясь напряжением последних сил, смертельно пораженный русский больной нес на своих плечах двух тяжелых союзников, из коих один несколько прихворнул, а другой просто берег силы. А когда в изнеможении он

упал и уронил свою ношу, то союзники, ушибившись при падении, в гнев на русского изменника бросили в Версале жребий о его одеждах.

* * *

Армия Петра Великого погибла по тем же причинам, по которым погибла петровская империя. У людей, ее возглавлявших, иссякла сила духа, совершенно отсутствовала творческая интуиция.

Своевременный переход в сентябре—октябре на добровольческое положение сберег бы нашу армию и тем самым уберег бы нашу Родину. Надо было отказаться от вооруженного народа, раз этот народ тяжело заболел, отказаться от шаблонов и принять новое решение, которое само собою напрашивалось — перейти от «полчища» к «дружине», от семи миллионов глоток к одному миллиону бойцов, на которых можно было положиться.

В конце сентября комиссар Северного фронта Станкевич предложил свести всю Действовавшую армию в 15—20 корпусов, установив высокие оклады жалованья и денежные награды за трофеи. По плану Станкевича оклады жалованья солдат на фронте приравнивались к заработкам рабочего в тылу. За каждого взятого пленного должно было выдаваться 1000 рублей, за каждую неприятельскую винтовку — 500 рублей и т. д. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал Дитерихс отвергнул этот план, найдя, что денежные премии «не соответствуют началам воинской этики». Как будто все то, что до тех пор случилось — братание с неприятелем, избиение офицеров и повальное дезертирство, — не было нарушением этики в сто крат худшим!

В октябре командир XIV армейского корпуса барон Будберг тщетно призывал павших духом военачальников перейти, пока не поздно, на добровольческие начала... Он не был услышан... В начале октября, уже в период полного развала Северного фронта, в XIV армейском корпусе был произведен опрос желавших воевать «до победного конца». В 18-й пехотной дивизии откликнулось 1000 человек, в 70-й — 1400. Генерал Будберг считал, что во всей русской армии должно набраться до миллиона вполне боеспособных солдат. Это предположение нельзя не признать правильным, имея в виду, что Юго-Западный и Румынский фронты разложились менее Северного. На конницу и артиллерию можно было вполне положиться.

Когда на совещании корпусных командиров 5-й армии барон Будберг изложил эту точку зрения, ему стал возражать командир XIX армейского корпуса генерал Антипов, усмотревший в переходе на добровольческие начала «нарушение организации» (как будто всякая организация не была давно нарушена и даже дотла разрушена «приказом номер первый», «Декларацией прав солдата» и выборным началом). Остальные командиры корпусов молча и уныло слушали, соглашаясь в душе с бароном Будбергом, но не смея высказать это согласие вслух.

Школа Жюмани, готовя из своих питомцев образцовых и исполнительных столоначальников, не сообщала им широкого философского кругозора, не прививала им творческих инстинктов. Привыкнув действовать и мыслить только по усвоенному раз навсегда трафарету, они растерялись и потерялись, когда эти трафареты вдруг перестали годиться.

А когда все возможности были безвозвратно упущены и все сроки безнадежно пропущены, тогда догадались принять решение, три месяца подряд диктовавшееся жизнью. Добровольческая армия была создана, но создана в порядке импровизации, с совершенно негодными средствами. У генерала Алексеева было всего тридцать юнкеров и восемьсот рублей деньгами. За два месяца до того, в бытность генерала Алексеева в Ставке, в его распоряжении были сотни тысяч офицеров и верных долгу солдат, которых надо было только организовать, были миллиарды рублей... Организация рушилась. До реорганизации вовремя не додумались. Пришлось взяться за худшее — за импровизацию...

ПОСЛЕДНИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Рижская операция показала германскому командованию, что с развалившимися армиями Северного фронта оно может отныне все себе позволить. После ареста Корнилова вооруженные силы «российской демократической республики» превратились в обозначенного противника. Узнав, что Корнилов арестован, а присяжный поверенный А. Ф. Керенский провозгласил себя генералиссимусом, фельдмаршал Гинденбург предписал отправить с Восточного фронта на Западный четвертые орудия всех батарей и приготовить переброску во Францию 25 дивизий. Наши враги решили окончательно обезвредить русский Северный

фронт захватом Якобштадтского плацдарма на левом берегу Двины и укрепленных островов Моон-Зундской группы, командовавших входом в Рижский и Финский заливы. Овладение Якобштадтом было поручено 58-му германскому корпусу графа Шметова. Утром 8 сентября Шметов атаковал наш XXVIII армейский корпус, занимавший плацдарм, и к рассвету следующего дня оттеснил его за Двину. Разложившаяся 5-я армия и не пыталась контратаковать.

Проливные дожди и болотистый грунт затруднили немцам подвоз артиллерии и маневрирование. 58-й германский корпус атаковал двумя дивизиями. С нашей стороны бои вела 60-я пехотная дивизия при незначительной поддержке 1-й Кавказской стрелковой дивизии. Мы потеряли около 3000 убитыми и ранеными, а пленными 32 офицера, 4700 нижних чинов и 55 орудий. Немцы (генерал Шварте) отметили «высокое самоотвержение» русской артиллерии, остававшейся на позиции до последней минуты и выпустившей последнюю свою картечь в упор.

Моон-Зундскую группу островов у Ливонского побережья составляют Эзель на юге, Даго на севере и Моон на востоке. С весны 1915 года эта передовая позиция Балтийского фронта была сильно укреплена и вооружена дальнобойной флотской артиллерией. Ее занимала 107-я пехотная часть и часть Балтийской морской дивизии при поддержке отряда устарелых кораблей контр-адмирала Бахирева. Особенно тщательно был укреплен южный фронт Эзеля, обращенный к матерiku и предназначенный для отражения германской армии из Курляндии. Немцы решили поэтому атаковать острова с тыла — с морской (северной) стороны.

С этой целью в Балтику был введен флот Открытого моря в составе 3-й и 4-й его эскадр — кораблей новейшего типа с 15-дюймовой артиллерией. Десантная операция была возложена на резервный корпус генерала Катена, посаженный в Либаве на транспорты.

29 сентября германский десант высадился на севере Эзеля, прошел этот остров насквозь и, заняв порт Аренсбург, повернул против часовой стрелки, обойдя с небольшими боями 1-го и 2 октября весь остров и пленив его довольно многочисленных, но павших духом защитников. 4-го и 5 октября занят был Моон, причем наши старые корабли имели неравный бой с германскими сверхдредноутами, а 8 октября Катен овладел и третьим островом — Даго, заблаговременно эвакуированным. 107-я пехотная дивизия положила оружие на восточной окраине Эзеля,

частью на Мооне, куда немцы проникли с Эзеля по плотине. За всю свою операцию немцы взяли 20 130 пленных, 141 орудие и 130 пулеметов. В морском бою 4 октября в Моон-Зунде у нас погиб линейный корабль «Слава».

Потеря Моон-Зунда вызвала словоизвержения ничтожных людей, пытавшихся править великой страной. Одержимой революционным исступлением России не было уже дела до последних ее защитников, агонизировавших в слякоти окопов четвертой осени Мировой войны. От Двины до Дуная царил тишина на позициях и сумасшествие позади позиций. Растерянные штабы продолжали еще жить по инерции... Офицерство, раздробленное и обезглавленное, расплылось и сходилось на нет. Офицер превратился в поднадзорного. Служить — и даже жить — становилось невозможно.

Именовавшиеся еще частями толпы отказывались сменять товарищей на фронте. А те, не дожидаясь смены, покидали постылые окопы... И часто в этих опустевших окопах маячили одинокие фигуры в офицерских погонах — последние птенцы гнезда Петрова оставались на посту, зная, что разводящим здесь может быть только Смерть. Россия не сберегла своих офицеров.

Страна погрузилась в грязь и кровь. Каждый уездный город объявлял себя республикой. Разбой, насилия и самосуды царили на всем протяжении русской земли, еще за год до того великой, славной, могучей...

Выборы в так называемое Учредительное собрание дали до 2/3 всех мест партии большевиков. Русский рабочий, русский крестьянин и русский солдат голосовали за «список номер пятый» — за партию Ленина — за свою смерть.

Обманутый русский народ выдал врагу свою страну и сам своими руками надел себе на шею ярмо такого ига, какого мир не видел с тех пор, как существуют цепи...

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КАТАСТРОФУ

«Если бы Россия в 1918 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями, — сказал в 1934 году канцлер Венгрии граф Бетлен. — Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги. Но Россия

в результате революции потеряла войну и с нею целый ряд областей...»

«Ни к одной стране рок не был так беспощаден, как к России,— пишет, в свою очередь, другой иностранный государственный деятель — Черчилль.— Ее корабль пошел ко дну, когда пристань была уже в виду. Он уже перенес бурю, когда наступило крушение. Все жертвы были уже принесены, работа была закончена. Отчаяние и измена одолели власть, когда задача была уже выполнена...»

Россия могла стать сильнейшей и славнейшей державой мира. Но этого не захотели ни русская общественность, ни русский народ. Этого не желали ни наши враги, ни наши союзники.

Можно и должно говорить о происках врагов России. Важно то, что эти происки нашли слишком благоприятную почву. Интриги были английские, золото было немецкое, еврейское... Но ничтожества и предатели были свои, русские. Не будь их, России не страшны были бы все золото мира и все козни преисподней. Русские люди 1917 года все виноваты в неслыханном несчастье, постигшем их Родину.

Эта вина ложится, во-первых, на императорское правительство, не сумевшее ни предвидеть катастрофы, ни предотвратить ее, и это когда за долгие месяцы до февраля не то что люди, а сами камни петроградских мостовых кричали о готовившейся революции.

Безмерна вина оппозиционной общественности, увидевшей в этом потрясении неповторимый случай прийти, наконец, к власти, захотевшей обратить несчастье Родины в средство для достижения своих узко эгоистических целей, в средство для насыщения своего чудовищного честолюбия.

Обманутые общественностью военачальники сыграли роль позорную и жалкую. Лично для себя они, правда, никакой выгоды не искали. Ими руководило желание блага России, ложно понятого. Они полагали, что благоденствия Родины можно добиться изменой Царю... Их непростительной ошибкой было то, что они слишком стали считать себя «общественными деятелями» и недостаточно помнили, что они — прежде всего — присягнувшие Царю офицеры. Милютинская «гражданственность» и здесь сослужила свою печальную службу.

Эти три категории виновных — растерявшиеся савонники, предатели-политиканы и недостойные военачальники — не имеют оправдания. История вынесла им приговор, справедливый и беспощадный.

Отречение Государя Николая Александровича за себя и за сына было ошибкой. Но кто посмеет упрекнуть за нее Императора Всероссийского, к виску которого было приставлено семь генерал-адъютантских револьверов? Этим своим отречением Царь-Мученик надеялся избежать гражданской войны. Кровь его подданных была для него кровью собственного сердца. Он не мог решиться ее пролить... Это благородное заблуждение свойственно природе венценосцев. Не прикажи Людовик XVI своей швейцарской гвардии прекратить огонь — он мирно закончил бы свой век на троне, а счастливая его страна избежала бы ужасов революции и опустошительных войн империи. А у нас декабристы залили бы кровью Россию, не выкажи Император Николай Павлович самоотверженной твердости на Сенатской площади. Этого железного духа не хватило тихому подвижнику, правившему Россией в труднейшие годы ее одиннадцативековой истории.

Подобно тому, как садовод обязан отсекал сухие ветви и вырывать сорные травы, так и монарх обязан отсекал преступные головы, помня, что иначе, щадя кровь ста негодяев, он губит миллионы честных людей. Никогда еще венценосец не спасал своей страны принесением себя в жертву.

* * *

Подобно всякой революции, русская революция представляет одно и нераздельное и неразрывное целое. Попытки искусственного разделения ее на «хорошую» февральскую и «нехорошую» октябрьскую — ребячески несерьезны. Это все равно, что толковать о «первой французской революции 1789 года» и «второй — 1792-го», или о «первой Мировой войне 1914 года» и «второй Мировой войне 1915 года». Октябрь неотделим от февраля в календаре русской революции совершенно так же, как неотделим в календаре природы. Это два звена одной непрерывной цепи, озноб и язва одной и той же чумы. Если в октябре Ленин отдал приказ «Грабь награбленное», то исключительно потому, что за семь месяцев до того «февральский» министр Керенский заявил: «Я желаю, чтобы Ленин мог говорить столь же свободно в России, как в Швейцарии»!

Дикий опыт «стопроцентной демократии» с марта по ноябрь 1917 года — насаждение в военное время совершенно нового, неиспробованного строя, полное пренебрежение государственностью во имя каких-то книжных принципов,

оказавшихся никуда негодными,— этот безумный опыт вошел в историю под названием «керенщины», по имени своего самого характерного и в то же время самого бесхарактерного деятеля.

Вина Ленина, зря погубившего тридцать миллионов русских жизней, огромна. Но еще больше ответственность Керенского, давшего Ленину возможность погубить эти тридцать миллионов жизней. Это самая страшная ответственность, какую знает История...

* * *

Кому мало дано, с того меньше и спросится. Вот почему мы не должны винить выше меры все те миллионы малых сил, что были соблазнены в тот навеки проклятый год. Разнузданные дикие толпы солдат-дезертиров, рабочих-красногвардейцев и крестьян-погромщиков, конечно, виновны перед своей страной, перед памятью отцов и перед своими детьми.

Великая Империя мало что делала для народного образования и решительно ничего не делала для народного воспитания. Ни священник приходской школы, ни учитель министерской не объясняли детям великого прошлого их страны, не учили знать ее и любить. Из тысячи новобранцев девятьсот не знали цветов русского знамени. А как зовут Царя они узнавали, присягая ему. От своих офицеров и унтер-офицеров — единственных воспитателей 150-миллионного русского народа — они получали то, что давало им силы умирать героями за эту мало им известную Родину. Народ не учили любить свою страну. Неудивительно, что он в конце концов любил лишь свою деревню, до которой «немцу все равно не дойти», да и в деревне лишь свою избу...

Орды дезертиров, митинговавших против «аннексий и контрибуций», братавшиеся с неприятелем, избивавшие своих офицеров и валившие с фронта домой — делить землю, были те самые солдаты, что менее года назад сокрушали австро-германские армии в Брусиловском наступлении, те самые полки, что за каких-нибудь полгода до того, сняв затворы с винтовок, без выстрела, кинулись черной ночью и в двадцатиградусный мороз на грозные германские позиции у Бабита... И если бы какие-то люди где-то далеко в Петрограде не устроили «великой бескровной», то эти братальщики и дезертиры пошли бы в кампанию 1917 года, как и в предыдущие, героями на вражескую проволоку. И так же самоотверженно поднимались бы под пулеметным

огнем во весь рост, чтобы прикрыть своих офицеров, как то они делали минувшим летом и осенью в ковельских боях...

Петроградские рабочие-красногвардейцы не родились большевиками, но ими сделались. Они искали социальной справедливости, которой не находили. «Классовое самосознание» выковывалось долгими десятилетиями и в обстановке, как нельзя более благоприятствовавшей обострению социальной розни. И все-таки значительная, подавляющая численно, часть русского рабочего класса не приняла марксистского интернационала. Вспомним только ижевцев, вписавших в историю нашей гражданской войны самую удивительную главу.

Война, как мы видели, сильно развратила русскую деревню. Более чем стомиллионная масса русского крестьянства переживала тот же период оскудения духа, как и остальные слои русского народа...

Со всем этим и солдат, и рабочий, и крестьянин виновны перед своей родиной — Россией. За эту вину они справедливо заплатили раскулачиванием, коллективизацией, пятилетками, стахановщиной и ссылками целых губерний в концлагеря. Этого не могли предвидеть своим темным умом голосовавшие за «список номер пятый» дезертиры, красногвардейцы и погромщики «великой и бескровной».

* * *

Но кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания не истлевшими, прошли через кровь незапятнанными и через грязь незамаванными.

Петровская армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилося сердце Добровольческой армии. Русская армия продолжала жить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русской армии — это история жизни русского государства, история дел русского народа, великих в счастье и в несчастье, история великой армии великой страны.

Лавров и терниев за эти два с половиной столетия хватило бы на все остальные армии мира, вместе взятые, и еще осталось бы на славнейшую из них. Нет истории более поучительной, и нет дел более великих. Наследники русской славы, мы их продолжим на будущие времена и впишем мечом и гнусной кровью бесчисленных врагов матери России новые и новые подвиги в ее скрижали.

Мы должны все время помнить, что мы окружены врагами и завистниками, что друзей у нас, русских, нет. Да нам их и не надо при условии стоять друг за друга. Не надо и союзников: лучшие из них предадут нас. «У России только два союзника: ее армия и флот», — сказал Царь-Миротворец.

Мы располагаем бесчисленными духовными сокровищами. Они лежат еще втуне, но дадут, при умении взяться за дело, небывалые плоды как в мирном строительстве, так и на полях сражений.

Побольше веры в гений нашей Родины, надежды на свои силы, любви к своим русским. Мы достаточно дорого заплатили за то, чтобы на вечные времена исцелиться от кагало бы то ни было «фильства» и знать одно русофильство.

Довольно с нас «мировых проблем» и дорого стоящего мессианства! Не будем мечтать о счастье человечества — устроим лучше счастье нашей собственной страны. Довольно и «священных союзов» на русской крови, и «мировых революций» на русские деньги и русские страдания. Научимся смотреть на вещи ясно и просто, раз навсегда отрешившись от мистики, засоряющей и затуманивающей государственное сознание.

Русский народ — отнюдь не богоносец, как то думали люди, великие сердцем, но не умевшие мыслить государственно. Он также не преступник, как полагают люди недалекие и озлобленные. Богоносцами могут быть не народы, а только отдельные люди, причисляемые за это к лику святых. У нас богоносцев больше, чем где-либо. Народ — это не только сто миллионов людей, живущих в данное время. Это также миллиард их праотцев, оставивших наследием великую страну. И это также миллиард их потомков, что еще не родились, но приумножат это наследие в грядущие века. Народ, как и часть народа — армия, как и часть армии — полк, это не только те, кто есть, но и те, кто были, и те, кто будут. Поколению, духовно нестойкому, наследуют поколения более сильные. В 1612 году добрые люди взяли верх над всрами, в 1917 году воры одолели добрых людей — одолели в силу известных причин и обстоятельств,

которые можно было бы изменить людям, духовно более сильным.

Наш народ - землепашец, в то же время и народ-воин. Никакой иной народ так не сумел соединить плуг с мечом, труд землепашца с обязательным для всех воинским долгом. В какой стране и в какую эпоху мы найдем явление, подобное казачеству?

Военный гений русского народа велик и могуч — тому свидетели все покоренные столицы Европы и те пехотинцы на Русь завоеватели, что стали затем верноподданными Белого Царя.

У русского народа есть свои достоинства, есть и свои недостатки. Развивая достоинства, мы должны по мере сил сводить на нет недостатки, то есть в первую очередь стремиться к удалению причин, способствующих этим недостаткам. Труд огромный, но благородный, труд, за который надо только суметь как следует ваяться, а взявшись — вложить в него все сердце и всю душу без остатка. И за этот беспримерный труд возьмутся и доведут его до завершения те поколения воссоздателей Родины, русских офицеров, для которых в тяжелые годы и писались эти строки.

Нам придется преодолеть великие трудности, но это для того, чтоб совершать затем великие дела!

А когда эти трудности покажутся неодолимыми, рвы Измаила — глубокими, Чертовы мосты — непроходимыми, когда вот-вот опустятся руки и упадут сердца, тогда оглянемся назад и спросим совета у Петра, Румянцева, Суворова. И они дадут совет — тот самый, какой надо. И вновь содрогнется Вселенная от дел русского оружия.

Но горе нам и горе вам, что придете, если вместо русских великанов станете спрашивать совета у чужих нихтбештимзагеров, если вместо Суворова будете опять искать откровения у Мольтке. Поражения вновь тогда станут нашим бесславным уделом. Третья Плевна сменится Мукденом, Мукден — Мазурскими озерами.

Суворов учил: «Мы — русские. С нами Бог». Его не поняли, стали по-дикарски перенимать чужеземные «доктрины» и «методы», рассчитанные на сердца чужих армий. Мы перестали быть русскими... Бог перестал быть с нами.

* * *

Со времен Тридцатилетней войны первой армией в мире была созданная Густавом Адольфом шведская армия. Она сокрушала цесарские рати и польские ополчения. Но

наступил день — день Полтавы, — когда ее знамена склонились перед другой армией — юной армией Петра, одетой по-иноземному, но мыслившей по-русски и дравшейся по-русски.

Прошли годы. Европа стала считать своей «лучшей армией» автомат Фридриха II. Победы этой армии-машины над армиями Франции и Австрии создали ей репутацию непобедимой. И вот это непобедимое дотоле войско встретилось на полях Бранденбурга с другим войском. Встретилось — и перестало существовать... Та сокрушившая пруссаков Фридриха сила была русской армией дочери Петра, армией Румянцева и Салтыкова, думавшей по-русски и по-русски дравшейся.

Сменилось еще одно поколение — и мир потрясли победы армии французской республики. В ста сражениях разгромили Европу синие ее полубригады, но на полях Италии сами были сокрушены чудо-богатырями Суворова — самым русским войском, которое когда-либо имела Россия.

Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание «первой в мире», как всякий раз на своем победном пути она встречала неунывающие русские полки — и становилась «второй в мире».

Вот основной вывод нашей военной истории. Так было, и так будет.

КОНЕЦ

«История русской армии» писалась в тяжелых условиях изгнания. Погрешности были неизбежны, и их оказалось немало. Закончим же нашу летопись словами инока Лаврентия:

«Господа отцы и братья! Если где-либо я описался и переписал, или не дописал, читайте и исправляйте ради Бога и не кляните, ибо книги ветхи, а ум молод и не дошел...»

Антон Антонович Керсновский

ОБ АВТОРЕ
«ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ»

Шесть лет назад в «Русском военном вестнике», преобразованном затем в «Царский вестник», стали появляться статьи по военным вопросам, подписанные — «А. Керсновский». В этих статьях явно проявлялись оригинальность и дисциплина мысли, интересный выбор тем и определенно выраженный публицистический темперамент. Все вместе создавало ощущение свежего, несомненного дарования, усиленного серьезными знаниями военного дела. Талантливость автора была настолько очевидна, что я счел своим долгом обратить на него внимание читателей «Нового времени», в котором тогда вел отдел «Военных заметок».

Не найдя в списках офицеров Генерального штаба фамилии Керсновского, я решил, что он — артиллерийский штаб-офицер, принадлежащий к группе наших чудесных артиллеристов типа полковников Лашкова и Тимофеева. Побуждаемый и личным любопытством, и многочисленными задаваемыми мне вопросами друзей и читателей, кто такой Керсновский, я просил Н. П. Рклицкого сообщить мне данные о личности его нового сотрудника. Велико было мое удивление, когда редактор «Царского вестника» разъяснил мне, что А. Керсновский — совсем

молодой человек, не прошедший военной школы и не имевший возможности усвоить военно-бытовой опыт.

Если я не знал бы Н. П. Рклицкого, я мог бы подумать, что он мистифицирует меня. И действительно, трудно было поверить, чтобы столь юный автор (А. А. было тогда не более 22—23 лет) мог накопить так много основательных военных знаний. Еще более необычным представлялись основные свойства дарования А. Керсновского: самостоятельность суждений, убежденность, вразумительность анализа и чуткое понимание армейской психологии.

В дальнейшем я узнал, что А. А. ведет в Париже тяжелую трудовую жизнь, что неблагоприятно отражается на его здоровье.

Я узнал, что он служит во французской издательской фирме, развозя ночью по городу выходящие газеты и журналы. Работа крайне изнурительная для человека со слабыми легкими. Зато, как писал мне А. А., ночная работа дает ему возможность заниматься днем военной наукой и ежедневно проводить несколько часов в национальной библиотеке. Только талант Божьей милостью может обнаруживать такое горение духа, какое проявляет А. Керсновский!

За истекшие годы дарование А. А. чрезвычайно окрепло и утончилось. Ныне он вполне зрелый военный писатель, сохраняющий драгоценные дары молодости: энтузиазм и дерзание. По своему военному мировоззрению Керсновский принадлежит к школе русских военных классиков и является убежденнейшим проповедником духа. В этом сила и качество его творчества.

Париж — опасный город. Не одно русское дарование лишилось в Париже своей самобытности, будучи отравленным французским рационализмом. Предоставленный собственным силам, А. А. Керсновский мог, казалось, так легко «заблудиться» среди фолиантов национальной библиотеки и пойти по ложным, ныне столь модным путям, однако, просвещаемый высшей правдой, он верно угадал свой путь, путь, проложенный выдающимися русскими военными деятелями XVIII века.

Своей интуицией Керсновский осознал величайший и основной военный закон, что военное искусство национально. Подобное убеждение дало ему возможность постигнуть духовные глубины такого гения, как Суворов. А постигнув, найти неиссякаемый источник вдохновения для собственного творчества. Теперь ясно, что с путей русского военного классицизма он уже не свернет...

Карьера Керсновского, как военного писателя, необычна. Силою своего таланта он в короткий срок сумел обратить на себя внимание не только русских, но и иностранных военных авторитетов. Казалось бы, что успех редкий. Однако, «братья-писатели, в нашей судьбе что-то лежит роковое». И рок действительно сопутствует в литературной деятельности А. А. Керсновского.

Казалось бы, что наша национальная гордость должна была испытывать чувство большого удовлетворения, сознавая, что в лице Керсновского молодое русское поколение дало столь талантливому своему представителю. Казалось бы, что следовало всячески оберегать и поощрять одаренного молодого человека, отдающего все свои досуги военно-научной работе, а не прыгающего в парижских дансингах или увлекающегося пляжной «физкультурой». Между тем надо с горечью признать, что за исключением «Нового времени» (и, конечно, «Царского вестника») вся остальная зарубежная пресса с удивительным единодушием замалчивает Керсновского.

И очевидная причина столь печального явления одна: Керсновский не уместается в партийных рамках и органически не способен творить в партийных шорах. К тому же, и этого многие не могут ему простить, Керсновский — пламенный монархист!

Не так давно в «Возрождении» были помещены очерки господина В. Ходасевича, характеризующие состояние русской литературы. Господин Ходасевич, лучший зарубежный критик, с горечью и с большим гражданским мужеством писал о кризисе зарубежной литературы и зарубежного художественного творчества.

Наша военная литература и публицистика пребывают еще в более печальном состоянии. Русская национальная программа (всех оттенков) ставит одним из своих основных пунктов возрождение национальной армии. Для осуществления этой грандиозной задачи необходима напряженная предварительная работа, в перечне заданий которой центральное место должно быть отведено выявлению русской военной доктрины и ее популяризации. Ибо невозможно армейское строительство в обстановке идейной пустоты.

Наше зарубежье обладает кадром высококультурных военных писателей. Кадром столь одухотворенным, каким не обладает (и это можно смело утверждать!) ни одна европейская армия. Однако эти ценные интеллектуальные силы обречены на бездействие. Наши военные писатели

работают или только для себя, или для узкого круга своих идейных друзей. Они не имеют возможности печатать свои труды. Все мы — бедняки.

Между тем молодому таланту особенно необходима читающая аудитория, так как, только печатаясь, он будет развиваться и совершенствоваться. Мало того, только печатаясь, молодое дарование услышит и полезную критику, и благожелательный совет, ибо чуткая совесть и возвышенный ум могут добросовестно заблуждаться.

Редактору «Царского вестника» Н. П. Рклицкому, относящемуся с трогательной нежностью к своему молодому, одаренному сотруднику, пришла удачная мысль — обратиться к общественной поддержке, чтобы издать труд А. Керсновского «История русской армии». С этой целью редакцией «Царского вестника» разослано обращение к русским людям способствовать предварительной подпиской осуществлению задуманного издания. От души приветствую это начинание!

Не сомневаюсь, что благородный призыв господина Рклицкого будет услышан теми многочисленными русскими людьми, в коих не заглохла любовь к славному прошлому и кто сохранил способность ценить такой самобытный, национально настроенный талант, как автор «Истории русской армии» А. А. Керсновский.

«Царский вестник».
Белград, 1933 год.

Б. Штейфон,
генерал Генерального штаба.

Ответы А. Керсновского на вопросы П. Ф. Петрову-Александрейскому, младоросу

«...Теперь ответчу, как смогу, на Ваши вопросы:

1. От III части остался долг в типографии в размере 6000 динар, то есть 130 долларов. Его надо как-то погасить раньше, чем печатать IV часть. Раньше будущей весны вряд ли удастся. Я составил книгу «Русские подвиги», в которой занесены 800 геройских дел, начиная от Святослава. Надеюсь издать ее в Америке у Рыбакова (редактор газеты «Россия») — вопрос этот выяснится к Новому году. Сейчас работаю над историей полков.

2. Взносы в фонд «Истории русской армии» составили 3000 динар и дали возможность выкупить том III, который был уже готов в марте, но находился под арестом у канала типографщика. Не знаю, что я делал бы без помощи этих героев (внесших в фонд).

3. Материалы (для «Истории русской армии») почерпнул из всех доступных мне библиотек (замечательна библиотека Военного министерства с богатым русским отделом). Страсть к военному делу получил при рождении на свет Божий.

4. Вы хотите знать, «в каких условиях мне пришлось писать и работать». Извольте. Представьте себе чердак с покатою крышей и деревянными перегородками. Это комната. Посредине небольшой ящик — это стул. Перед ним ящик солидных размеров — это стол и в то же время книжный шкаф. Огромный ворох тетрадей, бумаг и бумажонок — это мой архив, выписки из книг, мемуаров и газет. День проходит в беготне по урокам, а вечером могу работать, если не очень устал и не отупел словом. Николай Михайлович Карамзин писал «Историю Государства Российского» с большим комфортом. Впрочем, эти неудобства — ничего, хуже то, что у меня туберкулез легких в хронической форме (залечиваюсь, но не вылечиваюсь). Что называется, медленно, но верно. Грудь я испортил еще 13 лет в Добровольческой армии.

5. Война не только возможна, но неизбежна. Весь вопрос, куда нанесет Германия свой первый удар? Лично склонен думать, что по чехам. Бельгия расторгнула союз с Францией, и сейчас Франция лишена возможности благодаря этому помочь СССР и Чехии наступлением на Рейн. Их левый фланг, не обеспеченный бельгийцами, повиснет в воздухе, и им останется лишь одно — сидеть как мышь под метлой. Решение Бельгии связало руки Франции на Рейне и в то же время развязало их Германии на юге (на Чехию) и востоке (на СССР). Бельгийцы видят, что война неизбежна, и заранее отмежевываются — «моя хата с краю». Очень умно поступили.

6. Младоросы начали было хорошо, а кончили плохо. Они безнадежно запутались в противоречиях о «советском национализме», «советской эволюции» и т. д. Кому-то удалось очень ловко провести за нос энергичного, но недалекновидного Казем-бека в 1931 году. Он поверил в эволюцию, совершил ряд промахов, запутался и сейчас не имеет мужества сознаться в ошибках и дать задний ход. Движение определено на ущербе, а могло бы дать много.

7. ...Тухачевский?! — ползает на брюхе перед Сталиным, поэтому Наполеоном ему не бывать».

Дано примерно в 1936 году.

Антон Антонович Керсновский

В конце июня 1944 года на одном из парижских чердаков скончался от чахотки Антон Антонович Керсновский. Через несколько минут, закрыв глаза покойнику, его жена выбросилась из окна и разбилась насмерть.

Эта двойная смерть осталась малозаметной в русской эмиграции. Париж был накануне очищения от немецкой оккупации, русской прессы не существовало. Похороненные на парижском кладбище, тела Керсновских были впоследствии перевезены на русское православное кладбище под Парижем на средства, собранные в Америке.

Не особенно широко распространенным среди русской эмиграции оказался и капитальный труд покойного — четырехтомная «История русской армии» — ставший теперь библиографической редкостью, так же, как и его «Философия войны». Книги Керсновского печатались в ограниченном количестве экземпляров на скуднейшие средства в Белграде, бывшем всегда на положении «провинции» по отношению к Парижу. Однако все, кому попадались в руки труды Керсновского, не могли не дочитать их до конца. Дело здесь не только в удавшейся популяризации темы (перед войной 1914 года вышла «История русской армии и флота» в 15 томах — труд громоздкий и разнобойный благодаря сборному сотрудничеству специалистов) и не в образованности автора и его темпераменте (который иногда даже мешал ему), а в том, что Керсновский, смело отказавшись от академических традиций, рассматривает армию как составную, нераздельную часть национального организма, выявляя ее значение в жизни и истории русского народа.

Керсновский утверждает преобладание духа над материей и доказывает национальность военной доктрины. «Основная идея этого труда,— говорит автор в предисловии к своей «Истории русской армии»,— это самобытность русского военного искусства, неизреченная его красота, вытекающая из духовных его основ, и мощь русского военного гения — мощь, до сей поры, к сожалению, недостаточно осознанная...»

По молодости лет Керсновский никогда военным не был и никакого специального образования не получил, что и придает особую ценность его таланту. Родился он в 1907 году в Одессе, где его отец был следователем по особо важным делам; уже за границей Керсновский окончил консульскую академию в Вене и университет в Дижоне.

Пишущему эти строки пришлось познакомиться с Антоном Антоновичем незадолго до его смерти, когда ему уже не могли помочь ни санатории, ни лекарства, когда он при высокой температуре своей страшной болезни и при еще более высокой температуре своего духовного горения, неистового энтузиазма и фанатической веры в принципы, им исповедуемые, в нищете, в обреченности, продолжал напряженно работать, боясь упустить каждую минуту, над очередной темой, полонившей его. Нам неизвестна судьба рукописей его трудов, подготовленных к печати: «1000 русских подвигов», «История императорской пехоты», «Военное дело», «Русская стратегия в образцах», «Синтетический очерк современных кампаний», «Крушение германской военной доктрины в кампании 1914 года» и т. д. В двух чемоданах, оставшихся после покойного, нашлись только разрозненные листки, из которых мы и печатаем здесь «Страницы древнерусской доблести». Это скорее конспективные заметки, но они проникнуты непоколебимым верованием автора: «Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твердой веры в подвиги будущего».

Из журнала
«Русская военная старина».
Париж, 1947 год.

Н. Н. Туроверов.

- с. 6: «...всего 870 000 бойцов...» — Осенью 1915 г. на фронте находилось 3 855 722 солдата и офицера.
- с. 9: СМЕРНОВ Владимир Васильевич, генерал от инфантерии с 1908 г., летом 1914 г. командовал 20-м армейским корпусом, с декабря — 2-й армией.
РАДКЕВИЧ Евгений Александрович, генерал от инфантерии, в 1914 г. командовал корпусом, с апреля 1915 г. — 10-й армией.
- с. 11: «...За пять месяцев войны...» — Всего произведено: в 1914 г. 104 900 снарядов, в 1915 г. — 9 567 888, в 1916 г. — 30 974 678, в 1917 г. — 24 413 552.
- с. 13: «...Изготовление винтовок...» — К началу войны в войсках было 4 629 373 винтовки, в 1914—1917 гг. произведено 3 189 717, получено от союзников 2 461 000, захвачено у противника 700 000.
- с. 14: «...наблюдался чрезвычайный некомплект...» — В 1914 г. в армии состояло 4157 пулеметов, до 1918 г. с заводов получено 27 571, у противника захвачено 2000, прислано союзниками 42 398 пулеметов и ружей-пулеметов.
«...японскими винтовками...» — Всего было поставлено 635 000 очень хороших 6,5-миллиметровых винтовок Арисака образца 38. Под японский патрон, которым предполагалось перевооружить всю армию, был разработан автомат Федорова образца 1916 г.
- с. 16: «...не желали летать их летчики...» — Российская авиация имела современные аэропланы как зарубежной, так и отечественной разработки. Австрийские аэропланы до конца 1916 г. уступали им, а германские воздушные силы на Востоке получали машины, уже давно воевавшие против французов и англичан.
- с. 22: «...бывшим почти что без защиты...» — Константинополь защищало 8 пехотных дивизий 1-й и 2-й турецких армий.

- с. 24: «...обошлась в 47 000 человек». — Австро-венгры потеряли 30 000 человек.
- с. 26: **ЛОХВИЦКИЙ** Николай Александрович, генерал-майор (1914), с января 1916 г. командир Особой пехотной бригады, затем начальник 1-й Особой пехотной дивизии. В 1917 г. на штабных должностях.
- ДИТЕРИХС** Михаил Константинович (1874—1937), генерал-майор с 1915 г., в мае 1916 г. командир 2-й Особой пехотной бригады, в 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки, в ноябре начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем начальник штаба Чехословацкого корпуса. В 1919 г. генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией и Восточным фронтом Колчака, военный министр Омского правительства, в 1922 г. командовал земской ратью Приморья. Умер в эмиграции.
- с. 27: **ДОЛГОВ** Александр Александрович, генерал-лейтенант (1910), инспектор артиллерии 7-го армейского корпуса, с 1916 г. — командир 19-го армейского корпуса.
- с. 29: **СИРЕЛИУС** Леонид-Отто Оттович, генерал от инфантерии с 1914 г., в 1915—1916 гг. командовал 4-м Сибирским корпусом.
- ВЕБЕЛЬ** Фердинанд Маврикиевич, генерал от инфантерии с 1915 г., в 1916 г. состоял при штабе Минского военного округа, затем командовал 34-м армейским корпусом.
- СКОРОПАДСКИЙ** Павел Петрович (1873—1945), генерал-лейтенант с 1915 г., в 1916 г. начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, затем командир 34-го армейского корпуса. С конца 1917 г. командующий вооруженными силами Центральной Рады Украины, в 1918 г. гетман Украины. Умер в Германии в эмиграции.
- ТРОФИМОВ** Владимир Онуфриевич, генерал-лейтенант с 1914 г., с 1915 г. командовал 3-м Сибирским корпусом.
- ПАРЧЕВСКИЙ** Павел Антонович, генерал-лейтенант с 1909 г., в 1916 г. командовал 35-м армейским корпусом.

- с. 29: ТОРКЛУС Федор-Эмилий-Карл Иванович фон, генерал-лейтенант с 1910 г., в 1915 г. возглавил восстановленный 15-й армейский корпус.
КОРОТКЕВИЧ Николай Николаевич, генерал-лейтенант с 1914 г., с 1915 г. командовал 36-м армейским корпусом.
- с. 30: «Нашими трофеями...» — 30 марта германцы отбили утраченные позиции, захватив 5700 пленных, 5 орудий и 29 пулеметов.
ГАНДУРИН Иван Константинович, генерал-лейтенант с 1914 г., с 1915 г. командир 2-го Сибирского корпуса.
СЛЮСАРЕНКО Владимир Алексеевич, генерал от инфантерии, с 1915 г. командир 28-го армейского корпуса.
- с. 31: «Ни один германский батальон...» — В марте—апреле 1916 г. во Францию отправлены из России Альпийский корпус, 3-я гвардейская и 103-я пехотные дивизии.
- с. 33: КВЕЦИНСКИЙ Михаил Федорович, генерал-лейтенант с 1914 г., в 1915—1917 гг. начальник штаба Западного фронта, позднее на штабных должностях в Ставке.
- с. 36: СИБЕРС Николай Николаевич, генерал-майор с 1913 г., исполняющий должность начальника штаба Северного фронта с 1916 г. Позднее на штабных и командных должностях армейского звена.
- с. 37: ОДИШЕЛИДЗЕ Илья Зурабович, генерал-лейтенант с 1914 г., начальник штаба 1-й армии, в 1917 г. командовал Кавказской армией, генерал от инфантерии.
СОКОВНИН Михаил Александрович, генерал-лейтенант с 1914 г., с 1915 г. начальник штаба 2-й армии.
ЮНАКОВ Николай Леонтьевич, генерал-майор, начальник кавалерийской дивизии, с 1915 г. начальник штаба 4-й армии, с 1916 г. генерал-лейтенант.
ПОПОВ Иван Иванович, с 1912 г. генерал-майор, в 1915—1916 гг. исполняющий должность начальника штаба 10-й армии.
БАИОВ Алексей Константинович, генерал-лейтенант, с 1915 г. начальник штаба 3-й армии.

- с. 37: СУХОМЛИН Семен Андреевич, генерал-майор (1912), в 1915—1916 гг. исполняющий должность начальника штаба 8-й армии.
- СТОГОВ Николай Николаевич, с 1915 г. генерал-майор, генерал-квартирмейстер 8-й армии, с 1916 г. начальник штаба 8-й армии.
- ШИШКЕВИЧ Михаил Иванович, генерал-майор, с 1916 г. генерал-лейтенант, в 1915—1916 гг. начальник штаба 11-й армии.
- САННИКОВ Александр Сергеевич, с 1915 г. начальник штаба 9-й армии, генерал-лейтенант (1916).
- с. 38: «...в армиях генерала Брусилова...» — Юго-Западный фронт насчитывал 42½ пехотных и 14 конных дивизий — всего 643 500 штыков, 71 000 сабель, 2200 орудий против 621 000 штыков, 35 000 сабель, 3500 орудий и минометов противника. На участке прорыва 8-я армия превосходила силы австро-венгров вдвое по пехоте.
- с. 39: ХАУЭР Леопольд фон, генерал от кавалерии, командовал кавалерийским корпусом и оперативной группой австро-венгерских войск.
- ФАТ Х., генерал от кавалерии, командовал корпусом и оперативной группой.
- ГИЛЛЕНШМИДТ Яков Федорович, генерал-майор, начальник кавалерийской дивизии в 1914 г., с 1915 г. генерал-лейтенант, командир 4-го кавалерийского корпуса.
- ВЕЛЬЯШЕВ Леонид Николаевич, генерал-майор, с 1915 г. командир 5-го кавалерийского корпуса, с июня 1916 г. генерал-лейтенант.
- ИСТОМИН Николай Михайлович, генерал-лейтенант с 1913 г., в 1914—1915 гг. командир Ольгинского отряда, в 1916—1917 гг. командир 46-го армейского корпуса.
- с. 40: ВОЛОДЧЕНКО Николай Герасимович, генерал-лейтенант с 1914 г., с 1915 г. начальник 16-й кавалерийской дивизии.
- ЗАЙОНЧОВСКИЙ Андрей Медардович (1862—1926), в 1904—1905 гг. генерал-майор, командир 2-й бригады

3-й Сибирской стрелковой дивизии, с 1912 г. генерал-лейтенант, начальник 37-й пехотной дивизии, в 1915 г. командир 30-го армейского, в 1916 г. — 47-го армейского корпуса, затем командовал Добруджанской армией и в 1917 г. 18-м армейским корпусом. С 1918 г. в Красной Армии, профессор Военной академии.

- с. 40: СТЕЛЬНИЦКИЙ Станислав Феликсович, генерал от инфантерии, с 1915 г. командовал 39-м армейским корпусом.

БЕЛОЗОР Юлиан Юлианович, генерал-лейтенант, в 1915—1916 гг. начальник 2-й стрелковой дивизии.

- с. 41: ФЕДОТОВ Иван Иванович, генерал-лейтенант (1910), командир 32-го армейского корпуса с 1915 г.

ЛАЙМИНГ Павел Александрович, генерал от инфантерии (1914), командир 45-го армейского корпуса с 1916 г.

- с. 42: МАННЕРГЕЙМ Карл Густав Эмиль Карлович (1867—1951), барон, генерал-майор (1911), начальник 12-й кавалерийской дивизии с 1915 г., в 1917 г. командир конного корпуса, генерал-лейтенант, в 1918—1919 гг. регент и главнокомандующий армией Финляндии, с 1931 г. председатель Совета обороны, фельдмаршал (1938), с 1939 г. главнокомандующий, в 1944—1946 гг. президент Финляндии. В отставке с 1946 г.

КАШТАЛИНСКИЙ Николай Александрович, в 1904—1905 гг. генерал-майор, начальник 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, с лета 1904 г. генерал-лейтенант, в 1916 г. генерал от инфантерии, командир 40-го армейского корпуса.

БУЛАТОВ Николай Ильич, генерал-лейтенант (1908), в 1916 г. в распоряжении командующего 8-й армией.

- с. 43: СВЕЧИН Александр Андреевич (1878—1938), с 1917 г. генерал-майор, на штабных должностях. С 1918 г. в Красной Армии, начальник Всероглавыштаба, в 1918—1921 гг. преподаватель Академии РККА, председатель Военно-исторической комиссии, комдив (1935). Расстрелян.

- с. 44: КОЗАК Фердинанд, австро-венгерский генерал-фельдмаршал-лейтенант, в 1914—1916 гг. командир 27-й пехотной дивизии и оперативной группы, в 1917 г. командовал 5-м, в 1918 г. 1-м корпусами, генерал от инфантерии.
- с. 45: ШОЛЬП Александр Густавович, генерал-майор (1913), командовал 1-й бригадой 41-й пехотной дивизии, в 1916 г. начальник 3-й пехотной дивизии.
- с. 46: ХОФФМАНН (у автора — Гофман) Пауль, австро-венгерский генерал-фельдмаршал-лейтенант, с 1915 г. командовал сводным корпусом, в 1917—1918 гг. — 25-м корпусом, генерал от инфантерии (1918).
- с. 47: САВВИЧ Сергей Сергеевич, генерал-лейтенант, начальник штаба 8-й армии и штаба Юго-Западного фронта, с конца 1915 г. генерал от инфантерии, командир 16-го армейского корпуса.
- с. 48: БАРАНЦОВ Михаил Александрович, граф, с 1915 г. командир 2-го армейского корпуса, генерал от артиллерии (1916).
- БЕЛЬКОВИЧ Леонид Николаевич, генерал-лейтенант (1914), в 1915—1916 гг. командир 41-го армейского корпуса, в 1917 г. командующий 7-й армией.
- ХОДФИ Эммерих фон, Риттер фон ЛИВНО, генерал-фельдмаршал-лейтенант, в 1915—1916 гг. командовал корпусной группой, в 1917 г. — 6-м, 26-м, в 1918 г. — 24-м корпусами, генерал от инфантерии.
- БЕНИНЬИ (у автора — Бенигни) Зигфрид, Риттер фон, генерал-фельдцейхмейстер, командовал корпусной группой, затем в 1915—1916 гг. — 8-м корпусом.
- КОРДА фон, генерал от кавалерии, командовал 11-м корпусом.
- с. 49: ЛУКОМСКИЙ Александр Сергеевич (1868—1939), генерал-лейтенант, в 1916 г. начальник 32-й пехотной дивизии, в 1917 г. генерал-квартирмейстер и начальник штаба Верховного главнокомандующего. Арестован после мятежа Корнилова, бежал на Дон. В 1918—1919 гг. начальник военного управления и глава «Особого совещания», помощник главнокома

ВСКЮР. В 1919—1920 гг. глава правительства Вооруженных Сил Юга России, затем представитель Врангеля в Константинополе. Эмигрант.

- с. 51: ВОРОНОВ Николай Михайлович, в 1904—1905 гг. генерал-майор, комендант Главной квартиры наместника на Дальнем Востоке, затем командир 1-й бригады 14-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант с 1912 г., с 1914 г. командир 5-го Сибирского корпуса.

- с. 53: ЛЮТВИЦ Вальтер фон, барон, генерал-майор германской армии, начальник штаба армейской группы «Бельгия» в 1914 г., с 1915 г. генерал-лейтенант, командир 10-го армейского корпуса и оперативной группы.

ФАЛЬКЕНХАЙН (у автора — Фалькенгайн) Ойген фон, барон, генерал от кавалерии, командир 22-го резервного корпуса (1914), в 1916—1917 гг. командующий оперативной группой и фронтовым участком «Липа».

БЕРНАРДИ (у автора — Бернгарди) Фридрих фон, германский генерал от кавалерии, командовал оперативной группой, армейской группой, фронтовым участком «Ковель».

СУРМОЙ (у автора — Шурмай) Александр, австро-венгерский генерал-фельдмаршал-лейтенант, с 1915 г. командовал оперативной группой.

ТЕРШТЬЯНШКЫ (у автора — Терстянский) фон Надош Карой, генерал от инфантерии, в 1914 г. командовал 4-м корпусом, в 1915 г. — армейской группой против Сербии, в 1916 — 4-й армией, генерал-полковник, в 1917 г. — 3-й армией.

- с. 54: ГИЛЬЧЕВСКИЙ Константин Лукич, генерал-майор (1908), в 1915 г. командовал 101-й пехотной дивизией.

РОЗАЛИОН-СОШАЛЬСКИЙ Георгий Петрович, генерал-майор (1912), начальник Заамурской конной дивизии Пограничной стражи.

- с. 55: ПРОМТОВ Михаил Николаевич, генерал-лейтенант, начальник 82-й пехотной дивизии, с 1915 г. командовал Сводным корпусом.

- с. 57: ЗЕЕКТ Ханс фон (1866—1936), генерал-майор, в 1914—1915 гг. начальник штаба 4-й германской армии, с

- 1915 г. — 11-й армии. С лета 1916 г. начальник штаба фронтов эрцгерцогов Карла и Йозефа. В 1920—1926 гг. генерал-полковник, командующий германским райхс-вером, в 1930—1932 гг. депутат Рейхстага, в 1934—1935 гг. военный советник в Китае.
- с. 57: КРЕВЕЛЬ Рихард фон, генерал-лейтенант, в 1914—1915 гг. начальник 6-й кавалерийской дивизии, в 1916 г. командовал оперативной группой.
- с. 64: ПАРСКИЙ Дмитрий Павлович (1866—1921), генерал-лейтенант (1915), командовал Гренадерским корпусом (1916), 12-й армией (1917), Северным фронтом (1918). Весной—летом 1918 г. командовал Северным участком отрядов Завесы Красной Армии, Северным фронтом красных. С 1919 г. член Особого совещания при главкоме Республики.
- с. 67: ГАЛКИН Александр Семенович, генерал-лейтенант (1908), военный губернатор Сыр-Дарьинской области (1911), с 1916 г. — начальник 5-й пехотной дивизии.
ЕЛЬШИН Александр Яковлевич, генерал-майор (1909), зимой 1914 г. командовал Приморским отрядом на Кавказе, с 1915 г. начальник 42-й пехотной дивизии.
- с. 68: «...направив против генерала Брусилова 16 дивизий из Франции...» — Из Франции на Восточный фронт германцы перебросили 4 дивизии в июне, 1 — в июле и 2 — в августе (19-я, 20-я, 121-я, 10-я и 11-я баварские пехотные, 43-я резервная дивизии).
- с. 69: «...мы временно владели Балтийским морем». — Автор преувеличивает: силы германского «Остзеefлоте» не участвовали в Ютландском сражении. Кроме того, российский флот заблокировал себя в гаванях собственными минами, и инициативой владел противник.
- с. 73: ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, великий князь (1860—1919), генерал-майор с 1893 г., в 1896-1898 гг. начальник 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант (1901), генерал-адъютант с 1905 г., генерал от кавалерии (1913), с 1916 г. командир 1-го Гвардейского корпуса.

- с. 73: РАУХ Георгий Оттонович, в 1905 г. генерал-майор, командир Лейб-Гвардии кирасирского Его Величества полка, с 1912 г. генерал-лейтенант, в 1914—1915 гг. начальник 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, с 1916 г. командир 2-го Гвардейского корпуса.
- с. 76: «Остальные войска — отдельные батальоны...» — В полосу 4-й австро-венгерской армии были направлены: 40-я, 241-я, 5-я, 180-я пехотные дивизии, 2-я Гвардейская и 18-я кавалерийская бригады, 74-й и 91-й пехотные полки.
- с. 78: КОНТА Рихард, Риттер фон, генерал-лейтенант, в 1914—1915 гг. командир 1-й резервной дивизии, с 1916 г. командовал Карпатским корпусом.
- с. 79: ЭКК Эдуард Владимирович, участник войны 1877—1878 гг., генерал-майор (1897), в 1897—1900 гг. начальник штаба 7-го армейского корпуса, в 1900—1904 гг. дежурный генерал Одесского военного округа, с 1904 г. генерал-лейтенант, начальник 71-й пехотной дивизии, с 1910 г. генерал от инфантерии, в 1912—1917 гг. командир 7-го армейского корпуса.
«...и лишь прибытие из Франции...» — 1-й армейский корпус прибыл из Литвы (1-я пехотная дивизия, 2-я осталась в 8-й армии).
- с. 80: «...подкрепления из Италии и Франции» — 7-я армия получила оттуда две дивизии. Всего из Италии в Галицию австро-венгры перебросили 6 дивизий (одна вскоре вернулась).
- с. 82: КРАСНОВ Петр Николаевич (1869—1947), генерал-майор (1914), с 1915 г. начальник 2-й казачьей сводной дивизии, в 1917 г. командир 3-го кавалерийского корпуса, генерал-лейтенант. Осенью 1917 г. неудачно наступал на Петроград, взят в плен большевиками и отпущен под честное слово не воевать против Советской власти. В 1918—1919 гг. донской атаман, командующий Донской армией. Потерпел поражение и эмигрировал в Германию. В 1939—1945 гг. воевал на стороне фашистской Германии. Казнен как военный преступник.

- с. 88: МИЛЛЕР Евгений-Людвиг Карлович (1867—1937), генерал-майор, затем генерал-лейтенант, начальник штаба 5-й армии (1914), с 1916 г. командир 26-го армейского корпуса. С 1917 г. представитель Ставки в Италии. В 1919—1920 гг. генерал-губернатор Северной области и главнокомандующий белыми войсками на севере России. С весны 1920 г. в эмиграции.
- с. 90: «...чем два месяца у Мортomma и на высоте «304». — 1-я пехотная дивизия не воевала на этом участке. В боях за Буковину она потеряла за 10 дней 1700 человек, в том числе 1100 пропавших без вести.
- с. 93: БЕКМАНН М., германский генерал-лейтенант, командир 108-й пехотной дивизии, в 1917—1918 гг. командовал корпусом, генерал от инфантерии.
- с. 95: «...сильнее подкрепления с Французского фронта...» — 9-я армия в сентябре—октябре получила с Западного фронта 2 пехотные и одну кавалерийскую дивизии и Альпийский корпус (2 бригады).
- с. 96: «...захвачено 420 000 пленных...» — Противник потерял пленными на Восточном фронте за весь 1916 г. 410 668 человек (26 000 германцев), до 450 000 убитых и раненых. Российская армия лишилась до 1 сентября 1 миллиона солдат и офицеров.
«Французский фронт получил...» — В июне германцы перебросили на русский фронт только три дивизии, в том числе ни одной из-под Вердена.
- с. 101: АСЛАН Михай, румынский дивизионный генерал, командовал 3-й армией и Южным фронтом.
КУЛЬЧЕР Иоану, румынский дивизионный генерал, командовал 1-й армией.
ОВЕРЕСКУ Александру, румынский дивизионный генерал, командовал 2-й армией.
ПРЕСАН (у автора — Презан) Константину, румынский дивизионный генерал, командующий 4-й (Северной) армией и группой румынских армий.
АРИЦ фон ШТРАУССЕНБУРГ Артур, генерал-фельдмаршал-лейтенант австро-венгерской армии, в 1914—1916 гг. командир 6-го корпуса, с лета 1916 г. генерал

- от инфантерии, командующий 1-й армией, с 1917 г. начальник Генерального штаба.
- с. 101: ШТААБС Х. фон, генерал-лейтенант, в 1915—1918 гг. командовал 39-м германским резервным корпусом и оперативной группой.
- ТОШЕВ Степан, болгарский генерал-лейтенант, в 1916—1918 гг. командовал 3-й армией.
- с. 102: СИМАНСКИЙ Пантелеймон Николаевич, генерал-майор с 1909 г., с 1914 г. командовал 61-й пехотной дивизией.
- ЛЕОНТОВИЧ Евгений Александрович, генерал-лейтенант (1914), начальник 3-й кавалерийской дивизии, в 1917 г. командир кавалерийского корпуса.
- с. 103: САРРАЙЛЬ Морис, французский армейский генерал, командующий в 1915—1918 гг. Восточной армией и Салоникским фронтом.
- «...совершенно оголил Македонский фронт...» — Группа армий в Македонии направила против румын две дивизии (осталось 10).
- КАРЛ ФРАНЦ ЙОЗЕФ, эрцгерцог, с декабря 1916 г. австрийский император Карл I и венгерский король Карл IV (1887—1922), генерал-фельдмаршал-лейтенант, с лета 1916 г. командовал 12-й армией, с осени — фронтом, генерал-полковник. В 1918 г. свергнут и умер в ссылке на острове Мадейра.
- с. 105: КРАФТ фон ДЕЛЛЬМБЕНЗИНГЕР К., генерал-лейтенант, командир германского Альпийского корпуса в 1915—1917 гг.
- «Урон их остался неизвестным...» — Армии Четверного Союза потеряли в Румынии 60 000 убитых и раненых.
- с. 107: ЭБЕН Й. фон, генерал от инфантерии, командовал в 1914—1915 гг. 10-м резервным, в 1915—1916 гг. 1-м армейским корпусами, с 1917 г. — 9-й армией.
- КОШ Роберт, генерал-лейтенант, затем генерал от инфантерии, командир 101-й пехотной дивизии, затем 52-го оперативного командования, в мае—июне 1917 г. командовал 9-й армией.

- с. 108: «...за три месяца...» — Германцы потеряли на Сомме до 1 декабря 425 000 убитых и раненых, 75 000 плененных и 300 орудий. Французы и англичане потеряли 700 000 человек.
- с. 110: «...с французских плеч...» — С Западного фронта Макензен получил в августе—декабре только 4 дивизии.
- с. 113: «...уже зимой 1914/15 годов...» — Трехполковой состав германских дивизий был установлен только зимой 1916/17 гг., при этом значительно сократилось число орудий — с 72 до 24.
- с. 115: ХОДОРОВИЧ Николай Александрович, генерал-лейтенант (1911), с 1916 г. главный начальник Киевского военного округа.
- с. 119: НОВИКОВ Александр Васильевич, генерал-лейтенант (1913), начальник 14-й кавалерийской дивизии в 1914 г., затем командир 1-го кавалерийского корпуса, с 1915 г. командир 43-го армейского корпуса.
- «...и закончилась операция...» — В бою 23 декабря германцы потеряли 3500 человек, русские — 23 000. 12—13 января германцы восстановили положение, потеряв 6000 человек и взяв 2000 пленных. Против 66 германских батальонов действовало 184 российских батальона.
- с. 125: ЛИМАН фон ЗАНДЕРС (у автора — Сандерс) Отто (1855—1929), генерал от кавалерии, глава германской военной миссии в Турции (1913—1918), с 1914 г. генеральный инспектор турецкой армии, в 1915—1916 гг. командовал 5-й турецкой армией.
- БРОНЦАРТ (у автора — Бронсар) фон ШЕЛЛЕНДОРФ Ф., полковник, с 1915 г. генерал-майор, с 1917 г. генерал-лейтенант, начальник оперативного управления турецкого Генерального штаба.
- с. 127: БЕРХМАН Георгий Эдуардович, генерал-майор (1902), начальник штаба 2-го Кавказского армейского корпуса, с 1905 г. генерал-квартирмейстер штаба Кавказского военного округа. С 1913 г. генерал от инфантерии, командир 1-го Кавказского армейского корпуса, с

1915 г. в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией.

- с. 127: **ОГАНОВСКИЙ** Петр Иванович, генерал-лейтенант, в 1914 г. начальник 66-й пехотной дивизии, в 1915 г. командовал 4-м Кавказским армейским корпусом, с 1916 г. — 3-м армейским корпусом, генерал от инфантерии.

ЧЕРНОЗУБОВ Федор Григорьевич, генерал-майор, в 1914 г. командир Азербайджанского отряда, с 1915 г. генерал-лейтенант, начальник 4-й Кавказской казачьей дивизии.

- с. 130: «...грознее собравшейся...» — Против 90 000 турок при 263 орудиях Кавказская армия имела в 1914 г. 170 000 пштыков и сабель при 350 орудиях. У Котляревского в бою 19—20 октября 1812 г. было 1500 солдат против 30 000 иранцев. Для справки: Наполеон оставил Москву 7 октября 1812 г.

- с. 134: «...уцелела едва седьмая часть...» — В 3-й турецкой армии осталось 24 000 солдат и офицеров.

- с. 137: **БАРАТОВ** Николай Николаевич, генерал-лейтенант (1912), начальник 1-й Кавказской кавалерийской дивизии, с 1916 г. командир 1-го отдельного Кавказского кавалерийского корпуса.

НАЗАРБЕКОВ Фома Иванович, полковник, с 1916 г. генерал-майор, начальник 2-й Кавказской стрелковой дивизии (1915), в 1917 г. генерал-лейтенант, командир 7-го Кавказского отдельного армейского корпуса.

- с. 141: **ГОЛЬЦ**-паша, Кольмар фон дер (1843—1916), генерал-фельдмаршал Германии (1911), в 1885—1895 гг. глава германской военной миссии в Турции, в 1909—1912 гг. вице-председатель Высшего военного совета Турции, летом 1914 г. командовал 1-м ландверным корпусом, с осени — адъютант султана. С апреля 1915 г. командовал 1-й турецкой армией, затем — 6-й армией.

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Михаил Алексеевич, генерал-лейтенант (1914), с 1915 г. командир 2-го Туркестанского армейского корпуса, в апреле—июне 1917 г. главноко-

- мандующий Кавказской армией, в июне—декабре 1917 г.— Кавказским фронтом.
- с. 141: КАЛИТИН Петр Петрович, генерал от кавалерии, командир с 1915 г. 1-го Кавказского армейского корпуса. До войны — генерал-лейтенант, атаман Сибирского казачьего войска (1914).
- с. 144: ВОРОБЬЕВ Николай Михайлович, в 1915—1917 гг. генерал-лейтенант, начальник 4-й Кавказской стрелковой дивизии.
- с. 151: ЯБЛОЧКИН Владимир Александрович, генерал-лейтенант (1912), в 1916—1917 гг. командир 5-го Кавказского армейского корпуса.
- с. 157: МУСТАФА КЕМАЛЬ-паша, АТАТЮРК, ГАЗИ (1880—1938), командовал 19-й пехотной дивизией в 1914—1915 гг., 2-м корпусом в 1915 г., 2-й армией в 1916—1917 гг., Кавказским фронтом в 1917 г., Сирийско-Палестинским фронтом в 1918 г. В 1919 г. возглавил народную революцию и борьбу за изгнание греческих оккупантов. С 1923 г. президент Турецкой республики, проводник буржуазных реформ.
- ДЕ ВИТТ Владимир Владимирович, генерал-лейтенант (1913), с 1915 г. командир 4-го Кавказского армейского корпуса, в июне—сентябре 1917 г. временно командовал Кавказской армией.
- с. 159: АБАЦИЕВ Дмитрий Константинович, генерал-лейтенант (1912), в 1916 г. командовал 6-м Кавказским армейским корпусом.
- ВАДБОЛЬСКИЙ Николай Петрович, князь, генерал-майор, с 1915 г. генерал-лейтенант, начальник Сводной кавалерийской дивизии, в 1916 г. командовал 7-м Кавказским армейским корпусом.
- с. 165: «...пленных определялось...» — В Германии было 2 385 441, в Австро-Венгрии 1 503 412, в Болгарии 2452, в Турции 19 795 русских пленных, всего до 4 миллионов. Потери убитыми и ранеными достигали 5 миллионов человек, дезертировало 1,5 миллиона человек.
- с. 171: «Германская армия в кампанию 1918 года...» — Пре-
восходство в силах в 1918 г. было на стороне

Антанты, в 1915 г. — на стороне России. Автор полностью игнорирует влияние революции в Германии на развал ее армии и в то же время не желает видеть иных причин поражения России в войне, кроме революции 1917 г.

- с. 181: «...и взяли 42 стрелявших орудия ...» — В третьем томе отмечено взятие 31 орудия.
- с. 191: МЕХМАНДАРОВ Самед-Бек Садык-Бек, генерал-лейтенант, в 1914 г. начальник 21-й пехотной дивизии, с ноября командир 2-го Кавказского армейского корпуса, с 1915 г. генерал от артиллерии.
- с. 215: НИВЕЛЬ Робер Жорж (1856—1924), в 1914 г. корпусной генерал, в 1916 г. армейский генерал, командующий 2-й армией. Зимой—весной 1917 г. — главнокомандующий силами союзников. Отстранен от командования после провала наступления, повлекшего громадные потери. В 1919—1924 гг. член Высшего военного совета.
 ПЕТЕН Аври Филип (1856—1951), в 1914 г. бригадный, в 1915 г. дивизионный, в 1916 г. армейский генерал, командовал группой армий под Верденом, начальник Генерального штаба до мая 1917 г., с 1918 г. маршал Франции. В 1925—1926 гг. воевал в Марокко, в 1925—1931 гг. вице-председатель Высшего военного совета, с 1934 г. военный министр Франции, в 1939—1940 гг. посол в Испании, в 1940—1944 гг. премьер правительства Виши. В 1945 г. приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме.
- с. 232: «...отличился полковник Казаков...» — Штабс-капитан, затем капитан А. А. Казаков сбил более 20 машин противника. Воевал во Франции. В 1918—1919 гг. полковник Славяно-Британского легиона, участник гражданской войны на севере России. Смертельно ранен в январе 1919 г.
- с. 233: «...за каждый сбитый русский самолет...» — Всего противник потерял в России в 1914—1917 гг. 187 самолетов. Потери русской авиации — более

6500 самолетов (в основном от аварий и огня собственных войск).

- с. 233: «Авиационной промышленности у нас создать не умели...» — Кроме «Ильи Муромца» И. И. Сикорский создал серию истребителей и разведчиков типа С, аэропланы строили А. А. Анатра в Одессе, В. А. Лебедев, Щетинин и Д. П. Григорович в Петербурге, Москва и «Дукс» в Москве. В 1917 г. на 16 авиазаводах работало 11 037 человек. Всего за войну выпущено 5607 самолетов и 1511 моторов, получено от союзников 1800 аэропланов и 4000 моторов.
- с. 237: РАСПУТИН (НОВЫХ) Григорий Ефимович (1864—1916), фаворит царской семьи с 1907 г., из крестьян, бывший конокрад. Принадлежал к секте хлыстов — христиан-мистиков. Пользовался неограниченным доверием Николая II. Убит 16 декабря 1916 г. монархистами.
- с. 238: БЬЮКЕНЕН Джордж Уильям (1854—1924), английский посол в Болгарии (1903—1908), Нидерландах (1908—1910) и в России (1910—1918). Поддерживал Л. Г. Корнилова, участвовал в 1918 г. в антисоветском «заговоре послов». В 1919—1921 гг. посол в Риме.
- с. 238: ПОЛИВАНОВ Алексей Андреевич (1855—1920), участник войны 1877—1878 г. С 1900 г. генерал-майор, главный редактор «Военного сборника» и «Русского инвалида», с 1904 г. управляющий делами Главного крепостного комитета, с 1905 г. 2-й генерал-квартирмейстер Главного штаба, в 1905—1906 гг. исполняющий должность начальника Главного штаба, генерал-лейтенант (1906), с 1912 г. генерал от инфантерии, член Государственного совета, помощник военного министра, в 1912—1915 гг. в отставке, в 1915—1916 гг. военный министр, председатель Особого совещания по обороне государства. С 1920 г. в Красной Армии, эксперт на переговорах в Риге с Польшей. Умер от тифа (по другой версии — застрелился, не выдержав позорных условий мира с Польшей).
- с. 239: РОДЗЯНКО Михаил Владимирович (1859—1924), лидер партии «Союз 17 октября», в 1907—1917 гг. депутат,

начальник штаба РККА и Военной академии, член Революционного Военного Совета.

- с. 242: ГОРЕМЫКИН Иван Логинович (1839—1917), в 1895—1899 гг. министр внутренних дел, с 1899 г. член Государственного совета, в 1906-м и 1914—1916 гг. председатель Совета министров России.

ШТЮРМЕР Борис Владимирович (1848—1917), губернатор нижегородский и ярославский, с 1904 г. член Государственного совета, в январе—ноябре 1916 г. председатель Совета министров, министр внутренних дел, министр иностранных дел.

- с. 243: ГОЛИЦЫН Николай Дмитриевич (1850—1925), князь, в 1885—1903 гг. губернатор архангелогородский, калужский и тверской, с 1903 г. сенатор, с 1915 г. член Государственного совета, с декабря 1916 г.— последний председатель Совета министров.

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859—1943), историк, с 1907 г. председатель ЦК партии народной свободы (кадеты), депутат Государственной думы, в марте—мае 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. Поддержал Корнилова, с 1918 г. член Донского гражданского совета. С 1920 г. эмигрант, жил во Франции. Убит гестапо за отказ сотрудничать с фашистами.

- с. 252: САНДЕЦКИЙ Александр Генрихович (1851—1918), генерал-майор (1897), в 1895—1899 гг. начальник штаба войск Забайкальской области. В 1899—1904 гг. командир 1-й бригады 15-й пехотной дивизии, с 1904 г. генерал-лейтенант, начальник 34-й пехотной дивизии, генерал от инфантерии (1910), в 1915—1917 гг. командовал Казанским военным округом. В мае—ноябре 1917 г. находился под арестом.

ХАБАЛОВ Сергей Семенович, генерал-лейтенант (1912), атаман Уральского казачьего войска в 1914—1916 гг., в 1916 г.— феврале 1917 г. главный начальник войск Петроградского военного округа.

ШУВАЕВ Дмитрий Савельевич (1854—1937), генерал-лейтенант, с 1909 г. начальник Главного интендантского управления, с 1912 г. генерал от инфантерии,

во Франции. Убит гестапо за отказ сотрудничать с фашистами.

- с. 252: САНДЕЦКИЙ Александр Генрихович (1851—1918), генерал-майор (1897), в 1895—1899 гг. начальник штаба войск Забайкальской области. В 1899—1904 гг. командир 1-й бригады 15-й пехотной дивизии, с 1904 г. генерал-лейтенант, начальник 34-й пехотной дивизии, генерал от инфантерии (1910), в 1915—1917 гг. командовал Казанским военным округом. В мае—ноябре 1917 г. находился под арестом.

ХАБАЛОВ Сергей Семенович, генерал-лейтенант (1912), атаман Уральского казачьего войска в 1914—1916 гг., в 1916 г.— феврале 1917 г. главный начальник войск Петроградского военного округа.

ШУВАЕВ Дмитрий Савельевич (1854—1937), генерал-лейтенант, с 1909 г. начальник Главного интендантского управления, с 1912 г. генерал от инфантерии, в 1915—1916 гг. главный полевой интендант, в марте 1916 г.— январе 1917 г.— военный министр. С 1920 г. в Красной Армии, командующий 4-й армией, с 1922 г. начальник штаба Петроградского военного округа. Расстрелян.

БЕЛЯЕВ Михаил Алексеевич, генерал от инфантерии, в 1916 г. начальник Генерального штаба, в январе—марте 1917 г. военный министр.

- с. 255: ЗИНОВЬЕВ (РАДОМЫСЛЬСКИЙ, АПФЕЛЬБАУМ) Григорий Евсеевич (1883—1936), член РСДРП—РКП—ВКП(б) в 1901—1927, 1928—1932, 1933—1934 гг., активный участник революции 1905—1907 гг. и 1917 гг., редактор многих большевистских газет. В 1917 г. председатель Петроградского Совета, член ВЦИК, участник гражданской войны. В 1907—1927 гг. член ЦК, в 1921—1926 гг. член Политбюро ЦК партии, в 1919—1926 гг. председатель исполкома Коминтерна. Неоднократно исключался из партии. Осужден и расстрелян.

КАМЕНЕВ (РОЗЕНФЕЛЬД) Лев Борисович (1883—1936), член РСДРП—РКП—ВКП(б) в 1901—1927, 1928—1932, 1933—1934 гг., участник революций

1905—1907 и 1917 гг., сотрудник «Правды». Летом 1917 г. арестован. В ноябре 1917 г. председатель ВЦИК, вскоре ушел в отставку. В 1918 г. председатель Московского Совета. Член ЦК в 1917—1927 гг. и Политбюро в 1919—1926 гг. В 1922—1926 гг. заместитель председателя и председатель Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны. Неоднократно исключался из партии. Расстрелян.

- с. 255: КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872—1952), член РСДРП—РКП—ВКП(б) с 1915 г. В 1917 г. член исполкома Петросовета, Военной организации Петроградского комитета партии. В ноябре 1917 — марте 1918 г. народный комиссар государственного призрения. В 1919 г. нарком пропаганды Украины, в 1920—1922 гг. заведует женским отделом ЦК партии. С 1923 г. на дипломатической работе — посол в Норвегии, Мексике, Швеции.

СИВЕРС Рудольф Фердинандович (1892—1918), член РСДРП—РКП(б) с 1917 г., прапорщик, редактор «Окопной Правды», командовал красногвардейскими отрядами против Керенского, Краснова и Каледина. Весной 1918 г. командовал 5-й армией РККА, летом — 1-й Украинской особой бригадой. Умер от ран.

ШЛЯПНИКОВ Александр Гаврилович (1885—1937), член РСДРП—РКП—ВКП(б) в 1901—1933 гг., участник революций 1905—1907 гг. и 1917 г. В 1915—1933 гг. член ЦК партии, в 1917 г. член исполкома Петросовета, ВЦИК, Военно-революционного комитета, с ноября нарком труда. С 1921 г. возглавлял Центросоюз потребительской кооперации и Главконцесском. Исключен из партии, расстрелян.

МОЛОТОВ (СКРЯБИН) Вячеслав Михайлович (1890—1986), член РСДРП—РКП—ВКП(б)—КПСС в 1906—1961 гг., с 1912 г. редактор «Правды», с 1916 г. в Русском бюро ЦК, в 1917—1959 гг. член ЦК, член Политбюро в 1926—1957 гг. Участник революции 1917 г. и гражданской войны, в 1930—1941 гг. председатель СНК и СТО, с 1939 г. нарком, в 1946—1949 г.

1953—1957 гг. министр иностранных дел СССР, с 1941 г. заместитель председателя СНК (с 1946 г.— Совета Министров). Исключен из партии.

- с. 256: ПРОТОПОПОВ Александр Дмитриевич (1866—1918), октябрист, депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, с 1914 г. товарищ председателя Думы, член прогрессивного блока, летом 1916 г. участвовал в сепаратных мирных переговорах, в сентябре 1916 г.— феврале 1917 г. министр внутренних дел. Арестован Временным правительством. Расстрелян ВЧК.
- с. 258: КУТВПОВ Александр Павлович (1882—1930), полковник, в Добровольческой армии командовал ротой, батальоном, полком, в 1918 г. генерал-майор, командир 1-й пехотной дивизии, в 1919 г. генерал-лейтенант, командир 1-го армейского корпуса, в 1920 г. генерал от инфантерии, командующий 1-й армией. С конца 1920 г. в эмиграции, с 1928 г. глава «Русского общевосточного союза». Погиб при невыясненных обстоятельствах.
- с. 259: ЧХЕИДЗЕ Николай (Карло) Семенович (1864—1926), депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, председатель меньшевистской фракции, весной—летом 1917 г. председатель исполкома Петросовета. Председатель ЦИК и глава Закавказского сейма, в 1919—1921 гг. премьер-министр Грузии. С 1921 г. в эмиграции.
- КЕРВНСКИЙ Александр Федорович (1881—1970), депутат 4-й Думы от трудовиков, в 1917 г. заместитель председателя Петросовета, министр юстиции, с осени военный и морской министр Временного правительства, с июля по октябрь министр-председатель, осенью Верховный главнокомандующий. В 1918 г. эмигрировал в США.
- с. 263: ШУЛЬГИН Василий Витальевич (1878—1976), член Временного комитета Государственной думы, редактор газеты «Великая Россия», националист. С 1919 г. член комиссии по национальным делам у Деникина. С 1920 г. в эмиграции. В 1944 г. арестован советскими органами в Югославии, до 1956 г. находился в заключении.

с. 268: ЮЗЕФОВИЧ Яков Давидович, генерал-майор (1915), в 1916 г. начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса, в 1917 г. генерал-квартирмейстер Ставки, в сентябре—ноябре командовал 12-й армией. В 1918—1920 гг. в Добровольческой армии, командовал конной дивизией и 5-м конным корпусом.

с. 269: ВЕСЕЛОВСКИЙ Антоний Андреевич, генерал-лейтенант (1915), в 1915 г. командовал 19-м армейским корпусом, в 1917 г. генерал от инфантерии, в апреле—июле командовал 2-й армией.

КИСЕЛЕВСКИЙ Николай Михайлович, генерал-лейтенант, начальник 3-й гренадерской дивизии (1914), в 1916 г. командовал 9-м армейским корпусом, в апреле—июле 1917 г. командующий 10-й армией, генерал от инфантерии.

с. 272: БРЖОЗОВСКИЙ Николай Александрович, генерал-лейтенант (1915), комендант Осовецкой крепости, в 1916—1917 гг. командир 44-го армейского корпуса.

ЕГОРОВ Александр Ильич (1883—1939), член РКП—ВКП(б) в 1918—1938 гг., полковник, в 1917—1918 гг. левый эсер. В 1918 г. командовал 9-й, 10-й армиями, в 1919 г.—14-й армией и Южным фронтом, в 1920 г.—Юго-Западным фронтом. После гражданской войны был членом ВЦИК и ЦИК СССР, начальником Генерального штаба, заместителем народного комиссара обороны (1931—1938). Маршал Советского Союза (1935), расстрелян.

с. 273: КЛАУЗЕВИЦ Карл (1780—1831), участник наполеоновских войн, 1803—1808 гг. адъютант принца Августа Прусского, в 1812—1813 гг. служил в штабах российской армии, с 1814 г. вновь на прусской службе, в 1830—1831 гг. начальник штаба прусской армии. Военный историк и теоретик.

с. 275: ЛЛОЙД ДЖОРДЖ Дэвид (1863—1945), лидер либеральной партии Великобритании, в 1916—1922 гг. премьер-министр, в 1919—1922 гг. глава английской делегации в Версале и в Генуе. Пытался подчинить политику Советской России интересам английского капитала. В 1920 г. снял экономическую блокаду России.

- с. 277: **ЧЕРНОВ Виктор Михайлович** (1873—1952), организатор и член ЦК партии социалистов-революционеров, член Петросвета в 1917 г., член ВЦИК, министр земледелия Временного правительства, в январе 1918 г. председатель Учредительного собрания, затем член Комитета Учредительного собрания в Самаре. С 1919 г. в эмиграции. Участник движения Сопротивления во Франции.
- с. 278: **ПОЛОВЦОВ** (у автора — Половцев) **Андрей Петрович**, генерал-майор (1912), помощник управляющего кабинетом Е. И. В. в 1916 г., с весны 1917 г. главный начальник войск Петроградского военного округа, осенью — командир Туземного конного корпуса.
- ЭРДЕЛИ Иван Георгиевич** (1870—1939), генерал-майор, начальник 14-й (1914) и 2-й гвардейской (1915) кавалерийских дивизий, с 1916 г. генерал-лейтенант, командир конного корпуса, в июне—июле 1917 г. командовал 11-й, в июле—августе Особой армией, генерал от кавалерии. Арестован после мятежа Корнилова. Бежал на Дон, в Добровольческой армии командовал конной бригадой, дивизией (1918—1919), войсками Терско-Дагестанского края (1919—1920). Эмигрировал во Францию.
- с. 279: **ТРОЦКИЙ Лев Давидович** (1879—1940), член РСДРП с 1898 г., меньшевик-межрайонец, участник революций 1905—1907 гг. и 1917 г., в 1917—1927 гг. большевик, член ЦК партии, в 1919—1926 гг. член Политбюро ЦК РКП(б). С осени 1917 г. председатель исполкома Петросвета, в ноябре 1917 г.—феврале 1918 г. народный комиссар иностранных дел, с декабря 1917 г. по январь 1925 г. нарком по военным и морским делам, в 1918—1925 гг. председатель Революционного Военного Совета Республики (с 1923 г.— СССР), основатель Красной Армии. В 1927 г. исключен из партии и сослан в Туркестан, в 1929 г. выслан из СССР. За границей создал троцкистский IV Интернационал. Убит в Мексике охранником.
- ГАНЕЦКИЙ Якуб, ФЮРСТЕНБЕРГ Яков Станиславович** (1879—1937), член партии социал-демократов

Королевства Польского и Литвы, затем большевик, в 1917 г. организовал возвращение Ленина в Россию. Работал в Народном комиссариате финансов. Расстрелян. ПАРВУС (ГЕЛЬФАНД) А. Л. (1869—1924), меньшевик, член социал-демократической партии Германии, через А. М. Горького оказывал широкую финансовую поддержку партии большевиков и лично Ленину.

- с. 280: ВАННОВСКИЙ Борис Петрович, генерал-лейтенант (1912), начальник 4-й кавалерийской дивизии, в июле—сентябре 1917 г. командующий 1-й армией, генерал от кавалерии.

МАРКОВ Сергей Леонидович (1878—1918), генерал-майор, в 1917 г. начальник штаба Западного, затем Юго-Западного фронтов, участник корниловского мятежа. Арестован, бежал на Дон. В Добровольческой армии командовал 1-м Офицерским полком, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Умер от ран.

- с. 281: ХУТЬЕ (у автора — Гутьер) Отто фон, генерал-лейтенант, в 1914 г. командовал 8-й кавалерийской дивизией, в 1915 г. — 21-м армейским корпусом, с января 1917 г. командующий армейской группой «Д», с апреля — 8-й армией. В 1918 г. генерал от инфантерии, командует 18-й армией.

КИРХБАХ ауф ЛАУТЕРБАХ Карл, барон, австро-венгерский генерал от кавалерии, в 1914—1916 гг. командовал 1-м корпусом, в сентябре—октябре 1916 г. — 7-й армией, с октября 1916 г. — 2-й армией, генерал-полковник, с лета 1917 г. — 4-й армией.

- с. 289: ВИНКЛЕР Арнольд фон, германский генерал-лейтенант, командовал с 1915 г. 4-м резервным корпусом, с лета 1916 г. — 11-й армией, в 1917 г. генерал от инфантерии, командир 1-го армейского корпуса и боевого участка «Злочув».

- с. 291: КРЖИТЕК (у автора — Критек) Карел, австро-венгерский генерал-фельдмаршал-лейтенант. Командовал в 1914—1915 гг. 17-м, с 1916 г. — 10-м корпусом, генерал от инфантерии, с лета 1917 г. генерал-полковник, командующий 3-й армией.

- с. 292: **ЧЕРЕМИСОВ** Владимир Андреевич, генерал-майор (1914), командир бригады 32-й пехотной дивизии (1916), в 1917 г. генерал-лейтенант, командовал 12-м армейским корпусом, в июле — 8-й армией, в августе—сентябре — 9-й армией, в сентябре—ноябре — Северным фронтом.
- с. 298: «...было остановлено и отражено...» — При разгоне мирной демонстрации было убито 56 и ранено 650 человек. **КРЫЛЕНКО** Николай Васильевич (1885—1938), прапорщик, в 1917 г. председатель армейского комитета 11-й армии, с ноября член ВЦИК, главковерх (до марта 1918 г.), председатель Революционного трибунала, в 1922—1931 гг. генеральный прокурор СССР, в 1931—1938 гг. народный комиссар юстиции. Член РСДРП—РКП—ВКП(б) в 1904—1938 гг., член Военно-Революционного Комитета. Расстрелян.
- «...были арестованы...» — Троцкий не был арестован, но сдался властям, «чтобы разделить участь товарищей».
- с. 303: **РОР** Франц фон, барон, генерал от кавалерии австро-венгерской армии, в 1915 г. командовал Каринтийской группой, затем 10-й армией, с 1916 г. генерал-полковник, командующий 11-й армией, с февраля 1917 г. — 1-й армией.
- ФАБИНИ** Леопольд фон, генерал-фельдмаршал-лейтенант, в 1916—1918 гг. командовал 17-м корпусом, с 1918 г. генерал от инфантерии.
- с. 315: **КРЫМОВ** Александр Михайлович, генерал-майор (1914), с 1915 г. начальник Уссурийской конной дивизии, летом 1917 г. командир 3-го кавалерийского корпуса. Убит во время мятежа Корнилова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава XV. МИРОВАЯ ВОЙНА (Продолжение)	5
Глава XVI. БОРЬБА НА КАВКАЗЕ	124
Глава XVII. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ПЕТРОВСКОЙ АРМИИ	164
Глава XVIII. БЕЗ ВЕРЫ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВА	236
Об авторе «ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ»	333
Комментарии	340

Керсновский Антон Антонович

**К41 История русской армии в 4-х томах. Т. 4.—
М.: Голос. 1994.— 368 с., ил.**

ISBN 5-7117-0014-6

ISBN 5-7117-0059-6

В четвертом томе «Истории русской армии» автор продолжает рассказ о последней войне петровской армии — о действиях русских войск на фронтах мировой войны в 1915—1917 годах, анализирует причины поражений когда-то славного войска и пытается по-своему осмыслить события в феврале и октябре 1917 года.

К 4702010000—13
М 800(03)—94 подписное

ББК 1Ф К41

Керсновский Антон Антонович

История русской армии

Том IV

Редактор В. Кошцова

Художественный редактор В. Савченко

Технический редактор В. Томская

Корректор Т. Горячева

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040020 от 6.07.91

Сдано в набор 14.02.94. Подписано в печать 16.06.94. Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 100 000 (1-й завод 1—45 000) экз. Заказ 2083.

Издательство «Голос»: 113184, г. Москва, ул. Пятницкая, 52, стр. 1.

ПП «Современник» Комитета Российской Федерации по печати
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

Зарубежная художественная проза

Жан ДЕЛЮМО

Ужасы на Западе.

Страх, что это такое? Как страх, испытываемый отдельным человеком, проникает в общественное сознание и становится коллективным чувством? Какова питательная почва страха и к каким последствиям приводит страх, овладевший целым обществом людей?

Русская художественная проза

Алексей МЕНЬКОВ

Осенняя соната.

Книгу одного из лучших новеллистов нашего времени составили тонкие, поэтические, завораживающие повествования о любви, о человеческих взаимоотношениях и тайне души, никогда не разгаданной и всегда манящей.

Однако не чуждо А.Менькову и чувство юмора. Но не эстрадного, зачастую бессмысленного, а естественного — народного.

